

Год наслаждения

Теемское аббатство существует! Рабле, как и я, с удовольствием провел бы год в тихой и плодотворной атмосфере, среди изысканного общества, делая все что душе угодно. В Институте перспективных исследований в Принстоне я обрел душевный покой, тепло дружеских отношений, изысканные наслаждения ума. Иногда к ним добавлялись и телесные удовольствия. Надо было лишь остерегаться избытка чесночной соли в блюдах замечательного ресторана и не выказывать слишком явно свое пристрастие к рукотворным благам рая. Меня поймет лишь тот, кто ощущал, как тридцать девять пар глаз направлены на его стакан с вином, в то время как другие тридцать девять стаканов наполнены чистой водой. Так начинаешь понимать, насколько велика сила самоконтроля под гнетом общественных установлений! Стать как все — это радость, во всяком случае, облегчение.

В этом раю для ученых, где богатейшие библиотеки открыты круглые сутки, в том числе и по воскресеньям, работа становится этическим законом, образом жизни, тем, что наследники протестантской культуры считают знаком божественного предназначения. Европейский гедонист ощущает там возбуждение, прилив энергии, работает много и эффективно. Поразительно, как вырастает притягательность самых простых удовольствий, когда ты лишен их. Я ощутил, Принстон — Париж, 2003-2004.

как прекрасны бокал шампанского, кусок пахучего сыра или фуа-гра именно тогда, когда их [мне](#) не хватало. Тогда же я понял, насколько отличается современная «старушка Европа» от этой страны, созданной руками ее жителей. Они сохранили мужское видение мира как поля для соперничества, где остается гораздо меньше, чем у нас, места для сиюминутных радостей. Европа и Америка по-разному относятся к удовольствию, о чем будет сказано в конце этой книги. Но осознать, в чем заключается различие, я смог, лишь глубоко погрузившись в другую культуру. Я помню, как лукаво сказал коллега с философским складом ума, прослушав [мое](#) сообщение об изысканиях в области плотского наслаждения: «Я уже тридцать лет здесь, и впервые слышу, как при всех говорят "трахаться"»...

Я думаю о днях, проведенных в Институте, и [меня](#) охватывает ностальгия. Как часто я ходил по тропинке мимо Фалд-холла, где витал дух Альберта Эйнштейна, здоровался с коллегами и друзьями. Я спорил с ними, обсуждал разные проблемы и разглядывал белок, скачущих по деревьям, вспархивающих птиц. Весной по лесу бегали кролики, в мае с деревьев падали цикады, насекомые выползали из-под земли, чтобы дать потомство и умереть в июле. Я подумал: а испытывают ли все эти создания радость, в том числе радость секса! Я не стал делиться подобными размышлениями с американскими коллегами из боязни, что меня сочтут «типичным французом», испытывающим чрезмерный интерес к тому, чему место в алькове за занавесом.

ВВЕДЕНИЕ

Словом «наслаждение» характеризуют самые разнообразные жизненные явления. Это и чувственные удовольствия, и эстетическое наслаждение, и духовные радости, не говоря об удовольствиях застольных и всех видах опьянения. В древнем Китае, во времена династии Хань, мудрецы называли разными словами действие, направленное на получение удовольствия, состояние, подобное эйфории. Соответственно, они различали три возможные формы наслаждения: немедленное удовлетворение желания; сладостное осознание того, что владеешь определенными благами и богатствами (дворцами, садами, прекрасными лошадьми, красивыми женщинами, роскошной одеждой, изысканными

яствами и винами), и сладострастие, происходящее из размышления над тем, какими путями можно прийти к наслаждению. Иногда в размышлениях выделялся какой-то один вид удовольствия, и экстаз, венчающий путь к этому удовольствию, представлялся тем более насыщенным, чем длиннее был путь, вплоть до пренебрежения в конце пути самим удовольствием. Мудрые учителя составляли для императоров настоящую политику наслаждения: следовало придать всем видам разгула и роскоши такие формы, чтобы они питали энергию государство, семью, саму личность, а не вели их к разврату и падению¹. С точки зрения конфуцианства путь к тому, что на Западе называли «счастьем»², мог считаться завершенным лишь тогда, когда его венчали добродетель и воздержание. Как известно, за двумя зайцами погонишься - ни одного не поймаешь. Мы не ставим задачей этого исследования исчерпать тему наслаждения в культуре. Я решил ограничиться проблемой сексуального наслаждения, тем более что она исследована мало, хотя Мишель Фуко обращался к ней в 1976 году³. Моя точка зрения прямо противоположна: на [мой](#) взгляд, к середине XVI века в нашей культуре утвердилась очень сильная тенденция к подавлению плотских вожделений. (Эта тенденция ослабла лишь с 1960-х годов.) Основополагающее напряжение между индивидуальным «либидо» и коллективными идеалами лежит в основе длительного процесса сублимации, охватывающего весь исторический период, о котором мы говорим. В разные эпохи сублимация рядилась в разные одежды и последовательно скрывалась под разными культурными покровами — то под религиозными, католическими или протестантскими, то под идеями умеренности философов Просвещения; ее необходимость провозглашалась врачами XIX века и связывалась с законами капиталистического рынка. В XVII веке культура заложила фундамент принуждения, на котором держались поочередно то относительная свобода, то ужесточение моральных требований. Для меня чередование циклов свободы и подавления отражает общую картину динамического развития европейской культуры: после того как в общественном сознании происходит какой-либо переворот и привычные устои расшатываются, возникает необходимость преодолеть неустойчивость и вернуться к стабильности. Накопление подспудных и нереализованных желаний в периоды угнетения приводит к борьбе за эмансипацию, а в конце концов к разгулу и разврату. Но, с другой стороны, большое количество людей добровольно или вынужденно подчиняются жестким моральным требованиям и общественной тирании, и это толкает их вперед. Не имея возможности воплотить свои желания в частной жизни, они устремляются в различные сферы общественной активности: становятся рьяными религиозными проповедниками, желают завоевать мир, пытаются реализоваться в художественной или интеллектуальной деятельности, становятся коммерсантами мирового масштаба. Особенность развития европейской культуры имеет немало объяснений. Во многих теориях концепция строится вокруг антагонистической пары «духовность-экономика». Однако опора преимущественно на христианские положения, равно как на законы развития капитализма, кажется мне недостаточной. Размышления над развитием культуры невозможно свести к описанию материальных объектов: ее контуры выявляются, в меньшей степени, и при анализе социальных факторов. Вот почему я хочу предложить более широкое исследование, которое будет опираться на совокупность человеческих взаимоотношений. Исходной точкой [моего](#) анализа является положение о том, что сублимация эротических влечений составляет фундамент и определяет своеобразие нашей культуры со времен Возрождения. Сублимация обуславливается не только нравственными нормами, определенными богословами и властью; в ней присутствует взрывной потенциал скрытой сексуальности, который может оказаться сильнейшим дестабилизирующим фактором, при этом она постоянно приспосабливается к масштабным изменениям общества. Самая явная форма сублимации — сдерживание и порицание разврата, — на мой взгляд, является одним из самых существенных

изобретений современного западного общества. Именно здесь скрыто недостающее звено, позволяющее найти глубинную связь между духовным и материальным, телом и разумом, индивидуальным началом и коллективом. Макс Вебер считал, что возникновение и развитие капитализма непосредственно связано с кальвинистской этикой — в его работах проявилось стремление объяснить дух европейской цивилизации религиозной социологией⁴. Фундаментальные особенности нашей коллективной «фабрики» действительно напрямую зависят от стремления к жесткому контролю над плотскими вожделениями и попыток его переориентации. Вместе с тем, расширяя перспективы, намеченные Вебером, я хотел бы заметить, что в самой матрице нашего общества заложены те силы, что ведут скрытую и упорную работу над ограничением плотских желаний, и объяснять их возникновение одним лишь духом протестантской этики было бы упрощением* Норберт Элиас увидел в динамизме нашего общества стремление использовать личностную сублимацию в интересах всеобщего прогресса, заключенное в рамки «цивилизации нравов»⁵. Его интересуют в первую очередь проблемы происхождения феномена и формирования общественных взаимосвязей. Я бы хотел дополнить его анализ и попытаться обнажить скрытый механизм, благодаря которому вулканическая энергия подавленных чувственных желаний определяет эволюцию общества.

После исследований Фрейда такой подход может показаться слишком очевидным. Однако остается неясным, каким образом и с помощью каких невидимых рычагов обществу удастся направить личные вожделения в нужное русло и, подавляя их, использовать на благо всего коллектива. Таким образом, в мой предмет исследования входит и история сексуального наслаждения, и развитие представлений о человеческом теле — как в ученых теориях, так и в реальном поведении, а также изменение отношения к индивидуальным потребностям человеческой личности от пренебрежения и запретов XVI-XVII веков до современной тенденции к нарциссизму.

Рамки настоящего исследования ограничены пятью веками — от Ренессанса до наших дней: на мой взгляд, это целостный период, где все явления глубоко взаимосвязаны. Я буду вести исследование, сравнивая Англию и Францию. При всей очевидной разнице в культуре и исторически сложившемся соперничестве, продолжавшемся после распада колониальной системы вплоть до недавних времен, и в той, и в другой стране сформировались глубоко укоренившиеся традиции, и в них неожиданно обнаруживается поразительное сходство в отношении к плотскому наслаждению, в частности к оргазму. Одна страна — протестантская, другая — католическая, однако они так долго шли рядом, что я склонен свести к минимуму религиозный фактор в возникновении и утверждении определенных принципов самоконтроля в сексуальной сфере. Этот самоконтроль в конечном счете привел к возникновению «экономии энергии либидо», на которой базируется широкое распространение европейской цивилизации по всему свету после Великих географических открытий. Париж и Лондон, две конкурирующие столицы, стали лабораториями по разработке этой экономии. Наконец, Соединенные Штаты, унаследовавшие, с одной стороны, принципы гордых мятежников Альбиона, а с другой, замороженные еще со времен Лафайета образом француза-соперника, станут для нас третьим предметом исследования. На фоне этой культурной модели особенно заметно сходство между двумя странами Старого Света, отдающими дань наслаждениям жизни, в отличие от суровых нравов Нового Света.

Исследование состоит из четырех частей. В первой я излагаю основные положения теории, на которой базируюсь, и формулирую главные понятия, связанные с развитием плотского наслаждения в Европе за пятьсот лет и с его влиянием на нашу культуру. Христианская доктрина с самого начала стремилась сдерживать раскаленную лаву жизненных инстинктов панцирем предписаний и запретов. Однако лишь с середины XVI века возникает интенсивное нравственное давление светских властей, появляются новые законы, на которые опираются и католики, и протестанты. Отныне человек испытывает

непреходящее чувство вины за любой проступок, оскорбляющий приличия, ему внушается, что необходимо сохранять постоянный самоконтроль в сексуальной сфере. Плотские утехы допустимы только в законном браке, да и то в очень скромном виде; все прочие формы половой жизни клеймятся позором. Разумеется, подобное замораживание живых людей было осуществимо только в теориях моралистов, а не в реальной жизни. Но оно создавало внутреннюю напряженность в душах тех, кто пытался обуздать или сдержать свои желания, стремясь соблюдать требования церкви и монархического законодательства.

Однако жизненная энергия, введенная в строгое русло, часто находила выход в борьбе за высокие общественные идеалы. Мишель Фуко с негодованием пишет о том, как росло в обществе стремление контролировать жизнь тела и души, однако у этого стремления были и неожиданные позитивные последствия, так как сдерживаемая энергия накапливалась и в какой-то момент позволяла обществу воспользоваться ею. Кроме того, подспудно, поколение за поколением, формировалось представление о том, что удовольствие неразрывно связано со страданием, иногда сюда добавлялась жажда разрушения. Невысказанные эротические желания стали двигателем человеческой деятельности: из них произошла личностная неудовлетворенность, которая оказалась созидательной, а не разрушительной и породила постоянное колебание общества между фазами свободы и ограничения. Порок и добродетель без устали сменяют друг друга, поочередно выходя на первый план в том или ином веке, десятилетии или историческом периоде. Это чередование продолжалось вплоть до 60-х годов XX века, когда на первый план общественной жизни вышли женская сексуальная эмансипация и всеобщее стремление стать счастливым немедленно; можно сказать, что они принесли с собой существенные изменения, если не революцию в общественном сознании.

Вторая, третья и четвертая части книги последовательно описывают основные этапы восприятия наслаждения в общественном сознании начиная с эпохи Возрождения. В XVI-XVII веках наслаждение неотделимо от боли, страдания или бунта. Это связано не только с древними христианскими представлениями о том, что угнетение плоти ведет к спасению души. На старую традицию накладываются новые установления власти. Отныне государство хочет следить за тем, насколько ему повинуются подданные. В городах рождаются новые капиталистические отношения, и ради блага экономики возникает необходимость в упорядочении всех сфер жизни. Роль личности возрастает, но, столкнувшись с необходимостью самостоятельно обеспечивать свое существование, человек равным образом испытывает вину перед Богом, королем и представителями власти. То, что под запретом } отождествляется с наслаждением и грехом и оставляет неизгладимый отпечаток в душах. Нарушителей установлений неотвратимо ждет суровое наказание, некоторых из них, злоупотребивших радостями плотской любви, публично сжигают на кострах в назидание прочим. Воспоминания о кострах были живы в душах западноевропейцев вплоть до бунтов «шестидесятников» прошлого века, но можно ли утверждать, что и в наш век эпикурейства мы полностью свободны от этих воспоминаний?

С 1700 по 1960 год идут друг за другом два цикла поочередной смены вольности нравов и пуританской строгости. Век Просвещения пролил новый свет на эротизм и его роль в жизни человека и вызвал поток порнографических сочинений; Между 1800 и 1960 годами викторианские нравы налагают покровы на все, предписывают скрывать грудь и прочие части тела, созерцание которых объявляется бесстыдным. Медицина XIX века берет в свои руки власть над половой жизнью человека и передает эту власть взрослым женатым мужчинам. Врачи утверждают, что добродетельные жены фригидны по своей природе. Тем самым в обществе провозглашается двойной нравственный стандарт: мужчины могут без угрызений совести посещать проститутку, ибо только с ними дозволено получать наслаждение от любви. Одновременно медицина проповедует необходимость сдерживания желаний, особенно для юношей: мастурбацию объявляют столь же опасной,

как и венерические заболевания ф и то и другое может привести к фатальным последствиям. Все то же представление о нерасторжимости страдания и наслаждения облачается в одежды научного знания.

В 1960-е годы старые представления остаются на прежних позициях в Соединённых Штатах, в то время как в Европе начинают торжествовать гедонистические устремления. В Старом Свете принципиально меняются воззрения, связанные с плотской любовью. Общественные и естественные науки без устали говорят обо всем, что связано с половой жизнью человека и что совсем недавно вызывало смущение. Вот уже несколько десятилетий ученые с маниакальным упорством изучают сексуальное поведение, проводят опросы и учат говорить без тени робости о том, что еще недавно составляло неназы-ваемую, таинственную и сакральную сферу жизни.

Традиционное равновесие коренилось в утверждении о постыдности тела и чувственности, но вот на сцену вышло новое, доселе неслыханное понятие — женский оргазм, которое существенно поколебало все старые представления, и последствия этих сдвигов еще скажут-ся в будущем. В нашем мире основой общественного договора был супружеский союз, но теперь, когда стало очевидно, что оба пола равноправны в нем, суть и место супружеского союза в общественной жизни неотвратимо меняется. А тем временем появляется и третье действующее лицо — однополая любовь, которая тоже заявляет во всеуслышание о своих правах.

Робер Мюшембле. Оргазм, или Любовные утехи на Западе

Таким образом, заколебалось все здание общественных устоев, и в это время восторжествовала концепция ухода в себя и крайнего эгоизма.

В заключительной части я размышляю о том, какие изменения в общественном сознании увлекли Европу к поискам радости жизни, в то время как в Соединенных Штатах культивируется идеал традиционных семейных ценностей и ностальгия по традиционному сексуальному идеалу, некогда закреплённым репрессивными мерами; отсюда проистекает и особая настороженность по отношению к соблазнам.

Последнее вызывает особый интерес. На мировой арене происходят потрясения и перевороты, которые настойчиво требуют изменить традиционную европейскую модель половых отношений. Таким образом, скрещиваются интересы традиционной семейной пары и требования, предъявляемые современной жизнью. Многочисленные сочинения и предписания для сексуальных партнеров настоятельно советуют различать собственные половые импульсы, направленные на получение удовольствия, и желание иметь детей.

В своем исследовании я хотел бы предложить расширенную историю культуры, опираясь также на результаты исследований в других научных дисциплинах, чутких к требованиям нашего времени. Скрещение различных взглядов и точек зрения оказалось необходимым для того, чтобы дать современный ответ на древний вопрос: что такое наслаждение и для чего оно нужно?

Часть первая ОРГАЗМ НА ЗАПАДЕ

Человеческое существо не может жить в одиночестве. Человек -стадное животное, и первобытные люди, как и те, кто в начале третьего тысячелетия более всего ценит радости жизни, нуждаются в помощи других и чтобы жить, и чтобы умереть. Историческая наука ставит своей задачей анализ взаимосвязей в человеческом коллективе, а также пытается понять, почему то или иное сообщество держится и не распадается, приспособившись к новым условиям быстротекущего времени.

В этой книге история человеческого общества рассматривается с точки зрения телесного удовольствия. Выбор такого угла зрения может показаться парадоксальным, тем более что сам предмет может быть описан лишь приблизительно и расплывчато¹. Однако каждая цивилизация стремится определить свое отношение к естественным проявлениям человеческой сущности — к телу и сексуальной сфере жизни, которые и позволяют Субъекту обрести идентичность и строить взаимоотношения с другими членами коллектива. Телесная оболочка держит личность в плену плотских удовольствий, но она

же определяет личность как единицу коллектива, она — объект любой политики, она — частица необъятной территории символов и знаков. Многочисленные предписания и запреты, связанные с телесной деятельностью человека, вводят каждую личность в те или иные рамки, определяют место в коллективе, независимо от того, стремится человек их исполнять или нарушать.

Со времен эпохи Возрождения особенно обострились поиски ответа на великий вопрос, вот уже два тысячелетия терзающий западную цивилизацию: какова взаимосвязь между индивидуальностью и коллективом? Каким тайным образом они соединены? Что за особое свойство позволило гомо сапиенс пойти дальше всех форм животных сообществ, в том числе сообщества приматов, с которыми у него, как утверждают биологи, так много родственных черт?

В этой книге рассматривается длительный исторический период — от открытий Христофора Колумба до начала XXI века. Именно в это время Западная Европа распространила свои ценности по всему земному шару. «Животное-властелин» превратилось за пять столетий в колонизатора-империалиста². Во многом его могущество основано на неуловимой, но действенной способности распоряжаться будущим. На Западе появились не только различные технические и экономические усовершенствования, но и такие идеалы и представления, которые позволили наполнить смыслом человеческое существование. Из поколения в поколение, из века в век создается и уплотняется полотно общественных установлений, а перевороты и новшества разного толка постоянно пытаются его растянуть и проредить* Медленно и постепенно уходили в прошлое старые христианские представления о противопоставлении тела и души, и в наши дни отзвуки этих представлений еще порой возникают Но современное общество склонно видеть скорее взаимодействие между мыслящим существом и реальной сферой его деятельности; этому способствовали век Просвещения и установление прав человека, марксизм, либерализм и т. д. Перемены во взглядах на взаимоотношение души и материальной реальности начались еще с Декарта, приобрели особый размах у Ньютона и стали называться «современными научными представлениями», «верой в прогресс», «устремленностью к счастью человечества». В конечном счете речь шла о том, чтобы порвать с тягостным представлением о мире, где все правила жизни установлены раз и навсегда, где в великой Божественной Книге уже определены все грядущие события — от Сотворения мира до Апокалипсиса, а земная жизнь имеет лишь один смысл — дать возможность заслужить спасение души после смерти.

В XVI—XVII веках наслаждение — недозволенная вещь. Личность помещена в строгие рамки, созданные как равными по положению, так и разного рода опекунами, которые строго следят за тем, чтобы у человека не возникло искушения заглянуть в самого себя. В XVIII—XIX веках появляются различные системы, объясняющие поступки и свойства человека, а с ними возникает и право получать плотское удовольствие без страха перед законом или преисподней. Более того, появляется право открыто обсуждать половую сторону жизни. Роль таких обсуждений все возрастает; разговор об эротике становится одновременно разговором о человеке, о его желаниях — дозволенных или запретных и о том, какое место уделяет данное сообщество сексуальной сфере, что в свою очередь связано с системой ценностей и главенствующих целей сообщества. Об эротике и сексе пишут все больше, что не означает еще свободу от ограничений, но говорит о том, что между неизгладимым отпечатком старых запретов и новыми потребностями в свободе возникло глубокое и плодотворное противоречие. Свою лепту вносит Фрейд, подчеркнувший двойственность человеческого «я», устремленного в разные стороны инстинктом продолжения жизни и инстинктам смерти, к Эросу и к Танатосу. Можно сказать, что с 1960-х годов Европа пережила нечто вроде революции сладострастия. Вот краткий набросок того, чему будет посвящено мое исследование. Попутно речь будет идти и об открытии наук о человеке, верных спутниц развития западной культуры. Без истории развития этих наук нельзя понять, каким образом

Личность вышла на авансцену культуры как новый герой, Нельзя сказать, что этот герой разорвал все привязанности и обязательства перед другими, — речь идет о том, что общество настойчиво предлагало ему лучше познать самого себя, свои собственные потребности и желания, а вместе с ними и четко осознать меру своей собственной ответственности перед другими. Наслаждение как маленький светильник позволяет различить нить Ариадны и, следуя за ней, углубиться в лабиринт наших изначальных устремлений. Сделать это следует именно сейчас, так как Европа столкнулась с как никогда сильным сопротивлением, с системами ценностей других регионов, чье влияние все возрастает в мире. В переломные моменты по трещинам и изломам скрытый смысл становится виднее, чем в пору твердых и непоколебимых убеждений.

НАСЛАЖДЕНИЕ, НАЗВАННОЕ ПЛОТСКИМ

Физическое наслаждение соединяет существо со всем миром. Прежде всего надо попытаться понять, какое место занимает в западной культуре личность в соотношении с удовольствием. Христианские богословы и Фрейд опираются на разные теории и используют разную терминологию, однако они сходятся в том, что человеческая сущность основана на непримиримом противопоставлении двух начал. Если первые говорят о теле и душе, то Фрейд выделяет стремление к жизни и стремление к смерти и при этом переворачивает основополагающий дуализм, заявляя, что сексуальность одновременно связана с инстинктом продолжения рода и содержит скрытый заряд саморазрушения человека. У теологов и у Фрейда собственно радостям плоти выделено достаточно ограниченное пространство. Лишь в последней трети XX века расцвели теории, говорящие о пользе оргазма и о значительности его места в нашей культуре.

Медленное и беспорядочное постижение сути и роли личности оказывается той золотой нитью, что дает возможность проследить за переменами в сознании. Понятие сублимации, вызванной сексуальным угнетением, стало невидимым двигателем того подспудного движения, что вышло на поверхность с 1960-х годов.

РОЖДЕНИЕ ПОНЯТИЯ ЛИЧНОСТИ

Понятие Субъекта давно было предметом споров западных историков. Однако среди них лишь немногие говорят о возникновении понятия до XII века¹. Но тогда оно было скорее «коллективным предприятием», направленным на то, чтобы во славу Господа переделать своего соседа и, совершенствуя каждого, прийти к нравственному совершенству всего коллектива².

Ренессанс или капитализм?

Для большинства исследователей поворот произошел в XVI веке или, по крайней мере, в итальянском кватроченто. Однако многие яростно оспаривают такое мнение. Якоб Буркхардт, например, считал, что средневековый человек был способен осознавать себя как личность лишь в качестве целого — расы, народа, семьи, сообщества, в то время как человек Ренессанса в духовной сфере стал настоящей личностью, осознающей собственную идентичность³. Процесс этот шел по преимуществу в высших слоях общества, в интеллектуальной и художественной среде.

По аналогии с идеями Карла Маркса, выявившего товарные истоки капитализма, Макс Вебер отталкивается от материальных предпосылок, чтобы увидеть, как возникают новые религиозные концепции общества, в котором значительное место отводится человеку нового типа⁴. По его мнению, решительный поворот произошел в XVI веке на северо-западе континента, а именно в Англии, где развилась система товарно-денежных отношений, сломавшая традиционную аграрную систему Средневековья. Он не отрицает, что денежное обогащение существовало и в Китае, и в Индии, и в христианских странах предыдущих веков. Однако на Западе оно обрело особое значение, определило возможность неограниченного накопления и стало характерной чертой современной западной культуры. Устремленность к неограниченному накоплению появляется к концу XV века; чуть позже его роль укрепляется идеями кальвинистов и особенно английских пуритан. По мнению Макса Вебера, из учения Кальвина о предопределении вытекает

особая протестантская этика труца, которая утверждает «аскетизм в миру» в противоположность жизни в наслаждении и роскоши. Этика труда и способствует рождению «личности» в формальном психологическом смысле этого термина. Развитие европейской культуры идет за пуританской мыслью, а упадок идеи корпоративной общности и верности идеям коллектива последовательно приводит к разделению частных интересов и стремления к выгоде, а потом и к выдвиганию Субъекта. Согласно учению о предопределении, человек не может быть уверен в том, что Господь обязательно спасет его, и поэтому стремится искать знаки божественного расположения. Преуспевание в различных областях жизни, таким образом, может быть доказательством того, что человеку уготовано вечное блаженство после смерти⁵. Идеи Вебера, как это бывает со всеми творческими и необычными идеями, вызвали множество откликов; потоки чернил полились, чтобы их поддержать или опровергнуть. В теории Вебера очень четко отразилось время ее создания — конец XIX века, когда истоки любого явления пытались увидеть в экономике. Плодог творность веберовской теории объяснялась тем, что он связал экономический аспект с обширным анализом ре-Робер Мюшембле. Оргазм, или Любовные утехи на Западе лигиозных идей, и его исследование оказалось близко к тому, что в современной науке называется историей культуры.

Личность и разрушение

Теперь следует условиться о смысле терминов. Лия* ность, индивид, «я», self-за, каждым из этих слов тянется груз скрытых смыслов, и каждый век наращивает собственные пласты в их понимании. В XVI-XVII веках, наоборот, термины еще не были сформулированы. i

I Понятие личности в это время рассматривается только в двух контекстах, каждый* из которых имеет свои четко очерченные*границы. Первый — в соотношении с кругом, к которому личность принадлежит, определяя свою идентичность внутри семьи, среди друзей, соседей и пр. В духовных автобиографиях рассказывается не о том, как человек познал собственное «я», но о его благочестивом пути, представляющем образец для других. Другой способ самовыражения — нарушение традиции, размышление над тем, насколько состоятельны существующие моральные и религиозные обязательства. Первый способ самовыражения оставил много свидетельств, следы второго различимы в деятельности тех немногих людей того времени, кто О'МОг и владеть*пером, и отойти от магистрального пути принятых в обществе норм. Во Франции лишь несколько человек сумели преодолеть запрет, существующий в христианской культуре, и заговорить о себе, вместо того чтобы непрестанно думать о Боге. Среди них несколько мужчин и еще меньше женщин — все они, как правило, пережили крушение своих надежд и чаяний. Назовем Монтеня — автора вне какихлибо классификаций, Брантома — автора «Галантных дам», упавшего с лошади и*ставшего затем калекой* Маршал Монлюк был ранен, обезображен и впал в немилость. Агриппа д'Обинье, ярый⁴ гугенот, добровольно удалился в изгнание в Женеву: он не мог видеть, как его повелитель Генрих IV заключил мир с католиками. Наконец, супруга Иенриха IV Маргарита* Валуа, известная как королева Марго, отвергнутая мужем, преследуемая своим братом, Иенрихом III, разочаровавшаяся во всем, решила написать потомкам о своей жизни, какой она представлялась ей» мечтах.

Были и другие, не столь яркие, но жившие не как все, а своим особенным образом, в частности женщины с их страстными увлечениями, свидетельства о которых сохранились в юридических архивах⁶. Однако открыто говорить о собственных ощущениях было не принято. Агриппа д'Обинье не употребляет местоимение «я» в книге «Жизнеописание Агриппы д'Обинье, написанное им самим для его детей». Установления и существующие нормы поведения запрещали творцу заявлять о своей независимости или вынуждали его очень дорого расплачиваться за нее.

Вопреки мнению Буркхардта, в XVI веке человек еще не обрел подлинной независимости. Личная, интимная сторона жизни могла рассматриваться лишь в осознанной взаимосвязи с той группой, к которой человек принадлежал, и протекала под надзором власти⁷.

Женщины сталкиваются с дополнительными трудностями в борьбе за то, — чтобы их права и непохожесть на других были признаны. Особенно трудно тем, кто беден и слаб: на них давят и традиционные религиозные обязательства, и патриархальные семейные отношения⁸.

Другими словами, индивид и индивидуализм — это не одно и то же. Первое понятие обозначает явление, которое несомненно существует в любом человеческом обществе. Второе обозначает отличительную черту общества, возникшую недавно и связанную с развитием западной культуры. Почти одновременно появляются соответствующие термины на английском (около 1820 года) и французском (ближе к 1833 году) языках⁹. В терминах скрыт тот смысл, над постижением которого думают лучшие умы XIX века, потому что, как кажется, за ним стоит необъятная проблема, решение которой могло бы объяснить, как развивается европейская культура в целом. Но, чтобы подступить к решению, следовало сломать мощные табу, установившиеся со второй половины XVI века. Эти табу, правда, не запрещали освещать до определенной степени внутренний мир личности; более того, заглянув внутрь себя, можно было увидеть свое отличие от всех проклятых и осужденных, живущих не по правилам.

Вплоть до XVIII века представление о противоборстве души и тела мешало изучению внутренней жизни человека: все, что скрыто внутри, слишком близко к понятию греха¹⁰. Самопознание предполагает возможность рассматривать волнения, страсти, наслаждения и боль — все то, что истинно верующий стремится контролировать и сдерживать, дабы заслужить спасение души. Тело губительно, оно — темница души, оно приближает самого благочестивого человека к животному. Эти воззрения изменились только с приходом философов века Просвещения и с развитием естественных наук.

Оболочки «я»

Попыток понять и смыслить, что такое Субъект, было множество; нас интересуют в первую очередь те, что связывают самопознание человека с развитием западной культуры и с медленным, часто болезненным процессом высвобождения личности из тисков коллектива, что происходило между XVI и XVIII веками¹¹. Одно из самых обширных и плодотворных исследований в этой области принадлежит немецкому, социологу Норберту Элиасу, который незадолго до Второй мировой войны создал мощную теорию «процесса цивилизации». Он считает, что в эпоху Возрождения начался длинный путь совместного развития европейской культуры и движения к индивидуализации личности. При Людовике XIV жизнь в Версале вынуждала знатных воинов сдерживать свою агрессивность, которая в прежние времена ничем не контролировалась, и направлять ее исключительно на службу королю и на защиту государства. Центральный аргумент Элиаса — существование взаимосвязи между общим стремлением к прогрессу и развитием государства, в частности городов, что выражается в необходимости самоконтроля со стороны всех заинтересованных лиц. Грубое насилие, в том числе сексуальное, во взаимоотношениях разных социальных слоев постепенно отступает на второй план* создается возможность межсословного контакта, а монополия на насилие целиком отходит к государству¹².

Элиасу великолепно удалось уловить объединяющие аспекты той сублимации, что Фрейд наблюдал у каждого пациента. Однако, хотя инструментом анализа у Элиаса и является нечто, эквивалентное фрейдовским «Суперэго» и «Оно», немецкого социолога совершенно не интересует «Эго» в том виде, в каком его описывает венский психоаналитик. Элиаса интересуют в первую очередь те способы, благодаря которым среди членов той или иной группы людей распределяются объединяющие их ценности, автоматически диктующие дальнейшее поведение членов группы. Он не обращается ни к проблемам «коше» ретных реальностей существования, ни к неминуемому разрыву между

заданной нормой поведения и реальными потребностями и желаниями индивида. О сексуальности он говорит очень кратко, лишь для того чтобы показать, что она отодвинута на задний план жизни общества «в ходе процессов, аналогичных тем, о которых мы говорили подробно, анализируя другие импульсивные проявления»¹³. Он предпочитает разворачивать свою аргументацию, обращаясь к изменению поведения в сфере насилия, непристойности и скатологических проявлений, причем опирается на правила поведения, изложенные в двух книгах, появившихся почти в одно и то же время, — «Придворный» Кастильоне (1528) и «О приличном поведении детей» Эразма Роттердамского (1530).

Элиас обращается к анализу заданных норм поведения высших слоев европейского общества; его не интересует ни реально существовавшая практика, ни отголоски былых норм поведения — все то, что требовало бы долгой и кропотливой работы с информаторами. Соответственно, из его работ не слишком ясно, в чем же проявляется то сближение правил и возможностей, о возникновении которого он говорит. «Я» таит в себе ловушки, не случайно оно появляется в эпоху Возрождения и развивается начиная со второй половины XVI века, когда в религиозных конфликтах и у католиков, и у протестантов восторжествовала незыблемая леденящая мораль. Нормы это морали заклеями позором всякое проявление сексуальности, а строгие хранители нравственности отныне отказались публично обсуждать проблемы пола, пытаясь хотя бы таким образом обуздать эротические устремления человека. Последующее поколение укрылось покровом норм, сотканным еще плотнее, чем раньше.

Над субъектом

Может ли человек достичь абсолютной цельности и самодостаточности? XX век пошел по пути создания культа самолюбования — об этом говорят со всех сторон, даже точные науки это подтверждают¹⁴. В какой-то степени в этом виноват Фрейд: он всячески стремился порвать с традиционным западным противопоставлением тела и души, чтобы дать место «вытесненному». В его концепции разграничивается «Эго-тело» и «Супер-эго», Идеал и Эго, связанное с эдиповым комплексом и отделенное от глубинного «Оно». Он поясняет: «Мы считаем, что индивид — это глубинное и бессознательное "Оно", скрытое на поверхности "Эго" [...] Добавим, что "Эго**" укрывает "Оно" не полностью [...]. "Эго" нельзя отделить от "Оно", оно сливается с ним в своей нижней части. Но и вытесненное тоже сливается с "Оно", является его частью. Вытесненное отделяется от "Эго" только вследствие усилий, направленных на вытеснение, а через "Оно" вытесненное и "Эго" могут сообщаться¹⁵». С его точки зрения, наслаждение тесно связано с Эго «*изначальным и подлинным вместилищем libido, откуда оно направляется к объекту**». Фрейд противопоставляет «импульсы Эго», ведущие к смерти, сексуальным импульсам, направленным на продолжение жизни. Однако некоторые из сексуальных импульсов действуют и в области Эго, а наслаждение, как замечает он дальше, может в реальности служить импульсом к смерти¹⁶. Игрок, пропускающий ход, провоцирует других. Фрейд, по его собственному признанию, создал новую мифологию. Он отказался противопоставлять душу и тело, но подспудно, как мне кажется, ввел новую оппозицию, определил новую дуальность и существование двух антагонистических устремлений: тягу к смерти и тягу к жизни.

Он определил существование великого разлома в цельности Субъекта, но сам порой сомневался, насколько это верно. Он был гениальным новатором, но и частью определенной культурной среды, поэтому не мог полностью осмыслить свои положения вне категорий добра и зла. основополагающие работы Фрейда, в которых он говорит о двух противоположных типах импульсов, продолжают в обновленном виде христианскую доктрину о Грехопадении, первородном грехе, скрытых дурных желаниях, бренности плоти и необходимости сдерживать страсти. Философы Просвещения оптимистично верили в бесконечный прогресс цивилизации, Фрейд, наоборот, видит человека как существо, всегда пребывающее в кризисе. Этот кризис, усиленный тоской по второй

половине изначального неразделенного существа, — об этом говорил еще Платон в мифе об Андроги-не — приводит к созданию теории гения как человека, в котором кризис протекает особенно мучительно и неизбежно приводит к болезни или исчезновению (как в произведениях «Смерть в Венеции» (1912) и «Доктор Фаустус» (1947) Томаса Манна¹⁷). Понятие вытесненного скрывает множество смыслов, и Фрейд предлагает символический ключ к нему. Он считает, что у каждого человека есть агрессивные и сексуальные инстинкты. Бессознательно именно они определяют те или иные поступки; но могут быть подавлены, сублимированы при помощи Супер-эго, вводящего в сознание основные ценности и модели поведения, унаследованные от родителей. Сам процесс сублимации происходит болезненно, так как он заставляет в угоду обществу и самоконтролю жертвовать теми удовольствиями, что испытывали наши дикие предки, но от которых пришлось отказаться ради безопасности существования¹⁸.

В наше время существует идеализация личности, Субъект часто ставится превыше всего, и на этой основе иногда возникает представление о возможной цельности личности. Однако самые разные общественные силы и нравственные предписания, внушаемые, в частности, средствами массовой информации, оставляют личности весьма малое поле для независимости. В наше время, как никогда ранее, личность изучают, формируют ее вкусы, заботятся о ней и вводят в определенные рамки. Кроме того, в последние десятилетия XX века в интеллектуальной жизни Соединенных Штатов обнаружился некий значительный психологический феномен сродни нарциссизму. Речь идет о «трагическом человеке», которого преследует страх потерять собственную целостность⁹. Так христианское представление о двойственности человеческого существа, некогда изгнанное в дверь в Вене, вернулось через окно в Соединенных Штатах. Теперь личность изломана, измучена отчаянием и осознанием невозможности полной самореализации. Ей не хватает ощущения, что внутри нее находится цельное изначально существовавшее ядро; в качестве компенсации человек начинает воспринимать себя как «великое существо». Основную причину раздвоенности человека следует искать в унылом и монотонном механизме передачи жизненных ценностей от отцов к детям. Критический заряд этой концепции направлен против традиционного для американской культуры сожаления об утрате патриархальных традиций и свидетельствует о скрытых внутри этой культуры недугах²⁰. Представление о личности как о биполярном явлении, возможно, отражает все то же христианское противопоставление души и тела, и не случайно оно стало так популярно именно в Соединенных Штатах, где библейское наследие имеет гораздо большее влияние на духовную жизнь общества, чем в «старушке Европе».

Итак, вот уже пять столетий, как изобретено понятие «я» — торговая марка нашей идентичности. Оно определяется в оппозиции к «мы», и полнее всего эта оппозиция осознается во взаимоотношениях личности и общества в том виде, в каком они сложились в западной культуре. Какое же место занимает в этом плане так называемое «плотское наслаждение»?

СЕКС — это ВСЕ?

Секс — ничто. Именно такая точка зрения достаточно долго господствовала в западной культуре. Необходимость сдерживать телесные желания провозглашалась и в средние века в соборах поборниками Божьих заветов, и радателями нравственности в викторианской Англии, и во Франции до майских событий 1968 года. Мишель Фуко, знаменитый борец против любого ограничения свободомыслия, одним из первых снял запрет с этой темы. Он открыл широкие перспективы для обсуждения сексуальной стороны жизни в первом томе своей «Истории сексуальности», озаглавленном «Воля к знанию»²¹. Его блестящее исследование основано на «гипотезе подавления», определяющей все исследования в этой области.

Однако в работе Фуко есть некоторая огорчающая неполнота: его концепция безоговорочно верна по отношению к XVIII-XIX векам, но никак не приложима ни к предшествующей эпохе, ни к явлениям второй половины XX века. Фуко обрисовывает

контуры модели, возникшей по преимуществу в густонаселенных больших городах — Париже, Лондоне — около 1700 года. Именно тогда в существовании этих городов произошли значительные перемены и возникла необходимость упорядочить половую жизнь взрослых мужчин, все более и более укрепляя семейные узы. Однако ситуация совершенно изменилась к 1960-м годам под влиянием феминисток и гомосексуалистов. Ситуация была иной и до 1700 года. Несомненно, подавление сексуальности существовало и в XV-XVI веках, но оно диктовалось не теоретическими положениями далеких авторитетов, а стыдом перед соседями и местными обычаями.

Выводы Фуко (иногда несколько запутанные) переносят акцент с реалий плотской жизни на высказывания о ней. Фуко показывает, что проблема состояла не в том, что о плотской жизни молчали; наоборот, постоянные разглагольствования на эту тему привели к тому, что секс стал восприниматься как главная тайна, «основа всего»²². Философ часто употребляет слово «козырь» (enjeu), подчеркивая тем самым, что в этой области между государством и личностью установились совершенно особые отношения, в частности там, где речь идет о школьниках или подростках. Фуко задается вопросом, что связывает власть и плотское наслаждение, и неоднократно выделяет свою центральную идею: в XVIII веке рождается «биовласть», которая подспудно вырабатывает представление о том, как сочетаются «индивидуальное тело» и «соци-

альные группы», а сексуальность становится основной мишенью²³. С некоторой осторожностью Фуко выдвигает гипотезу, согласно которой биовласть представляет необходимую силу для развития капитализма, оформляет и упорядочивает сексуальность так, что та становится выгодна экономически и служит интересам политически консервативных сил²⁴. Однако он не поднимает вопрос о взаимосвязи между экспансией западных ценностей и умением контролировать плотские импульсы каждого человека. В последующих томах Фуко кардинально изменил план задуманной серии исследований. Первоначально он намеревался сконцентрировать внимание на развитии Европы от средних веков и далее, однако два следующих тома, вышедших в 1984 году, — году смерти философа — посвящены Древней Греции и Риму²⁵.

Одним из самых увлекательных наблюдений издания 1976 года было описание того, как развивается представление о сексе как о «высшей тайне», которую поначалу доверяют только исповеднику, потом — психоаналитику, а потом она парадоксальным образом становится самым расхожим сюжетом разнообразных писаний и сочинений. Не менее продуктивным предстает замечание о том, что невозможно четко расчлнить начало и конец цикла подавления сексуальности²⁶. Основной вклад книги состоит в том, что автор предлагает 4 парадигмы подавления сексуальности. Это «истеризация» женского тела, осуществлявшаяся медициной; половое воспитание детей, при котором акцент делается на опасностях секса и описываются, в частности, пагубные последствия онанизма; социализация деторождения и внушение семейным парам чувства особой ответственности перед обществом; наконец, это «психиатризация» извращенных наклонностей и удовольствий, проявляющаяся в стремлении выявлять и лечить патологии²⁷.

Эти парадигмы легко распознаются в том историческом периоде, который стоит в центре исследования Фуко, — XVIII-XIX столетия. Однако они не столь характерны ни для предшествующего, ни для последующего периода. В книге Фуко сквозная линия развития от Возрождения до наших дней мне видится только в описании последовательного сокрытия сексуальности в глубине «я», причем в том виде, в каком оно представлено в рассуждениях и теоретических трактатах на эту тему, а не в реальном сексуальном поведении людей. При попытках анализа этого реального поведения неизбежны лакуны и разрывы.

Три периода сексуальности

И биология, и антропология, и этнография, и дисциплины, изучающие строение нервной системы, говорят сегодня о том, что человек, как и прочие животные существа, озабочен проблемой сохранения вида, и сексуальность — одна из основных форм решения этой

проблемы. Однако только нашему виду доступна сублимация. По теории Фрейда, сублимация нужна не только для того, чтобы избавиться от чрезмерного возбуждения, — она является «одним из источников творческого вдохновения»²⁸. На мой взгляд, в ней скрыт подлинный двигатель развития европейской культуры, основанной вот уже пять столетий на мощной силе сексуального подавления. Это подавление выходит далеко за рамки христианской морали. Христианская мораль всего лишь дала возможность упорядочить жизнь в обществе, раздираемом конфликтами; позже фрейдизм помог индустриальному буржуазному обществу найти не религиозный, а светский выход и использовать энергию либидо в интересах накопления капитала. И в одежды религиозных предписаний, и в одежды психоанализа рядилась одна и та же идея о необходимости строгого самоконтроля над произвольными импульсами ценой боли, страданий и страхов, но во благо всего коллектива. Быть может, мы до сих пор, так или иначе, находимся во власти былого стремлений к аскетическому поведению, которое позволило западному миру направить в созидательное русло разрушительную по сути силу человеческой похоти.

Истоки следует искать в далеком прошлом. Первые христианские монахи жили в абсолютном воздержании и безбрачии и призывали к тому же священников-мирян. Однако лишь после Тридентского собора 1563 года строжайшие требования распространились на всех клириков без исключения. Ранее некоторые из них могли позволить себе пойти на поводу у своих желаний. Однако столбовой дорогой европейской цивилизации ограничительная мораль стала лишь после того, как была воспринята светской частью общества и начала активно внедряться в самые широкие слои населения. В эпоху Возрождения христианские моралисты в своих трактатах выступают против сладострастия как такового. Они предписывают, в идеале, мужчинам и особенно женщинам полный отказ от требований плоти и уход в монастырь. Однако реальность расходилась с нравоучительными сочинениями. Католическая церковь того времени видела в браке единственный выход для тех, кто не может противиться искушению и не желает быть навеки проклят. В действительности же церковные власти на местах придерживались некоторого негласного договора с прихожанами и следили лишь за тем, чтобы никто не выходил за рамки дозволенного. Это позволяло соблюдать определенное равновесие в обществе²⁹. Хотя физические сношения вне супружеской постели или без согласия со стороны старших родственников-мужчин могли сделать соблазнитель объектом кровавой мести, сексуальность проявлялась достаточно свободно. Свидетельство тому — множество незаконнорожденных детей, ну а в придворной среде и королевской семье сексуальное вожделение вообще никак не сдерживалось³⁰. С середины XVI и до конца следующего века происходят коренные изменения. Мощная тенденция к подавлению сексуальности утверждается и в законах, и в нравственных предписаниях самым наглядным образом. И церковь, и государственные органы хотят отныне контролировать не только духовную, но и телесную жизнь подданных. Особенно сильно подавление происходит в городской среде, где всячески пропагандируется и религиозное самоотречение, и умеренность во всем в противовес развратной придворной аристократии, склонной к необузданности и роскоши. Происходит нечто вроде коллективной сублимации, основанной на индивидуальном вытеснении. Этот процесс, на мой взгляд, способствует динамичной экспансии европейской цивилизации по всему миру. Особенно ярко он проявляется в странах-колонизаторах, таких как Франция и Англия.

В следующий период, с 1700 и примерно до 1960 года, происходит подспудная переориентация сексуальности, русло которой определяют парадигмы, обозначенные Фуко. В это же время наблюдаются сложные изменения во взаимоотношениях мужчин и женщин, а также появляется «третий пол» — гомосексуалисты. В целом этот долгий период начинается с эпикурейских настроений XVIII века и отказа от моральных догм

предшествующей эпохи, но за свободой приходит время строгих нравственных ограничений, которое длится вплоть до перелома 1960-х годов.

В 1960-е годы происходит решительный поворот или, как считают некоторые, только толчок к будущему освобождению. Так или иначе, и в Европе, и в Америке утверждается новая модель наслаждения жизнью. Понятие чувственности существенно переосмысливается, что связано с утверждением права на индивидуальное эротическое поведение, а также с признанием особой сексуальной независимости женщин и прав гомосексуалистов. Новая сексуальность восстает против прежних и существующих пуританских норм поведения.

Семья и плоть

Как регулируются в человеческом сообществе инстинкты и вожделения? В западном обществе эта роль возложена на семейные узы под надзором гражданских и церковных властей, а также различных общественных ограничительных предписаний. От Возрождения до Просвещения роль частной домашней жизни последовательно усиливается, идет процесс укрепления супружеских уз в ущерб более широким родственным, дружеским, приходским и прочим связям. Этот процесс достигает апогея к XIX веку, когда появляется культ домашнего очага в буржуазной семье. К последней трети XX века роль семьи в обществе заметно ослабевает³¹. Представление о частной жизни существенно меняется. В современных огромных городах, где царит атмосфера общества потребления, все больше людей предпочитает жить в одиночестве. В 1990-е годы 50% квартиросъемщиков на Манхэттене были одиночки, в Осло их доля достигла 70%³².

Супружеская пара — понятие не всегда одинаковое в разные времена, смысл его меняется вместе с развитием общества и цивилизации. С середины XVI и до середины XX века классическая супружеская чета составляет ядро общества. Она — особое место пересечения индивидуального телесного начала и общественной морали, единственное разрешенное проявление сексуальности. Брак и семейная жизнь были необходимым обрамлением полового акта. Чтобы вкусить радостей плотской любви, людям следовало сначала надеть друг другу на палец кольцо. Тому свидетельство — малое количество внебрачных детей: во французских деревнях XVII века их около 1%. Видимо, молодые люди и девушки воздерживались от половых сношений на протяжении 10-12 лет, от половой зрелости до вступления в брак, ведь при отсутствии эффективных противозачаточных средств внебрачные отношения неминуемо привели бы к всплеску количества незаконнорожденных детей в статистических данных. Каким образом удавалось противостоять позывам плоти? Некоторые специалисты говорят о повсеместном распространении юношеского гомосексуализма и самоудовлетворения, однако немало и тех, кто видит причину в том, что молодые люди желали подражать аскетам — святым и монахам.

Несомненно, что в XVII веке происходит настоящая «десекуализация», затронувшая даже жизнь законных супругов. Мужу и жене предписывается исполнять супружеский долг без сладострастия, которое, с точки зрения моралистов, принижает человека. Однако сладострастие не следует смешивать с «необходимым удовольствием», без которого, по мнению врачей, невозможно зачать здоровых детей. Священники стараются внушить прихожанам, что удовольствию не следуют предаваться чрезмерно: они пытаются контролировать поведение супругов в постели и задают на исповеди вопросы о характере и интенсивности их ласк. Единственно приемлемой позицией при половом акте считается оплодотворяющее проникновение члена сверху вниз от мужчины, лежащего на партнерше. При этом обоим следует избегать удовольствия как такового". Подобные советы ведут к сублимации или, во всяком случае, к умерению плотских appetитов — и то и другое необходимо, чтобы избежать вечного проклятья. После 1640 года во Франции страх перед адскими муками сменился новой идеей о возможности искупления греха

Благодатью. В некотором смысле это сняло с супругов чувство вины и избавило от необходимости жестко контролировать свои желания³⁴.

Независимо от того, насколько тщательно следуют религиозным предписаниям те люди, к которым они обращены (а это, видимо, в основном горожане), они думают о необходимости ограничивать свои страсти. Поведение горожан иное, чем поведение крестьян. У крестьян «низкие инстинкты» подавляются не внешними запретами, а боязнью выглядеть недостойно в глазах соседей. С этой точки зрения у них больше свободы действий, чем у горожан.

О молодых фрустрированных самцах

В аграрном обществе доиндустриальной Европы брак занимал совершенно иное место, чем в городах или в кругах элиты. Это место определялось особой структурой общества, восходящей отчасти к первобытной и основанной на независимом существовании трех групп людей — «группы женатых мужчин, группы женщин с маленькими детьми и группы юношей-холостяков»³⁵. Такая система позволяет управлять сексуальной жизнью, более того, сексуальная жизнь оказывается символическим центром первостепенной важности, где происходит постоянное взаимодействие и взаимный обмен между мужчинами различных возрастов. Взрослые направляют в нужное русло сексуальный потенциал подрастающего поколения, устанавливая для юношей долгий период ожидания. Юноши собираются в сообщества — «королевства» или «аббатства» молодых, вступить в которые — дело чести. Там им приходится обуздывать свои стремления до достижения зрелости, причем она определяется не столько вступлением в права владения имуществом, сколько вступлением в брак. Только женатый мужчина обретает полноценный статус среди соседей. Сообщества молодых защищают своих членов от произвола мастера или старших родственников, а также дают возможность выплескивать эмоции. Причем окружающие относятся к этому снисходительно. Порой члены сообщества выступают в роли хранителей порядка в сексуальной сфере, заставляя, например, ехать на осле мужа-рогоносца или насыпая дорожку между домами заподозренных в незаконной любовной связи. Старшие мужчины, под опекой которых находились опозоренные девушки и женщины, — братья, отцы, мужья — не смели мстить за подобные выходки: в определенной степени именно так утверждался социальный статус фрустрированных холостяков.

Молодые холостяки, впрочем, не упускали случая обольстить девушку, что происходило даже в XVII веке, когда нравственные устои в целом ужесточились. Сексуальность молодых холостяков сдерживалась, но она существовала, более того, любая женщина, живущая без покровителя или просто недостаточно охраняемая, рассматривалась как законная «добыча». Особенно ярко это проявилось в XV веке на юго-западе Франции, где «банды молодцов» совершенно безнаказанно устраивали групповые изнасилования³⁶. Кроме того, холостяки были не прочь развлечься с женщинами, не удовлетворенными мужьями, а также с молодыми вдовами и проститутками. Вероятно, они практиковали и онанизм, но мы не имеем об этом никаких свидетельств до XVI века, когда грех рукоблудия стал яростно осуждаться и вошел в наставления для исповедников. Некоторые излишне благонамеренные историки делают несколько поспешный вывод о том, что новые нравственные нормы дали быстрый эффект, особенно в пуританской Англии³⁷. Обилие трактатов, осуждающих онанизм, говорит скорее о том, что до определенного времени эта практика рассматривалась как допустимая. В Сомерсете между 1601 и 1660 годами «взаимная мастурбация обоих полов, доходящая до семяизвержения у мужчин, видимо, считалась обычным делом у молодежи из низших классов общества до вступления в брак»³⁸. Что же касается содомии и скотоложества, которые теоретически в XVI веке запрещались под страхом смерти, то здесь практика, видимо, расходилась с теорией, особенно в деревнях, и эти преступления не подвергались слишком строгим преследованиям. В судебных архивах Франции крайне мало упоминаний о процессах, возбужденных по этому поводу³⁹. В общинном быту, где дела и поступки каждого

быстро становятся известны всем, малое количество уголовных дел при существовании строгого законодательства говорит о том, что на этот счет было негласное попустительство. Возможно, такая снисходительность появилась как следствие тех привычек, что приобретались в сообществах молодыми мужчинами, лишенными регулярных половых контактов. Юноши долгие годы жили бок о бок с товарищами, делили с ними страхи, тягости и радости и, вероятно, иногда пробовали получить и плотские удовольствия в объятиях друг друга. Кроме того, им дозволялось выплескивать энергию в насилии разного рода, в том числе и над зрелыми мужчинами. Соседи терпели это, считая, что «молодежь должна перебеситься». Даже короли склонны были оправдывать бесчинства холостяков. Так, например, король Франции и король Испании легко помиловали в Артуа убийцу-холостяка; опираясь на те же самые доводы. Однако мы не можем с точностью утверждать, что разделение на три группы населения в крестьянской среде существовало на протяжении всей тысячелетней истории Средневековья. Сообщества молодых зафиксированы только с XVI века: видимо, их возникновение связано с повышением брачного возраста и вытекающими из этого сексуальными проблемами. Такие сообщества просуществовали долго, несмотря на то что их неоднократно порицали за «беспутство» и нечестие. Упадок сообществ резко обозначился в эпоху Просвещения, когда произошли глубинные изменения в модели сексуального поведения в целом⁴⁰.

Сосуществование трех групп внутри населения базируется на молчаливом уговоре между поколениями; оно возможно при стабильности и неизменности социального устройства. Сыновья, достигшие половой зрелости» готовы смириться с маргинальным положением в обществе, зная, что однажды они смогут занять место отцов. Такая система выглядит патриархальной, однако она оставляет определенное пространство женщинам, занимающим в ней существенное место: именно они держат в руках ключ к мужским мечтам и наслаждениям. Отцы устраивают порой браки по расчету, чтобы приобрести или не отдавать на сторону свои владения, но там, где речь не идет о большом состоянии, юноши и девушки вольны выбирать супругов по своему усмотрению⁴¹. После брака свежее испеченный супруг оказывается лицом к лицу с трудностями. И «королевство молодых» уже не поддерживает его. Единственное, что он обрел, — законное право

Глава 1. Наслаждение, названное плотским

предаваться плотским удовольствиям (но при этом сексуальная энергия в те времена считалась разрушительной) и стараться, чтобы количество детей, которых надо кормить, не увеличивалось слишком быстро. Некоторые даже жалели о беспечном времени фрустрированного отрочества.

«Третий пол» — содомиты

Обратим наши взгляды на северо-запад Европы. Если в остальных ее частях, особенно у крестьян на юге, разделение населения на три группы существовало долго, то в Париже, Амстердаме и Лондоне с 1700 года установилась совершенно иная модель сексуального поведения. Она просуществовала, так или иначе, до 1960-х годов⁴². Эта модель основана на новом понятии «мужественности», для нее характерно усиление роли брака и создание культа буржуазного семейного очага. Авторитеты и ценности в человеческих взаимоотношениях перераспределяются.

В век Просвещения в наиболее интенсивно развивающихся государствах вводится запрет на гомосексуальное влечение. До сих пор мужественность того, кто вступал в связь с мальчиком или партнером-мужчиной, не подвергалась сомнению. Теперь все меняется. В Лондоне молодые люди женоподобного вида получают презрительное прозвище «молли», связь с ними считается позором. Возникает нечто вроде третьего пола — содомиты. Сильный пол все больше озабочен доказательством собственной мужественности, характер отношений между мужчинами — членами сообществ и даже просто между друзьями переосмысливается. Онанизм подвергнут решительному осуждению, и идеальная мужественность отныне может

реализоваться лишь во взаимоотношениях с противоположным полом. Учащаются посещения борделей и связи с проститутками⁴⁸.

Существование меньшинства с нетрадиционной половой ориентацией становится все более очевидным; хотя Фуко и некоторые другие исследователи относят его появление лишь к следующему веку. Еще более наглядное свидетельство изменений — всплеск внебрачной рождаемости и внебрачных связей, а также повальное распространение венерических болезней⁴⁴. В Париже происходит то же самое: там устраиваются полицейские облавы на педерастов и резко возрастает количество проституток.

Новая модель сексуального поведения

Сексуальность человека подобна часовому механизму: поворот одного колесика приводит в движение всю конструкцию. Малейшие изменения в одной части структуры влекут за собой изменения во всех ее элементах. Хотя в некоторых социальных слоях по-прежнему сохранялась верность старым традициям или вводились только отдельные «новшества», многие приняли концепцию «личной вины» человека и невольно оказались вовлечены в процессы управления энергией либидо.

Крестьяне принимали изменения медленно, и долго еще в областях, удаленных от больших городов, равновесие в обществе поддерживалось контролем над молодыми холостяками при помощи норм общественного осуждения⁴⁵. На другом полюсе спектра общественной морали все еще существовали былые принципы знати, позволявшей себе предаваться излишествам и необузданной роскоши без осознания какой-либо личной ответственности. Книги маркиза де Сада отражают устремления этой сибаритской части общества. В Англии эпохи Просвещения ее представлял Ричард Пейн Найт, который ввел в моду культ Приапа, а также члены клуба «Дилетанти». Остальные, по большей части горожане, оказались так или иначе в силках добропорядочной сексуальности и первыми испытали на себе мощь светской сублимации, бывшей ранее уделом только слуг Божьих. Так начался культурный процесс, дошедший и до наших дней, порой завершавшийся кушеткой на приеме у психоаналитика.

Брачный возраст при Старом порядке отодвинулся, но, тем не менее, в 1700-1720 годах произошел демографический скачок и население стало стремительно увеличиваться. Современники столкнулись с серьезной проблемой и забили тревогу. В 1798 году Томас Роберт Мальтус заговорил об опасности истощения продовольственных ресурсов и призвал к добровольному ограничению рождаемости. Западная Европа входила в новую эпоху промышленного переворота. В недрах огромных городов — а именно они были двигателем изменений — вызревал новый взгляд на сексуальность, который предшествовал, а потом и сопутствовал экономическому взлету. Распространение протестантской этики в Англии, духовное католическое возрождение во Франции, введение понятия «приличного поведения» во всей Европе привели к тому, что среди большей части населения утвердился идеал умеренности и воздержания. В дальнейшем тот же идеал внедрился и в жизнь супружеской пары.

Сами супружеские ценности подверглись принципиальным изменениям. Женщин лишили большей части свободы и даже права получать удовольствие от супружеских объятий. Процессы ведь в 1580-1680 годах способствовали тому, что женщины стали испытывать ужас перед собственной чрезмерной чувственностью. Медицина XVI-XVII веков поддерживала этот ужас. Одним из главных обвинений против тех, кого заподозрили в сношениях с дьяволом, было то, что они предавались удовольствию, поправ человеческие и божественные законы, ибо искали в объятиях одно лишь наслаждение. Поведение их считалось тем более постыдным, что у многих уже наступила менопауза, а значит, они не могли зачать ребенка. Мифический ужас перед сексом-наслаждением выливался на допросах в требование признать, что пенис сатаны был покрыт шерстью, холодный как лед и причинял не выносимые мучения при соитии. Женское сладострастие уподоблялось демонической страсти, а та, которая «умирала от наслаждения», ждала смерть и вечные муки на том свете. В противовес этому образу утверждается и держится более ста лет

представление о добродетельной и благочестивой супруге, честно исполняющей свой долг перед Господом. Она рождает детей, но при этом не ищет удовольствия для себя и обретает в конце концов спасение души. Отсюда следует вывод, что добропорядочная жена не должна получать удовольствие от любовных ласк. Именно в таком виде утвердилась эта мысль в XIX веке, когда буржуазная мораль провела четкую границу между страстной подругой и законной женой — послушной и целомудренной. Даже врачи подтвердили, что добродетельные женщины фригидны по природе. Такое разделение ролей было в интересах мужчин-самцов, главенствующих в обществе⁴⁶. Они выиграли во всем, так как в общественной морали воцарился двойной стандарт, следуя которому один и тот же мужчина мог быть образцовым супругом и в то же время наслаждаться в объятиях проституток, не испытывая при этом никакой вины. Более того, послушные жены должны были быть прикованы исключительно к домашнему очагу, чтобы избежать нескромных посягательств посторонних мужчин... Так сводился к минимуму риск появления незаконнорожденных детей. Плотское удовольствие — удел шлюх, и стремление ПОЛУЧИТЬ ЕГО Даже В Супружеских объятиях Позо? рит Женщины;'

Другое коренное изменение касалось жизни молодых холостяков. Вопреки мнению Фуко, юношеская сексуальность была введена в строгие рамки не в XIX веке, когда утвердилась биовласть, а гораздо раньше. Процесс начался уже в XVI веке, когда немногие юноши, обучавшиеся в коллежах-пансионах, оказывались на долгое время в изоляции от общества. Далее, под влиянием разнообразных социальных факторов, процесс расширился и охватывал все большие группы юношей. При Людовике XIV во Франции завершилась эпоха профессиональной армии. По всей Европе церковь стремилась дать свое воспитание молодежи, усиливалась и роль городских сообществ. В результате в жизни юношей появился период, которого не было раньше, — «молодец на выданье», то есть сын в ожидании, пока родители подыщут ему невесту. Члены «королевств молодых» малопомалу превратились в подростков, живущих частично или полностью под опекой старших вне связей с ровесниками. Особо ценились наследники знатных родителей и успешных горожан. В начальной школе подростки могли встретить немногочисленных девочек, но среднее и высшее образование при Старом порядке было исключительно мужским. Половое влечение втискивалось в строгие рамки. Кое-какие «глупые шалости», вызванные необходимостью приспособиться к новому образу мыслей, оставались. К ним относились, например, групповые гомосексуальные сношения в религиозных учебных заведениях или, позже, в английских университетах XIX века. Часто разрыв со старыми порядками был резким. Возможно, именно этим объясняется тот факт, что в 1700 году лондонские гомосексуалы потребовали выделить им место в городе, где они могли бы спокойно жить, не боясь нареканий и оскорблений, и компенсировать нехватку общения с себе подобными. Постоянный надзор родителей, воспитателей, священников, красочные описания грядущих мук в аду привели к тому, что юноши стали бояться собственного тела. Фламандский писатель Хуго Клаус в талантливом романе «Горе бельгийцев» описывает переживания мальчика, находящегося в религиозном учебном заведении времен Второй мировой войны⁴⁷. Мальчик считает собственную сексуальность грехом и боится ее. Интериори*зация и подавление сексуальности, с точки зрения Фрейдистов, ведут к постижению самого себя. Вытеснение, чувство личной вины приходят на смену общественному стыду и позволяют держать на поводке юных самцов. Однако возможны и загулы. Связь с честной женщиной запрещена, но проститутки охотно раскрывают им свои объятия. Такой выход не просто допустим — он всячески приветствуется обществом, так как мужественность можно доказать только в сношениях с женщиной.

После того как в XVIII веке выросли и расцвели огромные города, сексуальная жизнь успешных горожан стала протекать совершенно иначе, чем в крестьянском мире прошлого. Молодым холостякам ограничили доступ к производству потомства и телесным наслаждениям. Это произошло путем вытеснения желаний, запрета на онанизм и гомосексуальные связи, а также благодаря формированию образа идеальной супруги.

Единственным выходом оставалось посещение протитутков. Ими не внушались и женатые горожане в промежутках между супружескими объятиями. Трудно оценить, насколько сказалось здесь потрясение всех былых устоев общества, всей патриархальной системы ценностей, в недрах которой происходили глубокие экономические, религиозные, политические перемены. Можно предположить, что именно волны сублимации, накатывавшиеся одна за другой, позволили западной цивилизации уйти так далеко вперед. Они докатились и до 1960-х годов, несмотря на все взлеты и падения и рост разнообразных патологий во времена Фрейда.

В отличие от крестьян, желающих видеть мир неизменным и стабильным, горожане индустриального общества стремятся к переменам и завоеваниям. Объединенные Провинции, Англия, Франция — эти три могущественных государства устремились к созданию колониальных империй. Каждое из них обладало могущественной метрополией с развитой торговой, а потом и индустриальной капиталистической системой и сильным сельским хозяйством. Кальвинистская идея предопределения, столь дорогая Максиму Веберу, не объясняет всего явления в целом, тем более что католический Париж XVIII века вполне выдерживал конкуренцию с Лондоном. Франция богатели за счет торговли с Африкой и Америкой и огромных доходов от продажи сахарного тростника с островов. От Людовика XV до Наполеона I империалистическое развитие Франции идет весьма динамично, что связано в первую очередь с ее демографической жизнеспособностью. Подобная жизнеспособность наблюдается и по другую сторону Ла-Манша. В игру вступает совершенно особый фактор, менее очевидный, чем простое увеличение народонаселения. Сексуальная политика аграрного общества была направлена на экономию силы и последовательное замещение одного поколения женатых мужчин другим. Теперь речь шла о полном нарушении равновесия в их пользу. Подростков не просто ограничили в доступе к плотским удовольствиям — они стали сомневаться в том, что в подвижном и меняющемся мире им вообще найдется место. Молчаливый уговор, согласно которому новое поколение придет на смену старому, потерял силу. Может быть, именно поэтому молодые люди ринулись вперед, пустились в бегство за пределы родной страны. В Англии они едут в колонии, в революционной и имперской Франции идут на подвиги и военные завоевания. Кроме того, еще существовало христианское миссионерство, освоение новых земель, колонизация планеты и так далее.

Восемь-десять поколений, сменившиеся с 1700 по 1960 год в Англии и во Франции, вечных странах-соперницах, развивались в области сексуальности по двум сходным направлениям. Волнообразно сменяли друг друга свобода и подавление, как будто сублимация и обуздание сексуальных влечений позволяли накопить энергию, которая затем вырывалась на свободу. В высших классах общества тот же процесс происходил на уровне развития каждого субъекта: подросток был вынужден сдерживать инстинкты, постоянно контролировать свою сексуальность, но зато в браке мог дать ей полную свободу за счет существования двойного нравственного стандарта.

КА

ЖЕНЩИНЫ ЗАВОЕВЫВАЮТ ПРАВО НА УДОВОЛЬСТВИЕ

В 1960-е годы в западной культуре произошли глубочайшие изменения. Изобилие еды превратило все пространство от Европы до Северной Америки в оазис благополучия. Бедность и нищета все еще были видны на улицах, но большинство населения, причем не только высшие слои, впервые за все время существования человечества оказалось избавленным от голода. На протяжении XX века заметно увеличилась средняя продолжительность жизни. В развитых странах она превысила 80 лет для обоих полов. Исчезла чума и другие страшные болезни, некогда уносившие миллионы жизней. Несколько умерило оптимизм появление СПИДа и страх перед возникновением новых, еще неизвестных болезней.

Поколение, родившееся на Западе после 1945 года, не знало войн. Конфликты происходили вдали, не затрагивая жизненно важные национальные центры стран

Западной Европы и Северной Америки. Отчасти именно этим объясняется тот шок, что испытали американцы 11 сентября 2001 года.

Прогресс позволил покончить с тысячелетиями голода, подчас вопиющего и вызывавшего смертоносные схватки между странами вплоть до Второй мировой войны. На этой основе европейская культура создала новый путь к сексуальному равновесию в обществе.

Изменения произошли так быстро и были так глубоки, что, пожалуй, можно считать, что в 1960-е годы действительно произошла революция. Впервые весы качнулись в сторону женщин. Женщина обрела возможность самостоятельно решать, насколько связаны для нее половая жизнь и де

I Из трех групп населения, вовлеченных в половые отношения, — зрелые мужчины, женщины, юноши и подростки — изменения в наименьшей мере коснулись последних. Подростки, как и в XVI веке, проводят около 10-12 лет в неопределенном социальном состоянии, однако в наши дни это лишь восьмая часть средней продолжительности жизни, а не третья или четвертая, как при Старом порядке. Увеличилась и продолжительность жизни в браке: если раньше юноша думал, что проживет в браке 10-20 лет, то теперь он рассчитывает на продолжительную сексуальную жизнь. Социальное положение молодежи нельзя назвать легким и в наши дни, о чем свидетельствует и статистика безработицы, и периодически вспыхивающие волнения. Однако молодой человек считает, что еще сможет реализоваться и прожить долгую успешную жизнь, чему способствует развитие системы социального обеспечения. Гомосексуалисты отвоевали себе гораздо большее и лучшее место под солнцем, чем лондонские «молли» и французские педерасты XVIII века. Теперь они требуют признавать их права и уважать нетрадиционную сексуальную ориентацию, вплоть до разрешения вступать в брак и усыновлять детей. Этой тенденции активно противостоят общественные силы в США, хотя в Сан-Франциско и Нью-Йорке издавна существуют коммуны геев, а в некоторых либеральных штатах официальное разрешение; женщина обрела право на оргазм. Все бывшее здание сексуальной морали пошатнулось, отдельные его части пришлось заново подгонять друг к другу.

Сексуальная революция шестидесятых

но разрешено заключать браки между людьми одного пола. Первым штатом, принявшим 17 мая 2004 года такой закон, стал Массачусетс⁴⁸.

Принципиальные изменения коснулись уже состоявшихся мужчин и, в еще большей степени, женщин. Мужчины обрели возможность предаваться различным эротическим удовольствиям без необходимости прибегать к лицемерному буржуазному двойному стандарту. Но увеличение продолжительности жизни сопровождается и давлением на мужчин: со всех сторон им предлагают разнообразнейшие удовольствия и возможность наслаждаться ими до глубокой старости. Тем, для кого подобное давление становится невыносимым, заботливо предлагают свои услуги толпы психоаналитиков и специалистов по проблемам супружеской жизни. Все средства массовой информации наперебой говорят об уязвимости и незащищенности мужчин, вынужденных постоянно стремиться к новым достижениям. Повсюду рекламируются чудодейственные средства и снадобья от полового бессилия. В 2003 году вышел пародийный американский фильм, в котором изображены муки стареющего героя — его играет Джек Николсон. Он все еще тянется к женщинам, что более или менее получается при помощи виагры, но его организм подорван многолетним употреблением пищи с избытком холестерина. В конце концов он находит себе подругу по возрасту (ее играет Дайана Китон), и после разнообразных приключений на фоне больницы, окрашенных к тому же голливудской романтикой, герои обосновываются в Париже⁴⁹.

Необходимо добавить, что в образе супермужчины появляется новая черта — он демократизируется. В XVII веке в этой роли мог выступать только сеньор, в XIX веке наслаждения плоти были уделом богатых и влиятельных людей. В рамках нового, всевозрастающего ге-донизма многие европейцы желают получить свою долю счастья немедленно. Личность еще не абсолютный властелин, но стремится быть им.

Границы между поколениями и социальными группами в области сладострастия размыты, вступление в брак перестало быть обязательным, во всяком случае, в густонаселенных городах. Прочность союза зависит гораздо больше, чем ранее, оттирании оргазма. Взрослые мужчины неожиданно оказались в новых тисках. Раньше речь шла о разделе женщин по воле отцов, и часто мужчине приходилось долго ждать, когда он получит причитающуюся ему женщину. Теперь, после того как исчез двойной стандарт 1700-1960 годов, оберегающий мужчин, они почувствовали себя незащищенными и хрупкими. В начале третьего тысячелетия прозвучало штормовое предупреждение: мужская индивидуальность под угрозой. Правила игры принципиально изменились. Женщины требуют и социальных прав, и права на удовольствие и вот-вот возьмут в свои руки управление плотскими сношениями. Произошло потрясение основ, всех представлений о личности и отношениях между полами — всего того, о чем до сих пор не принято было говорить в обществе.

Искать женщину

Контрацепция ускорила процесс освобождения женщин и позволила им войти в мир, доступный ранее толь* ко мужчинам, — мир самореализации и поисков собственной сексуальной идентичности⁵⁰. Они больше не святые и не шлюхи, хотя некоторым хочется считать их таковы*

ми; они отныне сами распоряжаются своей детородной функцией и своими чувствами.

Они не ждут безоговорочного восхищения или порицания от мужчин, некогда доминировавших в культуре. Возможно, именно поэтому в традиционных авторитетных кругах периодически разворачиваются дискуссии о вреде контроля над рождаемостью. В XVIII веке противозачаточные средства уже объявлялись «темными путями обмана природы», их считали дьявольскими кознями, призванными совратить людей с пути истинного. Сейчас упор делается на то, что они враждебны биологической природе человека.

В 1973 году Верховный суд США легализовал аборт-ты, но противники не сложили оружие. Значительная часть населения США — более половины — настроена к абортам враждебно и склонна скорее к пуританскому представлению о том, что сексуальность — исключительное право мужчины. Такое представление основано на системе законов, принятых по образцу европейских в 1960-е годы, оно базируется на мощной сублимации полового влечения в интересах развития культуры потребления, индустрии досуга и спорта. Фрустрация порождает ненасытный аппетит к жизненным радостям и приобретает форму настоящей религии потребления. Женщины у семейного очага — жрицы и мишени этой религии, из их уст исходит истина, в то время как «эротические маргиналы» выглядят еретиками. Они опозорены и отвержены, чему, в частности, служит культ спортсменов — «мачо». Нарушение в сознании основано здесь на традиционном распределении ролей между полами и группами людей. Личность оказывается зажатой в двойные тиски. Первые — традиционное противопоставление состоявшихся мужчин подросткам, но у последних еще остается надежда преуспеть в будущем. Вторые жестко определяют о (щественные роли мужчин и женщин, причем у последних нет возможности выйти из роли матери семейства иначе как ценой утраты социального статуса или обретения репутации «падшей».

Можно понять, насколько значимым было появление контрацептивных таблеток, поскольку теперь выбор становился уделом женщины, а не мужчины, как при использовании презерватива или прерывании полового акта. «Честные женщины» прошлого не могли распоряжаться своим телом, принадлежащим Господу, как считалось при Старом порядке, или мужу по «естественному праву» буржуазного общества XIX века. Разрыв с прошлым в 1960-1970-е годы был тем более ощутимым, что он давал право выбора угнетенной стороне; тому служили и противозачаточные таблетки, и распространение абортов, несмотря на протесты против них. Господству мужчин в сексуальной сфере пришел конец. Дочери Евы теперь сами могут выбирать себе партнера,

определять форму, продолжительность и время половых сношений, что казалось немислимим их предкам. Женский оргазм перестал быть запретной темой, его не стыдятся, о нем говорят. И средства массовой информации описывают, каким он должен быть, чтобы женщина могла почувствовать себя настоящей до мозга костей.

Последствия перемен, особенно в Старом Свете, неисчислимы. Разрушились не только представления о теле и сексуальности, но и основы взаимоотношений между полами, которые раньше строились вокруг брака даже там, где речь шла о подростковых сексуальных Ш употреблениих⁵¹. Изменились и отношения между поколениями. Во многих семьях дети живут с отчимами или мачехами, молодые стали позже уходить из родительского дома, бабушки и дедушки стали больше заниматься воспитанием внуков. В новых условиях меняются даже представления о любви: различия в возрасте или расе перестали быть существенными, зато в планы построения совместной жизни вторгаются соображения карьеры. Многие встают перед выбором, что лучше: завести ребенка или вкушать наслаждение в объятиях партнера. Общество в целом стало похоже на грудку перемешанных костяшек домино, из которых составляется игра. И все потому, что женщины отказались от раз и навсегда установленных ролей целомудренной святой, идеальной матери или шлюхи, некогда навязанных им нашей культурой. К старому возврата не будет, хотя мы и не знаем, что именно из широкого спектра возможностей выберут будущие поколения.

До какой степени изменилось сознание всего за каких-нибудь тридцать лет! В 1976 году состоялся междисциплинарный коллоквиум, посвященный женщинам. Организатор, Эвелин Сьюеро, признавалась, что коллоквиум произвел «эффект разорвавшейся бомбы». Она была поражена тем количеством нравоучений и упреков, которые ей пришлось выслушать, и препон, которые ей пришлось преодолеть, прежде чем коллоквиум состоялся⁵². Далекое не все выступления носили революционный характер. Один из докладчиков сказал: «С точки зрения естественного отбора брак весьма важен. Представьте себе, что 90% человеческих, особей вступают в брак и заводят детей. Это будет весьма стабильная система»⁵³. Проблемы, которые казались наиболее острыми, — «женский эротизм, любовь, проявления чувств, творчество» — были отодвинуты на второй план. Аргументировалось это тем, что все подобные понятия лежат в плоскости «новой культурной реальности», контуры которой пока еще неясны, а притязания порой не оправданны. Разумеется, категории, о которых идет речь, важны, но не настала ко, насколько это пытаются иногда показать, а роль их в формировании «Субъекта» не так велика. Было также подчеркнуто, что «Субъект» не может быть предметом науки, если подразумевать под этим словом личность с ее маленькими (или большими) частными историями. Наука призвана иметь дело с населением, популяцией, классами людей, объединенных тем или иным опытом⁵⁴.

Сегодня подобные замечания вряд ли могут быть сделаны, а тогда они свидетельствовали о том, что научное поле еще не открыто для изучения истории наслаждения или либидо, потому что «Эго» казалось большинству исследователей подозрительным. Тем временем историческая демография все время обращалась к сексуальности, но представляла ее в бесплотном виде, в графиках и таблицах, отражающих общие закономерности. Проблемы, обсуждение которых вызывало робость, скрывались под маской «научного знания».

Стойкая защита семьи как единственно достойной модели, видимо, была вызвана желанием дать отпор проповедникам «свободной любви» 1968 года. Через четверть века кризис семьи стал более очевиден, мнение о ценности супружеской пары уже не было так категорично, поскольку эротическое желание проделало свою работу в системе общественных ценностей, сметая одну за другой многовековые преграды.

Но не опасно ли для человеческого будущего наслаждение без границ, в обход законов природы? В начале XXI века проблема встала во весь рост, так как все больше супружеских пар ограничиваются одним ребенком или вообще отказываются от детей, чтобы полнее наслаждаться плотскими радостями. Нет ли в этом крайнего проявления

эгоизма? Некоторые идеологи даже в гомосексуализме видят тенденцию к упадку белой расы. Катастрофисты и трезвомыслящие наперебой перечисляют признаки, свидетельствующие, по их мнению, об упадке западной цивилизации. Самое удивительное, на мой взгляд, то, что подобные идеи гораздо шире распространены в США, чем в Европе, и чем больше людей выдвигают их, тем активнее отмахиваются от них политики. Быть может, так проявляется молчаливое приятие этих черт как неотъемлемой части нашей умиротворенной культуры.

Источник наслаждений

С недавних пор иметь доступ к удовольствиям само по себе доставляет удовольствие. Нельзя сказать, что подобного не было раньше, но сейчас это явление приобрело особые масштабы. В первые две трети XX века общество тянулось то к пороку, то к добродетели, и периоды сменяли друг друга невероятно быстро. Время свободы нравов сменялось временем тревог и лишений мировых войн; строгие моральные нормы, воцарившиеся в 1950-е годы, были сметены ветром свободы мая 1968. Затем, как кажется, маятник замедлил качание и весы склонились в сторону моральной вседозволенности наших дней. Значит ли это, что цикл колебаний «подавление-свобода», установившийся в западной цивилизации с 1700 года, прекратил свое существование? Сохраняет ли свою роль в гедонистическом европейском обществе

XXI века усилие сублимации, необходимое в фазе под ления? Возможно, наше общество, вставшее на путь унификации, оказалось во власти новой логики развития, Три процесса способствуют освобождению личности от нравственных оков — ослабление жесткости в вопросах морали в церкви, как католической, так и протестанте кой; признание вопросов прав и свобод личности более важными в мировом масштабе, чем вопросы экономического и коммерческого развития; революция в сфере прав женщины, наступившая после многовекового патриар* хального угнетения. Классический треугольник, состоящий из взрослых мужчин, юношей-и подростков и женщин, покоился на неоспоримом главенстве первой группы, определяющей способ существования двух других. Но ни вторая, ни в особенности третья группа не желают больше принимать правила игры в ущерб собственным интересам. Все хотят наслаждаться жизнью как можно быстрее и как можно полнее. Терпеть и страдать — ради чего? Копить, но не пользоваться накопленным — зачем?

Мощь той или иной цивилизации проявляется в том, насколько быстро она приспосабливается к наступившим переменам и потрясениям. Готовность Европы к скачку, на мой взгляд, не вызывает сомнений. Однако историк, наблюдающий и оценивающий современные ему явления, перестает быть историком. Он может только судить; хорошо или плохо живется ему в современном мире. Среди меняющихся ценностей он теряет иллюзии райского существования после смерти, но остается вера в старые гуманистические принципы, которые некогда были призваны разнести по всему миру необычайные материальные, интеллектуальные и экономические запасы, собранные в этом уголке планеты с умеренным климатом. При этом гипертрофия «Эго» продолжает существовать и приводит к патологическим расстройством, особенно часто у мужчин, вынужденных отвечать на вызов, брошенный женщинами. А женщины прекрасно понимают, чем обладают они одни, причем после изобретения противозачаточных таблеток они обладают этим без риска для себя. В руках у женщин ключи к самому изысканному, к самому ценному из всех удовольствий, изобретенных человечеством, — к удовольствию секса?» Дверь, открытая в мир чувственности, сделала более утонченными и другие наслаждения. Хотя тело субъекта таит в себе все возможные удовольствия, для того чтобы предаваться им, нужен еще кто-то или что-то. Если бы общество не преследовало мастурбацию, разве стала бы она настоящим наслаждением, а не простым удовлетворением потребности, как возможность почесать там, где чешется? Уже не раз говорилось о том, что культура умело манипулирует человеком, управляя его желаниями, импульсами и потребностями так, что они служат на благо коллектива.

Мне хочется задать вопрос: быть может, источник наслаждений, забивший из европейской почвы в 2000-е годы, есть часть общей стратегии смешанного капиталистического общества, окрашенного в эпикурейские тона, которое стремится приспособиться к новым потрясениям на мировой арене? Отказ от механизма личной вины, вызвавшего некогда стремление к сублимации половых инстинктов, связан с ослаблением роли идеологии по обе стороны Атлантики. Некогда и светская, и религиозная мораль обещала человеку, что ценой аскезы и подавления «низких инстинктов» каждого все человечество в целом достигнет сияющего будущего. В настоящее время общество потребления отвергло идеал сознательной умеренности и экономии энергии либидо ради прилива жизненных сил. Теперь считается, что личность может полноценно существовать лишь тогда, когда ей доступны все возможные удовольствия, падающие, как манна небесная, с капиталистического небосклона. Однако, на мой взгляд, есть существенная разница между тем, как расценивается удовольствие (в первую очередь плотское) в Европе и в Северной Америке. В США все еще очень сильна роль традиционной патриархальной семьи, а стремление к удовольствиям и сексуальное влечение ограничиваются чувством личной вины, не столь явным, как в былые времена, но все-таки существующим. Европа по большей части освободилась от оков такого рода, и лишь немногие сожалеют об их исчезновении. Европа пошла по пути создания общества потребления — материального и духовного. Для тех, на кого оно ориентировано, это благодатный путь, так как развитию потребления сопутствует освобождение от чувства вины, особенно! эротической сфере. Общеизвестно, что существует про: творение между скрытыми инстинктами в психоаналитическом смысле этого слова и дозволенным поведением. Человек ощутил себя свободным, хотя им по-прежнему управляют мощные скрытые законы, в том числе законы экономического рынка. Теперь все знают, что накопление само по себе еще не дает счастья. Жизнь тех, кто добился и богатства, и власти, и высокого положения; часто имеет горьковатый привкус. Иначе обстоит дело в Соединенных Штатах, где ощущение греховности часто оказывается необходимым условием полноценного наслаждения прелестями жизни⁵⁶.

Новая европейская мораль идет в том же направлении: тревога уступает место осознанию того, что полнота ощущений возникает, лишь когда на пути к наслаждению нарушаются какие-либо запреты. Сексуальность больше не подавляется, необходимость в сублимации отпала, однако порой возникают новые формы фрустрации и потери самоидентичности. Они связаны с тем, что общество более не предлагает человеку определенную роль, внутри которой он чувствовал бы себя защищенным. Нечто подобное ощущают обычно молодые мужчины, столкнувшись с возросшими притязаниями девушек-сверстниц, или же состарившиеся «мачо» перед лицом растущего феминистского движения. Но наша изобретательная эпоха предлагает самые различные способы, как найти выход из положения, — от экстремальных видов спорта до рискованных предприятий разного рода. И то и другое вызывает холодок азарта, дрожь от опасности, которой подвергаются добровольно. Наслаждение проистекает от угрозы саморазрушения, причем необратимого, подобно тому, как доставляют удовольствие поначалу, а потом неизбежно ускоряют конец жизни алкоголь, табак и наркотики.

Так или иначе, но наслаждение и удовольствие освободились от груза боли и тревоги, впечатавшегося незримой матрицей в сознание всех носителей западной культуры с XVII века. Оргазм больше не скрывают. О нем говорят без стыда или почти без стыда. Будущее покажет, насколько благодатными окажутся для объединенного Старого Континента эти невероятные изменения, произошедшие после многовекового чередования фазы подавления и фазы свободы, и позволят ли они Европе сохранить ее особое место в мире.

Часть вторая

ПЕЧАТКИ| НАСЛАЖДЕНИЕ В БОЛИ
(XVI-XVII ВЕКА)

С итальянским Возрождением начался новый культурный процесс. Как всякий историк, я люблю изучать переломные эпохи, вот почему я решил сделать именно этот исторический момент отправной точкой моих размышлений. Разумеется, я не берусь утверждать, что наслаждение возникло именно тогда. Каждая человеческая цивилизация знала те или иные формы наслаждения. Мне хотелось лишь подчеркнуть, насколько значительным был поворот, после которого европейское сообщество медленно, мучительно, путем проб и ошибок, сталкиваясь с многочисленными противоречиями и нюансами, все же стало вырабатывать ткань понятия о наслаждении, отличного от того, что существовало раньше. Сквозь идеи и поступки мало-помалу вырисовывался прообраз того представления, которое станет фабричным клеймом западной цивилизации на пять столетий вперед и которое даже в наши дни исчезло не до конца.

Опыт чувственного наслаждения возник в боли. Тонкий, почти невидимый филигранный рисунок отпечатался на страницах книги европейской культуры. Сначала, в первые два столетия, печать была не слишком отчетливой. Конечно, следует принять во внимание то недоверие к телу, которое изначально присутствовало в христианской культуре.

Предполагалось, что именно в теле скрывается вулкан человеческих страстей. Позже телесные радости, ощущение смерти и неполноценности земного бытия оказались тесно связаны. В этом проявилось хитроумие способов и методов христианских идеологов, опасавшихся] что может прийти конец их авторитету. И действительно, лишь в эпоху Просвещения встал вопрос о доверии к прежним суждениям. Затем пришло время, когда оказались связаны воедино стремление к жизни и стремление к смерти ~ Эрос и 7с-штос. Результат странного балета, где на сцену выходили поочередно и поборники Господа, и маркиз де Сад со своими последователями, а также наследники Дарвина, Фрейда, Маркса, Фуко, Вебера, превзошел все ожидания.

Поиск нерасторжимой взаимосвязи страдания и наслаждения внутри европейской культуры мог бы стать задачей для философов или теологов, и многие из них брались за это. Я-историк культуры, мне интересны в первую очередь процессы, происходящие в литературе, истории и структуре общества. В двух последующих главах мне хотелось бы подробно остановиться на двух категориях явлений. Первая объединяет все то, что связано с невероятно трудным постижением собственной личности, особенно для женщин, чье тело, по мнению окружающих, уже само по себе — препятствие к спасению души. В следующей главе я обращаюсь ко всему, что связано с поведением и нарушением существовавших сексуальных запретов, а также к проблеме общественного подавления тех, кто заходил слишком далеко по пути плотского наслаждения. Не будем забывать, что радости тела, не освященные таинством брака, рассматривались как смертный грех.

МУЖСКОЕ И ЖЕНСКОЕ НАЧАЛО: ЧЕЛОВЕК И ЕГО ТЕЛО

Еще совсем недавно изучение отдельной личности не было слишком популярно у исследователей. Экономисты, демографы, социологи предпочитали оперировать массовыми категориями. Вот поле, на котором может прокормиться биограф. Однако в конце XX века личность вышла на авансцену, во всяком случае, в философии и политике. Не без влияния масштабных идеологических построений исследователей стала интересовать в первую очередь гипертрофия «я», увиденная сквозь пространство и время. Марк Блох (1886-1944) очень хорошо понимал, как важно вернуть исследователя к изучению конкретных временных срезов, и с этой точки зрения изучение человеческого тела должно стать лакомым кусочком для историка. Ученые-гуманитарии и англоязычные писатели увидели в этом сюжете немало новых захватывающих проблем.

Человек начинает осмыслять себя как Субъекта, но это происходит не вдруг, подобно тому как статуя, вышедшая из-под резца мастера, попадает из небытия прямо в эпоху Возрождения. Появлению понятия Субъекта предшествует долгий процесс взаимодействия личности и коллектива. Особенно интересно взглянуть на этот процесс с точки зрения женщины, причем этот аспект весьма мало изучен теоретиками буржуазного XIX века¹.

Одно из самых важных открытий науки эпохи Возрождения состояло в том, что между полами существует (XVI века) *0

взаимосвязь и взаимозависимость. Медики XVI веков, сторонники «гуморальной теории», считал между полами происходит обмен жидкостью* одз*1 полнены, а другие требуют орошения. Эта теория

ОЧЕНЬ Существенные ПОСЛЕДСТВИЯ В Области гtv
отношении и запретных наслаждений.

Итальянское Возрождение сыграло огромную роль в определении того, что представляет собой человеческое «я», и личность заявила о себе, поначалу робко и нерешительно. В античности, открытой заново, были языческие боги и языческие модели поведения, что несколько раздвинуло тиски исключительно христиан

КАК ОСОЗНАТЬ СВОЕ «Я» И ВЫРАЗИТЬ ЕГО

В античности человек осознавал себя как личность, то есть непохожим на всех прочих. Христианская культура недолюбливала такое самосознание. Блаженный Августин считал, что заботиться о развитии собственной личности означает «создавать руины». В средние века самоуглубление могло быть связано лишь с тем, чтобы полнее познать собственную греховность и покаяться. Если же человек шел дальше по опасному пути самопознания, его подстерегала Гордыня. Очевидно, что в реальной жизни оттенков было больше и существовали люди, шедшие против течения, однако в культурном пейзаже в целом к «самокопанию» относились пессимистически. Даже гуманистам-оптимистам XVI века не удалось открыть новых перспектив в этой сфере. Эразм попытался создать новые отношения между человеком, свободным в своем волеизъявлении, и добрым Господом Богом, к которому можно обращаться напрямую, без посредников и бессмысленных ритуалов. Он получил строгий выговор от бывшего монаха Лютера, считавшего, что человек должен склоняться перед Божьей волей. «Ты не благочестив», — говорил Лютер. Личность под покровами

ского мировоззрения. Гуманисты и художники захотели быть сильными личностями, способными разговаривать с властителями и принимать приказания непосредственно от них, минуя посредников, а также открыто утверждать свой талант. Бенvenuto Челлини — ювелир, мастер во всех областях — описал свою жизнь с бесстыдством и полнотой, которым могли бы позавидовать и наши современники, занятые исключительно анализом своих переживаний. Иордец, хвастун и лгун, он чуть ли не поздравлял Бога с тем, что ему, Господу, удалось создать такую талантливую личность, как он, Бенvenuto Челлини. Гуманистическая волна покатила по всей Европе XVI века и разнесла повсюду смелую концепцию величия человека².

Художники и мыслители принялись создавать новый идеал человека, символами которого стали культурные и образованные великаны Рабле, обнаженные мощные фигуры творений Леонардо да Винчи или Альбрехта Дюрера. Монархии их подданные, сильные и слабые — все пытались соответствовать новому идеалу. Стивен Гринблат, исследователь английской литературы от Томаса Мора до Шекспира, повсюду находит следы «самовосхищения» (self-fashion). Слово произведено от fashion, одним из значений которого является «мода». Термин передает две стороны нового самосознания. Первая — самопогружение в традициях молитвенной сосредоточенности в подражание Христу. Такое самопогружение оказалось особенно распространено в протестантской традиции, свидетельством чего может служить Женевский перевод Нового Завета 1557 года и волна духовных автобиографий мужчин и женщин, захлестнувшая Англию после Реформации. Вторая сторона проявляется тогда же, но в мучительном разрыве с первой. Те, кто пишет о «правилах поведения, о наилучшем способе представить себя в обществе», испытывают беспокойство и угрызения совести³. Появляются пособия по «культурному» поведению, своего рода теоретические кодексы изящных манер, призванные дать возможность блистать в свете и раскрыть как можно ярче все свои способности. Одним из

таких пособий стала книга «Придворный» Бальдассаре Кастильоне, опубликованная в 1528 году. Она имела необыкновенный успех почти целое столетие и оказала существенное влияние на нравы элиты общества⁴.

В XVI веке Выход Субъекта на первый план не имел ничего общего с нарциссическим самолюбованием. Так или иначе, усиление роли Субъекта было связано с определенными религиозными или культурными силами, для которых оно стало необходимо.

Парадоксальным образом усиление самосознания личности повлекло за собой ужесточение социального контроля. Юноши, выходцы из высших слоев общества, в жизни которых такой контроль был особенно силен, ответили на ужесточение правил всевозможными нарушениями их. Не случайно именно в это время и именно в этой социальной группе появляется понятие «досуг»⁵. Если говорить в целом, четкая дефиниция понятия «я» была определена знаниями и потребностями эпохи.

Великие английские писатели XVI века выстраивали собственные биографии и произведения в соотношении с двумя полюсами личности. Их герои, с одной стороны, воплощают власть, но они же, с другой стороны, являются «чужаками», которых общество не принимает и преследует (еретики, дикари, предатели, любовники, вступившие в незаконную связь). Первая сторона личности подчиняет себе героев, но они осознают опасность, исходящую от другой стороны, им приходится пройти болезненный путь утраты собственной целостности. Таков Отелло, мучительно страдающий от уязвленного мужского самолюбия, и многие другие герои Шекспира. Наконец, персонажи Марло выступают как противники-слабой власти, неспособной подчинять себе. В конце исследования Гринблат приходит к выводу, что в XVI веке не происходит «явление личности, свободно постигающей собственную идентичность». Речь идет об искусственном формировании Субъекта в культуре. Я не разделяю его чрезмерный пессимизм. На мой взгляд, Гринблат придает слишком большое значение теоретическим культурным оболочкам и принимает за одобрение молчание тех, кто из осторожности или страха преследований не оставил никаких письменных свидетельств своего отношения к проблеме личности. Кроме того, он недооценивает значение обратного эффекта, вызванного ужесточением контроля над личностью. Были люди, провозглашавшие свою непохожесть на прочих и выступавшие против условностей, желая тем самым смягчить боль от ран, нанесенных им жизнью. Они не могли спрятаться за театральным занавесом, как великие английские драматурги, или за маской изысканных манер, как советовал Кастильоне и его подражатели. Такие люди обжигали крылья, но продолжали горячо отстаивать свою точку зрения. Я расскажу о них в следующей главе.

XVI век вызвал цепную реакцию в написании автобиографий. Они, так же как письма и портреты, неоспоримо свидетельствуют о том, как возрос интерес к самонаблюдению и самоанализу⁷. Свою роль сыграли, конечно, и образцы прошлого, в частности «Исповедь» Августина, и развитие книгопечатания. Несомненно, сказался и бурный рост городов, в которых частная жизнь людей стала занимать гораздо больше места, чем раньше. Принято считать, что автобиографии писали в первую очередь люди пуританского или протестантского вероисповедания. Но это не так — их писали и католические авторы, как, например, Игнатий Лойола или Святая Тереза. Чаще всего авторами автобиографий были люди знатные и состоятельные, но и простолюдины среди них не редки. Открывают бал в 1500 году итальянцы: хвостун Челлини идет бок о бок с аптекарем Лукой Ландуччи, за ними следуют портной Себастьяно Ардити, плотник Джамбиста Казале... Ремесленники, иногда крестьяне, испанские солдаты — все наперебой хотят рассказать о себе. Львиная доля авторов, разумеется, мужчины, но есть и смелые женщины, облакающие в одежды автобиографии рассказ о своей жизни. Во Франции это «королева Марго» — Маргарита Валуа, сестра королей Франциска II, Карла IX и Генриха III. Она талантливо, со сдержанным волнением описала свою жизнь и создала первые Женские Мемуары. О себе пишут Мари де Гурне, «дочь по духу» Мишеля Монтеня⁸, или Шарлотта Арбалет, супруга кальвиниста Филиппа Дюплесси-Морне. Можно упомянуть также об императоре

Максимилиане, использовавшем для создания мемуаров наемных литературных работников — «не-гров», о многочисленных отпрысках семейства Платтер в Базеле, о музыканте Томасе Уайторне и многих других. К автобиографиям примыкают и литературно оформленные послания и письма, как у Петрарки и Эразма, созданные, видимо, по образцу цицероновских. Они становятся особенно популярны к концу XVI века, когда появляются многочисленные «образцовые письмовники». В них предлагаются образцы писем и для тех, кто

желает обратиться с просьбой к вышестоящему лицу, и для тех, кто хочет объясниться даме в любви, и для тех, кто просто хочет поучаствовать в общем эпистолярном процессе. Письма, а за ними и мемуары всех видов вводят некую невысказанную часть собственного «я» в рамки, определенные законами жанра. Королева Марго, не раз страстно влюблявшаяся, ничего не говорит о своих похождениях, равно как и о супружеской жизни с будущим королем Генрихом IV⁹. Женщины не должны касаться сексуальной стороны своей жизни; хвастаться любовными победами — привилегия мужчин. Брантом, близкий друг и почитатель королевы, пишет книгу «Галантные дамы», где в вымышленном повествовании пересказываются и истории из жизни реальных людей эпохи. Здесь особенно ярко заметна разница между мужчиной и женщиной в постижении чувственного «я».

Сила условностей еще ярче проявляется в живописных и скульптурных портретах, популярность которых существенно возрастает после 1500 года. Лица все больше и больше приобретают индивидуальные черты, особенно на посмертных изображениях, так как заказчики требуют, чтобы портретист добивался полного сходства с покойным. Многие художники изображают самих себя — Ганс Гольбейн Младший, Лукас Кранах Старший, Альбрехт Дюрер, который еще и ведет дневник. Биограф Паоло Джовио собрал коллекцию из 400 портретов великих людей, причем 70 из них — женские. Он разместил их в своей вилле на берегу озера Комо. Однако большинство произведений в коллекции — групповые портреты. Как это было принято в то время, изображение введено в контекст семьи или официальной деятельности (так изображались дожи и епископы): личность все же рассматривалась не сама по себе, а как часть целого. Тем самым облегчался труд издателей: достаточно было опубликовать один портрет, чтобы показать лица сразу нескольких персонажей. По иронии судьбы, Альбрехт Дюрер, буквально замороженный собственным обликом, представлен в книге на одной гравюре с гуманистом Йеммой Фризиусом, и в памяти современников остался не столько его собственный образ, сколько его произведения¹⁰.

Неоспоримо, что личность в XVI веке выходит на первый план в культуре, однако очевидно и то, что чаще всего она прячется под покровом коллектива. Ценность личности в ее собственных глазах проявляется скорее в виде способности как можно полнее отвечать ожиданиям других. Личность не представляет себя центром вселенной, так как это значило бы оскорбить Господа Бога. Благочестивые люди видят себя только в контексте коллектива. Старый воин-гугенот Агриппа д'Обинье живет в женевском уединении, переживает горечь поражения и, как он считает, отступничество любимого военачальника Генриха Наваррского, который пошел на соглашение с кат таликами. Он пишет книгу мемуаров в назидание потомкам. Но он не говорит о себе в первом лице и называет книгу «Жизнеописание Агриппы д'Обинье, написанное им самим для его детей». Спасение души возможно только в самоотречении.: Однако использовать свой жизненный опыт во благо общества еще не означает впасть в грех Гордыни. Именно на этой почве и расцветает жанр автобиографии.

ки. Наслаждение в боли (XVI-XVII века)

Уязвимость «я»

Дверь открывается и в такие глубины, которые до сих пор тщательно скрывались от постороннего взгляд. Особый тип постижения собственного «я» вырастает|ц обочине. Он принимает разные формы — от болезненно го любопытства до полного и осознанного

разрыва с условностями. Есть и те, кого насильно заставляют говорить о себе. В Европе времен Возрождения пытка стал узаконенным способом судебного дознания, методы и случаи ее применения тщательно расписаны в судебных уложениях¹¹.

Применение пытки основано на суждении, что, испытывая муки, человек представит, каковы они будутш Божьем суде, и заговорит, чтобы облегчить душу и обрести спасение. Поверье, что раны на теле убитого кровоточат в присутствииубийцы, так же должно было по* стегнуть к признанию¹². Судьи добивались прежде всего признания, неважно, что оно было получено во вреи пытки. Техника дознания и исповеди в чем-то совпадали: исповедь с конца XVI века стала индивидуальной и произносилась на ухо священнику. И на пытке, и на исповеди следовало заглянуть в глубь души и говорить искренне, О глубинах подсознательного тогда еще не догадыва-лись, судьи хотели всего лишь узнать, почему совершено преступление, и призывали «поведать истину своими устами». Допрос виделся земной формой Страшного суда; он опирался на представление о глубокой взаимосвязи между телом и душой, и искренность души завись ла от поведения тела. Допросу подозреваемого отводилось первое место в судопроизводстве. Лишь Англия отказалась от подобной процедуры в пользу заседания судейской коллегии. Но если речь шла о государственной измене, пытка применялась. Так было и при Елизавете I, и при Иакове I.

Некоторые исследователи видели здесь кризис Субъекта, возникший при укреплении государственной власти. Государство боялось переворотов и переоценки ценностей и использовало геенну огненную в качестве отчаянной предупредительной меры. Затем одержимость судей критериями.«честность» и «предательство», распространилась и на другие сферы общественной жизни, что проявилось, в частности, в пьесах Шекспира. Боязнь измены тесно переплетается с темой брака, чреватого женской неверностью, — именно так видели в ту пору брак мужчины, постоянно не уверенные в себе.

Женоненавистничество Яго в «Отелло» отражает эту тревогу мужчин. Можно сказать, что Шекспиру удалось передать в традиционном сюжете о ревнивом муже природу государства, одержимого идеей измены¹³.

В 1563 году состоялся Тридентский собор, и оптимистическим мечтаниям гуманистов пришел конец. Католики и протестанты, каждые на свой лад, отрезвили слишком наивных интеллектуалов. Думать не как все становилось все опаснее и навлекало подозрения. Христианский гуманизм конца XVI века очистил культуру от идейных напластований и заставил каждого вернуться к общепринятому образу мыслей. Религиозные войны, бушующие в Европе, заставили всех — и простолюдинов, и знать — пригнуть голову, чтобы ее не снесли. Понятие «я» зашаталось под ураганом. В «Сонетах» Шекспира, опубликованных в 1609 году, а сочинявшихся предположительно с 1582 года, не случайно говорится о ненадежности положения поэта как такового (см., например, сонет 136).

Часть вторая. Отпечатки. Наслаждение в боли (XVI-XVII века)

Даже самые крупные авторы эпохи почувствовали, что их «я» под угрозой. Те, кто все же решался заявить о собственных устремлениях и желаниях вопреки все усиливавшемуся требованию самоконтроля, считали необходимым оговориться, что они не нарушают приличий. Томас Хауэлл, Джордж Гаскойн, музыкант Томас Уайтхорн, автор первой автобиографии на английском языке, а позже Изабелла Уитни, неимущая женщина, — все они, рассказывая о своей жизни, выдают подспудную тревогу и боязнь за свою судьбу. Все эти люди принадлежат к благородно, сословию — джентри или стремятся попасть в него, но говорят о том, что внешний успех их не интересует. Свою отдаленность от двора они объясняют безнравственностью придворной жизни в отличие от их собственной, а также оригинальностью собственного мышления¹⁴.

В XVII веке английские авторы нередко употребляют местоимение первого лица единственного числа i отчасти это можно объяснить влиянием Монтеня. Но английские консерваторы и пуритане-радикалы вкладывают в слово «я» разный смысл. У первых «я» — медитативное, внеисторическое, наполненное символическими значениями. Вторые

более разнообразны в своих взглядах. Среди них и баптист Беньян, и сторонник равенства (левеллер) Лилберн, и независимый (индепендент) Мильтон. Но все они употребляют «я» в простом и очевидном смысле, чтобы подчеркнуть, что время проходит, а повествователь живет и развивается в быстротекущем времени, во враждебном ему мире¹⁵.

Позже по такому же пути пойдут те, для кого потребность рассказать о себе связана с пережитыми страданиями или унижением. Королева Марго талантливо описывает свою жизнь до изгнания, на которое обрек ее брак

Глава 2. Мужское и женское началовчеловек и его тело

Генрих III, уставший от выходок сестры. Возможно, она берет за перо для того, чтобы попытаться как-то улучшить условия развода с мужем Генрихом IV: он решил жениться на другой женщине, способной дать ему наследника. Отвергнутая жена, удаленная от власти, Маргарита решает изобразить себя такой, какой, по ее мнению, она должна была предстать перед людьми, чтобы именно этот ее образ остался в памяти потомков. Агриппа д'Оби-нье движим горечью, так как видит, что его господин и король предал, как он считает, дело кальвинистов. Блез де Монлюк, жестокий «кровавый человек», как назвал его Мишле, изуродованный при осаде Рабасгена в 1570 году, по политическим мотивам впавший в немилость Карла IX, принимается в 1571 году, в возрасте 71 года, диктовать «рассказ о своей жизни» с изрядной долей вымысла. Он хочет напомнить о том, как доблестно служил четырем королям, он сам себе лепит памятник* В 1574 году он был назначен маршалом Франции и умер три года спустя. Произведение, написанное под его диктовку и названное впоследствии «Комментарии», увидело свет только в 1592 году¹⁶. Брантом, произведения которого стали публиковаться только в 1665-1666 годах, спустя много лет после смерти автора (1614), написал книгу, названную впоследствии «Галантные дамы». Перед этим он упал с лошади, стал калекой и больше не мог нести военную службу. Ни один из этих авторов, обиженных жизнью или изувеченных, не намеревался представить произведение на суд широкой публики. Все они думали лишь о том, как предстать в наилучшем виде перед своими близкими,

Бунт и фрустрация вызывают к жизни мемуары, авторы которых стремятся оправдать себя. Эти автобиографы весьма далеки от смиренных христологических повествований о пути по божьему призыванию. Однако в Англии квакерам удается сочетать дух христианского смирения и сознательный вызов условностям. Желание рассказать о себе может быть вызвано страданиями, одиночеством, болезнью, страстью к преувеличениям и даже безумием¹⁷. Цель авторов — не беседа с читателем: многие мемуары были опубликованы лишь после смерти их со-здателей, а некоторые так и остались в рукописи. Главной целью пишущих было, очевидно, стремление увидеть причины своих неудач сквозь призму собственного «я»; вернее, попытка оправдаться в собственных глазах. Сам процесс письма помогал восстановить заново собственную личность, разрушенную в испытаниях, как это было у королевы Марго или у де Монлюка. Человек, взявшийся за повествование о себе, держит отчет только перед самим собой. Он — единственный судья своим поступкам, При этом правда иногда искажается или несколько приукрашивается, так как автор в первую очередь хочет переосмыслить отношения с самим собой, свои представления о чистом и нечистом, о добре и зле, а также заново провести границу между собой и другими. Здесь есть известная гордыня; не случайно исповедники предостерегают от чрезмерного самоуглубления, если оно не связано с соотношением собственного пути и пути Христа.

Что же говорить о женщинах, чья природа уже сама по себе греховна в глазах окружающих? В этом католики и протестанты были едины, хотя протестанты оставили женщинам чуть больше жизненного пространства. Какой душевной силой должна была обладать та, что отказалась склониться перед мужем, спрятать свои знания и умения и заявила во всеуслышание о своей непохожести на других?

Со СТОРОНЫ ЖЕНЩИНЫ _ /бъект-мужчина с таким трудом выстраивал свою личность в XVI-XVII веках, то со стороны женщины — «утлого судна» (weakervessel) — подобное

предприятие было неминуемо обречено на провал. Выражение *weaker vessel* появилось в английском языке в 1526 году в переводе Нового Завета Гиндалом. К 1600 году так обозначается женский пол вообще, это выражение использует и Шекспир¹⁸. Католическая Франция тоже не остается в стороне. Как повсюду в Европе, во Франции женщина рассматривается как самое хрупкое из Божьих созданий в человеческой паре. Я не хочу применять здесь термин «гендерные исследования», употребляемый в англоязычных странах. Дело в том, что моя задача — выявить сложные, меняющиеся во времени взаимоотношения между полами. Просто истории мужчин или истории женщин бдот недостаточно, так как взаимоотношения мужчин и женщин составляют систему, где изменения в одной части влекут за собой сдвиг всего целого.

Сложность предмета описания начинается уже с термина «патриархальный». Это понятие, обсуждаемое и осуждаемое, приобрело в последнее время множество смыслов. Для феминисток оно стало сигналом, чтобы клеймить позором своих противников или бросаться на битву с ними. Не претендуя на слишком широкие обобщения, я буду обозначать этим словом такое положение в обществе, где очевидно главенство мужчин над женщинами и детьми, причем проявляется оно на всех ступенях социальной лестницы и во всех общественных установлениях начиная с семьи¹⁹. Такое главенство существовало и во времена Шекспира, и во времена Мольера, однако оно не было раз и навсегда установленным, и формы еготе* л енно менялись. С1500 года патриархальные отношещц укрепляются, но затем то тут, то там женщины подверг ют сомнению правомочность порядка вещей, и это приводит к некоторому ослаблению правил еще до глубинных перемен ХУНТ века, речь о которых пойдет в следующей главе. Жаль, что французских исследователей, в отличие от англоязычных, этот вопрос не слишком интересует, в данные, которыми мы располагаем в настоящий момент, несколько односторонни. Тема возрастающей тревоги мужчин из-за невозможности уследить за дочерьми Евы в Англии с 1558 по 1660 год опирается на литературные или нормативные тексты²⁰. А во Франции, кроме того, есть народные листки, обсуждающие тему штанов-символа супружеской жизни. Хотелось бы убедиться, что тема, затронутая еще в античности, когда насмешки вызывал образ Аристотеля, верхом на котором сидела жена, выходит за рамки театральных комедийных сюжетов и мужских страхов перед утратой власти и мужественности. Что скрывается за ней в реальной жизни общества? Быть может, мужчины до сих пор боятся, что судьба отвернется от них?

Слабые женщины

Одно очевидно: никто не говорит о том, что женщина сильна по природе. Бог создал ее, чтобы повиноваться мужу, рожать детей и быть «под защитой дома: она всегда должна быть при нем, как улитка в раковине ил» черепаха под панцирем*. Так утверждал в 1579 году королевский врач Лоран Жубер. Мужчина, как более сильное существо, воюет, работает, ездит в дальние страны, в то время как его подруга, «более изящная и хрупкая», терпеливо ждет его²¹. Свалим все на божественную волю! Оправдание неполноценности «утлого судна» абсолютно мужское. Эпоха Возрождения добавила к многовековой традиции стремление оградить женщин и девушек от соблазнов и искушений многолюдного города. Боккаччо в «Декамероне» (1348-1353) изображает итальянский город как современный Вавилон. Распутничать в Париже проще, чем в деревне. Возможно, в городах мужская тревога возрастала и от того, что взаимоотношения между людьми в них были разнообразнее, чем в деревне. Не случайно Панург в «Третьей книге» Рабле говорит обреченно: «Ни одному мужу не избежать рогов»²². Новые предписания о том, как должна вести себя честная женщина, исходят из городских кругов. В них нравственная жизнь горожан противопоставлена распущенности французского или английского королевского двора. Мужчины-горожане, желая успокоить себя и себе подобных, набрасывают контуры идеальной спутницы жизни: добродетельная супруга, глухая к заигрываниям других мужчин, плодовитая мать, готовая к самопожертвованию ради семьи. Ей противопоставлен образ чертовки, идущей на поводу у женских слабостей.

В частности, она дает волю ненасытной похоти. Без направляющей руки мужчины она губит свою душу, и лишь брак может спасти ее от нее самой²³. Разделение женщин на чистых и нечистых не ново, но оно приобретает гораздо большие масштабы, чем раньше. Об этом говорит усиление культа Девы Марии и размах охоты на ведьм, пик которой приходится в Западной Европе на 1580-1630 годы. Дева Мария с младенцем — вот идеал супружеской матери. Она принадлежит только мужу и взирает на свое тело со скромной сдержанностью; она не

стремится получить удовольствие, но лишь зачать и родить ребенка. Женщины, нарушающие эти правила, изображались участницами сатанинского шабаша. Это веете, кто живет без крепкой мужской руки, в том числе и вдовы, и распутницы, которые стремятся к удовольствиям брэнного тела, а не к спасению души. Процессы над ведьмами обычно происходили в деревнях, и мужчинам-горожанам дьявольские соблазнительницы попадались редко. Для того чтобы познать, каковы бывают действительно сладострастные объятия, им приходилось обращаться к проституткам. Двойной стандарт по отношению к нравственности мужчин и женщин действовал всегда, но он резко усилился, когда были противопоставлены супруга и обожаемая любовница. «Любовь принадлежит подружке» I — восклицал Люсьен Фебр, — или падшей женщине с ее скандальным очарованием²⁴.

Женские роли

Удел каждой женщины, кроме тех немногих, что обречены на безбрачие за стенами монастыря, — замуство. К нему готовятся девушки, в нем живут женщины, а потом, овдовев, иногда жалеют о тех временах, когда суровые законы супружества все же защищали их. Некоторые историки пишут о том, что положение вдовы было лучше, чем положение замужней женщины, поскольку вдовы обретали независимость. Отчасти это было так, особенно в тех случаях, когда женщина обладала некоторым материальным достатком и умом, позволяющим пренебрегать упреками и насмешками. Считалось, что старые женщины еще ненасытнее в похоти; чем молодые, и нужна твердая мужская рука, чтобы удержать их от греха

Поначалу в ведьмовстве подозревали как раз женщин в возрасте — вдов и тех, кто держался обособленно внутри сообщества, не имея четких социальных связей²⁵. Во Франции с середины XVI и до середины XVII века необходимость состоять в браке жестко и недвусмысленно закреплялась королевским законодательством²⁶. В Англии 1590-х годов разразился кризис установлений о семье, начавшийся с дискуссии о разводе. Он привел к ужесточению общественного контроля за поведением человека в семье. Этот контроль стал менее очевиден, но проникал в глубь сознания, а семья воспринималась как место, где власть «реализуется частным образом в интересах общественного порядка»²⁷. Крайние взгляды на семью предопределили сексуальные роли. Права диктуют мужчины, а они ведут себя агрессивно. Агрессивны и холостяки, члены сообществ, и горожане, и те, кто делает карьеру придворного. «Мои петушки выпущены — прячьте своих курочек», — гласит поговорка XVI века. Молодой самец набрасывается на девушку и насилует ее. В глазах общества его поведение извинительно: он просто ведет себя «как мужчина», виновата девушка — ей не следовало оказываться у него на пути, а мужчины из семьи девушки должны были тщательнее ее охранять²⁸. Теоретически половой акт вне брака — это грех, но для «юнцов» он считается допустимым развлечением — «молодежь должна перебеситься». Они используют военные и бойцовые термины, чтобы обозначить половой акт, причем заранее известно, что это бой сильного со слабым. Во Франции Генриха II рыцари «обнажают» или «ломают копье» (а то и несколько копий). В Лондоне XVI века во всех классах общества принята словесная и физическая грубость во всем, что касается полового сношения. Можно назвать 130 терминов, для обозначения мужского доминирования в акте. \ термины можно разделить на четыре семантически группы. Осадить, покорить, взять — восходит к военной терминологии. Испортить, обесчестить, порушить-й относятся с грубой формой обольщения. Взломать, то рвать, пустить сок — обозначают лишение девственности Четвертая группа терминов не связана с насилием впр* мую, но и

она проникнута духом агрессии. В произведениях Шекспира мужчина может «взнуздать», «поймать» «отодрать» женщину, «вскочить» на нее, «припереть к стене»²⁹. От мужчины ждут, что он будет вести себя с женщинами, как охотник с дичью. Победою принято хвастать в кабаках и в любом другом месте. Случаи диффамации, рассмотренные на заседаниях консистории (церковного суда) в Лондоне и Чичестере между 1572 и 1640 годами, наглядно демонстрируют, что мужская речь и мужской ум весьма агрессивны в сексуальной сфере. Что касается исков, возбужденных женщинами по поводу насилия разного рода, то их весьма мало. Те, кто пытается защитить свою репутацию от клеветы, имеют очень мало шансов снискать у судей симпатию. Жалобы женщин считаются обыденным делом, за исключением крайних, из ряда вон выходящих случаев³⁰. Во Франции право супруга наказывать жену простирается очень далеко — лишь бы она не умерла от побоев. Изнасилование доказать почти невозможно, потому что суд, как правило, приходит к решению, что женщина пошла на поводу у своей природной похотливости и сама позволила себя изнасиловать³¹.

С усилением патриархальной системы отношений в Европе начиная с XVI века различие между положением мужчины и женщины в обществе обрисовалось как никогда четко. Представления о мужественности и о мужской доблести остались теми же, что и в древние времена: сексуальные подвиги, пьянство, драки — все то, чем гордились и в сельских «сообществах молодых». При этом положение женщины становилось все более тяжелым в связи с введением жесткого контроля над ее поведением и обязательного надзора над семейными отношениями со стороны властей и церковью всех конфессий. С середины XVI века во Франции и после 1590 года в Англии браку ается все большее значение в жизни общества. Разу-ся, женщин разного сословия конкретные изменения в семейном законодательстве коснулись по-разному, однако всем женщинам предписывалось ограничить свою жизнь супружеским очагом. Мужья и взрослые холостяки не теряют связи с внешним миром, для них существует двойной сексуальный стандарт, и пользоваться им не зазорно. Жены и девушки оказались, по сути, обречены на затворничество как в быту, так и в сексуальных отношениях. При этом далеко не всегда речь шла о верности традициям, следуя которым женщина должна блюсти дом. В деревне все женщины независимо от социального и материального положения или возраста существовали внутри некоего женского сообщества, так как их домашний быт был тяжелее, чем у горожанок, и требовал коллективных усилий. Главенство мужчины не подвергалось сомнению, но оно было не так тягостно, потому что у женщин была и своя жизнь со своей иерархией, своими шутками и даже своим языком. Они собирались все вместе у печи, на мельнице, на вечерних посиделках и т. п.³². В густонаселенных городах такие отношения между женщинами возникали реже. Стремление видеть в семье и доме ячейку общества находит больший отклик в городах, и женщины оказываются здесь под более сильным надзором. Хотя некоторые привычки деревенского быта еще долго существовали и в городе³³, во взаимоотношениях мужчин и женщин происходили медленные изменения, давление на женщин все усиливалось и жесткие юридические нормы опирались на нравственные и религиозные установления. В Лондоне с 1572 по 1640 год одним из самых распространенных исков, рассматриваемых церковным судом, было обвинение в занятии проституцией. Иногда речь шла о словесном оскорблении, за которое женщины просили денежной компенсации, иногда предъявлялась жалоба на ущерб, нанесенный репутации³⁴. В деревне коллектив сам контролирует поведение женщин: этим занимаются и другие женщины, и мужчины, мстящие за оскорбление. В городе, где вопрос о поведении женщины выносится на рассмотрение суда, отношение к женщине более индивидуализировано и вместе с тем ее половая принадлежность выдвигается на первый план. Женщина рассматривается как собственность мужа. Она может ускользнуть из-под его бдительного надзора, лишь предавшись разврату, но тогда вмешивается общество и наказывает ее. Чаще всего это делает суд, а не мститель. Новая система наказания женщины вписывается в длительный

процесс переосмысления роли слабого пола в обществе. Неуклонно усиливается нравственное давление на женщин, и брак постепенно становится тем идеальным местом женского смирения, о котором некогда мечтали религиозные и политические блюстители нравственности. Супруга должна быть смиренной и скромной, благочестивой и считать свою зависимость от мужа естественной и нормальной³⁵.

В Англии противоречия между англиканской и пуританской церковью по поводу сущности брака создали дополнительные сложности. В 1597 году англиканским канонам было признано незаконным любое заключение брака после развода. Королева отказалась утвердить это положение, но Иаков I одобрил его, и оно вновь было провозглашено в канонах 1604 года. Так был положен конец спорам. Позиция англиканской церкви основана на представлении о нерасторжимости брака, что сближает ее с французскими католиками. Но пуритане видят в браке всего лишь гражданский договор, заключенный по взаимному согласию обеих сторон и никак не связанный со спасением души. Разрыв между этими двумя позициями привел к кризису, оставившему глубокий след в сознании. Возможно, именно с этим кризисом связана возросшая тревога мужчин, столь заметная в городской среде и в театральных пьесах того времени. Возникла необходимость заново определить, в чем же состоит женское и мужское начало, и мужчины-горожане испугались возможной переоценки ролей в обществе. Этот страх принял форму ужаса перед некими демоническими фуриями, будто бы намеревающимися захватить власть в обществе. Вера в зловещую силу секты женщин — прислужниц дьявола пришла в Англию с континента и вызвала всплеск охоты на ведьм. Пароксизм этой охоты длился с 1580 по 1590 год. К нему добавился повальный страх мужей погибнуть ночью от рук жены. Существует немало обращений в суд по этому поводу, однако подозрения чаще всего были необоснованны, так как архивы не говорят о всплеске подобных убийств⁸⁶. В театре той эпохи сказывается эта мужская тревога. Однако, возможно, это был всего лишь обычный мужской страх оказаться несостоятельным перед сексуально ненасытной партнершей. Особый оттенок этому страху на английской сцене придает то, женские роли играют юноши (лишь в 1660 году такой порядок был отменен королевским указом³⁷).

Существование на театральных подмостках времен Шекспира «третьего пола», то есть юношей, переодетых в женское платье, выдавало, быть может, одновременно и мужское беспокойство, и желание получить сильный эротический заряд от смешения сексуальных ролей*. Некоторые высказывания современников говорят о том же. В памфлете 1599 года, озаглавленном «Ниспровержение театральных подмостков», его автор, доктор-богослов из Оксфорда Джон Рейнолдс, ополчается на переодевание юношей в женщин, которое, по его мнению, распалает плотские вожделения. Вспомним, что в это время сурово запрещалось носить одежду противоположного пола, особенно женщинам, и многочисленные юридические процессы подтверждают это³⁹. Тем не менее молодые холостяки иногда, в особых случаях, позволяли себе переодеваться в женщин. Это происходило на карнавалах по случаю больших народных праздников или во время шутовских обрядов наказания мужа-рогоносца, кавалькад на осле во Франции и «перевертышей» в Англии. В театре елизаветинской поры, наполненном многозначными символами, переодевание носило двойной смысл. Эротическая притягательность персонажа связывалась не только с женоподобной внешностью актера, но и сего мужской сущностью. Драматурги вполне сознавали это. Так, например, интрига пьесы Лили «Галатея» (1584) основана на том, что юноши переодеваются в девушек и наоборот, при этом и тех и других играют мальчишки-подростки. В прологе зрителям объясняется, что переодеваться в чужую одежду нельзя и что театр протестует против гомосексуального истолкования пьесы. Кристофер Марло, считавшийся гомосексуалистом, обвиненный в содомии и ереси на посмертном процессе в 1593 году, сознательно обыгрывает тему переодевания в «Докторе Фаусте». Что касается Шекспира, то почти в каждой героине его комедий есть и мужское, и женское начало. Розалинда из «Как вам это понравится» (ок.

1599) переодевается в мужскую одежду и прячется в Арденнском лесу. В эпилоге пьесы она говорит: «Если бы я был женщиной, я бы постарался перецеловать как можно больше зрителей». Так достигнута вершина сексуальной двойственности: юноша играет женщину, переодевшую мужчиной, который представляет себя женщиной. Такая игра со зрителем создает совершенно особую атмосферу чувственности, пронизанную высоким эротическим напряжением⁴⁰.

Не только в театре шла постепенная трансформация представлений о мужском и женском начале. В Лондоне, где жила основная публика елизаветинского театра, такая трансформация привела к выделению в 1700 году целого сообщества гомосексуалистов, заявивших о себе как о людях «третьего пола»⁴¹. Этому предшествовал длительный подспудный процесс, в ходе которого прежние нормы оказались отвергнуты. Театр времен Шекспира — один из этапов этого процесса, первый опыт контакта с публикой. Переодевание юношей в женщин отражает движение плотского желания в сторону неясного объекта, находящегося на пересечении двух полов. При этом предпочтение отдается чертам слабого пола, ибо юноши, как и женщины, зависят от взрослых мужчин и с точки зрения медицины той эпохи менее сухие и горячие, чем они. Так воплощается чувственная память о содомитских забавах прошлого, распространенных в сообществах молодых, тем более что и сами сообщества в XVI веке еще существуют⁴²; Наверное, в начале 1600-х годов такой сложный узел значений придавал совершенно особый смысл, странному английскому театральному обычаю давать женские роли юношам. Зрители-мужчины испытывали особое эротическое удовольствие, а что испытывали зрительницы, мы не знаем. Но, быть может, они находили сходство с собственным положением, глядя на мальчиков, которые в жизни так же, как и они, зависели от мужчин, а на сцене были воплощением всех существующих и воображаемых удовольствий для ровесников и старших?

Непокоренные и бунтовщицы

Женщина может существовать лишь тогда, когда ее воплощает мужчина, — вот метафорический урок елизаветинского театра. В патриархальном мире того времени женщина всегда определялась по отношению к мужчине. Архивные документы, которые крайне редко бывают составлены женской рукой, подтверждают, что личность женщины всегда идентифицируется через мужчину Администраторы, писцы уголовного суда, нотариусы интересуются в первую очередь, с каким мужчиной женщина состоит в родстве, — именно так определяется ее социальный статус. Она — супруга, дочь, мать того, кто и определяет, по сути, ее личность, а особенности личности женщины как таковой не интересуют составителей документов. Иногда не указывается даже имя женщины, при том что дело касается как раз ее. В 1612 году парижский суд рассматривает дело об избиении жены сеньором де

уже кое и женское

его

тело

Серво. Он отхлестал ее, совершенно обнаженную, кнутом из бычьих жил, угрожал убить, осыпал оскорблениями и выбил несколько зубов подсвечником. Но пострадавшая называется в документах только по имени супруга-наильника: «жена сеньора де Серво»⁴³.

Лишь немногие женщины того времени удостоены личного именованя. Это те, кто занимает высокое социальное положение, те, кто прославился своим благочестием или, наоборот, проститутки: Рыжая, Жанна-Толсту-ха, Золотой Передок. У простонародья индивидуальность порой передают клички, прозвища, уменьшительные имена, в них отражается так или иначе темперамент, и именно так дошли до нас прозвища знаменитых горластых парижских торговек. Если имя отца и имя мужа стоят рядом (например, Мари Дюбуа, жена Жана Дюваля), это говорит не о независимости женщины, а скорее о том, что она подчиняется двум мужчинам. В деревне так называемому слабому полу почти

невозможно выжить без поддержки мужа или других родственников. Одинокая женщина, в отличие от одинокого мужчины, вызывает подозрения. Если у вдовы было несколько мужей, говорят, что она свела их всех в могилу, а то и обвиняют в том, что она участвует в сатанинских шабашах. В то же время вдовцу, который женится на девушке гораздо моложе его, просто устраивают в день свадьбы кошачий концерт под окнами.

Основная трудность, с которой сталкивались все женщины независимо от их социального положения, состояла в том, что им приходилось исполнять очень сложную социальную роль и при этом занимать униженное положение⁴⁴. Мужчина исполнял одну социальную роль за другой, не прилагая к тому особых усилий. Он стано-

вился взрослым, потом отцом семейства, потом хозяином дома. Его жена должна была одновременно подчиняться мужу и внушать уважение детям и прислуге (в средних и высших классах). Рядом с супругом ей приходилось соответствовать образу женщины как неполноценного существа и в то же время распоряжаться слугами мужского пола и не давать им возможности увидеть в себе женщину как объект вожделения и добычу. Даже женщины королевских кровей оказывались в этой противоречивой ситуации. Елизавета I Английская вышла из положения, обыгрывая свою девственность и в то же время подчеркивая, что в ее женском теле скрыт дух мужчины. Отец Лорио — иезуит, некогда пользовавшийся покровительством королевы Марго, — написал против нее женоненавистнический памфлет. Королева ответила в тоне иронической напускной скромности и опубликовала в 1614 году «Смиренную и ничтожную речь». Она не могла возражать против общепринятого мнения о женской неполноценности, поэтому стала говорить о предназначении женщины: «Господу угодны спокойные, уравновешенные, благочестивые женские умы, а не мужские — вздорные и желчные»⁴⁵. Правда, она не уточнила, что изображенный портрет соответствует образу доброй супруги, а она сама прожила большую часть жизни совсем иначе и скорее подтверждала распространенную мысль о неукротимой похотливости дочерей Евы, отвергающих спасительную опеку мужа.

Немало женщин все же выходило за рамки принятых норм поведения. Некоторые, принадлежащие к разным социальным слоям, просто следовали своим страстям и желаниям, пытались разорвать пелену предрассудков и доказать, что они и им подобные имеют право на радости жизни и телесные удовольствия⁴⁶. Другие сознавали, что быть женщиной значит страдать, и пытались хотя бы на бумаге восставать против тех, кто их угнетал⁴⁷.

В Англии в свете протестантского вероучения семья рассматривалась как своего рода «маленькая церковь», где особая роль отводилась женскому благочестию. Это благочестие находило отражение в неких «дневниках», куда женщины записывали ежедневные духовные размышления и испытания совести. Самый ранний из таких дошедших до нас дневников принадлежит Маргарет Хоби и начат в 1599 году. Всего сохранилось 28 дневника, относящихся к первой Половине XVII века; возможно, многие утеряны. Некоторые из авторов дневников вносят особые интимные нотки в записи о духовном смирении. Они понимают, что это — их единственный личный документ, на который не распространяется власть мужа, и они имеют право не давать мужу читать его, даже если им нечего скрывать. Муж увидел, как Элизабет Вокер ведет дневник, и она взяла с него слово, что он ни разу не заглянет в ее записи, пока она жива. После смерти супруги муж не нашел в дневнике ничего, что следовало бы, от него скрывать. Элизабет Бари делает записи особыми буквами и сокращает слова. После ее смерти муж задался целью расшифровать текст, но не нашел в том, что ему удалось прочитать, ничего кроме «искренности, смирения и скромности». Элизабет Дантон изобрела для записей нечто вроде стенографии и попросила сжечь дневник после ее смерти⁴⁸. Разговор о себе был тайным, стыдливым и совсем не обязательно связывался с желанием донести свое «я» до читателя. Женщины более стеснены, чем мужчины, принятые нормы поведения требуют

от них молчания или, во всяком случае, крайней сдержанности в словах. Вот почему они часто запрещали издавать свои* записи или разрешали сделать это только на определенных условиях. Многие автобиографии женщин были опубликованы посмертно, и публикатором часто становился священник, пожелавший представить ту, что их вела, как образец благочестия⁴⁹.

Однако самоанализ и у женщин требует соотнести себя с «другими». И вот появляется нечто новое: некоторые женщины восстают против принятого самоуничижения. Здесь еще нет торжества собственного «я», но уже есть чувство собственного достоинства. Маргарет Кавендиш, первая герцогиня Ньюкасла (1623-1673), опубликовала при жизни свои мемуары, названные «Подлинная история моего рождения, замужества и жизни» (1656). Она завершает их утверждением собственной индивидуальности рядом с отцом и мужем. Текст начинается словами: «Мой отец был джентльмен», и перед нами, таким образом, предстает жизнь женщины в обрамлении традиционной мужской опеки, хотя известно, что герцогиня считалась весьма экстравагантной особой и немало пострадала из-за своей репутации⁵⁰.

Мемуары Анны Клиффорд и Мэри Рич позволяют увидеть, каковы были немногие возможные пути выхода для женщин, страдавших и подвергавшихся нападкам. Первая никогда не шла против бури, но не уступала в том, что считала для себя самым главным. Вторая прибегала к раздвоению собственного образа, когда говорила о себе. Возможно, так поступала не она одна, просто другие не оставили письменных свидетельств. Леди Анна Клиффорд (1590-1676), графиня Дорсета, Пемброка и Монтгомери, дочь графа Камберлендского, — необычный и завораживающий исторический персонаж. Ее мемуарные записи можно разделить как минимум на 4 части; составленные в разные периоды жизни. Наиболее интересен и богат деталями дневник, дошедший до нас только в копии XVIII века (опубликован в 1923 году)⁵¹. Дневник начинается с описания похорон Елизаветы I, и, как показывает дальнейшее, это не случайно. Видимо, графиня писала для себя, для того чтобы в тяжких испытаниях лучше осознать все, что с ней происходит. Анна была образованной и начитанной женщиной и не искала славы писательницы, хотя финансовые возможности позволяли ей опубликовать свои записи, как это сделала ее современница Маргарет Кавендиш. Может быть, рукописи Анны Клиффорд предназначались для чтения в узком семейном или дружеском кругу, как сочинения де Монлюка или Брантома во Франции. Повествовательница скромна и сдержанна и не выходит за рамки представлений о том, каково должно быть место женщины в обществе. Но когда речь заходит о вещах, имеющих в ее глазах первостепенное значение, ее упорство превосходит все мыслимые пределы.

1616 год. Ей 26 лет, она замужем за Ричардом Саквилем, графом Дорсетским. Свадьба состоялась 25 февраля 1609 года, а 2 июля 1614 года у них родилась дочь. Мужа Анна называет в дневнике «милорд», а дочь — «мое дитя». Повествовательница точно и скрупулезно определяет время и место своего существования по отношению ко дню смерти «дорогой матушки», Маргарет Рассел, наступившей 24 мая 1616 года, в пятницу, между 6 и 9 часами вечера. В записи об этом событии говорится, что мать Анны умерла в Брукхеме (в замке, расположенном к югу от Пенрита в Кэмбри), в той самой комнате, где когда-то родился отец Анны, что к моменту смерти матери прошло 10 лет и 7 месяцев со дня смерти отца, а также 13 лет и 2 месяца после кончины королевы Елизаветы. Самой повествовательнице к этому моменту 26 лет и 5 месяцев, ребенку не хватает месяца до двух лет. О муже не говорится ни слова. 29 мая к Анне прибывает гонец с печальным известием о смерти матери, и она воспринимает эту весть как тяжкое бремя, которое отныне ей придется нести. В завещании матери говорится, что она хочет быть похороненной в Энвике, что вдвойне тяжело для Анны. С одной стороны, надо позаботиться, чтобы тело доставили в Энвик, а с другой, она сожалеет, что мать не захотела быть похороненной в Скиптоне, расположенном на юге Йоркшир-Дейл, в 100 милях от Брукхема. Анна родилась в замке в Скиптоне, и в завещании матери ей видится

недоброе предзнаменование, что она может лишиться его. Титул и имущество Анны связаны с землями ее отца — Камберлендом. Это обширные владения на северо-западе Англии, простирающиеся от Слип-тона в Крейвене до Бруктона в Уэстморленде. Титульные грамоты, составленные в эпоху Генриха II, позволяют Анне унаследовать эти земли после смерти матери. Но в завещании отца, составленном незадолго до того как Анне исполнилось 16 лет, говорится, что земли должны перейти целиком по мужской линии к ее брату, а потом к его сыну. Однако братья Анны — сэр Роберт и лорд Френсис — умерли молодыми, и после кончины Маргарет Рассел проблема наследования приобрела особую остроту. Анна не желает отказываться от своих прав на эти земли, ссылаясь на то, что она — единственная прямая наследница эрла Камберленда.

Анна не называет свою дочь по имени, но дневник выдает ее глубокую привязанность к девочке, названной по имени бабушки Маргарет. В ночь, когда дочери исполнилось пять лет, мать в дневнике называет ее «моя леди» и так будет именовать впредь. Королева Елизавета присутствует в дневнике как обожаемый кумир. Первая запись — о ее похоронах в 1603 году, и Анна указывает точно время и место, где она узнала о смерти королевы. Позже с такой же точностью Анна определяет, когда и где она узнала о смерти матери. Можно понять, что она ощущает себя как бы под покровительством этих двух женщин. В 12 лет Анна была представлена королеве, и яркое воспоминание об этом событии сохранилось у нее на всю жизнь. В ее сознании образ идеальной женщины складывается из черт матери и той, что правила Англией «с духом мужчины» в теле женщины. Мы увидим далее, что и о самой Анне можно сказать то же самое.

В короткой записи от 24 мая 1616 года супруг Анны не упоминается и сколько ему лет не говорится. Однако известно, что еще в 1613 году он был в добром здравии — он изображен в богатом придворном одеянии на холсте сэра Уильяма Сегара. Анне не нравилось, что муж недостаточно энергично поддерживает ее притязания на северные владения, хотя он рассчитывал в случае успеха управлять ими от имени жены. Кроме того, он постоянно просил ее подписать документ, отдающий земли ему во владение после ее смерти, если у них не родится наследник. Угроза кажется небезосновательной, во всяком случае, 29 мая Анна видит тому соответствующий «знак». Мало того, что она находится в полном одиночестве в доме мужа в Ноле (графство Кент), — «милорд», как можно понять из записей, решил взять ее измором. Он еще давно, с болезни матери, начал мучить ее. 9 мая Анна получила письмо о том, что состояние матери крайне тяжелое, и в ту же ночь Дорсет сообщил ей, что решил отослать их дочь в другое место и навсегда запретил ей возвращаться в Нол. Анна пишет, что этот день был особенно печальным и тяжелым для нее. 11 мая она принимает решение по поводу того, что называет «мои дела», то есть борьбы за северное наследство. Именно из-за него возникли ее нелады с мужем, и он решил сыграть на ее привязанности к ребенку. Дорсет действует то лаской, то угрозами. Он пересматривает свое решение отобрать дочь у матери, но настаивает на том, чтобы вместе с девочкой при Анне жили его друзья-наблюдатели. Она соглашается на все и держится стойко, хотя и чувствует, что все осуждают ее. «Я как сова в пустыне», — лаконично замечает она 12 мая. Противостоять и мужу, и последней воле отца было нелегко: ее поведение никак не вписывалось в общепринятые рамки.

Повествовательница очень редко говорит о себе. Она более склонна сомневаться, чем быть довольной собой, но иногда выражает удовлетворение ироничным описанием без комментариев. 11 мая 1616 года в послании из Лондона Дорсет дал понять, что смягчился. В знак доверия он прислал жене обручальное кольцо лорда-казначея, незадолго до того женившегося. Анна пишет, что послала ему в ответ собственное обручальное кольцо. В день Пасхи 1617 года она записывает, что они с мужем вместе причастились, но во второй половине дня поссорились, однако все это время она носила белое праздничное платье. Накануне Пасхи, 19 апреля, она снова отказалась уступить настояниям мужа по поводу наследства и заметила, что чувствует себя в полном согласии со всем миром. По мелким деталям видно, что Анна считает себя

правой перед Богом и людьми. Ее решимость непоколебима и в дальнейшем, за 41 год ее не смогут сломить ни превратности судьбы, ни страдания;

Смерть матери ускорила ход вещей. Землями завладел дядя Анны по материнской линии, Френсис Клиффорд. Назревал поединок между сыном Клиффорда и мужем Анны, и в дело вмешался сам король Иаков I. По прошению Дорсета 18 января 1617 года он принял супружескую чету. Дорсет сказал, что подчинится любому решению короля, но Анна заявила, что, пока жива, она не откажется от наследства в Уэстморленде. Ее нельзя было переубедить никакими доводами. В понедельник 20 января около 8 часов вечера король снова принял их в присутствии заинтересованных родственников Анны и нескольких законовеев. Упрямец снова заявила, что ни за что не согласится потерять Уэстморленд. Она стояла на своем, хотя король Иаков I выказывал явные признаки раздражения, а близкие всячески пытались ее вразумить. Через некоторое время до сведения Анны было доведено, что король намерен уладить дело без нее, так как она не идет ни на какие уступки. По этому поводу Анна пишет с видимым облегчением, что ни она сама, ни кто-либо другой не могли рассчитывать, что ей удастся так легко выйти из опасной ситуации. Ей кажется, что Елизавета послала ей тайный знак: она записывает, что Елизавета шепнула ей на ухо о том, что королю нельзя слепо доверять.

В марте 1617 года Иаков I приказывает Анне отдать земли дяде Френсису Клиффорду, а в качестве компенсации Дорсет получит 20 тысяч ливров. Но упрямец гнет свою линию. 23 апреля 1617 года, после Пасхи, она записывает, что муж не пришел к ней вечером в спальню, как делал это всегда. Теперь он решил прибегнуть к сексуальному шантажу, но безрезультатно. Впрочем, уже на следу, ющую ночь он приходит к ней. Анна продолжает почтительно противиться его настояниям по поводу наследства, как она не подчинилась ни королю, ни последней воле отца. Ле надо быть психоаналитиком, чтобы понять, что она вознамерилась противостоять закону мужчин \$ короля, отца, мужа. В конце концов она потеряла часть наследства, но не проиграла битву, которая завершилась через 30 лет в ее пользу.

С 1617 по 1624 год она рожала четыре раза, трое детей умерли, выжила одна лишь дочь, Изабелла. Она, как и Маргарет, дожила до взрослого возраста. Дорсет умер в 1624 году. В июне 1630 года, после шестилетнего вдовства, Анна вышла замуж вторым браком за Филиппа Герберта, графа Пемброка и Монтоммери, бывшего приближенного Иакова I, 46 лет от роду. У них родились двое детей. Однако союз оказался не слишком удачным, а в первую революцию Анна открыто выражала свои роялистские ВЗГЛЩЫ, в то время как Герберт поддерживал парламент.

Ее дядя, Френсис Клиффорд, умер в 1641 году, его сын Генри — в 1643. Наследство, которого так добивалась Анна, отошло к ней, но в тех местах бушевала гражданская война, и она не могла немедленно вступить во владение землями. В 1649 году энергичная Анна все же въехала в замок Скиптон, разрушенный во время осады. Супруг не последовал за ней, а в следующем году она узнала, что он умер.

Итак, к 60 годам она освободилась от всех пут и принялась за восстановление замков Пендрагон, Эпльби, Брук, Брукхем. В 1655 году она собралась восстановить Скиптон. Кромвель не хотел, чтобы разрушенный замок был восстановлен, но в конце концов решил предоста* вить свободу действий единственной женщине, которая не побоялась противиться его воле. Анна сумела доказать самому могущественному мужчине того времени, что не склоняется ни перед кем. Она была в Англии единственной женщиной — полновластной владелицей обширного поместья, причем отвергала поползновения мужчин так или иначе прибрать к рукам ее земли. Она строила и восстанавливала церкви и дома для бедных и умерла 21 марта 1676 года в возрасте 86 лет в замке Брукхем, в той самой комнате, где некогда родился, а потом и скончался ее отец. Она успела составить завещание в пользу дочери, ставшей леди Тенет, но внук Анны Николас, лорд Тенет, после смерти матери силой захватил земли и восстановил мужское право сильного, с которым Анна боролась всю свою жизнь⁵².

В 1646 году, чтобы увековечить триумф, Анна, следуя своему неукротимому темпераменту, заказала парадный портрет⁵³. Полотно представляет собой триптих, густо насыщенный символами. В центре изображены родители Анны и ее братья, умершие молодыми. Отец, Джордж Клиффорд, третий герцог Камберленд, часто отлучавшийся из дома, решивший оставить наследство отпрыскам по мужской линии, несколько смещен вправо. Мать, Маргарет Рассел, указывает рукой на старшего сына, лорда Френсиса, рядом с которым изображен сэр Роберт, самый младший из детей. За ними видны четыре портрета, сгруппированные попарно. На всех — женщины, тетки Анны. Две — урожденные Клиффорд (баронесса Уортон и графиня де Дерби), две — урожденные Рассел (графиня Уорвик и графиня Бат, причем имя первой — Анна). Определенный иронический посыл заключается в том, что они как бы тайно следят за соблюдением прав своей племянницы, обездоленной по воле отца и мужскому закону, но преодолевшей в конце концов все препятствия. Слева изображена сама Анна в 15 лет, то есть именно в том возрасте, когда она должна была бы получить наследство. Над головой Анны — полка с книгами и два портрета ее наставников, среди которых — Сэмюэль Дэниел. На правом полотне изображена Анна в год триумфа, в 56 лет. Правой рукой она опирается на книги, лежащие на столе, другие книги стоят на двух полках у нее над головой. Как раз над правой рукой, среди любимых книг, — а это в основном книги поэтов — стоят портреты ее мужей. С видимым удовольствием Анна и соблюла почтительность, и вместе с тем расположила портреты «милорда» и его здравствующего преемника там, куда обычно помещают охотничьи трофеи. Она сделала это в память о мучительном прошлом и именно тогда, когда освободилась от всех оков и добилась возжеланной цели, вступив в единоличное владение землями в Уэстморленде. Трудно удержаться от мысли, что она желала подчинить своей воле всех тех мужчин, кто пытался сломить ее, в том числе и короля, и двух мужей, и отца, и Кромвеля. Редчайший случай для женщины XVIII века! При этом она вела себя так, будто считала, что повиноваться мужчине необходимо, как и повиноваться Богу. Притворялась ли она? Ирония, которой проникнуты некоторые записи Анны, наводит на такие мысли, но в других записях она вполне искренне сообщает о своих сомнениях и важности соблюдать приличия. И на всех ее делах лежит отпечаток заботы об участии женщин: своей собственной, своей дочери, которую она назначила наследницей, своих теток, размещенных на центральном полотне парадного портрета-триптиха в 1646 году.

по

Анна предстает перед нами как необычная, двойственная личность, подчас сама напуганная собственной смелостью. Несомненно, ее вдохновлял образ королевы Елизаветы I. Когда Анна пишет, сколько лет было каждому из близких ей людей (или какое время прошло после их смерти) в тот момент, когда она узнала о смерти матери, королева оказывается в этом перечне единственной, кто не принадлежит к ее родственникам. Смогла бы Анна зайти так далеко, если бы у нее перед глазами не стоял пример Елизаветы I, отстоявшей в свое время собственные права наследницы престола? Если у женщины есть связи, деньги, талант и терпение, ее упорство может быть вознаграждено. Однако для упрямой женщины, понимающей, что ее подстерегают опасности, иногда выгодней оказывается позиция внешнего смирения. Подсудимые знают, что проявление естественных человеческих слабостей порой оказывает на судей куда большее влияние, чем сознательный вызов. Сознательно выстроенная позиция двуличного поведения редко фиксируется на бумаге. Тем интереснее автобиографические записи Мэри Рич, графини Уорвикской, позволяющие увидеть и реальные факты, и их идеализированную реконструкцию. Мэри Рич — автор нескольких тысяч страниц рукописного дневника. Она делала записи день за днем в течение 10 лет начиная с 25 июля 1666 года. Кроме того, она написала сжатую историю своей жизни примерно на 40 страницах. Этот труд был создан в 1671 году, за 7 лет до смерти, то есть с определенного момента она писала в двух разных сочинениях об одном и том же: о своей молодости,

проведенной в Ирландии и Лондоне, о свадьбе с Чарльзом Ричем, вызвавшей множество пересудов и слухов, о смерти двух детей и о вдовстве. Основная разница между двумя повествованиями связана с тем, как говорит Мэри Рич о своем супружестве. В краткой автобиографии муж предстает галантным и романтичным мужчиной, в дневнике-деспотом и тираном. Сама она в автобиографии выглядит живой общительной женщиной, страстно влюбленной в мужа, а в дневнике она разочарованная, подавленная, горько страдающая. Трудно определить, почему в каждом случае выбран именно такой тип повествования. Быть может, Мэри трудно было смириться с мыслью, что брак по любви, заключенный против воли родителей, привел к бесконечным ссорам с мужем и краху отношений. Ведение дневника, наверное, было для нее способом излить на бумаге свои унижения и страдания⁵⁴. В этой роли часто выступают записи, не предназначенные для публичного чтения. Для женщин дневник часто оказывается чем-то вроде целебного бальзама, наложенного на раны, нанесенные жизнью. Иногда эти раны весьма глубоки, как в случае Анны Клиффорд. Автобиография Мэри Рич еще загадочнее: она пишет ее в то же время, что и дневник, но предлагает совершенно иную, идеализированную версию реальных событий. Что это — раздвоение личности? Болезненное расщепление собственного «я» вследствие жизненной неудачи? Сожаление о сделанном вопреки воле родителей? А может быть, она пыталась сообщить в письменной форме о том, что могло бы быть, чтобы оставить хорошую память о себе и своей жизни? Автобиография, в отличие от дневника, предназначалась для публики и была рассчитана на мнение читателей. Может быть, Мэри хотела вернуться к утраченной мечте, закрепить ее на бумаге, чтобы вспомнить, какой была она сама до того, как произошли все те невзгоды, что описаны на страницах дневника?

Как бы то ни было, пример Мэри Рич — свидетельство того, что страдания могут стать важным элементом процесса самопознания Субъекта. Женщинам XVI-XVII веков было гораздо труднее, чем мужчинам, втиснуть свою индивидуальность в узкую щель между идеалом и реальностью. «Утлое судно» угнетает муж — «господин и хозяин», насилие в супружестве считается обычным делом, не говоря уж о двойном стандарте в сексуальной сфере. Считается, что женщина должна терпеть и страдать молча. А как иначе заслужить спасение души, ведь тело женщины тянет ее в ад!

О текучести тела

«Каждый человек напитан слезами, как губка», — говорил Джон Донн в одной и великопостных проповедей 1628 года⁵⁵. Образованная и начитанная Анна Клиффорд, встретившая его после воскресной проповеди 27 июля 1617 года, знала об этой идее, которую разделяли все ученые той эпохи, и в первую очередь врачи. Гален и Гиппократ учат, что тело пропитано жидкостью, но открыто воздушным потокам благодаря порам, расположенным на поверхности тела. Жидкости разного рода — сперма, грудное молоко, пот и пр. — свободно циркулируют внутри тела и могут превращаться друг в друга или в кровь. Соответственно, можно уподобить друг другу разные физические процессы: питание, испражнение, менструации и лактацию⁵⁶. Состояние тела, напитанного жидкостью, находится в прямой зависимости от того, насколько стабильна внешняя температура. С этой точки зрения питание можно рассматривать как нагревание (варка) жидкости, болезнь — как избыток или недостаток жидкости определенной температуры. Античная медицина, кроме того, опиралась на учение о четырех основополагающих элементах: тепле, сухости, холоде и влажности. Два первых определяют тело взрослого мужчины, два последних — тело женщины. Полярность соответствует представлению о диаметральной противоположности мужчины и женщины, которое можно встретить у разных народов; Так, например, мужское начало связывают с силой, чистотой, небом, богом, а женское — со слабостью, грязью, землей, водой, демонами.

Можно предположить, что, согласно физиологичен кой модели Галена, существует лишь один образец строения половых органов, и разница между мужчиной и женщиной не в природном строении, а в степени выраженности каждого признака⁵⁷. Ученые и медики

той эпохи устанавливали нечто вроде шкалы мужественности/ женственности между двумя крайними точками⁵⁸: на од-ном полюсе — ярко выраженный супермужчина, очень горячий и очень сухой, обросший шерстью, с темной кожей. На другом полюсе — женщина с очень светлыми волосами и кожей. Между крайними точками располага* ются существа смешанного типа, с нестабильным состоянием жидкости внутри тела: темноволосые волосатые женщины с твердыми грудями — в них сказался избыток тепла; дряхлые мужчины-старика, более холодные, чем нужно; мальчики, еще недостаточно теплые, — не случай* но было принято до 7 лет наряжать их в девичьи платья; юноши, медленно преодолевающие материнскую влажность и постепенно достигающие тепловой нормы мужчины (таким образом, гомосексуализм оказывается возрастным признаком); наконец, женоподобные мужч ины, внутри которых циркулируют жидкости, сходные с женскими. По мнению медиков, половые органы мужчины и женщины одинаковы, только у женщин они скрыты внутри тела. Монтень с иронией советовал девушкам не прыгать слишком-много и слишком высоко, а то с ними произойдет то, что случилось «с одной девочкой», у которой во время игры «стыдные части тела» опустились вниз. Знаменитый анатом Андреас Везалий в своем труде «О строении человеческого тела», опубликованном в 1543 году, схематически изобразил влагалище как орган, абсолютно повторяющий форму пениса⁵⁹.

Теоретические сочинения и реальность не всегда совпадают. Теория единого строения половых органов была раскритикована, так как не отвечала экспериментальным данным о человеческом теле. Я не буду обсуждать здесь, насколько справедлива концепция телесных жидкостей, замечу лишь, что в обыденной практике эпф хи она оставила свой след и приводила порой к сумбуру в представлениях о мужчинах и женщинах, а то и к драматическим последствиям⁶⁰. Так, например, в Аугсбурге в XVI-XVII веках считалось нормальным, что мужчины обладают горячим, а то и взрывным темпераментом⁶¹.

В свете всех этих теорий понятие Субъекта в европейской культуре несколько изменилось. Со времен Платона человек представлялся как арена непрерывной борьбы души и тела; Эта борьба не потеряла своей напряженности и во времена Реформации. Кальвинисты пошли дальше всех, утверждая, что христианин должен постоянно контролировать свои физические желания и потребности, иначе грех опустошит его. В своем труде «Религия врача» (1642) сэр Томас Браун говорит, что порой чувствует присутствие дьявола внутри себя: «Люцифер правит бал в моей груди!»⁶² Это можно было понять и буквально. В то же время французские католики обнаруживают метки сатаны на коже ведьм, а экзорцисты заставляют блевать демонами, жабами и змеями монашек из Лудена и Лувье, заподозренных в одержимости бесом. По обе стороны Ламанша опасаются, что бессмертная душа попадет в ловушку плоти. Однако естественные науки все же продолжают развиваться. Опубликование в 1543 году трактата Везалия «О строении человеческого тела» положило начало изучению этого материала. Первый этап длился почти до 1640 года и принес немало интересных открытий. Поскольку в культуре все взаимосвязано, художники тоже заинтересовались изучением внутренностей человека. В живописи возникает своеобразная мода на изображение рассеченного тела. Ей ан> дует и Караваджо в «Неверии Святого Фомы» (1603), и Рембрандт в «Уроке анатомии доктора Тульпа» (1632). Караваджо так и не сумел добиться от иезуитов разрешения на создание картины «Воскресение Христа», что говорит о том, что его взгляды расходились с принципами Контрреформации. На его картине палец Святого Фомы и раны Христа, которые он собирается пощупать, изображены с «хирургическими»: ПоДробностями. Такое смешение священного и мирского будоражило умы многих современников. Кроме того, художник опирался на знания, полученные при вскрытии тела, а вскрытие было осуждено церковью как святотатство. Не случайно возник анекдот о том, что Караваджо заставил своих учеников встать вокруг вскрываемого трупа.

Следующий этап в изучении физической оболочки человека начинается с открытий английского медика Гарвея и идей Декарта, которые в конечном счете приводят к утверждению взгляда на человека как на машину. Гарвей изложил свою теорию кровообращения в трактате, написанном на латыни, «Анатомическое исследование о движении сердца и крови у животных» (1628). Декарт сформулировал знаменитое «Я мыслю, следовательно, существую» в 1637 году. Пародийный вариант этого изречения появился гораздо позже, хотя некоторые из тех, кто отстаивает его правомочность, говорят о том, что машину должен кто-то создавать⁶³. Вопреки существующему мнению, медицинские представления в XVI-XVII веках не были раз и навсегда сложившимися. Это касалось воззрений на соотношение души и тела, а также мужского и женского начала. В целом новые идеи внедрялись в западную цивилизацию медленно и постепенно, к ним нужно было привыкнуть. Менялось представление о вселенной: она уже не виделась как божественная сфера, универсальный макрокосм, абсолютным отражением которого является каждая частичка человека — микрокосм. Складывались представления о границах явлений, точнее говоря, о разломах. К рукописи пьесы «Твердыня непоколебимости» (The Castle of Perseverance), датируемой первой четвертью XV века, приложен план сцены. На нем изображен земной круг, обрамленный водой. В центре круга стоит замок, под которым находится колыбель человечества. Первая печатная карта мира (1472) построена по тому же принципу. На средневековых картах, как правило, мир изображен в виде диска с Иерусалимом посередине. На диске размещены три известных в то время континента: Европа, Азия и Африка. География и театр предлагали зрителю зеркало, в котором он видел самого себя. С этой точки зрения особый интерес представляет нововведение Иниго Джонса, который в 1605 году предложил уст?

роить при английском дворе сцену на итальянский лад. Принцип ее состоял в том, что между зрителями и актерами проводилась четкая граница. Так создавался новый образ человека — единый и стабильный. Поначалу новая сцена сбивала зрителей с толку, но ко второй половине века она прочно утвердилась в театре. Кроме того, в пьесах появился внутренний монолог — разговор героя с самим собой; этот прием активно использовал, в частности, Кристофер Марло в «Трагической истории доктора Фауста» (ок. 1588). Он создавал эффект самоуглубления персонажа и вызывал живой интерес у публики⁶⁴. Но и старые культурные традиции не торопились уступать место. В совершенно иной области, при изображении урока анатомии начала XVII века, долго царил концентрический принцип, введенный Везалием. Анатомический театр в Лейдене в 1610 году изображен как квадратный зал, в центре которого помещен труп. Вокруг трупа концентрическими уступами, отделенными друг от друга деревянными перилами, поднимается амфитеатр. По уступам разгуливают любопытные⁶⁵. Традиционное положение тела в центре позволяет внести священную символику в святотатственный, по мнению многих, акт вскрытия трупа. Дозволено ли заглядывать внутрь тела, устроенного по образу и подобию Божьему? Английский теолог Джон Вимс написал в 1627 году работу, озаглавленную «Изображение Образа Божьего в человеке». Чтобы примирить анатомию и религию, он приводит обратный довод: благодаря анатомии мы можем лучше постичь замысел Всмогущего⁶⁶. Однако табу на изучение внутреннего строения человеческого тела исчезло не до конца: хирурги называют хитросплетения внутренностей «головой Медузы», напоминая каждому, что и он смертен⁶⁷. Страхи и запреты гораздо чаще связываются с женским, а не с мужским телом. Зеландский врач Левинус Лемний (1505-1568), автор весьма известной в Европе книги⁶⁸, утверждает, что тело мужчины пахнет лучше, чем тело женщины. «Женское тело переполнено жидкостями; когда распускается цветок (во время менструаций), оно издает дурной запах, губительный для всего живого. От этого запаха все вещества теряют свои природные свойства и силу». Так же как Плиний Старший, он считает, что от соприкосновения с менструальной кровью цветы и плоды вянут, слоновая кость желтеет,

железо становится хрупким, а собаки — бешеными; К перечню бедствий от менструальной крови, составленному Корнелием Аг-риппой, он добавляет, что пчелы от нее дохнут или покидают улей, беленое полотно чернеет, у кобыл происходит выкидыш, ослицы становятся бесплодными. Некоторые факты проверить затруднительно: так, например, он утверждает, что от пепла сожженных простыней, испачканных менструальной кровью, блекнут пурпур и цветы. Кроме того, он считает, что сам по себе запах женщины вредоносен, так как он происходит от холода и влажности, свойственных этому полу. «Естественная теплота мужчины — мягкая, сладкая, от нее исходит дух, как бы источающий аромат». Женщина, в отличие от мужчины, пахнет дурно, одного ее приближения достаточно, чтобы орех высох и почернел. Коралл от соприкосновения с женщиной тускнеет, а в присутствии мужчины цвет его становится более интенсивным. Кроме того, для возвращения цвета можно потерять его горчичным зерном⁶⁹. Говоря другими словами, тело женщины будоражит мужчин. Настолько, что вскрытие женского трупа вызывает захватывающий интерес, особенно в Англии и в 19П

Объединенных Провинциях — странах протестантской культуры, делающей особый упор на первородный грех, Анатомы пытаются найти в женском теле изначальный источник смертности человека, то есть ту особенность строения тела, которая определила строптивость Евы и привела к грехопадению и изгнанию из рая⁷⁰. Женщины на английской сцене (не будем забывать, что их изображали юноши) представлены не только как «утлые суда», но и как «суда с дырками» (leaky vessels), что усугубляет природную слабость. Женщины переполнены жидкостью, зависят от фаз Луны, которая управляет внутренними приливами внутри их тела; они в какой-то степени подобны бочке Данаид, из которой постоянно выливается вода. В трактате «Анатомия урины», опубликованном в 1625 году, Джеймс Харт излагает общепринятую точку зрения, согласно которой женская моча окрашена менее интенсивно, чем мужская, а выделяется обильнее, что связано с более холодным темпераментом. Эта точка зрения не раз обыгрывалась в шутках. Есть же поговорка: «Пусть она покричит, меньше ссать будет». Все прочие женские выделения также слишком обильны. В «Венецианском купце» (1596-1598) Шекспир говорит, что кровоточащее тело мужчины похоже на женское. Гейл Керн Пастер считает, что пристальное внимание к «бездонности» и избытку жидкости, а также шутки по этому поводу связаны с тем, что женское тело приводило в замешательство, а состояние замешательства было принципиально важно для зрителей елизаветинского театра (откуда и появилось название книги Пастера)⁷¹. Это очень привлекательная гипотеза. Она дополняет мысль Норберта Элиаса о том, что переход к цивилизованному поведению начинается с контроля за естественными отправлениями.

О том же постоянно говорит и Эразм начиная со своего трактата «О приличном поведении детей» (1530). В русле этих идей находится и концепция Михаила Бахтина по поводу «гротескного тела» в народной культуре, которое открыто извергает экскременты и выделения⁷². Понятие «замешательства» фиксирует некий переходный момент от крестьянской нормы коллективного стыда к самоконтролю, характерному для культуры личной вины, которая утверждается в обществе медленно и постепенно. В первую очередь это касается лондонцев — основных зрителей шекспировских пьес, но подобный процесс проходит и в других больших городах, где бытовое поведение модернизируется.

Чувство некоторого смущения перед избыточными телесными отправлениями, которые следовало бы скрывать, вдохновляет также фламандских и голландских хуг дожников — последователей Брейгеля Старшего. На жанровых полотнах из сельской жизни часто изображается писающий крестьянин. Владельцы картины — а это чаще всего горожане со средним или высоким достатком — смеются над ним, так как считают свое поведение более утонченным. В XIX веке наследники этих владельцев просто стирали или замазывали на полотнах подобные сцены, так как мораль их века считала такое абсолютно недопустимым.

Представление о наслаждении, прежде всего сексуальном, тесно связано с тем, как субъект ощущает и осознает себя и свое тело. В эпоху Возрождения бытовала так называемая «обогревательная модель сексуальности»⁷³. Левинус Лемний, зеландский врач, которого мы упоминали выше, пишет в книге «Невидимые тайны природы», что источник наслаждения кроется в мозгу и печени, при этом эрекция у мужчины происходит от внешнего тепла поступающего из сосудов сердца. Врачи эпохи, как и авторы пособий по приличному поведению, считали, что единственной целью половых сношений является про должение рода. Следовательно, каждый половой акт дод. жен быть эффективен и приводить к зачатию. Для этого надо, чтобы оба участника одновременно испытали оргазм, так как тогда их «семя» (считалось, что женщина тоже извергает его) нагреется до определенной температуры; Именно для этого нужны и предварительные лас* ки, хотя ни в одном тексте эпохи не упоминается клитор. В целом половой акт — изнуряющее усилие, и у тех мужчин, что злоупотребляют радостями плоти, снижается эффективность спермы. Ученые того времени всерьез обсуждали, кто из партнеров должен получать больше удовольствия. Самым распространенным было мнение, что наслаждение женщины выше, так как она и извергает собственное семя, и получает семя партнера⁷⁴.

Медицинские средства эпохи были по большей части очистительными. Больного старались избавить от избыточной жидкости кровопусканиями или клистиром. Мольер часто смеется над клистиром, но, может быть, его применение вызывало и неожиданное эротическое ощущение? В некоторых текстах, например в альманахах, очищение желудка уподобляется соитию. Клистиром пользовались часто, почти ежедневно, испытывая двойственное чувства стыда и удовлетворения: врачебное предписание оборачивалось сладострастным удовольствием⁷⁵.

Это замечание вызывает доверие. В этой главе уже говорилось о двойственности образа юноши, переодетого в женщину на сцене, о гомосексуальной практике в «сообществах молодых». Все это дает возможность \ положить, что анальное удовлетворение — реальное * воображаемое — было довольно распространено ПТМ этом в Англии и во Франции, где существовали строгие законы против содомии, почти не зафиксировано арвJ ее их применения на практике. 7

Девушкам тоже ставили клистир. Интересно а получали от этого удовольствие? \

Глава 3

ПЛОТСКИЕ РАДОСТИ — СМЕРТНЫЕ ГРЕХИ

Фаншона: Но все же как поступают те робкие девушки, что боятся понести? Как удается им обходиться без мужчины, когда желание так и разбирает и подымается к горлу и передок как в огне и, как его ни три, никакого облегчения не наступает?

Сюзанна: Я скажу тебе, кузина, что они делают. Ведь есть такие девушки, к которым ни разу не прикасался мужчина, и, тем не менее, они не отказывают себе в радости возбудиться от сладкого удовольствия и при этом не опасаются последствий.

Фаншона: Но как такое может быть?

[...]

Сюзанна: Девушки, у которых нет под рукой статуи [перед этим был рассказан анекдот о дочке короля, воспользовавшейся бронзовой статуей мужчины с большим penisом, сделанным из более мягкого материала-Р. М], довольствуются поддельным членом или просто штучками из бархата или из стекла, по форме похожими на член. Они наливают туда теплое молоко и чешут себя изнутри, Другие пользуются колбасой, толстыми свечками-теми, что по четыре штуки за ливр, или же просто засовывают палец так далеко, как только можно, и получают от этого облегчение. Ведь сколько есть на свете несчастных девушек, затворниц поневоле, и сколько монахинь, что и на мир могут поглядеть лишь одним глазком. Все они вынуждены выходить из положения таким образом и не могут побороть искушения, ведь сношаться так же необходимо,

как есть и пить! Как только девушке исполнится 15 лет, ее одолевает вожделение, и надо как-то усмирить свой естественный пыл!¹

«Школа девушек» — короткий анонимный текст, откуда взят этот отрывок, — появилась в 1655 году. Позже его обнаружил Фредерик Лашевр (1855-1943), большой знаток подобной литературы, открывший для читателей немало забытых авторов-либертенов и вместе с тем несколько шокированных их писаниями. Он увидел в «Школе девушек» первое эротическое пособие, написанное по-французски. Однако текст интересен не только этим. Произведение поражает своей необычностью с самых разных углов зрения. Удивителен тон изложения, высокое качество стиля, сам замысел автора (или авторов). В эпоху жесткой цензуры, когда в изобилии публиковались учебники «хорошего тона», призванные снабдить «порядочного человека», горожанина, правилами вежливого поведения и навыками жесткого самоконтроля², «Школа девушек» предлагает очень плотский урок «воспитания чувств», проникнутый иронией и посвященный женским сексуальным проблемам! Впервые под пером мужчины (автор, очевидно, мужчина) появляется мысль о том, что женское тело имеет право на эротические ощущения. Эта невозделанная почва разработана здесь с точностью и обезоруживающей простотой в выражениях: все названо своими именами. Жаль, что не было найдено параллельной «школы юношей». Мольер чуть позже написал «Школу мужей» (1661), а еще годом позже — «Школу жен» (1662). Он тоже считает вполне правомерным, что Агнесса — героиня пьесы — хочет испытать любовное удовольствие. Но Мольер следует правилам приличия, и девушка ждет радостей и сладостей от брака³.

Совсем иная позиция у Фаншоны, которую обучает ее кузина Сюзанна. По ее мнению, есть, пить и сношаться — естественно. Мы увидим дальше, что «Школа» повто ряет мысли либертенов эпохи, в частности барона де Бло, умершего в 1655 году. В то время как господствующие нравственные и религиозные нормы, усвоенные правила поведения, законы, установленные мужчинами, провозглашают, что любое чрезмерное внимание к телу греховно, раздаются и совсем иные голоса. Они говорят, что каждое человеческое существо имеет право на чувственные радости, и женщины не исключение из этого правила. Мольер говорит о том же, но осторожно, устами невинной Агнессы, спрашивающей, что такое «любовь»: «Вы говорите, это грех? Помилуйте, но почему?»⁴ «Школа девушек» будет путеводной нитью данной главы⁵. Историки менее любопытные и более суровые, чем Фредерик Лашевр, часто принимают за чистую монету проповеди моралистов эпохи. Однако в повседневной жизни все идет не так гладко, как хотелось бы моралистам. Самые строгие судебные законы действуют лишь тогда, когда население признает их справедливость. Как много авторов блестящих трудов о семье и браке забывают об этом, и их собственные труды тоже настигает забвение⁶. Однако не стоит пренебрегать теоретическими и юридическими данными, они могут стать отправной точкой исследования: необходимо понимать, насколько сильны были запреты.

Наслаждения плоти видятся как серьезный грех в христианской монашеской традиции, влияние которой после Реформации распространилось и на городское общество, и на определенные крестьянские круги. Вместе с тем нельзя не учитывать реальное положение вещей: запреты нарушались очень часто, иногда систематически. Данные, почерпнутые из судебных архивов Франции и Англии, могут быть сопоставлены со «Школой девушек». Мы получим, таким образом, любопытную точку зрения и увидим, что эротическое сочинение о женском оргазме, написанное с иронией и оттенком игрусти, представляет в сжатом виде тот опыт телесных радостей, который был известен гораздо большему числу людей, чем это кажется на первый взгляд. Даже крестьяне прибегали к нему. Этот опыт противостоял попыткам новых поборников нравственности заморозить чувственную жизнь человека. Конечным результатом подобного противостояния стало то, что внутри нашей культуры понятия сладострастия и проступка надолго оказались связаны с неминуемым наказанием за него. Наслаждаться и знать, что за это придется расплачиваться, — вот удел тех, кто телом и душой противился

ужесточению запретов и» табу. Задолго до маркиза де Сада в XVII веке было открыто, как велика роль боли и крови в возбуждении чувственности, и сделал это Никола Шорье в 1660 году в книге «Диалоги Алоизия Сигеа», известной также под названием «Сотадическая сатира»⁷.

ЗАПРЕТНЫЕ СТРАСТИ

Христианство «с самых своих начал противопоставляло тело и дух и вело борьбу с плотью во имя духа», пишет Жан-Луи Фландрен. Учение и практика закрепились во времена формирования монашества, между VI и XI веками. Безбрачие и воздержание, принятые монахами добровольно, стали рассматриваться как идеал мирской жизни, при этом брак считался уступкой или даже опасной ловушкой, если супруги получали телесное довольствие. «Мы не говорим, что брак сам по себе греховен, — поясняет Григорий Великий, — но брак не может обойтись без телесного сладострастия, а оно не может не бытьгре-хом». Верующим предлагается размышлять над словами апостола Павла: «Кто не может жить в воздержании, пусть женится». Разумеется, брак освящен церковью, но радостям супружеской жизни надо предаваться сдержанно, дабы избежать греха и вечного проклятия. Вот почему церковь занялась вопросом вплотную и создала многочисленные запреты на браки между дальними родственниками, а также предписала обязательное воздержание в праздники и посты, особенно в Великий пост перед Пасхой и в Адвент. Монахи превратили собственную добровольную жертву в обязательное правило для мирян, и всем супружеским парам было предписано систематическое воздержание, «почти столь же тяжелое, как и монашеский обет»⁸.

Хотя христианское учение о браке и было сформулировано, его восприняли не сразу и не полностью. В XVII веке многие еще сопротивлялись давлению, в частности крестьяне Западной Европы. А после Реформации давление усилилось, так как протестанты и католики соревновались в том, кто полнее обеспечит спасение души своим адептам. Супружеский союз стал предметом всевозрастающего интереса и тех и других. С середины XVI века папа ужесточает контроль над соблюдением правил воздержания. Интеллигенты нового поколения отказываются от оптимистических воззрений Эразма на взаимоотношения Создателя и человека. В 1520-1530-е годы такое направление главенствовало в гуманистической мысли. Его переняли непосредственные ученики Эразма, его проповедовал Томас Мор в Англии и Рабле во Франции, а художники стали безбоязненно изображать обнаженное человеческое тело, так как красота его в очередной раз свидетельствовала о доброте и могуществе Господа. Великаны Рабле были метафорой, говорящей о том, что человек больше не должен умять себя, так как он излучает свет разума и предстает во всем своем величии перед благоволяющим оком того, кто создал его по образу и подобию своему. Но в 1560-е годы направление умов изменилось. Во Франции, Англии, Нидерландах разразились религиозные войны, и, глядя на воцарившийся хаос, последователи гуманистов, как, например, Пьер Бюэстюо, вздыхают: «Жизнь человека — это жалкая трагедия». Он говорит без обиняков, что виновата в этом женщина: «Посмотрите, от какого семени он зачат? Оно испорчено и нечисто. Где рождается человек? В скверне и грязи. Как чувствует он себя там, во чреве матери, под тяжестью отвратительной и бесчувственной плоти?» Беды происходят еще и оттого, что «его питает менструальная кровь матери, а кровь эта настолько отвратительна и гадка, что я не могу пересказать без отвращения все то, что пишут о ней ученые и философы. Пусть те, кому это интересно, сами почитают Плиния...»

1 пл

На протяжении всей беременности матери ребенок пьет «этот яд», а сама беременность уподоблена болезни, в течение которой материнское тело: «переполняют тухлые и порченые жидкости». И далее «трагедия человеческой жизни» предстает в самом удручающем свете: «Внимательно приглядевшись к тому, каким образом мы появляемся на свет, нельзя не признать справедливость старинной поговорки: мы зачаты в дурно пахнущих нечистотах, рождены в боли и печали, воспитаны в тоске и трудах»* На

Триденском соборе (1545-1563) были приняты каноны 11 ноября 1563 года, в которых утверждалось, что брак может быть только моногамным и нерасторжимым. В то же время и королевское законодательство обрамляет брак множеством ограничений и предписаний. Эдикт Генриха II, изданный в феврале 1557 года (по новому стилю), наложил запрет на тайные браки, «что ежедневно заключаются в нашем королевстве отпрысками знатных семей без согласия и против воли их родителей и в угоду плотской, нескромной и Чразнузданной страсти». Несовершеннолетние, то есть юноши до 30 лет и девушки до 25 лет, вступившие в тайный брак, подлежат лишению наследства. Те, кто старше, «обязаны поставить родителей в известность и добиться согласия вышеозначенных Мать и отца на брак». Однако последующие документы говорят о том, что меры оказались не слишком эффективными. В 1579 году ордонанс из Блуа провозглашает необходимость согласия на брак сирот и опекунов, покровителей или близких родственников, то же относится и к вступающим в повторный брак вдовам моложе 25 лет. Перед заключением брака должно быть сделано три оглашения, а на самой церемонии должны присутствовать не менее четырех свидетелей. Ордонанс запрещает также заключать союзы «по взаимному обещанию» в присутствии нотариуса: нечто вроде пробного брака, позволяющего будущим супругам совместно жить и вступать в плотские сношения до совершения церковного таинства. Эдикт 1606 года напоминает о необходимости следовать этим предписаниям, вплоть до аннулирования брака в случае их нарушения. Кодекс Мишо 1629 года вновь говорит о необходимости «укреплять власть родителей над детьми». С 1639 года многие ордонансы возвращаются все к тем же щепетильным проблемам тайных браков и браков без согласия родителей. Упорство королевских законодателей как нельзя лучше говорит о том, что последние Валуа и первые Бурбоны считали вопрос о браках делом первостепенной важности. А ордонанс 1579 года квалифицирует как похищение любой брачный союз, заключенный несовершеннолетними без согласия родителей, что дает возможность требовать его аннулирования парламентом¹⁰.

Все эти документы говорят об обширных культурных и религиозных переменах, проявившихся и в том, как часто литература и театр стали говорить о всепожирающей похоти женщин: те из них, кто не уходит в монахини, могут получить вечное спасение, лишь вступив в брак. Супружеские пары, переняв монашескую мораль периодического воздержания, оказались во власти постоянного страха перед тем адом, что располагался внизу тела. Там дремали демоны, и каждый должен был остерегаться их. Женщинам они были опаснее, чем мужчинам, ибо женщины сами не могут сдержать похотливых желаний. В смутное время религиозных войн и конфессиональных столкновений старые проповеди об опасности греха приобрели тревожный колорит, особенно в городах, которым угрожали противники веры или которые были осаждены ими. Устрашающие и весьма реалистические изображения наказания грешников, которыми расписывались церкви позднего Средневековья, как бы сошли со стены утвердились в сознании¹¹. В Европе с 1560-1580-х годов все чаще пылают костры, на которых сжигают ведьм, и все шире в сознании утверждается стереотип: ведьма - это распутная старуха крестьянка, отдавшаяся Сатане, чтобы воспротивиться божьей воле и ускорить гибель человечества. Иногда само то, что женщина дает жизнь, обрекает ее на смерть: ее упрекают, что она убивает своих некрещеных младенцев и вручает их души дьяволу. Все эти вымыслы сконцентрированы, как правило, в обвинительных рассуждениях мужчин-горожан, а книги и картинки распространяют их среди всех слоев населения. Вымыслам верят тем более, что их поддерживают не только церковники, но и врачи, законодатели, судьи, авторы художественных литературных произведений, как, например, Рабле в «Третьей книге». Те, кто не умеет читать, разглядывают картинки-гравюры, которые в изобилии печатаются в Париже. На 6000 картинках, вышедших с 1490 по 1620 год, представлены два противоположных образа женщины. Примерно две трети картинок изображают дьяволицу, подвластную всем смертным грехам. Выше всех располагается похоть, затем

следуют по порядку зависть, гордыня, лень, скупость, гнев и наконец чревоугодие. Любопытный перечень запретных наслаждений, что ведут к вечному проклятию! Заметим, что в культуре доминирует клише о «естественном предрасположении» дочерей Евы к безудержному наслаждению радостями плоти. Оно крайне выгодно для мужчин, так как позволяет им без зазрения совести прибегать к двой-

1 0 0

ному стандарту в сексуальном отношении: раз в душе каждой женщины дремлет «блудница», ничто не мешает считать законной добычей всех тех, кого недостаточно охраняют или защищают мужья. На остальных картинах — их чуть больше трети, — прославляется добродетельная дама, целомудренная, но плодовитая. Благочестивых девственниц немного, в основном это идеальные спутницы жизни, верные супруги и прекрасные матери. Они, в отличие от тех сосудов греха, что ищут наслаждений, закрыты для искушений. Их тела рожают, а потом вскармливают дитя¹². Такая женщина, добродетельная супруга и мать, смелая и готовая к самопожертвованию, отмечена особыми знаками, говорящими о том, что она обязательно заслужит спасение души, ибо смиренно принимает опеку мужчины, а только мужчина может вести по правильному пути тех, кого природа предрасположила к грехопадению.

В европейском искусстве эти знаки выделены, они соотносятся с деторождением и вскармливанием грудью: последовательно, шаг за шагом, противопоставляются «шлюха» и «мамочка»¹³. Удлиненные женские фигуры с маленькой высокой грудью, такие как «Венера» Боттичелли, Ева с полотен Краха Старшего или женщины на картинах Жана Гужона во Франции, в середине XVI века уступают место совсем другим образцам. Художники поздней школы Фонтенбло, а также Рубенс в цикле картин, написанных для Люксембургского дворца по заказу Марии Медичи, предпочитают округлые и пышные формы. Образы торжествующей плоти напоминают и о том, что слишком откровенное вместилище женского начала должно быть усмирено силой добродетели. Женские флюиды не должны переходить в нечистую менструальную

кровь или увеличивать сладострастное наслаждение; ими следует наполнять те части тела, что служат одному лишь вскармливанию младенца. Выше уже отмечалось, что медики того времени считали все жидкости тела подобными друг другу и способными превращаться в кровь. Материнское молоко, таким образом, имеет ту же природу, что и женская сперма, которую, как представлялось в те времена, женщина извергает во время соития. После рождения ребенка семяизвержение должно полностью сублимироваться в лактации. В этой концепции слышны отклики представления о браке в целом. Его следовало возвеличить и сделать священным, несмотря на то греховное Плотское наслаждение, что ему сопутствовало, Церковники и законодатели должны были разработать целую систему установлений и запретов, чтобы ввести плотские наслаждения в узкие рамки супружеских уз и исключить все иные, получаемые вне этих уз.

Сексуальное подавление очень четко проявляется в уголовных делах XVI-XVII веков, зафиксированных в архивах. Законы и юриспруденция во Франции формируют отрицательное отношение к злоупотреблениям плотскими радостями, а духовники на исповеди задают специальные вопросы о том, как именно протекает сексуальная жизнь супругов¹⁴.

Усилия тех и других достигают пика в период правления Людовика XIII. Законник Клод де Брен де ла Ро* шетт издает в 1609 году в Лионе «Гражданский и уголовный процессуальный кодекс». В нем он различает четыре большие группы преступлений. Самые распространенные — покушения на личность и кража, самые редкие — оскорбление королевского или божественного величия. А между ними находятся различные типы «распутства», связанные с нарушением норм сексуального поведения¹⁵. Устанавливается и градация этих нарушений по степени тяжести, которая, очевидно, связана с тем, насколько сильный ущерб они наносят священным принципам брака. Первым проступком на шкале подавления предстает мастурбация, но преследование ее в законодательном

порядке осложняется тем, что человека слишком трудно заставить за совершением этого преступного деяния. Затем, по мере возрастания тяжести, идут сексуальные связи вне брака, внебрачное постоянное сожитительство, адюльтер, двоеженство. Характер наказания за них зависит от порядков, принятых в той или иной местности, но не доходит до смертной казни. Смертная казнь предусмотрена за изнасилование, женскую или мужскую однополую связь (содомия в браке рассматривается как менее тяжкий проступок, и наказание за нее остается за исповедником), половую связь между родителями и детьми или братьями и сестрами (инцест), скотоложество (животное в качестве наказания обычно забивают). Кроме того, королевским эдиктом 1557 года приговариваются к смерти матери, родившие ребенка вне брака и сумевшие скрыть от властей свою беременность, в том случае, если младенец после рождения умер по любой причине. Между 1557 и 1789 годом парижский парламент вынес около 1500 смертных приговоров по таким делам, что само по себе говорит о том, насколько распространено было подобное явление. Наконец, колдуны и колдуньи, приговоренные к сожжению за оскорбление божьего величия, обвинялись еще и в участии в шабаше и плотских сношениях с демонами — инкубом или суккубом, смотря по обстоятельствам. Признания ведьм на суде часто содержат описания соития, причинявшего боль, так как дьявольский пенис был ледяной и покрыт колючками¹⁶.

Сексуальные преступления, за исключением «сокрытия беременности» и детоубийства, не оставили заметных следов в судебных архивах. Содомия, совокупление с животными и инцест, столь тяжкие в глазах законодателей, упоминаются в судебных протоколах крайне редко. Конечно, нельзя исключать, что документы, где рассказывалось о подобных случаях, уничтожались; но и это лишь частичное объяснение. Судебные преследования по таким делам возбуждались лишь в самых исключительных случаях, что говорит о некоем негласном попуститель*стве, существовавшем на этот счет в обществе, особенно в сельских районах. Изнасилование в документах представлено более обильно: по моим изысканиям, в архивах парижского парламента из 641 уголовного дела 18 случаев касаются изнасилования в 1567 году и 13 из 673 — в 1568 году. И здесь доля, приходящаяся на дела сельских жителей, весьма мала. Даже если подобное преступление, совершенное в деревне, и становится предметом судебного разбирательства, смертный приговор выносится очень редко. За два года он встречается только 3 раза, то есть охватывает 10% всех приговоров, и каждый раз изнасилованию сопутствуют отягчающие обстоятельства. Кроме того, 7 обвиняемых приговорены к каторжным работам на галерах, а другие — к наказанию кнутом, изгнанию или же судебное дело просто прекращено. В тех же документах присутствует немало дел, связанных с обвинением в адюльтере, что говорит о том, как возросло внимание к святости семейных уз после эдикта 1557 года. В 1567-1568 годах осуждены 33 человека, из них 18 женщин. Правда, самыми суровыми приговорами стали отправка на галеры двух мужчин и изгнание на два года незамужней девушки, вступившей в связь с женатым мужчиной. Другие были приговорены к изгнанию, пуолич-ной порке, штрафу или выставлению на позор. Внимание властей привлекает в первую очередь ослабление семьи в городе. Среди женской части населения на 7 крестьянок приходится 11 горожанок, а в целом на 11 замужних приходится 4 вдовы и 3 незамужних. При этом крестьяне составляют 80% всего населения. По всей видимости, нравственные и церковные запреты в деревне были не так строги, как в городе, и крестьян реже подвергали судебным преследованиям, чем горожан, что совсем не означает, что крестьяне были менее склонны к совершению чувственных грехов. Столетие спустя, около 1670 года, дела об адюльтере почти совсем исчезают из исков, поданных в парламент Парижа. По-видимому, твердо устанавливается другая практика, связанная с представлением о главенстве мужа в семье. Обманутый муж имеет право отправить виновницу в монастырь на два года, а затем может решать, оставить ли ее там навсегда или забрать обратно. Нечего и говорить, что обратная ситуация, когда виновной стороной является муж, не рассматривается¹⁷.

Прокомментировать явление во всей его полноте непросто. Поборники строгих нравов могут увидеть здесь наглядное подтверждение того, что моральный уровень жизни народа в этот период резко возрос. Я же склонен считать, что если среди миллионов французов, подпадающих под юридическую власть парижского парламента, так мало обвиняемых в сексуальных преступлениях, то это говорит скорее о том, что сексуальное поведение по сути мало изменилось. Однако те, кто привык жить в согласии с государственными и церковными законами, не могли не ощущать на себе все возрастающее давление. Исповедь на ухо священнику стала обязательной, исповедник настойчиво дознавался, какие грехи совершены, признание в них стало долгом христианина — все это, возможно, усиливало чувство вины и наделяло его новым значением; Пособия для исповедников рекомендуют священникам задавать вопросы семейным прихожанам и особенно прихожанкам: как именно происходит половой акт, какую позицию принимают партнеры, не пытаются ли они избежать прямого попадания семени во влагалище и не предаются ли другим недозволенным телесным радостям. К сожалению, мы не располагаем данными о том, как отвечали французы-католики на вопросы исповедника, что позволило бы представить реальное положение дел. Лишь в консисторских отчетах французов-протестантов — а их после 1598 года становилось все меньше и меньше — можно найти сведения на этот счет¹⁸.

Изучение английских документов может дополнить картину. Выше уже говорилось о том, что в конце XVI века англиканская и пуританская церковь яростно спорили по поводу святости брака. В 1597 году возобладала англиканская точка зрения, и она была законодательно закреплена королем Иаковом I. В 1604 году каноны англиканской церкви провозглашают концепцию брака, близкую к французской католической; брак нерасторжим, во время церемонии необходимо трижды спросить паству о возможных препятствиях к браку, запрещается брак между родственниками, а также без согласия родителей, если жениху и невесте меньше 21 года. Кроме того, канон 109 вменяет в обязанность приходским надзирателям (обычно их двое на общину) сообщать вышестоящим лицам о случаях непристойного поведения прихожан, то есть об адюльтерах, проституции, инцесте и иных мерзостях. За нравственностью следят и епископы. Так, например, епископ Бата и Уэлса в 1630 году запросил подробный отчет о всех проявлениях безнравственности начиная с простого прелюбодеяния, о поведении, угрожающем целомудрию женщин, проявлениях женской и мужской похоти, незамужних беременных девушках и возможных грехах их детей, о тех молодых людях, что женятся на гих распутницах, часто прикрывая тем самым грех своего отца, а также о неумелых повивальных бабках и о тех, у кого нет лицензии и кто поддерживает материально всех перечисленных преступников. Задача состояла не в том, чтобы найти доказательства совершенного греха, а в том, чтобы ослабить провинившегося и заставить его покаяться перед церковными властями. Если о ком-то «ходят слухи», это уже само по себе достаточное основание, чтобы потребовать у него объяснений.

Первая английская революция пресвитерианским указом 1645 года отменила положение о браке как о священном таинстве, однако в реальности почти ничего не изменилось. В акте 1650 года говорилось о необходимости покончить с отвратительными грехами — инцестом, адюльтером и прелюбодеянием. Однако акт предусматривал столь суровые меры наказания, что никак не мог быть применен на практике. За инцест и адюльтер полагалась смертная казнь, кроме тех случаев, когда мужчина не знал, что его партнерша состоит в браке, или же супруг женщины, уличенной в адюльтере, отсутствовал в течение трех лет. Чаще всего довольствовались наказанием, предусмотренным за простое прелюбодеяние, как это было в Сомерсете: три месяца тюрьмы и годовой испытательный срок для простого прелюбодея; наказание кнутом, позорный столб, выжигание клейма «В» раскаленным железом и три года заключения для содержателя

Часть вторая. Отпечатки. Наслаждение в боли (XVI—XVII борДЄЛЯ. В Случае ПОВТОРНОГО Преступления ЄГО ОЖип смертная казнь. Городские власти обязаны были след!? не совершаются ли такие преступления, как изнасило ние или совокупление между мужчинами либо с яоа* ми. Однако на практике они выступали как своего «общинные охранники нравственности» и следили* сексуальной жизнью общины в целом. Законодатель Тюдоров полностью возложило на городские власти щ блему незаконнорожденных детей, причем не ТОЛЬКО Не. обходимость наказывать отцов-виновников, но и заботу., содержании самих детей, не допуская при этом, чтобы дела прихода пострадали. В графстве Сомерсет на юго, паде острова Великобритания были созданы два типа су. дов: светские и церковные. Их обильные впечатляющие архивы позволили Джеффри Роберту Кейфу собрать богатый урожай документов и составить представление о сексуальной жизни населения Сомерсета с 1601 по 1660 год».

РАДОСТИ СЕКСА

Согласно установившемуся мнению, народ, в особенности сельское население, принял и усвоил жесткие, леденящие нравственные установления 1550-1650 годов. Тем самым объяснялось, почему следующие поколения оказались менее суровыми и менее вспыльчивыми. Хотя это мнение касалось прежде всего изменений при французском дворе Людовика XIV, в том же русле лежит и концепция «цивилизации нравов», выдвинутая Норбер* том Элиасом, и ностальгические размышления Михаила Бахтина о некогда существовавшей скатологической и чувственной народной культуре, последним свидетелем которой стал Рабле²⁰. В Англии, как считалось, пуританская мораль распространилась повсеместно, захватив и низшие слои общества²¹. Однако документы о жизни в Сомерсете с 1601 по 1660 год говорят о другом и заставляют серьезно задуматься, насколько справедливы привычные исторические реконструкции.

Крестьянская эротика в Сомерсете

В это время население Сомерсета составляло около 200 тысяч жителей. Графство, как и вся страна, находилось под строгим нравственным надзором. Распоряжения англиканских епископов поражают точностью и осведомленностью в делах каждого прихожанина. Создается впечатление, что ничто не может укрыться от глаз церкви, использующей и слухи, и сплетни кумушек, и похвальбу подвыпивших мужчин, и признания умирающих, сделанные на последней исповеди. Однако те усилия, что приходится применять для сбора подобной информации, совершенно не соответствуют мерам, принятым для к* казания виновных. Наказания не слишком разнообразны: это или увещевание, или необходимость принести публичное покаяние. Как правило, публично каяться должны те, кто уличен в инцесте, прелюбодеянии или адюльтере. Покаяние состоит из двух церемоний на паперти и одной в соборе. В особо серьезных случаях проводится еще одна церемония — на рыночной площади. Англиканские церковные власти с середины XVI века ведут себя достаточно либерально во всем, что касается брака и сексуальной жизни²²; несомненно, это происходит потому, что они не надеются в корне изменить поведение верующих. Крестьяне перед первой английской революцией и во время нее живут в тяжелых условиях. В каждом подспудно зреет жажда насилия, готовая вырваться при первом удобном случае. Злоупотребление крепкими напитками и пивом — бедствие, с которым отчаянно сражаются местные власти. Но успеха эта борьба не приносит, так как пьянство — это прибежище, в котором люди находят облегчение, нечто вроде наркотика²³. То же самое и в ту же эпоху происходит в графстве Артуа, находящемся под опекой испанцев, а с 1640 года — французов²⁴. Можно предположить, что это характерные черты жизни западных деревень того времени²⁵.

В Сомерсете сексуальная жизнь относительно свободна. Автор даже делает вывод об аморальности крестьян. Исключение составляют дочери и жены йоменов, богатых фермеров, которых сильнее, чем прочих крестьян, затронула морализаторская волна. Джентри (островная знать) тоже достаточно строги в вопросах нравственности., но они и

йомены составляют явное меньшинство. На первый взгляд, демографические данные свидетельствуют о контроле над любовными желаниями. Незаконнорожденные дети редки — в среднем только 3% всех младенцев, причем их количество уменьшается на две ети с первого до второго десятилетия исследуемого резка времени. От 16 до 25% крестин приходится на детей, зачатых до брака (определяется по тому, что их матери выходили замуж уже беременными). Эти данные по отдельным приходам соответствуют наблюдениям Питера Леслетта, касающимся Англии в целом. Он считает, что в XVII веке начинается длительная фаза снижения количества незаконнорожденных детей: 18-20% по сравнению с 32% в предшествующих, 1550-1590 годах, и увеличение в последующий период — до 39% к 1800-1849 годам²⁶. В том что касается незаконнорожденных, ситуация во Франции при Людовике XIII и Людовике XIV примерно такая же, как и в Англии. В нижней Нормандии они составляют примерно 3% всех родившихся, а по другим регионам цифра падает порой до 1%. Статистика добрачного зачатия у молодых французов ниже, чем по другую сторону Ла-Манша: 5-10 %²⁷. Но если мы перейдем от демографической статистики к документам, оставленным английской системой церковного надзора, картина изменится в корне.

Мужчина на всех уровнях общества пользуется сексуальной свободой и до, и после брака. В его глазах женщина, каково бы ни было ее социальное положение, всегда есть законный объект вожделения. Если он останется с ней наедине, он попытается обольстить ее, даже если она замужем. Многие мужчины даже не понимают, почему их обвиняют в такой малости: одни утверждают, что женщинам только нравится такое поведение, другие ссылаются на позволение собственной супруги. И все они опираются на представление о женщине как о существе похотливом и постоянно ищущем партнера, дабы утолить свое вожделение. Самих себя они считают вполнеор. мальными, разве что несколько «разгорячившимися» в определенный момент, так что им потребовалось охладить пыл быстрым семяизвержением. Один пообещал девушке, что, если она выйдет с ним в другую комнату, все дело не займет и минуты. Самец вправе получить удовольствие, и его совершенно не заботят чувства партнерши. Многие не стыдятся хвастаются своими подвигами в кабаках или других местах. Так, например, некий крестьянин из Уэст-Хетча бахвалился, что за двадцать лет овладел множеством соотечественниц, как незамужних, так и замужних. В обществе молчаливого попустительства даже нет необходимости прибегать к тому двойному нравственному стандарту, что воцарится в ХГХ веке! Желания женщин не играют большой роли в мужских разговорах, но сами женщины порой готовы громко заявить о своих потребностях. Особенно активны женщины из низших слоев общества. Многие без стеснения рассказывают о своих любовных похождениях. Другие жалуются, что у них слишком старый муж, или же он уклоняется от исполнения супружеских обязанностей, или слишком быстро прерывает акт. Жалуются и на то, что у мужа слишком маленький пенис. Их речи только подтверждают мнение мужчин об эротической ненасытности женского пола, Новые нравственные законы стремятся внушить женщинам, что почтенная супруга должна отдавать свой пыл только мужу и единственно ради продолжения рода. Такая мораль распространяется в семьях йоменов и джентри. Однако честь мужчины никак не связана с тем, насколько он может обуздать свои плотские желания. Если

(ушка забеременела от холостого мужчины, он должен ниться на ней, но если и он, и она уже состоят в браке, мужчина должен лишь позаботиться о судьбе ребенка и дать деньги на его содержание. После этого в сообществе опять воцаряется мир и благодать. Только боязнь венерических болезней по-настоящему сдерживает сексуальную свободу мужчины-самца²⁸.

Всплывают и другие детали. Мужские гомосексуальные связи, которые теоретически караются смертью, в документах светских судов Сомерсета появляются только дважды. Очень редко в церковных документах упоминается и инцест, столь порицаемый в последующие века²⁹. Быть может, здесь содомия не стала таким же принятым выплеском

сексуальной энергии для холостяков, как во Франции?30 Но, возможно, как раз наоборот, гомосексуализм был настолько обыденным явлением, что власти не требовали информации на этот счет. А вот мастурбация упоминается очень часто. Причем она понимается широко — не только как способ облегчения для фрустрированных, но и как любая прелюдия к половому акту. Часто и в разных обстоятельствах используется стимуляция пениса руками, поглаживание клитора или влагалища. К этому способу охотно прибегают проститутки. Отсутствие в обиходе нижнего белья облегчает дело мужчинам, например, когда они сидят верхом на лошади. Иногда, уговаривая девушку или женщину пойти в ласках дальше, достают свой член, двигают им взад и вперед, кладут на него ее пальцы, вкладывают свой член в ее руки. В одном из доносов сообщалось, что мужчина клал член на плечо сидящей замужней прихожанки. Женщины редко выставляют свои половые органы на обозрение, но позволяют их трогать и щупать. Счастливицы, которым женщины

позволяют это сделать, охотно делятся впечатлениями и дают выразительные комментарии. Один рассказывает при всех, что «штучка Мэри Питтард мягкая, как пуховая подушка», и прилюдно поздравляет женщину с «нежным передком». Некоторые мужчины щупают всех женщин, до которых могут дотянуться. Один доносчик рассказывает, что некто так долго мял рукой влагалище девушки, что она написала ему в ладонь. Кейф считает, что такие повсеместно принятые вольности характерны для подростков после наступления половой зрелости и до женитьбы, то есть на протяжении 10-12 лет. Они занимаются взаимной мастурбацией или играют с женскими половыми органами, но эти игры могут иметь серьезные последствия для их дальнейшей половой жизни. В качестве аргумента он приводит нередкие случаи, когда сексуальная агрессия принимает схожие формы. Так, например, шесть мужчин, напившихся в таверне, силой укладывают служанку на стол и щупают по очереди ее «стыдные части тела», льют в них пиво. Последний} *«самый честный из всех», просто щупает ее... пока не выпьет еще пива*1. Взаимные женские ласки упоминаются в документах крайне редко. Кроме того, в них почти ничего не говорится о скотоложестве (одно упоминание) и об оральном сексе. Для молодых сомерсетских самцов основным способом удовлетворения, очевидно, была гетеросексуальная мастурбация, доходящая до семяизвержения* Сразу за ней по частоте идет посещение замужних женщин, Подростки и взрослые постоянно испытывают замужних женщин на верность мужу, и очень многие женщины уступают домогательствам. Иногда это происходит в доме, чаще — всюду, где выпадает возможность. Проявленная изобретательность была бы достойна пера Боккаччо, Брантома в его «Галантных дамах» или Маргариты Навар рекой и ее «Гептамерона». Запретным наслаждениям предаются повсюду: дома в отсутствие мужа, которого жена специально усладала по какой-нибудь надобности, под стеной замка, под забором, в хлеву и очень часто — в таверне* иногда в туалетной комнате кабачка.... Позы» принятые во время акта, далеко не всегда соответствуют дозволенному положению «мужчина на женщине». Часто у партнеров нет времени1, чтобы лечь, они сходятся стоя или прислонившись к дереву, к кормушке для скота, к изгороди (в этом случае любовник, чтобы добиться цели, должен задрать ногу своей партнерши), на лестнице32. В «Школе девушек» описаны подобные случаи, при этом часто говорится о том, что друга Сюзанны особенно возбуждает страх быть застигнутым, и от этого удовольствие их быстрых сношений только возрастает.

Картина простонародной сексуальности графства Сомерсет предстает в красках и во всем своем многообразии. Проститутки занимают важное место в жизни приходов, в том числе деревенских, и их занятия отнюдь не вызывают всеобщего порицания, как того хотелось бы пуританам. Существует четыре типа проституток: бедная бродяжка, что ходит с места на место и предлагает свои услуги на ярмарках, рынках и в тавернах; публичная девка при таверне или в доме терпимости; личная шлюха, расточающая все свои ласки одному или, реже, двум мужчинам. Она живет с ним несколько недель или месяцев, а затем

отправляется искать заработка в другом месте. Наконец, в каждой деревне есть доступные женщины, чаще всего вдовы, которые расплачиваются телом за оказанные услуги с теми, кто пасет их коров или работает в поле. Они открывают дверь любому, они — услада женатых мужчин и неопытных юнцов. Именно к этой категории шлюх принадлежит Мэри Комб, но отличается особо пылким темпераментом. Ее несколько раз привлекали к суду, но никакого сколько-нибудь серьезного наказания она не понесла, что говорит об общей снисходительности к ней. Ее муж — трактирщик, и она частенько запускает руку в штаны к клиентам, а то и прогуливается голая по селению и валяется на дороге, задрав ноги. Она зазывает прохожих: «Иди ко мне, побалуйся с моим передком, наставь рога моему мужу!» В 1653 году она устроила оргию, на которую позвала только рогатых мужей и ходоков по замужним женщинам. Рассказывают, что она задирает одежду и садится на корточки над каждым мужчиной, лежащим на спине. Она мажет экскрементами дома тех, кого презирает, или, раздевшись, мочится перед ними. Многие жительницы графства, особенно в Уэллсе и Гластонберри, так же агрессивны и безудержны сексуально. Одна кричит, что ее зад в огне и она готова лечь с любым мужиком на большой дороге. Мягкость мер, принимаемых для наказания подобных женщин, говорит о том, что в глазах общества их поведение представляло некую женскую субкультуру и считалось вполне допустимым, хотя в корне отличалось от поведения целомудренных жен богатых йоменов³³.

По всей видимости; жители Сомерсета не придерживались рамок строгой морали, определенной законами и религиозными предписаниями. Жалобы обиженных жен говорят о том, что их мужья пытались предотвратить нежелательные беременности, воздерживаясь от сношений или же прерывая соитие. Церковные власти, по-видимому, не слишком волновались по этому поводу. Пособия для исповедников во Франции настаивают на том,

о столь тяжкий грех должен быть заклемен позором, дь он приводит к потере спермы и, следовательно, не дает появиться новой жизни. Однако авторы этих пособий плохо знают, как обстоит дело в реальности, и так продолжается вплоть до XVIII века, когда будут провозглашены меры против распространения в деревнях «гибельной тайны». В Сомерсете нередки и попытки аборта как среди женщин, зачавших вне брака, так и среди замужних. Многие женщины знают разнообразные достаточно эффективные способы спровоцировать выкидыш, и если не все идут на это, то скорее из страха перед болью, чем перед вечным проклятьем³⁴.

Гривуазная культура во Франции

Мы не располагаем столь же богатыми данными о положении дел по другую сторону Ла-Манша. Однако изобилие эротической литературы позволяет предположить, что там процветала сходная культура удовольствия. Эротические произведения пишут известные авторы, такие как Матюрен Ренье или, около 1600-1610 годов, Франсуа Бероальд де Вервиль. Чаще подобные произведения благоразумно выходят без имени автора, представляя на суд публики «Копию договора передачи в аренду своего передка на 6 лет, составленного одной дамой» (1609) или «О происхождении диких передков и о способе их приручения», вышедший одновременно в Руане и Лионе в 1610 году. Среди авторов, пишущих при Людовике XIII, выделяются Рене де Мену, Клод д'Эстерно, Жан Овре, Шарль Сорель, Шарль Сигонь и особенно Теофиль де Вио, автор «Парнаса сатирических поэтов», вышедшего в 1622 году. Пышным цветом распускаются и анонимные книжечки, такие как «Пробуждение спящего кгоа, (1616), «Позволение служанкам сиятьхо своими господами» (1620), «ПарнасМуз» (1627). Один прозорливый издатель собрал в одной книжке лучшие произведения Сигоня, Ренье, Мотена, Вертело, Майнара и других гривуазных поэтов и выпустил ее в 1618 году под названием «Кабинет сатириков». Такой вид литературы существует и имеет успех, если судить по многочисленным переизданиям и подражаниям, хранящимся сейчас в фондах Национальной библиотеки. В середине XVII века особым успехом пользуются «Школа девушек» и сочинения барона де Бло. «Школа

девушек» была переведена на английский язык на следующий год после своего появления (1656). При Людовике XIV много книг переиздается, в частности произведения Теофиля де Вио. Выходят новые, имеющие большой успех, среди них «Сказки» Лафонтена, появившиеся в 1685 году, и «Венера в монастыре, или Монахиня в женской сорочке» (ок. 1682), приписываемая Франсуа Шави-ньи де ла Бретоньеру³⁵.

На первый взгляд авторы и читатели этих произведений принципиально отличаются от крестьян Сомерсета. Эротические стихи и прозу пишут многие дворяне. В этом нет ничего удивительного. Многие писатели — знатного происхождения, а кроме того, аристократии присущ ярко выраженный оппозиционный дух, что станет особенно заметно во время Фронды³⁶. Власти жестоко преследовали этот род литературы. К аристократии принадлежат и предполагаемые авторы «Школы девушек»; Мишель Милло, контролер-казначей гвардейцев, и Жан Ланж, дворянин на службе у короля. Другие авторы — горожане, часто связанные со знатью. Определить круг читателей гораздо труднее, однако все они принадлежат

х узкой прослойке грамотных людей — обеспеченных горожан. Среди них и очень известные люди, такие как поэт Скаррон или министр финансов Фуке. У Скаррона было восемь переплетенных изданий «Школы девушек», Фуке получил от него книжку в подарок и отдал своей любовнице, у которой книга и была обнаружена полицией в 1661 году, после того как министр впал в немилость. Было даже высказано предположение, что Франсуаза д'Обинье, внучка гугенота Агриппы и жена Скаррона, была одним из авторов книжки или прототипом Фаншо-ны. Это предположение сейчас отвергнуто; скорее всего, Мишель Милло был единственным автором. Однако в гипотезе есть нечто забавное, если принять во внимание, что Франсуаза под именем мадам де Ментенон стала впоследствии женой Людовика XIV. Со временем она впала в набожность и благочестие и основала в Сен-Сире школу для девушек из бедных знатных семей³⁷. По крайней мере, она имела возможность прочитать эту книгу у своего первого мужа и, возможно, позволила Королю-Солнцу оценить полученные знания.

Как правило, тексты книги представляют мужскую точку зрения на плотское наслаждение, но порой слово берут женщины, как в жемчужине сборника — «Школе девушек». Взгляд на плотские наслаждения настолько близок к тому, что можно почерпнуть из архивных документов Сомерсета, что невольно возникает вопрос: быть может, в те времена существовала особая эротическая культура, охватывавшая самые широкие слои населения? В нее были вовлечены и крестьяне, и горожане, и аристократы, причем эта культура существовала в противовес установке на подавление плотских желаний, исповедуемой как английскими пуританами, так и французскими наставлениями для проповедников.

Поэты воспевают прелести женского тела без какого-либо стеснения; они призывают насладиться радостями телесной любви. Теофиль де Вио в своем «Иарнась пишет: Какая сладость — созерцать тугие ягодицы, Румяное лоно, отважный передок, Что сгорит от жажды сражения и с грациозной улыбкой Зовет возбужденный член к ласкам.

Он поэтически описывает собственно оргазм:

Когда же добыюсь я победы и пролью

в заветную щель Хрустальный цветок беловатый, Так, что цветок зарумянится И надолго останется в памяти то наслаждение?

Основная цель мужчины в соитии — проникновение вглубь, в классической позиции сверху женщины. В «Академии дам» (ок. 1680)³⁸ Туллия и Октавия воздают ей хвалу: «Скажи мне, — говорит Октавия, — есть ли что-нибудь слаще, чем лежать под любовником и чувствовать, как почти задыхаешься под тяжестью его тела? Ах, как это сладко, Туллия, когда любовники как бы умирают одновременно и тут же возрождаются! Те, кто предпочитает ласки сзади, наслаждаются сами, но те, кто предается ласкам спереди, вкушают совместное наслаждение». Здесь четко выражено неприятие анального

полового акта. Туллия рассказывает, как в Италии любовник предложил ей проникновение сзади: «Никогда еще в меня не входил такой злой гость, я почувствовала нестерпимую боль!» Она закричала, и любовник сменил стратегию. «Онугвер-Глава 3. Плотские радости — смертные грехи дился в своем обычном месте и наполнил меня манной небесной, что в тысячу раз слаще нектара Богов». Однако «игра по-флорентийски» — название, возникшее от убеждения, что итальянцы «весьма склонны входить через заднюю дверь», — не отвергается абсолютно. Та же Туллия описывает более приятный случай: «Он играл своим членом с моими ягодицами и то вводил, то вынимал его, отчего я испытала сладкий зуд». Быть может, это чувственное удовольствие связано с частым использованием клистира? Однако нравственные доводы отвергают наслаждение сзади. Все та же Туллия утверждает, что это «нечистое удовольствие», потому что оно не дает зачать человека, а «грязное сладострастие», которое как бы убивает еще не рожденного ребенка. Авторы эротических текстов охотно говорят о наслаждении, но как об условии наиболее благоприятного зачатия; здесь они следуют медицинским представлениям эпохи. Кроме того, «глубины заднего прохода» не слишком приятно пахнут, и те, кто любят анальный акт, просто «хотят насытить сладострастный аппетит», так как, по мнению Туллии, «вход сзади более узок, чем вход спереди, а у итальянок и испанок влагалище гораздо шире нашего»³⁹. Мужская сексуальная мораль очень ярко представлена у Клода де Шовиньи, барона де Бло-Леглиза, приближенного Гастона Орлеанского. Он родился в 1605 и умер в 1655 году. Он прославился как распутник и вольнодумец во всех смыслах этих слов: многочисленные враги рассказывали о его дебошах и о его атеизме. Он пренебрегал всеми упреками, отрицал бессмертие души и существование рая. В одной из песенок 1643 года он вывалял в грязи Анну Австрийскую, по слухам, любовницу первого министра — Мазарини.

1 £ А

Мазарини — славный парень,

Не простаивают даром

У него мудя.

Когда ими потрясает,

Он корону сотрясает,

Только говорят,

Что испанке то не мило -

Сицилиец наш, педрило,

Любит в зад совать.

И ее досада гложет,

Что она его не может

В задницу послать.

В 1652 году он решил извиниться и не нашел ничего лучше, как обратиться к оскорбленной королеве со следующими стихами:

Увы, ославили меня! Вы не сердитесь, бога ради! Ваш зад почтение внушает., Ваш передок огнем пылает, Увы, ославили меня! Е...итесь спереди и сзади, И не сердитесь на меня! *

Он не пощадил в стихах даже своего покровителя, чьи гомосексуальные наклонности были известны всем. Однако Гастон Орлеанский защитил его, и барон де Бло смог спокойно умереть в своей кровати, яростно высказав напоследок в нескольких стихотворениях свой жизненный принцип:

Что до меня — ем, пью, пою, Имею все, что попадетя. (1648)

Знаю я, что счастлив тот, Кто е...т, ест и пьет. (1650)t;

[У Господа хочу просить Лишь одного: Е...т, пить, И в зад е..., И ни во что не верить...

И быстрой смертью, Быстрой смертью Умереть. И, наконец, последняя насмешка: Нам надо в Раи попасть, Где каждый поимет ангелочка, Их передок благоухает как цветок⁴⁰.

* лить, есть и совокупляться — вот в чем видит он главное наслаждение жизни, не считая удовольствия ходить по лезвию бритвы, так как высказывания барона де Бло вполне могли стоить ему жизни: кроме всего прочего, он нападал на Мазарини и называл королеву шлюхой. Другие — что знатные, что простолюдины — часто попадали на костер и за меньшие прегрешения.

Эротическая литература была, как правило, мужской и ценила «мужское острие любви», но она признала за слабым полом право получать наслаждение в сексе. В текстах встречается почти столько же слов, обозначающих части тела женщины (200), сколько обозначающих части тела мужчины (около 250). Для обозначения полового акта используется 300 глаголов или словосочетаний. Мужчина вооружен природным ножом, флейтой, молотом, цимбалами вожделения, мячиками, ядрами Венеры, яйцами, шарами; он скачет, бьется, трет сало, берет, рушит, трясет. Он овладевает кольцом, лавочкой; костром, пламенем, киской, склоном, хрустальным цветком, лакомым кусочком, естеством, чудесным дворцом, маленькой дырочкой, мышинной норкой, темным раем возлюбленной. Чаще всего употребляются слова «член» (ий), «передок» (сон) и «е...ть» (foutre) — «проникать пенисом во влагалище с немедленным семяизвержением».

Удовольствие, получаемое мужчиной, часто осмысливается как быстрое; у его партнерши оно тянется дольше и способы его получения более разнообразны. Женам советуют найти себе скромного любовника и с ним достигать полного удовольствия, ведь то, что делают с мужем, — это супружеский долг, и он не настолько приятен. Можно подумать, что писатели-мужчины потому проповедуют двойной стандарт, что для них его существование еще выгоднее, чем для слабого пола. Но они говорят со знанием дела и о женских потребностях. Толстуха Марион, описанная в одном анонимном стихотворении, напоминает реальную Мэри Комб из Сомерсета. Она повсюду ищет фаллос, а когда находит, говорит всем о своей радости:

Что отыскался красный член, похожий на рубин. Но, испытав его, она сказала: «Фи, Он слишком тонок, лучше я возьму свечу, Иль штучку сделаю из бархата и почешусь»⁴¹.

Описание женского самоудовлетворения или советы «поскрести себя спереди», вместо того чтобы рисковать возможностью забеременеть, совершенно запретные точки зрения благочестивых людей. Можно с уверенностью сказать, что они были возмущены шуточным контрактом, опубликованным в 1609 году, по которому некая дама передавала права на владения своим передком «на б лет для последовательных б сборов урожая». Контракт составлен в форме договора об аренде, подписанного в присутствии нотариуса Бонтана, и в нем используется соответствующая юридическая терминология: ю «Означенный объект, называемый передок, расположен от одного края до другого, называемого жопа, и соединяется с двумя объектами, означенными как ягодицы, расположенными подле Длинножирки. Вышеозначенный объект, называемый передок, должен быть омыт один раз днем и один раз ночью; высокая поросль, расположенная на вышеозначенном передке и называемая волосы, должна быть подстрижена два раза в год, в мае и в феврале, и должна хорошо охраняться от вторжения диких животных, таких как вши, блохи и прочие. Вышеозначенный объект, называемый передок, расположен к низу от живота, в полуфуте от лобка, с прилегающим лужком и колодцем посередине. Имеется также жилище для арендатора, состоящее из комнаты с низким потолком, комнаты с высоким потолком, комнаты сбоку и комнаты над всеми прочими. Имеется также кладовая сзади, не предназначенная для использования вместе с прочими помещениями. Если вышеозначенная арендующая сторона не будет получать от арендатора постоянной и своевременной платы в должном объеме, она может отозвать договор без какого-либо возмещения страхового риска и ущерба и отказать в дальнейшей аренде на условиях владения ли, испытательного срока ли, или какой-либо иной формы пользования, причем арендатор не вправе требовать возврата денежного залога или каких-либо иных гарантий»⁴².

Пункты, касающиеся запрета на использование задней кладовки вместе с прочими помещениями, и возможность расторгнуть договор, если арендная плата не будет вноситься своевременно и в должном объеме, напоминают о том, что плотские радости, так подробно приведенные здесь, исключают анальный секс, а от «арендатора» требуется постоянная половая активность. Ее добивались и женщины Сомерсета от своих партнеров. Слово «удо. вольствие» очень часто употребляется в либертенских текстах. Оно воспринимается как выдвигаемое женщинами закономерное требование компенсации за страдания и боль, которую они испытывают при родах, и большинство авторов рассматривают удовольствие как первую цель половых сношений. В их глазах адюльтер потомуне возбраняется, что, с одной стороны, замужество-единственно законный путь для девушки, а плотское удовольствие очень редко бывает связано с супружескими объятиями. «От греха любовь расцветает//Гименей убивает нежность», — пишет Бюсси-Рабютен. Сам великий Кор-нель в скандальном стихотворении «Случай упущенный и обретенный вновь» (1651) придает очень большое значение одновременному взаимному наслаждению, необходимому, с точки зрения медиков, для зачатия ребенка. Он возвышает этот момент и уподобляет его постижению божественного откровения:

И так любовники теряли сознание

От избытка наслаждения,

Они умирали и воскресали

Пять или шесть раз;

Уста к устам и тело к телу,

То живы, то мертвы,

И души их сливались в поцелуе,

И в сладких толчках они поведали друг другу

Все то прекрасное, что есть в любви⁴³.

Грех и «маленькая смерть»! Оргазм — не только радость гуляки или крик отчаяния барона де Бло. В эпоху барокко оргазм будоражит умы, он или отвергается с негодованием как знак связи с демонами, или становится способом выразить мистическое единение тела и души, как пишет о нем Корнель.

«Школа девушек» — жемчужина либертинажа

Самая известная и самая популярная среди современников эротическая книга — «Школа девушек», вышедшая в 1655 году, — блестяще сконцентрировала в себе все основные идеи подобной литературы. В коротком и язвительном повествовании, разделенном на две части, очень наглядно представлен полный курс сексуального и любовного воспитания, который проходит невинная физически и душевно девушка Фаншона. В первой части она узнает от своей кузины Сюзанны, как следует вести себя с Робине — молодым человеком, влюбленным в Фаншону. Во второй части она уже стала женщиной и делится с Сюзанной разнообразными сексуальными впечатлениями. В это время в литературе, с одной стороны, рождается жанр новеллы, а с другой, плодятся и множатся наставления, как должна себя вести «честная женщина», горожанка или знатная. «Школа девушек» находится где-то посередине между этими двумя жанрами. Как и все прочие произведения того времени, написанные на ту же тему, например «Фанни Хилл», созданная английским писателем Джоном Клеландом столетием позже, «Школа девушек» содержит чисто мужское представление о женском наслаждении. Парадоксально, но ни один автор не фиксирует свое внимание на мужчинах, хотя в литературе либертенов они постоянно присутствуют.

Фаншона, такая же наивная, как и Агнесса в «Школе жен» Мольера, слушает Сюзанну, а та в свою очередь высмеивает все ее былые представления. Сюзанна объясняет, что на свете существуют совершенно особые наслаждения, и лучше всего предаваться им с молодыми мужчинами. Конечно, можно заниматься тем же и с мужем, но самые чудесные ощущения появляются тогда, когда «все совершается тайком, с другими мужчинами, потому что муж не хочет этим заниматься». То же самое говорят со-

мерсетские крестьянки и та дама, что отдала свой передок в аренду в 1609 году. Урок продолжается. «Та штучка, которой пользуются мальчики, когда они писают, называется уд. А иногда его называют членом, рукавом, нервом, дротиком, копьём любви. Если мальчик раздет, то можно заметить, что эта штука свисает у него внизу живота, как вытянутая коровья голова, в том самом месте, где у нас одна только дырочка, чтобы писать». Девушка узнает также, что влюбленный «ложится таким образом на живот девушки, чтобы засунуть этот длинный прибор в ту дырочку, которой она писает, и от этого происходит величайшее удовольствие и величайшая улада на свете». Сюзанна уточняет, что надо сделать, чтобы засунуть как можно глубже этот мягкий предмет. Потом она объясняет, как устроен женский половой орган: «Я называю его передок, а все вместе называется "вести уд в передок", но не говори этого на людях, потому что считается, что это плохие слова, и девушки краснеют, когда слышат их». Оргазм в ее описании — это «такой момент, когда щекотание так захватывает их, что они как бы теряют сознание от удовольствия, и они трясутся так, что из них выходит по каналцу то, что так щекотало их изнутри, -густая белая жидкость, похожая на кашу. А когда она выходит, то оба испытывают такое наслаждение, что и высказать нельзя»⁴⁴.

Проникновение в позиции сверху, одновременное семяизвержение, доставляющее наслаждение, необходимое для зачатия, — все это отражает обычные для эпохи представления о половом акте. Именно так пишут об этом врачи и так же говорят сомерсетские крестьяне. Друг Сюзанны, как и они, использует разные ситуации. Он берет ее стоя или, если очень торопится, хватает и бросает на стул или на матрас, то есть они сходятся в любом месте, которое подвернется под руку. Он тысячу раз клялся ей, что сходитья украдкой доставляет ему гораздо больше удовольствия, чем любым другим способом. Сюзанна придает особое значение игре с половыми органами друг друга и подробно описывает разные способы такой игры: девушка засовывает язык в рот юноше и в то же время «ласкает рукой его член, засунув руку в гюльфик». Достаточно провести два-три раза рукой, и член твердеет. А ее друг любит класть руку ей на лоно и «щипать и мять его пальцами». Потом он целует ее, ласкает ягодицы, сосет груди, смотрит на нее обнаженную при свете свечи. «А потом его штука становится твердой и крепкой, и он пронзает меня ею». Он вводит член между ляжками, между ягодицами, говорит ласковые слова и наконец взгромождается на нее⁴⁵.

Похоже, что такие прикосновения и смелые игры лежат в основе юношеской сексуальной культуры, когда все ласки совершаются украдкой от отца или мужа возлюбленной, и именно такие быстрые и тайные ласки определяют в дальнейшей жизни вкус к ласкам впопыхах, втайне, и боязнь быть застигнутым врасплох только усиливает наслаждение. Многие самые большие чувства рождались от желания нарушить запреты, как общественные, так и религиозные. Подчеркнутая аморальность «Школы девушек» великолепно сочетается с аморальностью со-мерсетских крестьян той же эпохи.

* Мы вынужденно сокращаем этот пассаж, так как русских глаголов, обозначающих половой акт и при этом нематерных и не являющихся эвфемизмами, явно недостаточно. Разумеется, как универсальный глагол, употребляемый Фаншоной, следовало бы привести здесь глагол «ебать», но по-французски его употребление не является настолько табуированным, как по-русски. — Прим. пер.

Во второй части Фаншона, уже потерявшая девственность, смело берется давать советы. Она объясняет, что «"поиметь" — это самое лучшее слово, так как оно значит вводить член, двигать им и освободиться от семени, тогда как "отодрать" — это только ввести член и освободиться от семени, а "пилить" — это значит вводить член и двигать им, но не обязательно освободиться от семени»*. Сюзанна обогащает ее новыми знаниями, сказав, что можно употреблять также слова «ласкать», «наслаждаться», «гладить», «обладать», и их чаще употребляют прилюдно или в разговоре влюбленных, чем «сношаться» или «влезть на женщину». Робине хорошо поработал. Он дал Фаншоне наслаждение, «сладкое до обморока», а также научил ее, как замедлять или ускорять момент этого наслаждения.

Он клал ей пуховку на левую ягодицу, клочок шерсти — на правую, хлопковую ткань на поясницу. Он называл поочередно ту или иную материю и научил ее правильно двигаться. Фаншона рассказывает также, как ловко он умеет овладеть ею или ласкать, не снимая одежды, если вокруг много других людей. Сюзанна сказала, что не любит молодых людей, которые кричат во время акта или просят хлестать себя по ягодицам, чтобы у них встал член. Затем две кузины-плутовки обсуждают, какие бывают члены, их длину и толщину, а также спорят, почему мужчины говорят грубые слова во время акта. Сюзанна считает, что они говорят так, чтобы «полнее насладиться победой», а еще потому, «что в этот момент можно произносить только односложные слова». Но по сути, утверждает она, все, что говорится между влюбленными, не может считаться грубым.

Кузины обсуждают и многое другое: как женщине достичь удовольствия самостоятельно — при помощи искусственного пениса из бархата или стекла или просто пальцем; как избежать беременности — мужчина изливает семя между ляжек партнерши* или же на головку члена надевается маленький кусочек материи. Они обсуждают позицию, когда женщина сидит сверху мужчины: любовники прибегают к ней, когда любят друг друга так сильно, что хотели бы «превратиться друг в друга» и принять пол другого. Не помешает и немного философии: Сюзанна определяет любовь как «желание одной половины стать половиной для своей другой половины». Неоплатоническая тема слияния для восстановления андро-гина после смерти каждой из его разделенных половин предстает здесь как желание соединения «идеи или облака мысли», а затем принимает облик белого дождя спермы, доставляющего взаимное наслаждение. Сюзанна добавляет, что для многих «все радости сосредоточены в заднице или между яйцами и влагищем», и можно подумать, «что сама душа спускается вниз от наслаждения, она как бы покидает свое обычное вместилище, все ее устремления направлены на долгожданное слияние двух тел и на то место, где оно происходит; душа больше не осознает саму себя и покидает голову»⁴⁶.

Целующиеся души Корнелия сочетаются с мыслями Сюзанны, а она — настоящий философ будуара, вернее не она, а автор этой поразительной «Школы девушек». В произведении женщинам предлагаются многочисленные и очень конкретные советы, как любить и быть любимыми наилучшим способом. Проникновение спереди рассматривается как наиболее благоприятное как для продолжения рода, так и для получения наслаждения. Самым подробным образом описаны всевозможные подготовительные игры и ласки, не забыты и советы для одиноких женщин. Позиция, когда партнерша находится сверху, долго поясняется, описывается то наслаждение/что она доставляет. Вспомним, что религиозная мораль абсолютно отвергает эту позицию, приравнивая ее к аборту: ведь в такой позиции теряется семя. В «Школе девушек» упоминаются способы контрацепции, но все равно основной целью соития видится зачатие. Наслаждение чувств, являющееся своего рода продолжением души, видится как компенсация за муки деторождения. Те способы, при которых появляется некоторое удовольствие, но невозможно зачатие, как, например, проникновение сзади, решительно отвергаются. Такие велите преступления в глазах закона, как гомосексуализм или скотоложество, «Школа девушек» обходит молчанием, равно как и оральный секс — все эти способы не приводят к рождению маленького человека. Хотя у произведения была шумная и скандальная репутация, в нем на самом деле нет ничего, что противоречило бы сексуальным принципам и представлениям эпохи. Но в нем все вещи названы слишком просто и ясно, стремление получить радости плоти слишком подчеркнуто, в то время как цензура эпохи не допускает ни слов, ни мыслей на эту тему и пытается скрыть их, хотя бы внешне, за густой морализаторской завесой. Лицемеры желали бы не знать, что наслаждение существует.

НАСЛАЖДЕНИЕ И ГРЕХ

Медицинские построения и общественная практика -XVII веков едины во взгляде на оргазм — женский и мужской — как на необходимость. Ученые и богословы считают деторождение конечной целью сексуальной жизни. Но зачатие возможно, по их мнению, лишь при условии, что партнеры одновременно испытывают сладостное чувство во время семяизвержения, причем белая, похожая на густое молоко жидкость извергается ими обоими. Тем не менее мне не верится, что мужчины и женщины действительно считали, что их тела абсолютно схожи и являются лишь вариантами одной модели⁴⁷. Просто обо всем этом говорят только мужчины, в том числе и авторы эротической литературы. О точке зрения женщин мы совсем ничего не знаем. Ее можно лишь угадывать сквозь объяснения сильного пола, и иногда мужчины выказывают большую осведомленность о желаниях и потребностях женщин, как, например, в «Школе девушек». Факты, представшие со всей грубой очевидностью в сомерсетских материалах, равно как и некоторые формулировки, заставляют предположить, что существовала некая особая женская эротическая культура. Иногда она принимает вызывающие формы, как в случае Мэри Комб, о которой говорилось выше, и опирается на неукротимый жизненный аппетит, лишь подтверждающий мужские представления о сексуальной ненасытности дочерей Евы. Упоминания о способах женской мастурбации, о секретных рецептах, как спровоцировать выкидыш, равно как и о том, как получить максимальное удовольствие по собственной инициативе, — все это идет вразрез с мужской концепцией акта как быстрого удовольствия,

последствия которого — беременность ИЛИ ВОЗМОЖНОСТЬ заразиться венерической болезнью — не слишком беспокоят самца. Очень не хватает капитальных систематических исследований на этот счет. Во всяком случае, ничей не доказано, что в течение XVII века все женщины стали пассивными во время полового акта или англичане перестали предаваться взаимным любовным играм и взаимной гетеросексуальной мастурбации, как хотелось бы считать некоторым историкам⁴⁸. Пьсподствующие нравственные установления и высказывания не всегда совпадают с реальным поведением конкретных людей.

Переходный этап отношения к гомосексуальности

Нельзя отрицать, что в рассматриваемый период возрастало сексуальное подавление. Однако оно шло неравномерно. Во Флоренции XV века бытовала особая терпимость по отношению к гомосексуалистам. Активные гомосексуалисты вообще не считались чем-то из ряда вон выходящим, они лишь в очередной раз демонстрировали свою принадлежность к сильному полу и к доминированию в сексуальных отношениях. Пассивные гомосексуалисты-юноши в глазах общества оправдывались тем, что они совсем недавно покинули влажный и холодный мир женственности. Порицались лишь взрослые содомиты: они как бы предавали свою мужскую сущность. Были приняты суровые законы, первый из них — 1542 года-предусматривал смертную казнь для лиц старше 20 лет, если они вторично были уличены в подобном деянии. Для более молодых смертью карался третий случай. Кроме того, судьям предписывалось проявлять большую или меньшую строгость в зависимости от возраста и социального статуса обвиняемого, от того, насколько давно он предается пороку, от количества партнеров, в том числе тех, кому он навязал дурные привычки. Около десяти лет приговоры выносятся часто, затем начиная с 1550-х годов их количество уменьшается и держится на среднем уровне весь XVII век⁴⁹. Можно считать, что надолго воцарилась некая коллективная снисходительность по отношению к подобному нарушению общепринятой модели сексуальности. Однако истерический всплеск борьбы с гомосексуалистами 1540-х годов оставил свой след в памяти: осужденных было немного, но они подверглись очень суровому приговору. Отношение к однополый связи уже не было таким, как раньше. Опираясь на законодательные уложения, предписывающие строгое наказание за Подобные проступки, историк может даже впасть в заблуждение и счесть, что по всей Европе гомосексуализм сурово преследовался. Однако на практике все, по-видимому,

обстояло иначе, чем в теории. Так, например, во Франции при всей законодательной жесткости эпохи архивы почти не содержат свидетельств о подобных процессах. Очевидно, что существовало расхождение между стремлением властей очистить нравственность и всеобщим негласным попустительством по отношению к провинившимся. Несколько громких показательных процессов, как правило, совершаются над обвиняемыми, гомосексуализм которых отягощен другими серьезными преступлениями. Задача этих процессов состоит не в том, чтобы искоренить само явление, а в том, чтобы очертить те границы поведения, переходить которые нельзя.

Попробуем представить себе, что ощущали флорентийцы после 1542 года. Предписанные меры применялись редко и говорить о серьезных репрессиях нельзя, тем не менее гомосексуализм стал восприниматься как преступление, что меняло традиционные представления и привычки. Сами гомосексуалисты перестали ощущать себя в безопасности, и хотя они не подвергались преследованиям больше, чем раньше, но постоянно боялись их, что существенно влияло на сознание. Один историк XVIII века утверждает, что многие люди просто бежали из городов, опасаясь преследований, что в свою очередь объясняет, почему через несколько лет судьи стали гораздо снисходительнее: развитие торговли и ремесла оказалось под угрозой⁵⁰. Во всяком случае, с середины XVI века характер отношения к гомосексуализму меняется. Греху мужеложества предаются не реже, чем раньше, но теперь он связывается с некоторым беспокойством по поводу собственной ненормальности, непохожести на других, и это ощущение постепенно приводит к созданию обособленного маргинального мира гомосексуалистов в крупных городах Европы в начале XVIII века⁵¹.

И в Англии, и во Франции отношение к содомии проявляется в сходных формах (хотя отсутствие серьезных исследований, касающихся положения дел во Франции, не дает столь же полного представления, какое мы можем составить себе об Англии). В обеих странах со второй половины XVI века утверждается постоянное и яростное обличение радостей плоти, но, как и во Флоренции, репрессивные меры то усиливаются, то ослабевают. Вместе с тем моральное осуждение серьезно влияет на самосознание, вожделиние и удовольствие все более и более связываются с ощущением греховности и страданием. Стремление уйти от всяческих уз и реализовать свои желания заводит некоторых людей на такие неведомые пути, где они рискуют жизнью.

Репрессии

Рене Пинтар заметил, что законы против нечестия и дурных нравов применялись во Франции непоследовательно⁵². Эрудиты-либертены первой половины XVII века, такие как ла Мот, ле Вайер, Гассенди, Ноде и многие другие, представляли разношерстное собрание мыслей, отличных от общепринятых религиозных воззрений эпохи, но всех их с точки зрения Пинтара объединяло одно: они страдали, сомневались и боролись⁵³. Их обвиняли в нечестии, что влекло за собой самые тяжелые последствия. Со времен Людовика Святого ордонансы предусматривали суровые кары за кощунство; ордонансом от 19 мая 1636 года установлены возрастающие штрафы до пятого привлечения к суду, при пятом — выставление у позорного столба в железном ошейнике, при шестом — позорный столб и вдобавок язык клеймили раскаленным железом, при седьмом — протыкали нижнюю губу, при восьмом — вырывали язык. Более серьезные «страшные богохульства» могли быть приравнены к ереси или атеизму, что влекло за собой обвинение в «оскорблении божьего величия», а мера наказания выбиралась судом. С 1599 по 1616 год смертная казнь была назначена семи осужденным, с 1617 по 1636 — шестнадцати, с 1637 по 1649 — восемнадцати. Во времена Фронды процессы против богохульников прекращаются, а с 1653 по 1661 год вынесено 7 смертных приговоров за кощунство. Гнев судей вызывают не только образованные либертены, но и все слишком невоздержанные на язык.

Теофиль де Вио родился в 1590 году. Он происходил из протестантской мелкой знати Ажена. Он был придворным поэтом, в 1618 году король выдал ему пенсию, а в 1619 де

Вио был изгнан «за сочинение стихов, недостойных христианина». Враги обвиняли его в разврате, В 1622 году в двух издательствах Парижа вышел скандальный сборник «Парнас сатирических поэтов». В сборнике были и стихи Теофиля де Вио. Ему приписывали, среди прочего очень вольный сонет, открывавший книгу; «О, е...ный Филис, меня измучил сифилис». Начинается судебный процесс против Теофиля де Вио; его, «а также его книги» приговаривают к сожжению. Его прячет в Шантильи герцог Монморанси, и 19 августа 1623 года происходит символическое сожжение изображения осужденного на Гревской площади. Затем он арестован, заключен на два года в тюрьму Консьержери и наконец 1 сентября 1625 года приговорен парламентом Парижа к изгнанию. 25 сентября 1626 года Теофиль де Вио умер. Обвиняли всех авторов «Парнаса», но преследованиям подвергся он один, причем «Парнас» был переиздан в 1623 году, что, во всяком случае, говорит о том, что он пользовался успехом у читателей. Теофиль де Вио стал козлом отпущения в тот момент, когда церковь и королевская власть захотели устроить показательный процесс. Лишь высокое покровительство спасло Теофиля де Вио от позорной смерти на костре⁵⁴.

Несомненно, репрессии существовали. Они не были ни постоянными, ни последовательными, от них могли укрыться те, кого защищали влиятельные покровители, особенно если речь шла о знатных поэтах. Так, например, барон де Бло, приближенный брата короля, позволял себе беспрепятственно оскорблять Мазарини, говорить в 1653 году о «нашей королеве-шлюхе», петь «Я не верю в мир иной», насмешничать в 1653 году, потому что «Жтоль (Мазарини) в Париже/Взгромоздился на свою лошадку (Анну Австрийскую)», и все это не считая многочисленных шуток, сквернословия и богохульства⁵⁵. Он был похабник, слово «е...ть» не сходило у него с языка и составляло его жизненную философию. Он жил, запалив свечу с обоих концов, с сумрачной гордостью аристократа, который иногда называл на «ты» Гастона Орлеанского. В следующих стихах — ключ к его отчаянию; Здешний мир убог и жалок, Мир иной — одни химеры, Счастлив, кто е... и пьет⁵⁶. Были и другие поэты, в разной степени талантливые, о которых не пишут в наших учебниках литературы. Это и Жак Вале, господин де Баро (1599-1673), и Дени Санген де Сен-Павен (1595-1670) — оба они писали либер-тенские стихи и оба, однако, дожили более или менее благополучно до почтенного возраста⁵⁷.

В 1655 году восстановился общественный порядок, нарушенный Фрондой. Многим пришлось пройти сквозь нравственные сети. Их накидывали очень выборочно: на барона де Бло и его последователей не обращали внимания, но всячески изошрялись, пытаясь отловить предположительных авторов «Школы девушек». Дело было восстановлено историками по отдельным документам процесса⁵⁸. 12 июня 1655 года по доносу издателя Луи Пьо-младшего генеральный лейтенант, гражданский и уголовный пристав Дворца в Париже, арестовал Жана Ланжа, дворянина и конюшего короля, за попытку продажи сочинения, противного добрым нравам. На допросе задержанный ответил, что автором книги является Мишель Милло, контролер-казначей гвардейцев, который взял на себя три четверти расходов по ее изданию. Сам Жан Ланж заплатил остальную сумму и переписал своей рукой текст для публикации. Назван и третий сообщник, Клод ле Пти, молодой человек, только что вышедший ИЗ КС* лежа в Клермоне. Чтобы обмануть цензуру, разрешение которой не было запрошено в установленном порядке, на книге не поставили ни имени и адреса издателя, ни указания на то, что он находится в Париже; есть только пометка «Лейден». Было отпечатано 250 экземпляров на обычной бумаге и 50 — на особой, предназначенной для знатных читателей. 7 августа вынесено решение суда, причем в отсутствие Милло (он прятался). Книга была объявлена нечестивой, оскорбительной для христианской религии, противной добрым нравам и приговаривалась к сожжению на Новом мосту. Те, кто ее написал, издал и продавал, приговаривались к суровым наказаниям. Милло должен быть «повешен и удушен, если его найдут, в противном случае на виселице в том же месте будет повешено его изображение».

Имущество Милло конфисковывалось в пользу короля. Кроме того, он должен был заплатить штраф в 400 парижских ливров. Ланж приговаривался к церемонии покаяния, на коленях и с непокрытой головой, в палате судебного округа Парижа. Затем он должен был быть изгнан из Парижа на три года и уплатить штраф в 200 ливров. Издатель Пью избежал наказания, так как закон гарантировал доносчику защиту от любого покушения на него самого или на его имущество. Всем книгопродавцам было под страхом смерти запрещено продавать эту книжку. Обвинитель попытался добиться запрета на ее хранение, однако безуспешно, что было весьма благоприятно для поэта Скаррона, у которого, как уже говорилось, хранились восемь переплетенных экземпляров, и для могущественного Фуке, министра финансов с 1653 года: он получил один экземпляр и подарил его своей любовнице.

«Школа девушек» понравилась читателям, и свидетельство тому — переиздания 1667, 1668, 1671 и 1686 годов. Строгая цензура времен Людовика XIV потеряла к ней интерес: с 1678 по 1701 год в документах об изъятии запрещенных книг в Париже упоминается только два случая конфискации этого произведения, причем у одного и того же владельца⁵⁹. С самого начала этого дела возникает ощущение, что оно велось небрежно и снисходительно, быть может, из-за высоких покровителей виновных (среди них предположительно был и Фуке). Образованные круги не слишком возмущались процессом. Он не упоминается ни в «Исторической музее» Лоре, ни в «Посланиях» книгоиздателя Лесселина, ни в многочисленных газетах, выходивших около 1655 года. Показная строгость на фоне негласной снисходительности! Произведение оказалось как бы созданным для «сокровенных хранилищ», более старых, чем хранилища Национальной библиотеки. Его передают друг другу из-под полы, им наслаждаются как знатоки-интеллектуалы, так и представители светского общества. Книгу ждала завидная судьба: она по-прежнему была запрещена, но постоянно переиздавалась. В 1865 году исправительный суд департамента Сены осудил бельгийское издание за оскорбление общественной морали и нравов, а модернизированная обработка 1863 года через пять лет подверглась осуждению судом Лилля⁶⁰.

Костер для автора порнографических книг

Клоду ле Пти (1638-1662) повезло меньше, чем Милло. Он упоминается в деле о «Школе девушек» и даже посвятил Милло мадригал. Этот мадригал помещен в начале «Школы-девушек», его, видимо, нет в первом издании 1655 года⁶¹. Уже первый стих задает тон: Е...ный автор е...ной книги.....

Клод, молодой либертен, только-только окончил Клермонский коллеж и попытался зарабатывать себе на жизнь пером. Он написал «Час пастуха» — комический полуроман, как он сам его называл. В романе он говорил о плотских радостях и сладострастии. 29 декабря 1661 года в Париже по обвинению в содомии и попытке изнасиловать мальчика был сожжен некий Жан Шосон. Вдобавок ко всему он поставлял мальчиков барону Бельфору и маркизу Дюбелле. Клод посвятил ему сонет, в котором восхвалял смелость сожженного и его нежелание жить по законам, внушаемым проповедниками:

Взлетел он к небу нечестивым задом, И умер так, как жил, И миру жопу показал.

В 1662 году финансовое положение Клода ле Пти, двадцатитрехлетнего адвоката, было незавидным, и он ввязался в рискованное предприятие с двумя молодыми издателями, Эташем и Пьером Ребюффе, которые решили издать книгу Клода «Бордель муз, или Девять девственниц-шлюх». Книга начиналась таким сонетом:

Глава 3. Плотские радости — смертные грехи Е...альный сонет

Е ал бы передок и жопу, Е...ал бы небо, землю, Е ал бы дьявола и гром, Е...ал бы Лувр и Монфокон,

Е... ал бы храм, е...ал балкон, Е...ал бы мир, е...ал войну, Е...ал огонь; е...ал стакан, Е...ал бы воду, Геликон,

Е...ал лакеев и хозяев, Е... ал монахов и попов, Е...ал е...ного и е...аря,

Е...ал весь мир, и все, и всех, И книгу, и ее читателя, И сам сонет, ну разве плохо?

Клод и два других издателя были арестованы и 26 августа 1662 года предстали перед судом в уголовной палате Шатле в Париже. В это время, после недавней отставки Фуке, молодой король Людовик XIV стремился укрепить свою личную власть. «Публике нужен наглядный урок», и Клод приговаривается к публичному покаянию перед центральным порталом собора Парижской Богоматери, к отрубанию кисти правой руки и к сожжению живым на Грев-ской площади «за книгу, озаглавленную "Бордель муз", и другие сочинения против Господа и святых». Таким образом, ему инкриминируется очень серьезное преступление — оскорбление божественного величия. Эсташ Ребюффе приговаривался к наказанию кнутом и к изгнанию на 9 лет из Парижа, а его брат Пьер отделался простым увещанием в палате совета, с угрозой наложения наказания, если преступление будет совершено повторно.

Трое молодых людей обращаются с апелляцией в парламент. Ответ пришел с неожиданной быстротой — уже 31 августа. Приговор оставался в силе, но Клод, пользующийся правом отсрочки, которая рассматривалась в данном случае как смягчение мук при казни, должен был быть «тайно удушен на виселице» до того, как попадет на костер. Казнь состоялась 1 сентября. За несколько часов до этого Клоду ле Пти удалось добиться свидания с бароном Шильдебекем, с которым он познакомился в Германии. Клод взял с барона обещание издать «Бордель муз» и назвал место, где была спрятана еще одна копия этого сочинения.

Наслаждение и разрыв с установленным порядком

Канцлер Пьер Сегье признается в одном из писем, что эта ужасная казнь была необходима, чтобы сдержать «разнузданное нечестие и наглость издателей». При молодом Короле-Солнце оказалось возможным умереть за наслаждение, во всяком случае, за право свободно говорить о нем.

Этот случай — исключительный: ни двор, ни парижское общество не стремились превратиться в образец стыдливости. Казнь преследовала цель запечатлеть страх в памяти зрителей. Страх вызывало не только само нечестие, но и слово, которым оно выражалось. Возможность говорить свободно о непристойном таила в себе гораздо большую опасность для привычной системы ценностей, чем сами непристойности. После смуты, имевшей место во время Фронды, государственные и религиозные власти были крайне чувствительны ко всякого рода потрясениям. Во Франции и в Англии между 1650 и 1660 годами

Глава 3. Плотские радости — смертные грехи

определенно заметен некий «порнографический переворот»⁶². В 1660 году Никола Шорье в своей «Сотадической сатире» отчетливо заявил о смене тональности, причем поместил свои высказывания в исключительно домашнее обрамление, как это сделала пятью годами раньше «Школа девушек». Отныне он занимает не просто безнравственную позицию — он говорит о всевозможных чувственных удовольствиях, об извращениях разного рода: лесбийской любви, содомии, групповом совокуплении, порке и других, более изощренных формах садизма. Кроме того, он утверждает, что все общественные установления — лишь фасад, за которым все предаются наслаждениям чувств, не исключая и местных священников. В других произведениях, например в «Венере в монастыре» (1680), он еще определеннее выражает свою позицию и целится непосредственно в церковь, чем приводит церковников в ужас.

Казнь Клода ле Пти сделала заметным тот глухой страх, что испытывали власти предрежающие перед возможностью перемен. Принцип послушания, на котором держался авторитет всех властных структур, как светских, так и религиозных⁶³, оказался под угрозой, поэтому следует говорить не только о волне порнографических сочинений, но и о желании властей установить новую систему надзора за общественными отношениями, особенно в таких крупных городах, как Париж и Лондон. Ученые-либертены во Франции все чаще рассматривались как враги установленного порядка, и то же самое относилось к вольным поэтам, таким как Клод ле Пти. Он не просто смеялся над властями и над

нравственными принципами, не просто заявлял о своей симпатии к содомиту, казненному в 1661 году, — он воплотил в себе переосмысление принципов культуры и образования. Образованный человек, адвокат и поэт, Клод ле Пти сумел противопоставить свою молодость и стремление к свободе всевозрастающему замораживанию любого проявления чувства — именно таков был политический и религиозный курс государства после утверждения Людовиком XIV своей личной власти в 1661 году. Пространство, где человек чувствовал себя свободным, все более ограничивалось. В Париже в 1667 году была утверждена должность лейт-нанта полиции — «ока короля». Тех, кто выходил за общепринятые рамки, от простых маргиналов до целых движений со строгой структурой, таких как янсенисты, попросили стать как все.

В обществе, которое все более и более сковывается разнообразными узами и все сильнее и сильнее контролируется, назревал дух неповиновения, и у некоторых он оказался очень силен. Тем временем все четче определялись контуры «цивилизации нравов», основанной на требованиях придворного этикета и многочисленных пособий, где излагались правила жизни «хорошего общества». Таким пособием была, например, книга Куртена, опубликованная в 1675 году и переизданная в следующем десятилетии семь раз. Она называлась «Новый трактат о цивилизованном поведении, принятом во Франции среди приличных людей» и была обращена к широкому кругу горожан, желающих в своих поступках подражать придворным⁶⁴. Сексуальной жизни надлежало быть скрытой и подчиняться правилам мужской христианской морали. Но в среде знати, вынужденной после Фронды отказаться от «стремления к непокорности», у тех, кому пришлось еще сильнее, чем раньше, склоняться перед общепринятыми ценностями, в недрах либертинажа и картезианской науки, поставившей под сомнение теологические догмы, рождается новый дух неповиновения. «Порнография», несомненно, является его отражением. Она с самого начала связана с противостоянием концентрации власти в одних руках. Не только само сексуальное поведение, но и то, какими словами говорится о нем, выявляет особенности общественного сознания на данный момент⁶⁵; Несомненно, «цивилизованное» поведение противоречит раблезианской скатологии и требует говорить о сексе со стыдливостью, используя принятые в обществе слова. Не случайно Сюзанна советует Фаншоне избегать таких шокирующих слов, как «иметь» и «сношаться». Однако те, кому нравится весело рассказывать о любовном акте и весело предаваться ему, не хотят постоянно подчиняться требованиям нравственной цензуры и законов. Некоторые готовы пойти на то, чтобы опалить себе крылья, но добиться того пространства личной свободы, в которой им отказано.

Укромный мир «нечестивых мыслей» не исчез во второй половине XVII века. Он стал менее видимым, под угрозой репрессий он затаился в ожидании лучших дней,¹ давая о себе знать равным образом и в идеях, не похожих на общепринятые, и во вкусе к удовольствиям плоти. Либертены, которых часто высмеивали и окарикатуривали их противники, стали связующим звеном между духом и телом, откуда не пришли философы следующего века. В эротических сочинениях либертенов часто высказана настоящая философия существования, трагедия бытия человека без Бога, которая прячется порой, как у барона де Бло, за безудержным сладострастием. В 1600 году Шорье связывает воедино извращения и лицемерие «приличного общества». Необходимость подчиняться установленным правилам и приказам мучает человека, и он находит выход из постоянного напряжения в разнузданности

и похоти. Если говорить о проблеме в еще более широком смысле, то секс и грех, находящиеся по разные стороны барьера, отделяющего правила от нарушителей, становятся как никогда близки. Но сближение их причиняет невероятно сильные страдания. Запреты провозглашаются теми, кто стоит выше, кто сильнее, но само их существование открывает и сладость тайного нарушения правил. Она проявляется порой в чтении запрещенных книг одним глазком: все книги невозможно сжечь.

Развитие Франции и Англии в этой области идет сходными путями. Достижения эротической французской литературы очень быстро перенимаются и переводятся на острове. Сэмюэль Пепис, автор хорошо известного личного дневника, купил 8 февраля 1668 года экземпляр «Школы девушек», прочел его, а потом сжег: ему было бы стыдно, если бы «Школу девушек» впоследствии обнаружили среди его книг⁶⁶. Между странами-соседками постоянно идет тайный обмен эротической культурой. Подобно тому как Национальная библиотека организовала в XIX веке «специальное хранилище» для литературы с дурной репутацией, Британская библиотека создала «особый ящик», в котором хранятся 1920 изданий на французском и английском языках, не считая 127 на немецком и 38 на итальянском⁶⁷. Как Италия в эпоху Ренессанса, Франция XVII века стала знаменосцем в этой области, затем эстафету приняла Англия с такими шедеврами, как «Мемуары женщины для утех» Джона Клееланда (1748-1749), более известной под названием «Фанни Хилл»⁶⁸, Наслаждение запрещали, подавляли, но оно продолжало будоражить западную культуру, и их взаимная связь, образовавшаяся в XVI-XVII веках, была тесной и беспокойной.

Часть третья

ЦИКЛЫ. ДОБРОДЕТЕЛЬ И ПОРОК (1700-ШО)

Видимость часто бывает обманчивой. ХУЛ век во Франции часто воспринимается как век легкости, порнографии и ли-бертенгов, контрастирующий с предшествующими столетиями строгости нравов. И в то же время именно в ХУЛ веке появилось представление о необходимости строгого контроля над желаниями. Тем же путем шла и Англия после Реставрации 1660 года. В двух странах, а точнее в двух столицах — урбанистических монстрах, подобных которым не было в Европе ХУЛ века, медленно устанавливался принцип экономии сексуальной энергии, которому было суждено главенствовать в теории и практике европейской культуры вплоть до 1960-х годов.

За четверть тысячелетия друг друга сменили около десяти поколений. Они были разными, иногда очень разными, но все они существовали в русле одной и той же культурной концепции: добродетель должна яростно бороться с пороком. Старые нравственные и религиозные запреты, не позволявшие предаваться плотским наслаждениям вне христианского брака, адаптировались к новой стремительно меняющейся жизни горожан и формулировались иначе, чем раньше. Возникла философия «среднего пути», согласно которой всевозможные строгости и карательные меры уступают место личной сдержанности, основанной на владении собой и глубоком чувстве собственной вины. Ее разносят повсюду динамичные социальные слои, ядро которых составляют философы Просвещения и средняя проиия&. ка жителей больших городов, и понемногу представление о сексуальности соединяется со стремлением к обретению счастья щ земле, а не в потустороннем мире. Говорить о «буржуазии» было бы не совсем верно, настолько расплывчато и подвижно это понятие, и в разные эпохи оно наполняется разным смыслом, Тот социальный пласт, о котором идет речь, обладает некоторыми характерными чертами в области контроля над своими плотскими желаниями, и эти черты отличают его как т аристократии, так и от большинства крестьян.

К1700 году Европа вступает в эру ускоренных перемен во всех областях жизни. Среди самых существенных — стремительная экспансия городов, связанная с развитием торгового капитализма и утверждением государственной мощи. Города — двигатели перемен, они притягивают к себе деревенских жтям и предлагают им новый, прежде неизвестный образ жизни. Понемногу укореняется общество потребления, особенно в Англии. Люди, теснящиеся в городских стенах, живут иначе, чем крестьяне. Их сексуальность в меньшей мере сдерживается внешними запретами, но ей сопутствуют беспокойство и чувшо ненадежности собственного положения, особенно у бедняков. В городе обостряются социальные контрасты, и вместе с тем люди из разных социальных слоев часто существуют бок о бок. Перефразируя барона де Бло, можно сказать, что от еЬщ пьют и занимаются любовью с иными чувствами, чем те, кто живет в деревнях или в

замках. Как следствие такого лихорадочного городского житья, подавление сексуальности, весьма интенсивное в теории, на практике ослабляется. Во Франции больше не жгут на кострах авторов развратных сочинений) но иногда их запирают в Бастилии. Железный ошейник трещит

Часть третья. Циклы. Добродетель и порок ь

по всем скрепам, несмотря на усилия лейтенанта полиции, специально назначенного, чтобы наблюдать за парижанами. А такой город-метрополия, как Лондон, представляет собой слишком сложную структуру, чтобы кто-то мог по-настоящему единолично им управлять. Он готов взорваться в любой момент, публичная казнь или паника в толпе могут привести к беспорядкам и смуте. Под плащом философов Просвещения нашли приют инакомыслящие и неблагонадежные всех мастей, люди эксцентричные и все те, кто по своей воле или вынужденно живет вне закона. Распоряжения свыше вызывают короткую волну репрессий, но не решают проблему в целом, и все возвращается на круги своя после того, как гроза пронесется и стихнет.

Гигантское тело полумиллионного населения Парижа или Лондона постоянно колеблется между пороком, формы которого весьма обыденны, и добродетелью, столь же ценной, сколь редкой: реальность берет верх и над законом, и над моральными догмами. В третьей части нашей книги говорится именно об этих пульсациях. Те, кто хочет избежать чрезмерностей и добиться счастья или простого благополучия, исповедуют идеал добродетели и терпеливо предлагают другим жить так же. Они продолжают аскетическую традицию монашеского житья, но иным способом. Из коммерции приходит в жизнь понятие экономии, и многие люди стремятся наложить на сексуальную жизнь печать умеренности. Так наступает время контролируемого удовольствия. Однако те, кто прилагает особые усилия, чтобы совладать с собой, действуют так не по зрелом размышлении, а из страха наказания или адского пламени. В этом контексте можно понять, почему возникает столь яростная борьба против мастурбации, а также как возникает двойной нравственный стандарт мужского сексуального поведения. Этот стандарт дает возможность усилить контроль за поведением жен и матерей семейства и вместе с тем предлагает мужьям дозволенный выход в виде посещения проституток. Учение о женской неполноценности теперь гораздо меньше, чем ранее, связано с религиозными обоснованиями; оно предлагается в двух вариантах, и оба обосновываются многочисленными теоретическими трудами. С одной стороны, необходимо защитить замужнюю женщину от искушений и от нее самой и повернуть ее лицом к домашнему очагу. С другой стороны, фигура проститутки на городской панели воплощает в себе те негативные черты, что некогда приписывали всем дочерям Евы, в том числе испорченность и плотскую ненасытность.

Такая концепция сексуальности противостоит как поведению сомерсетских крестьян XVII века, относительно свободных и аморальных, так и призывам к наслаждению без границ, которое провозглашали аристократы, подобные барону де Бло и Мишелю Милло — возможному автору «Школы девушек». Традиции сексуального поведения не исчезают сразу, в Лондоне и Париже они порождают своего рода эротические субкультуры. Первая традиция создает тип сексуального поведения, статистически весьма распространенный и характерный для мелкого городского люда. Горожане-бедняки, только что приехавшие из деревни, занимаются любовью со случайными подругами и очень быстро. Вторая традиция поведения создает менее распространенный тип разгульного аристократа (the rake — так называют его в Лондоне), презирающего человеческие и божеские установления. Моралисты постоянно осуждают его, но общество снисходительно относится к его выходкам, даже к самым экстравагантным. И тот и другой тип пренебрегают правилами. У менее обеспеченных речь идет о сексуальной «расточительности», позволяющей как-то мириться с тяготами жизни. Знать проповедует принцип широкой ош

11 Часть третья. Циклы. Добродетель и порок (1700-1960)

12 противопоставленной экономии среднего сословия. На еде действуют столь многочисленные и противоречивые сГ' разворачиваются разные стратегии поведения. Ничто 4 мет представителям одной социальной группы з шь что-то из привычек другой. Так, например аиаНЗО' французская кухня, утонченное наслаждение вiJLTT*" ратии со времен Людовика XIV, возбуждает чувсп Т печенных простолюдинов. J ffa и У обес-
ЭРОТИКА ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Для того чтобы определить, какие изменения произошли в эротическом поведении в XVIII веке, необходимо вначале сказать о расцвете порнографической литературы. Она возникла около 1650 года и стала быстро развиваться. Ее отпечаток лежит на всем веке философов, она не исчезла во Франции даже во время революции. Поначалу она несла в себе вызов государству и церкви вообще, но постепенно сфокусировалась на противостоянии слишком сдержанной или слишком возвышенной сексуальности.

Наступила эпоха, когда взаимоотношения между телом и душой кардинально переосмысляются, понятие «я» приобретает все большее значение, а те явления, что существовали на периферии общества, продвигаются все ближе к его центру. По обе стороны Ла-Манша намечается революция плотского желания. Она происходит мягко, но затрагивает основы общественного сознания, юридические и религиозные оковы ослабевают и на смену им приходит более личностная концепция нравственной экономии. Возникают новые взаимоотношения между двумя полами как двумя половинами рода человеческого, и к ним присоединяется порой третий — его выделение приводит постепенно к созданию гомосексуальных гетто. Новые запреты обращены внутрь сознания, они отвращают мужчину-самца от содомии даже в активной роли, они отвращают его и от мастурбации, которая представляет особый объект для репрессивного подавления. Устанавливается практика двойного стандар-

Глава 4. Эротика эпохи Просвещени

Для мужчин, которая помимо прочего усиливает давлена женщину; ее подчиненное положение оправдыва-теперь и божественным, и «естественным» законом: «природная» слабость женщины диктует необходимость вступать в брак и становиться матерью. Иной путь у проклятой части женского пола, к которой принадлежат проститутки и свободные девушки, и их образ приобретает все более и более устойчивые черты. Такая адаптация старой патерналистской модели к новым требованиям времени принимается далеко не всеми. Сексуальность постепенно превращается в опознавательный знак принадлежности к тому или иному социальному слою, объясняет Бернард де Мандевиль в «Сказке о пчелах» (1714). Новая система, корни которой уходят в представление о правилах вежливости, приспособлена в основном, хотя и не исключительно, к жизни преуспевающих горожан. Вокруг нее группируются и другие модели сексуального поведения. Народ не желает безоговорочно принимать принципы, которые не сочетаются с его традициями или не удовлетворяют его потребностям, и порой нужны дополнительные меры, чтобы ввести поведение простого люда в установленные рамки. Люди утонченные, аристократы и придворные, предаются излишества и делают это настолько вызывающе как во Франции, так и в Англии, что век философов воспринимается теперь и как век порнографии и эротики. Самое серьезное стремление к переменам выказывают те, кто хочет достичь гармонического равновесия в страстях, кто ищет «средний путь», который должен привести к счастью. Их усилия никак не мешают многочисленным современникам гнаться за наслаждениями, и тогда выдвигается принцип самоконтроля в удовольствии. Этот принцип развивается в 0-й м русле с «цивилизацией нравов»¹, но путь его похож на извилистую линию, никогда не идущую вверх: добродетели не удается надолго и безоговорочно победить порок...

ВАЛ ПОРНОГРАФИИ

Мы уже говорили о том, что порнографическая литература появилась в XVII веке и стремительно приобрела популярность. Она отличалась от галантных или игривых рассказов прошлых веков. Одним из самых важных отличий было то, что в порнографической литературе отрицались установленные правила и авторитеты: Эрос рвался на волю из пут конформизма². Заряд, что несла в себе порнографическая литература, стал особенно разрушительным после выхода в 1683 году книги «Венера в монастыре, или Монахиня в женской сорочке. Забавные разговоры... записанные аббатом Дюпра». Удар был направлен непосредственно на церковь, и это произошло за два года до отзыва Нантского эдикта со всеми вытекающими отсюда последствиями, на вершине славы Короля-Солнца. Произведение приписывают иногда Жану Баррену, а иногда — Франсуа Шавиньи де ла Бретоньеру; оно построено в виде диалогов двух монашек, девятнадцати и шестнадцати лет. Они встречаются в монастыре, обмениваются приветственными поцелуями, говорят о том, что надо быть осторожными и соблюдать видимость приличий и, вместе с тем, «надо позволить себе что-то такое, чтобы насытить плотские аппетиты и снизить к слабостям духа». Для этого по наущению старшей — сестры Анжелики — к ним (в первую очередь к младшей — сестре Агнессе) приходят аббат, монах-фельян и капуцин. В произведении нет непристойных описаний, хотя сестры и говорят на темы эротики. Они обсуждают «Школу девушек» и находят ее недостойной внимания. Еще сильнее они порицают «Сотадическую сатиру» Никола Шопана. Порнографическая литература восстает против приличий, но поначалу она остается в рамках благопристойности и не описывает извращения (поэтому и подвергается осуждению книга Шорье — единственного, кто решился вторгнуться именно в эту область). Авторы прибегают к порнографическим сюжетам, чтобы заявить о нестандартности собственного мышления, высказать чуть ли не еретические суждения, близкие к вольнодумству духовных либертенов. Они защищают естественные науки и философию природы в противовес установленным авторитетам. В 1650-1690-е годы вырабатывается стиль и тематика порнографической литературы, причем распространяются они одновременно и в тех же социальных кругах, что и новый научный стиль. Это большие города, где социальная структура находится в стадии перемен, где существование человека становится все более независимым, а его поведение и мысли приобретают все более индивидуальный характер, где возникает необходимость определить место собственного тела в пространстве и таким образом осознать себя⁴. Свою роль сыграло и ослабление представлений о грехе, связанное как с развитием городов, так и естественных наук. Можно предположить, что в Англии популярность порнографической литературы связана с реакцией на пуританизм времен Кромвеля, однако это не совсем так. Волна порнографии пришла из Франции еще до Реставрации, в 1650-е годы,

рье, так как, по их мнению, «мы должны предаваться лишь тем наслаждениям, что остаются в рамках естественных законов и благоразумия»⁵.

Литература против приличий

е ослабевала целое столетие. «Венера в монастыре» была переведена на английский язык в 1683 году, в тот самый год, когда вышла в Кельне. В 1724 и 1725 годах появились новые переводы, что подстегнуло власти Британии к тому, чтобы принять постановления против непристойной литературы. По всей Европе, а особенно в Амстердаме, Париже и Лондоне, распространяются новые убеждения, согласно которым природа и чувства человека важнее, чем запретительные законы общества, основанного на лицемерии и внешней благопристойности⁶. Парадоксальным образом ужесточение нравственной, религиозной и политической цензуры, а также ярко выраженное стремление к сексуальному подавлению во многом способствовали рождению порнографической литературы⁶. Она возникает тогда, когда становится очевидным расхождение между теоретическими принципами и реальностью, ее питает постоянное балансирование между правилами приличия и их нарушением, она обретает значительный статус в культуре.

Подавление сексуальности проявляется не в виде реальных карательных мер, а скорее похоже на стрелку компаса, указывающую на тенденцию. Несмотря на полицейский надзор и изъятия запрещенных сочинений, продажа порнографических книг и рисунков цветет пышным цветом. Рынок сбыта необычайно велик — иначе продавцы не стали бы рисковать. Основным центром подобной литературы в XVIII веке стал Париж, где изготовлением и продажей порнографической продукции занимаются целые организованные группы, включающие в себя до 12 человек, — совершенно неслыханное дело при издании и продаже других запрещенных книг. Культура уличной жизни, свойственная французской

Часть третья. Циклы. Добродетель и порок (1700-1960)

столице, способствует развитию самых разных форм сексуальной торговли. В «Розовых путеводителях» печатаются адреса борделей и проституток на потребу любителям и просто любопытным. После 1789 года появляются списки зарегистрированных шлюх по образцу лондонских, с указанием расценок и умений каждой из них. С 1789 по 1792 год выходит 40 указателей; «Гризетки в подарок», «Альманах парижских девок», «Тариф девок Пале-Рояля» и т. д. с адресами, ценами, краткими характеристиками (блондинка, брюнетка, молоденькая) специальными навыками («очень активная гражданка», «пылкий передок», «днем женщина, ночью — мужчина»)⁷.

Порнография XVIII века может быть охарактеризована как натуралистическое изображение в словах или рисунках сексуальных сцен или половых органов, умышленно нарушающее повсеместно принятые нравственные и социальные табу⁸.

В Англии с 1660 по 1800 год интерес к подобным сюжетам постоянно увеличивается. Публикуются переводы порнографических сочинений древних и современных авторов, в первую очередь французских. Это явление объясняется как сексуальным подавлением, так и возрастающей цензурой литературы в целом. Правила приличия не позволяют писать в литературном произведении не только о сексуальной сфере, но и об обыденных телесных проявлениях, равно как и о плотских удовольствиях⁹. Порнография играет роль сопротивления религиозной и нравственной диктатуре и одновременно вызывает живой интерес, насытить который не могут ни впечатления улицы, ни дозволенные печатные издания. Порнографические произведения, разумеется, передаются друг другу тайно. Читатель оказывается просто любопытным наблюдателем. Он испытывает холодок возмущения от запретного действия, но не рискует всерьез быть подвергнутым тому наказанию, что полагается издателям и распространителям подобной литературы. Удовольствие читателя сходно с некоторой книжной мастурбацией или даже с посещением проститутки. Примером тому служит месье Никола, родившийся под горячим пером Ретифа де ла Бретона¹⁰.

Рынок желаний

Обычно считается, что порнографические произведения состоят из повторяющихся клише. Тем не менее на протяжении века философов порнография развивается, меняется и приспособляется к требованиям времени. Быть может, дело просто в том, что каждое поколение читателей вырастает и достигает зрелости? Отсутствие достаточно скрупулезных исследований не позволяет с определенностью ответить на этот вопрос. Во всяком случае, в развитии порнографии можно выявить два отчетливо обозначенных переломных момента: первый приходится на середину века, второй — на 1789 год. Первый переломный момент совпадает с публикацией в 1748 году программного произведения Ламетри «Человек-машина» и его же «Искусства наслаждения», причем одновременно с этими публикациями в Англии появляется книга Джона Клеланда «Мемуары женщины для утех», более известная как «Фанни Хилл». Похоже, что к этому моменту цель подобных сочинений можно определить как «порнография ради порнографии». Клеланд использует новую технику реалистического письма, но не дает подлинной истории проститутки своего времени и не

слишком отстывает от эротической традиции прошлого века. Мы не видим настоящей жизни уличной проститутки или же галантных дам, к которым ходят развратники. Фанни не беременеет, не заражается венерическими болезнями, не спивается. Зато она, в конце концов, выходит замуж по любви за своего первого клиента. Более того, она получает удовольствие с каждым, из своих партнеров. Клеланд сближается с той сексуальной моделью, что изложена в «Школе девушек»: никаких извращений. И главное — утвердить право женщины на оргазм. В романе представлен идеализированный мужской взгляд на женский оргазм: считается, что он тем полнее, чем больше пенис. О клиторе почти ничего не говорится, он не описывается так же подробно, как пенис, и его роль в получении оргазма умалчивается: автор не знает, что женщина может получать удовольствие чаще, чем ее партнер¹¹. Расхождение с традиционной христианской моралью очевидно, но оно не приводит к переосмыслению характера взаимоотношений между полами.

Полноценность женского существования по-прежнему связывается с браком, хотя и браком по любви. После череды превратностей и приключений Фанни возрождается в супружеской любви. Необычность ее судьбы лишь в том, что она поочередно побывала демоном и ангелом, любовницей и супругой, но сами по себе эти роли вполне соответствуют тому двойному мужскому стандарту, который как раз утверждается в это время.

Трудно установить истинное количество порнографических сочинений. Один исследователь предлагает 25 названий французских книг, вышедших с 1714 по 1749 год, другой — 22 названия с 1741 по 1797. Некоторые названия из этих двух списков совпадают¹². Среди них и

известные произведения великих мастеров, такие как «История кавалера де Грие» аббата Прево, «Жизнь Мари-шны» и «Удачливый крестьянин» Мариво, «Шумовка», «Заблуждения сердца и ума», «Софа» Кребийльона-сына, «Галантные монашки» и «Тереза-философ» маркиза д'Ар-жана, «Нескромные сокровища» Дидро. Что касается порнографических книг в чистом виде, то наиболее интересны среди них, бесспорно, недавно переизданные «История Дома Бугра, привратника картезианцев», которую опубликовал в 1741 году Жан-Шарль Жервез де Латуш, «Мемуары турка» (1743) Юдара д'Аркура, «Искусство наслаждения» (1748) Ламетри, «Марго-опустошительница» Фужере де Монбронна. Двадцать пять произведений из тех, что появились в первой половине века, с 1728 года переводились на английский язык (большинство — между 1735 и 1749 годами), что говорит о живом интересе к подобным сочинениям. В 1748-1749 годах семь книжек, появившихся во Франции, были почти сразу же переложены на язык Шекспира. Возможно, в этом сказался «эффект Фанни Хилл». Среди тех, что не удостоились чести быть переведенными, «Искусство е...ли, или Париж е...ущий» Бакуляра д'Арно, вышедший в 1741 году. Быть может, для английского читателя он показался слишком тривиальным?

К концу правления Людовика XV во Франции несколько спадает порнографическая волна, но к началу правления следующего короля она вновь набирает силу. Кроме Сада можно назвать еще двух плодовитых писателей, возделывающих ту же почву. Андреа де Нерсия публикует в 1775 году книгу «Фелисия, или Мои похождения» и еще несколько томов в подобном духе вплоть до 1792 года, когда выходит «Мое послушничество, или Радости Лолоты». За ним идет Мирабо с «Эротика библион» (Книги об эротике) 1782 года и «Занавес поднят, или Воспитание Лоры» 1785 года. К ним следует добавить и «Е...манию» Габриэля Сенака де Мельяна (1775), «Анти-Жюстину» Ретифа де ла Бретона (1797), а также анонимные сочинения: «Исповедь мадмуазель Сафо» (1789), «Каролина и Бельваль, или Уроки сладострастия» (3-е изд. в 1797 году).

Французская революция не остановила этот поток, наоборот, вкус к проблемам сексуальности только усилился. Возросло не только количество изданий — появилось особое пристрастие к описанию порока. Сначала оно было связано со стремлением - критиковать политические и социальные нравы Старого порядка, потом влилось в более

широкое представление о том, что все былые запреты должны быть пересмотрены¹³. Популярность подобной литературы охватила всю Западную Европу, и постепенно слово «порнография» стало приобретать тот смысл, что мы вкладываем в него сегодня. Это слово впервые было употреблено Ретифом де ла Бретоном в 1769 году? он назвал таким образом произведения, рассказывающие о проститутках. Но в 1806 году «порнографией» называется уже совсем другое: тексты или картинки, возмущающие общественный порядок и противоречащие нравственности. В Англии этот термин не используется до конца ХГХ века. В юридической практике прецедентом стал вердикт, вынесенный в 1728 году в отношении издателя Эдмонда Керла, опубликовавшего книжку, признанную непристойной. Это вердикт покрывал все поле смыслов, связанных с понятием «порнография», вплоть до 1959 года, когда был принят «Акт о непристойных изданиях» (Obscene Publications Act). До 1728 года суды не

1 Г» О

рассматривали подобные дела, с 1728 по 1735 год резко уменьшается количество переведенных порнографических книг, что, возможно, объясняется страхом наказания. Однако в 1740-е годы количество переводов опять увеличивается: очевидно, снова утверждается снисходительное отношение к подобным проступкам. Декорации меняются лишь к концу века. В 1787 году было основано «Общество вызывающих», намеревавшееся карать порок и безнравственность. Оно обрушилось в первую очередь на книги, отравляющие сознание читателей, особенно молодых. Ощутимые результаты деятельности стали видны лишь после 1801 года, когда появилось «Общество подавления порока и воодушевления религии и добродетели». Возможно, возрастающая франко-английская враждебность усилила подозрительность по отношению к книгам, столь обильно потребляемым по другую сторону Ла-Манша.

Все ярче и ярче обозначается движение в сторону завоевания собственно порнографического рынка. Так, например, Андреа де Нерсиа совершенно не интересуется общественной жизнью своего времени. Этим он отличается от революционеров, использующих сексуальную тематику, чтобы привлечь народные читательские крути и заставить задуматься о социальных и политических проблемах. С 1795 года появляются произведения, рассказывающие о таких сексуальных наслаждениях, которые до сих пор в лучших образцах жанра тщательно обходили молчанием: сокоупления с животными, транссексуальность. О них повествуется в двух анонимных произведениях: «Дитя борделя» и «Элеонора, или Счастливое создание». Героиня второго. Элеонора, одновременно и дитя порока, и незаконный ребенок благородного отца. Разумеется, здесь можно увидеть пародию на многочислен-

1 QQ

ные истории о сиротах, уже навязшие в зубах. И только садизм с его культом мучений и смерти остался не использованным никем, кроме знаменитого маркиза¹⁴. Это весьма красноречиво говорит о том, насколько непросто было приспособить подобный тип литературы к текущему культурному потоку, к обществу, которое пыталось отказаться от традиционных запретов предшествующего века, но не хотело забегать вперед, к эротизму времен упадка. Брак был подточен узаконенным правом на развод, восстановление ценности супружеских уз должно было произойти позже, при Наполеоне. Ну а пока проблемы супружеской жизни отошли в эротических произведениях на второй план. Философски настроенная ли-бертенка Тереза уступает место порочной распутнице с лесбийскими склонностями. Она занимается проституцией ради того, чтобы разорять мужчин и лишать их представления о мужском достоинстве. Но, чтобы полностью превратиться в женщину-вампира, высасывающую кровь из самца-дичи, ей следовало переосмыслить всю систему представлений, выстроенную к вящей славе мужчины-самца. Этого не смогли сделать ни героини порнографических сочинений середины XVII века, ни Фаншона в 1655 году. гни Фанни Хилл в 1748. А в следующем столе тии, как мы увидим, мужчина-самец обрел дополнительные способы самозащиты.

Книги, принижающие век Просвещения

То, что волнует людей одной эпохи, порой оставляет равнодушными их потомков. От чего заходились в восторге современники Режана, Филиппа Орлеанского, Вольтера, Андреа де Нерсиа? Не имея возможности проанализировать, в чем состояла особенность чувств каждого поколения, удовольствуюсь одним частным аспектом и попытаюсь ощутить ту дистанцию, которая отделяет их от нас. Что раньше вызывало скандальное потрясение? Откуда начать сравнение? Вот гравюра XVIII века, приписываемая Гендту, известная в гуашном варианте как произведение П.Л. Бодуэна. Она называется «Полдень», на ней изображена богато одетая женщина, лежащая в саду на лужайке. Одна ее нога задрана, правая рука указывает на книжку, валяющуюся рядом с ней на траве, а левую она держит под юбкой. Видимо, она испытывает сладострастную негу после того, как сама ласкала себя, а привело ее к этому занятию чтение скабрёзной книжки¹⁵. Здесь интересна не только та игра, которую автор предлагает зрителю, не только возможность оказаться в роли подглядывающего, что в целом блестяще представлено в «Замочной скважине» Фрагонара (ок. 1775-1777). Поражает то непонимание, что возникает в сознании человека XXI века: ну она себя ласкала, и что с того? То, что было тонкой интеллектуальной драгоценностью-безделушкой, опасной шуткой по поводу запретного самоудовлетворения, намеком на то, как сладки запретные удовольствия вообще, о чем говорит сладострастный взгляд женщины, обращенный к внешнему наблюдателю, — все это в наше время воспринимается почти как бытовая зарисовка со слабым провоцирующим зарядом. Во времена, когда летом на пляже и в рекламе появляются обнаженные женщины, когда существуют фильмы в стиле «хард», такая картинка сама по себе не представляет ничего необычного. Ну разве что в пуританской Америке она бы вызвала негодование, подобное тому, что вызвала голая грудь Джейн Джексон, обнаженная на минуту в телепередаче «Super Bowl Halftime Show» 1 февраля 2004 года.

Обращаясь к скабрёзной литературе, мы должны принимать во внимание эту дистанцию. За два века почти совсем утрачена разрушительная мощь тех произведений, что некогда были нацелены против табу и предрассудков общества. Само общество теперь существует только в учебниках истории. Однако мы можем нечто почерпнуть из этой литературы, она сумела донести до нас некоторый холодок возбуждения, сопутствующий любому нарушению запретов. Порнографию XVIII века можно подразделить на пять групп, при этом она использовала разные виды искусства, чтобы донести свой посыл до адресата. В основном это были стихи, короткие грубоватые шутки, проза и картинки¹⁶. Картинки часто сочетаются с текстом и являются порой подражанием знаменитым картинкам с подписями Аретино. Кроме того, эротическая картинка может оказаться в углу серьезной картины или гравюры, где она смиренно прячется, вводя в заблуждение цензора и давая дополнительное наслаждение знатоку: зритель оказывается вовлечен в тайную игру, он испытывает холодок возбуждения от тайного соучастия, и его сладострастное удовольствие усиливается. Именно так обычно и описывают XVIII век — век легкости и вольнодумства, острие которого скрыто под маской напускной вежливости, благочестия и послушания. Однако не все могут разобраться в тайных знаках времени. Для этого нужно встать на один уровень с теми, у кого есть богатство, благородное происхождение и ум. Самые сальные книги, на первый взгляд вульгарные и безыскусные, где все непрестанно сношаются, книги, которые так понравились бы барону де Бло, не были доступны пониманию любого, в частности многочисленным крестьянам, не умеющим читать, которые составляли большинство населения Франции. В Англии уровень грамотности был выше и составлял в 1750 году 62% среди мужчин и 38% среди женщин¹⁷, но и там порнографическая литература не получила абсолютного распространения. Утонченный читатель, способный оценить подобные сокровища и держать знакомство с ними в тайне, находился почти исключительно в Париже или Лондоне.

Первый тип порнографической литературы составляют медицинские или псевдомедицинские произведения: руководства по сексуальной жизни, сексологические трактаты, где часто говорится о мастурбации, порке или странгуляции. В то время все, в том числе медики, так ополчились на борьбу с онанизмом, который считался грехом, что его описание особенно ценилось. Порка пользовалась спросом прежде всего в Англии и даже стала своего рода национальным стереотипом в глазах соседних народов (что, очевидно, было несправедливо). Книги на эту тему хорошо продавались. Эдмунд Керл, знаменитый¹ издатель слишком смелых книг, опубликовал в 1718 году «Трактат об использовании порки в достойных делах», за который подвергся судебному преследованию. В 1761 году книжка была переиздана с предупреждением издателя, расположенным над заглавием, в котором говорилось; что подобная сексуальная практика увеличивает любовное наслаждение. Кроме того, в ней была помещена гравюра, на которой изображался мужчина на коленях, с голым задом, которого хлещет девушка. На кровати сидит женщина и ждет, когда мужчина достаточно возбудится и присоединится к ней. В Лондоне открылись специальные бордели, *bagnios* и *seaglios*, в которых угонченные любители получали искомое наслаждение. В 1783 году был переведен трактат, ошибочно приписанный аббату Буало, доктору Сорбонны; он назывался «История флагеллантов». На самом деле это было шутивное сочинение, призванное высмеять католические религиозные обряды¹⁸. Мучение в качестве необходимого спутника оргазма стало сюжетом небольшого текста на 46 страницах, опубликованного анонимно в 1791 году под названием «Современные пристрастия; или Эссе об искусстве странгуляции». Во второй части рассказывается о бичевании, в третьей, и последней, — об удушении, которое дает особое ощущение, если при этом тереть детородные органы. И именно это позволяет преступникам легче переносить казнь. Для джентльменов, нежелающих таким образом расставаться с жизнью, рекомендуется панацея доктора Уанбатчела, которая продается под названием «Эликсир жизни Уанбатчела». В 1793 году «Журнал хорошего тона» публикует две статьи. Одна — о происхождении любовного удушения, другая — о воздействии временной потери дыхания на организм человека. Что касается женщин, то им для самовозбуждения рекомендуется использовать кукол, ноги которых сделаны в виде цилиндров из мягкой материи. По свидетельству некоего французского путешественника 1713-1714 годов, такие куклы продавались в Сент-Джеймском парке в Лондоне¹⁹. «Пупсы», о которых идет речь, видимо, играли ту же роль, что и книги «для чтения одной рукой».

Второй и третий тип порнографической литературы более традиционны. Это антирелигиозные и антиаристократические сочинения. Их авторы идут по стопам либертенгов-вольнодумцев прошлого века. Развратник (*the rake*) открыто посещает нечестивые клубы, которые после 1720 года предпочитали держаться в тени, проповедует атеизм, кощунственно сквернословит и глумится над церковью. Уильям Хогарт высмеял этот расхожий тип в 1732 году в серии гравюр, озаглавленных «Карьера мота». Пьянство, игра, секс и нечестивое поведение — вот основные занятия развратника. Он по происхождению дворянин или выходец из незнатной, но состоятельной семьи, много путешествует и знает иностранные языки. Все эти качества соответствуют облику французских аристократов, распространенному несмотря на существующий антагонизм между двумя нациями²⁰. Большое место в порнографической продукции занимает тема сексуальных злоупотреблений католических монахов. Принято считать, что это специфически английское явление, связанное с протестантизмом. Однако это не так. Подобные сюжеты были широко распространены во Франции XVI века, они есть у Рабле, в «Гептамероне» Маргариты Наваррской, сестры короля Франциска I, причем «Гептамерон» неоднократно переиздавался в XVIII веке. Та же тема фигурирует и в «Истории Дома Бугра, привратника картезианцев», опубликованной Ла-тушем в 1741 году. Главный герой произведения Сатурнен, сокращенное имя которого намекает на его тайные склонности

(bougre, то есть грубиян, — распространенное прозвище содомитов), — сын монахини. В ходе разнообразных приключений он находит мать в тайной келье, где монахи держат любовниц. Он участвует в оргиях, например сходится с шестью монахинями сразу, и мало-помалу его жизненные силы истощаются. Он изнасиловал монашку и бежит в Париж, где встречает в борделе свою родственницу Сюзон. Она предупреждает, что больна венерической болезнью, но он все же спит с ней. Затем оба арестованы и помещены в тюрьму. Сюзон умирает, а Сатурнен заболевает. Чтобы спасти ему жизнь, его кастрируют, и он возвращается в монастырь, где проводит последний год своей жизни в роли привратника (отсюда и подзаголовок книги) и пишет мемуары. Произведение оставляет двойственное впечатление. С одной стороны, оно прославляет эротическую свободу и наслаждение как настоящую новую религию. Но в конце концов герой возвращается в монастырь, бунт против правил приводит к тому, что он становится не способен к какой-либо активной сексуальной жизни. По сути, книга завершается чем-то вроде прославления умеренного образа жизни, который вынужденно ведет герой после кастрации, а чрезмерные страсти не принесли ему счастья. Догматы веры пародируются, но идеал, провозглашенный в книге, — это тот идеал среднего городского сословия, который формируется именно в это время. Под порнографической оболочкой преподносится мысль о необходимости абсолютного контроля над собой, и обращена она ко всем тем, кто хочет избежать печальной участи Сатурнена. Сам же он, думая, что сможет без конца наслаждаться, обрел одни лишь мучения. Вновь обращаясь к Англии, упомянем о произведении «Отец Павел и голубоглазая монахиня Святой Катерины» (1770). О содержании нетрудно догадаться по гравюре-иллюстрации, на которой изображен похотливый отец Павел. Он сидит в кресле, глаза его сверкают от вожделения, а на коленях у него сидит великолепная монахиня с полуобнаженной грудью. Ее руки молитвенно сложены, одежда — традиционно монашеская, что усугубляет тяжесть плотского греха²¹.

Что касается антиаристократической порнографии в Англии, то она тоже опирается на французскую традицию, а именно на «скандальные хроники». Скабрешные историйки, якобы из жизни Версальского двора, услаждают английского читателя. Француз Моран, эмигрировавший в Англию в 1769 году, обличает нравственную испорченность своих соотечественников. В 1771 году он публикует в Лондоне два произведения: «Философ-циник» и «Газетчик в кирасе, или Скандальные анекдоты французского двора», и они приносят ему успех. Постоянным объектом для насмешек становится для него мадам Дюбарри. Он называет ее незаконной дочерью служанки и монаха, рассказывает о том, что она была флоституткой и куртизанкой, а также вступала в лесбийские отношения с девушками. Она опрыскивает свои половые органы духами изнутри и амброй снаружи, чем и привлекает к себе короля. Людовик XV намеревается преследовать Морана, но тот прибегает к шантажу, опубликовав объявление о скором выходе книги «Тайные мемуары публичной женщины» и пытаясь вынудить короля купить у него рукопись. В 1773 году дело становится похожим на похождения Рокамболя. В Англию посланы полицейские, чтобы задержать Морана, и он сообщает в газеты, что французы хотят похитить эмигрантов, бежавших от тирании короля. Поднимается волна всеобщего сочувствия и протеста, и посланцы короля вынуждены спешно покинуть остров. Деньги, отданные Морану за рукопись, остаются у него. Король посылает Бомарше, чтобы урезонить Морана, в результате ему приходится купить за высокую цену все экземпляры памфлета и согласиться на выдачу ему пенсии. Затем Моран становится тайным агентом Людовика XVI²². Так порнография превращается в средство добиться желаемого и позволяет жить на широкую ногу!

Четвертая группа скабрешных сочинений восходит к анонимным предшественникам маркиза де Сада. Здесь секс сочетается с кровью и смертью. Речь идет о значительном количестве произведений, рассказывающих о подвигах и невзгодах лондонских преступников, осужденных и казненных за изнасилования, инцест, а также об адюльтере

между убийцами. Во Франции сходный феномен представляет процветающая торговля картинками или гравюрами, изображающими короткие любовные связи у подножия виселицы или на костре. В Англии, кроме того, выходят многотомные официальные издания, такие как «Хроника Тайберна» в 4 томах (ок. 1768) или пятитомный «Ньюгейтский календарь кровавых убийц» (ок. 1773)²³. В дальнейшем мы еще обратимся к этой сложной комбинации мотивов и сюжетов, которую использовали и такие знаменитые авторы, как Даниэль Дефо. Несомненно, чтение историй о взаимоотношениях, развивающихся на фоне пыток, влияет на процесс формирования собственного «я», так как представление о телесных муках преступников накладывается на представление о грехе и становится антимodelью поведения для благонамеренных граждан²⁴.

Пятый тип порнографических сочинений связан с проблемой брака и войны полов. Сюда входит литература, говорящая о «преступных сношениях», как называется в англосаксонских странах супружеская неверность, а также картинки и сочинения на тему проституции, обретения рогов и борьбы за главенство в домашнем быту, которая во Франции называется «борьбой за право носить штаны». В Англии подобные темы получают особое распространение к концу XVIII века, в частности, за счет карикатур Ньютона и Вудворда. Карикатура «Кто носит штаны?» Ричарда Ньютона (1794) изображает мощную женщину, опирающуюся на правую ногу, выставленную вперед. Руки в боки, как театральный хвостун, она иронически созерцает безрезультатные приступы ярости хлюпика-мужа, который стоит перед ней с перекошенным лицом в позе незадачливого боксера. Судя по гравюрам, роли переменялись. «Замок» Вудворда (ок. 1800) изображает женщину, надевающую на мужа пояс верности. Она резонно предполагает — и очень рада этому, — что теперь он не будет волочиться за служанками²⁵. Что касается проституток, то они вызывают особый интерес у писателей. Их биографии, как правило, заключены в морали-заторские рамки. Именно поэтому Даниэль Дефо счел возможным написать «Молль Флендерс» и «Роксану», а Джон Клеланд — завершить «Фанни Хилл» прославлением супружеской любви. Жизнь куртизанок из высшего света, однако, обладает извращенной притягательностью скандальной хроники. Таковы «Подлинные мемуары знаменитой мисс Марии Браун» (1766), приписанные Джону Клеланду в коммерческих интересах²⁶.

Порнографическая волна XVIII века не слишком меняется вплоть до глубокого перелома, связанного с революцией. Она изобилует расхожими клише и стереотипами, в самых смелых книгах господствует двойной стандарт, а сексуальные роли мужчины и женщины, закрепленные в ходе веков, не подвергаются сомнению. Эротическая литература свидетельствует и о том, что сексуальная жизнь вне супружеских уз все больше и больше отодвигается в область дурного тона, испорченного вкуса. Сексуальное подавление становится более скрытым, но и проникает в сознание глубже, чем в предшествующие века. Времена пыток, цензуры, боязни адских мук уходят, и на смену им приходит внутренняя сдержанность. Формы контроля меняются, потому что растущий успех порнографии привел к дискредитации властей, не способных применять на практике свои запреты. Однако основное, приспособившись к потребностям времени, остается без изменений — это представление о браке как о краеугольном камне общества. Самыми возбуждающими эротическими мыслями становятся те, что позволяют мечтать о дополнительном блаженстве в объятиях проституток или порочных женщин, но исключают крайности всяческих извращений, окруженных запретами, таких как гомосексуализм, оральный и анальный секс, сношения с животными, муки и умерщвление. Англичане немного больше, чем жители континента, поощряют порку. Она даже входит в систему обычных школьных наказаний и по закону 1860 года является «разумным возмездием»; которое родителям разрешено применять к детям. На заседании 5 июля 2004 года 250 голосами против 7 палата лордов отказалась отменить этот закон.

Порнография в литературе и искусстве стала выходом для тех, чья сексуальная жизнь протекает слишком обыденно. И это также объясняет, почему постоянно растет число потребителей подобной продукции. Порнография не уводит читателя слишком далеко от него самого, не выносит его за рамки культуры, но позволяет немного побыть на ее обочине, там, где удовольствие от легкого нарушения приличий сливается с открытием неизведанных чувственных возможностей. Только во время революции некоторые авторы пошли гораздо дальше, вступили на путь описания настоящих извращений. Однако к началу XIX века наполеоновский кулак во Франции и образованные в Англии многочисленные общества

по борьбе с пороком положили конец всем этим поползновениям. Возобновился диалог сторонников супружеской половой жизни как необходимой для продолжения рода, с одной стороны, и любителей более изысканных, более полных или более тривиальных наслаждений, вкушаемых в объятиях порочной женщины перед возвращением к целомудренному супружескому очагу, с другой. Порнографические произведения по большей части поддерживают эту всеобщую двойственность поведения, основанную отныне на естественном законе, медицине-философии, а не на политических или религиозных запретах. Дом Бугр, истощенный в наслаждениях, лишенный существенной части своего естества, стал несчастной жертвой запретов. Он не смог достаточно контролировать себя, противостоять искушениям и ждать, когда дорога по среднему пути приведет его к счастью.

МЕРА СЕКСА

Общество никогда не эволюционирует по всем направлениям сразу. В Англии в XVIII веке одновременно сосуществуют сторонники свободных нравов и пуритане, а рядом с французскими развратниками встают радетели нравственности меньшего масштаба. То же самое и в следующем веке, когда развитие викторианских представлений о нравственности никак не мешает существовать порнографии, хотя ее все больше порицают. Во времена Вольтера и Хогарта призывы к свободе раздаются повсеместно, но они не меняют глубинных основ культуры. В области наслаждения, где затрагивается как проблема отношений между полами, так и проблема брака, религиозная и нравственная цензура заметно ослабевает. Однако появляются новые формы контроля, то пытающиеся отделить желание от наслаждения, чтобы желание не становилось слишком разрушительным для общества, то выдвигающие новые основания — «научные», медицинские, философские и естественные, — чтобы подтвердить необходимость подчинения женщины мужчине.

Удовольствиям надо предаваться умеренно

На первый взгляд, житель большого города эпохи Просвещения имел достаточно возможностей, чтобы найти удовольствие себе по вкусу. Общество разбогатело, стало более благоустроенным и даже роскошным для людей обеспеченных, в целом все стали лучше питаться, наметился демографический рост. И в Лондоне, и в Париже высшие классы получили доступ к самым разнообразным источникам радости и удовольствий, а нравственные

строгости исчезли. В Англии это произошло после 1660 года вместе с Реставрацией, а во Франции — в 1715 году, когда на смену последним унылым десятилетиям правления Людовика XIV пришли годы праздника. В Лондоне собираются толпы зевак до 100 тысяч человек, чтобы посмотреть на публичную казнь в Тайберне, бой быков или медвежьё борьбу. То же происходит и в Париже, где завсегда ходят в кафе, таверны, публичные сады. Ночью предаются темным наслаждениям в многочисленных борделях или местах безудержных гуляний, таких как Хей-маркет, Бэнксайд или КовентГарден. Секс правит галантным обществом. Во времена Регентства он находит свое воплощение в крайне вольных по стилю, а то и просто непристойных сочинениях Гилрея, Роулэндсона или братьев Крукшенк. Гедонизм царит в рисунках Хогарта, изображающего целые галереи развратников и гуляк. Азартные игры, пьянство как признак мужественного поведения,

сексуальная вседозволенность, столь красочно описанная в мемуарах Сэмюэля Пеписа в XVII веке или Уильямом Хейкеем в XVIII, дополняют картину общества, непрестанно находящегося в горячечном бреде распутства. Любовные похождения воспринимаются всеми снисходительно и не влекут чувства вины. Однако приличия требуют, чтобы язык не был грубым. Он очищается сквозь фильтры образцовой страсти и романтической любви, как это представлено в «Фанни Хилл» Джона Клеланда и в «Жизни и мнениях Тристрама Шенди, джентльмена» (1760-1767) Лоренса Стерна. Вежливость и чувствительность позволяют говорить об индивидуальных проявлениях страсти, если только они не подвергают явному сомнению установленный общественный порядок. Такова цена за то, что плотское удовольствие признается потребностью как для мужчин, так и для женщин, особенно в утонченных кругах. Количество борделей продолжает расти (в 1859 году полицией зарегистрировано по меньшей мере 3 тысячи заведений), но улицам ходят более 10 тысяч проституток (около 80 тысяч к 1859 году). Викторианским строгостям предшествует долгий этап «невероятного жизнелюбия». Язвительное искусство Хогарта точно передает атмосферу времени, как, например, на гравюре «Унылое утро в КовентГарде-не после вечеринки, длившейся всю ночь». Огонь желания еще тлеет около костра и запоздалые гуляки еще тискают и обнимают девушек на пороге «Кофейного дома»: ничто не может охладить похотливый пыл, даже тусклая занимающаяся заря²⁷.

В Париже все точно так же: такой же большой город, и в нем так же сконцентрированы всевозможные удовольствия; когорта проституток ходит по улицам, во всех слоях населения процветает культ чувственности, страсть к игре, выпивке и зрелищам публичных казней: они будоражат кровь гуляк. Эрос и Танатос нерасторжимы в западной культуре, поскольку жизнь коротка — в те времена ее средняя продолжительность была вдвое меньше, чем сейчас, — и к тому же полна превратностей* среди которых венерические и прочие мучительные болезни. Кровь, грязь, боль — вот обратная сторона медали, но они придают особую цену сиюминутному наслаждению, которое более не сдерживается репрессивными функциями государства, но строится на чувстве беспокойства у тех, кто не чужд религиозным посылам, пусть и ослабленным.

Знатные люди, располагающие свободным временем, отныне тратят свою энергию на погоню за страстями и на утоление чувственных appetitov. Поиск сладострастия становится важным фактором их самоидентификации в рамках культуры, четко разграничивающей роли двух полов. Более того, к концу века ролевые различия между полами даже усиливаются, так как жизнь мужчин и женщин отныне протекает в двух радикально противоположных общественных сферах²⁸. Однако эротическая свобода всегда входит в некоторое противоречие с коллективными устремлениями того или иного общества. Она таит в себе разрушительную силу и способна превратить сообщество в неконтролируемый агрегат, механическое соединение неорганизованных и разрозненных элементов, стремящихся получить удовольствие* Чтобы регулировать этот агрегат, нужны тонкие устройства, пришедшие на смену былым запретам. Это теоретическое размышление возникло не само по себе, а в связи с философскими размышлениями эпохи на тему поисков счастья. Проблема счастья занимает все умы, она стала повседневной реальностью. Хотя право человека на физическое удовольствие и не включено в Декларацию прав человека 1789 года, о нем недвусмысленно говорится повсюду.

Английская литература века Просвещения, рассуждая о правилах хорошего тона, видит в достойном поведении как цивилизаторскую силу, так и узаконенный и дозволенный источник наслаждений. Для Сэмюэля Джонсона сексуальные радости — основная услада этого мира. Доктор Эразм Дарвин, дедушка изобретателя теории эволюции, называет сексуальность «самой чистой радостью в чаше жизни, которая стала бы без нее невыносимой». В Лондоне с 1811 по 1820 год, при правлении принца-регента, названного «Принцем удовольствий», все пьют, едят и предаются любви с необычайной легкостью, не вызывая каких бы то ни было суровых нареканий²⁹.

Бернард де Мандевиль (1670-1733), чьи сочинения нещадно критиковались современниками, попытался увидеть проблему в более широком интеллектуальном масштабе. Он был врачом, выходцем из Нидерландов, жил в Лондоне и писал сатирические произведения. С известной долей цинизма он проповедовал стремление к личной власти, славе и почестям. Он считал, что все мора-лизаторские теории лишь прикрывают мощную силу жизнелюбия. Принцип контроля над плотскими желаниями все время будоражил его сознание, и он написал нечто вроде трактата о сексуальной ЭКОНОМИКЕ, который затем подвергся многочисленным переделкам. В 1705 году он вышел под названием «Ропщущий улей», в 1714 году — в расширенном виде под названием «Басня о пчелах: частные пороки и публичные добродетели». В последующих изданиях произведение еще больше расширилось, а затем было переведено на французский язык под названием «Басня о пчелах, или Мошенники, ставшие честными людьми» и снабжено комментарием, в котором говорится, что пороки, коим предаются втайне, могут быть использованы для общего блага³⁰. По мнению Мандевиля, мужчина и женщина всегда разгорячены вожделением и постоянно стремятся утолить свой сексуальный голод. Соответственно, все общественные установления основаны на лицемерии. Мандевиль отнюдь не порицает плотские вожделения, но предлагает принять их, так как человеческому существу свойственны стремление к наслаждению, тщеславию, честолюбию, просто общество должно контролировать проявления этих склонностей. Так, если поставить эгоизм каждого на службу обществу в целом, частные пороки можно обратить во всеобщее благо. Человеческое общество представлено у автора в виде улья, где каждая пчела имеет свои индивидуальные устремления. Парадоксальным образом, если одни хотят лишь удовлетворить свой аппетит, а другие стремятся к некоей коллективной цели, весь улей целиком получит от этих противоречивых устремлений прилив энергии. На Мандевиля ополчились защитники христианской морали, но высказанный им посыл в последующие десятилетия распространялся все шире и шире. В 1776 году Адам Смит в работе «Богатство народов» высказал взгляды, очень похожие на взгляды Мандевиля. Параллельно развивается еще одно критическое направление. Джозеф Аддисон создал журнал «Зритель», который, хотя и просуществовал недолго (1711-1714), вызвал волну подражаний по всей Европе. Аддисон критикует и чрезмерно строгую пуританскую мораль, и аристократическую свободу нравов. Он проповедует средний путь умеренности* так как считает, что те, кто предается радостям в разумных пределах, получают более полное и более длительное наслаждение. Вежливость, воспитанность, разумность и выдержка — вот лучшие гарантии обрести то, что некоторые называют счастьем. Его можно обрести здесь и сейчас, не дожидаясь, пока сбудется призрачная надежда на обретение рая после смерти³¹.

Во Франции философы очень пристально изучают те же проблемы. Они обращаются к античному эпикурейству, «суть которого состоит в том, чтобы предпочесть непостоянному наслаждению отсутствие потрясений, которое разливается по сознанию подобно невозмутимой водной глади и избавляет наслаждение от страхов и тревог»³². Под таким углом зрения роль удовольствия в жизни становится первостепенной. Мадам де Пюизье в произведении «Наслаждение и сладострастие» провозглашает, что без удовольствия невозможно счастье в любви. Вольтер посвящает понятию удовольствия «Пятую речь о человеке», а в июне 1738 года в письме к наследному принцу прусскому говорит о том, что именно в удовольствии можно найти доказательство существования Бога: «... С физической точки зрения наслаждение имеет божественную природу. Я утверждаю, что всякий, кто пьет токайское вино, обнимает прекрасную женщину, испытывает, короче говоря, любые приятные чувства, не может не признать существование Высшего Существа — благодетеля»³³. Что касается собственно христианской морали, то здесь следует сказать о Бейле, который написал в 1701 году трактат «Диалоги об удовольствиях между господами Патрю и Абланкурром». Он выстраивает гибкую нравственную систему, основанную на трех правилах: скромность,

умеренность, легкость. Он перечисляет 12 видов удовольствия, не выстраивая иерархической лестницы: любовь, еда, музыка, беседа, чтение, зрелища, игра, пребывание на лоне природы, добродетель, дружба, получение знаний, грезы. Другие моралисты, как, например, Дюпюи в трактате «Диалоги о чувствах*»; (1717), различают наслаждения чувств, ума и сердца. Юрси предлагает воспринимать первую группу наслаждений в более духовном смысле, чтобы не отделять ее от двух других: «Следует придать им изысканность и основательность, ибо только такие наслаждения чувств достойны человека». Многие авторы склоняются к тому, что удовольствиями нельзя злоупотреблять и их следует остерегаться, чтобы не впасть в страсть⁵⁴. Английские мыслители тоже весьма почитают сдержанность. Локк развивает идеи Пифагора, согласно которым умеренность может стать хорошим лекарством как для физического тела, так и для государства. Подобные идеи высказывают такие разные писатели, как Мандевиль, Вудворд, Чейни, Дефо, Свифт³⁵. Таким образом, оказывается, что не все достойны получать удовольствие. Ремон Грек в «Агафоне, диалоге о сладострастии» (1719) пишет, что это удел «человека совершенного и сладострастного»; Шевалье де ла Морльер в романе «Ангола»¹ (1746) предлагает своего рода пособие по «умению наслаждаться жизнью»: в мире, где все подчинено удовольствиям, царит ложь. В конце бала под масками обнаруживается запустение и разруха, подобные лицу старой кокетки, смывшей румяна и пудру». Руссо и его последователи предпочитают видеть высшее наслаждение в добродетельной жизни, а поэт Янг заявляет: «Что означает слово Довольствие"? Это просто более веселое название добродетели». Однако в конце века появляется Сад и потрясает уже установившуюся систему. Он провозглашает неограниченное проявление личной свободы, гедонизм в чистом виде и презрение к общественному порядку, что особенно видно в сценах преступлений, которые он вводит в книги³⁶. Правда, великий маркиз оставил лишь скромный язвительный след в общем культурном потоке. Следующий век пошел по пути равновесия, умеренности, воздержания от крайностей. Оргазм и брак

В деталях часто проявляется суть явлений. В XVIII веке нормы сексуального поведения не слишком изменились, во всяком случае, в сфере взаимоотношений между полами. По-прежнему и с еще большей убедительностью доказывалось, что женщина должна подчиняться мужчине, хотя в Париже и Лондоне на время стала допустимой некоторая свобода нравов. Однако подспудно и медленно происходили процессы, призванные изменить самую суть взаимоотношений между мужчинами и женщинами, между юнцами и взрослыми, между разными социальными группами.

Язык и стиль эпохи призваны были прежде всего скрыть или оттенить происходящие изменения. Ослабление религиозной морали компенсировалось новыми законодательными механизмами, укреплявшими супружеские узы до полной нерасторжимости брака. Это происходило на фоне сентиментального настроения эпохи, воспевавшего романтическую любовь. Сентиментальные настроения охватывали не только социальную элиту, к которой принадлежали читатели романов и новелл. Волна чувствительности захлестнула и людей из народа. Картину дополняли самые разнообразные сочинения, касающиеся сердечных дел: литературные, научные, медицинские. Сердце рассматривалось скорее не как кровяной насос, роль которого в кровообращении была определена Гар-веем, а как нечто гораздо менее четко локализованное в организме. Сердце в каком-то смысле заменило душу, так как душа слишком долго связывалась с нравственными строгостями и ограничениями, а сердце позволило говорить о чувствах и страстях. Анализ названий сочинений на французском языке, вышедших с XVI века, позволяет увидеть, что с 1723 по 1789 год в названиях особенно популярно упоминание любви (367 раз) и брака (143). Кроме того, фигурирует непреодолимое влечение сердца (208 примеров) и чувство (179). Удовольствие в единственном и множественном числе упоминается только 69 раз. В реальности все проще, так как к концу Старого порядка резко возрастает количество добрых зачатий и

внебрачных детей. Особенно высок этот показатель в больших городах, в том числе в Лондоне, где в предшествующую эпоху их рождалось достаточно мало³⁷. Романтическая любовь, прежде чем утвердиться в культуре, была, быть может, своего рода стыдливым покрывалом, наброшенным на слишком неприглядные факты, раздражавшие новых моралистов — поборников умеренности и сдержанности. Во всяком случае, два образа правят бал: раскаявшийся развратник, обратившийся к спасению души в конце жизни (таков Дом Бугр, привратник картезианцев, вынужденно кастрированный и ожидающий скорой кончины в воротах монастыря), и раскаявшаяся проститутка Фанни Хилл, вышедшая замуж. В браке она обретает и нежную привязанность, и умеренные, но вполне законные радости плоти.

Принципиальным изменением, произошедшим в XVIII веке в области семейных отношений, было то, что за женщиной признали право на удовольствие. Возможно, это была всего лишь уступка тем, кого все крепче замыкали в пределах домашнего очага. Но, так или иначе, оргазм стал рассматриваться как нечто дозволенное и ценное само по себе, а не исключительно как инструмент для зачатия ребенка. Ранее на исповеди духовники спрашивали у супругов, не пытаются ли они достичь оргазма, и некоторые проповедники приравнивали его к смертному греху. В 1584 году Бенедикт сурово заклеил любые излишества: «Не годится, чтобы муж обращался с женой, как со шлюхой, или же супруга вела себя с мужем, как с любовником». Он заклинал их «не делать из постели Бога». Всякое эротическое дополнение к половому акту возбранялось. Допускалась лишь одна позиция, когда партнер находится сверху партнерши. Преимущество этой позиции объяснялось не только тем, что она позволяла не терять ни капли спермы, но и самым естественным порядком вещей, нарушение которого может буквально перевернуть мир. Санчес, один из авторитетных мыслителей в этой области, утверждал даже, что Всемирный потоп произошел из-за женщин, «впавших в безумие, ибо они решили пользоваться мужчинами, находясь сверху, а те были под ними»³⁸.

В 1686 году вышел трактат доктора Николя Венетта (1683-1698) «Картина супружеской любви», порвавший общепринятой традицией. Этот трактат был невероятно популярен в Европе, переиздавался более тридцати раз, переводился на нидерландский (1687), немецкий (1698), английский (1703) языки, не считая многочисленных переработок. В 1826 году он был переведен на испанский, а потом стал настольной книгой французского простонародья. Автор последовательно пишет о механизме половых сношений, о результатах полового акта и его социальных аспектах, таких как законы отцовства, наследования, развода и пр. Венетт смотрит на вещи традиционно по-мужской: он, например, считает, что один лишь вид пениса возбуждает женщину до безумия. Однако он не видит ничего зазорного в том, что оба пола испытывают вожделение. Мужчина, по его мнению, сатир, а женщина постоянно стремится к плотской любви, потому что само устройство ее половых органов делает ее ненасытной. Разница состоит в том, как насыщается эта потребность: более сильные мужчины удовлетворяются быстрее и быстрее исчерпывают свои силы. Женщины капризны, ревнивы, тщеславны и гораздо хуже могут себя контролировать. Венетт настойчиво советует обоим полам жить сексуальной жизнью: мужчинам — для того чтобы сохранить здоровье и избежать внезапной смерти, женщинам — для того чтобы спастись от меланхолии, истерии, «зеленой болезни» (хлорозиса). Вместе с тем он предостерегает от злоупотреблений или «яда сексуальности», призывает следовать золотому правилу умеренности, так как самые похотливые животные — воробьи и зайцы — живут меньше всех³⁹. Венетт снимает чувство вины с плотского наслаждения, но проповедует супружескую мораль и утверждает, что мужественность лишь частично проявляется в эротических возможностях, а полностью реализуется в способности зачать ребенка, особенно если это мальчик. С другой стороны, жена не способна самостоятельно справиться со своей природной похотливостью: «Она как флюгер, что вертится от каждого дуновения ветра, который был бы сорван и унесен бурей, не удерживай его

стержень, к которому он приделан»⁴⁰. Долгий успех его книги был связан, вероятно, с тем, что в ней патриархальные традиции переплетались с новыми представлениями, которым было так же приятно следовать, как и читать о них. Венетт говорит о позиции «мужчина сверху женщины» как о наиболее естественной и доставляющей наибольшее удовольствие, но он советует также использовать позицию на боку или сзади. В последнем случае он осмеливается пойти против суровых богословов и настаивает на преимуществах этой позиции, так как при ней «матка расположена гораздо более благоприятным для зачатия образом», ибо семя попадает непосредственно внутрь нее, хотя, с его точки зрения, удовольствие от такой позиции меньше. Вместе с тем он, как и большинство проповедников или авторов классической эротической [Литературы, примером которой может служить «Школа девушек», решительно отвергает любое вневаги-

К концу XVIII века разговоры о теле приобретают все более светский характер, что связано с огромными потрясениями в обществе, политике и науке. Возникают новые аргументы в пользу главенства мужчины-самца в браке и в половой жизни, и эти аргументы, гибко приспособленные к веяниям времени, еще сильнее укрепляют роль мужчины в обществе. Сущность взаимоотношений мужчины и женщины не меняется, но меняется представление о механизмах, управляющих ими. Главенство мужчин опирается отныне не на слово Божье, а на внутреннее осознание особенностей своего пола и, соответственно, на убеждение в неполноценности другого пола. Границы между миром мужчин и миром женщин все укрепляются, натуральное семяизвержение. Содомию он считает «великим преступлением», так как «она никаким образом не может привести к зачатию». Он возмущается «нечистым обычаем» предаваться минету, от которого, по его мнению, на члене появляются бородавки. Представление о том, что наслаждение плоти — грех, если оно не используется ради продолжения рода, Венетт с невероятной ловкостью подменяет другим: «супружеские ласки — узел супружеской любви», «ее подлинная сущность»⁴¹. Ну а дальше он обращается к традиционной проповеди умеренности, к учению о неравенстве полов в супружеской жизни и клеймит позором сексуальность, не направленную на зачатие ребенка. Вместо аргументов богословов он использует медицинские доводы, но они все так же направлены на то, чтобы закрепить якобы «естественный» порядок вещей, при котором мужчина главенствует и в браке, и в обществе.

Двойной стандарт для мужчин

и вместе с тем система субординации по идейным мотивам порождает постоянную тревогу у вышестоящих: не выйдут ли нижестоящие из-под контроля? Таким образом, вышестоящим постоянно нужны все новые доказательства подчиненного положения нижестоящих⁴². В Англии и во Франции, несмотря на всевозрастающий антагонизм между ними; происходят поразительно схожие процессы с разницей в мелких деталях. Можно понять, почему доктора Венетта так охотно читали и по другую сторону Ла-Манша. В Британии отвергают французскую революцию, и в то же время там рождается «средний класс» — провинциалы, призванные утвердиться на сцене викторианской эпохи. Они отличаются и от аристократии, и от джентри системой домашних ценностей, и в этой системе сферы деятельности мужчины и женщины совершенно разделены. У «среднего класса» большие политические и общественные амбиции, эту социальную группу можно отличить по трем характерным признакам: коммерческая деятельность, рационализм, сдержанность. Последний признак весьма схож со «средним путем» французских философов, сторонников умеренности в удовольствиях и самоконтроля в поведении. Общественным формациям предшествуют идеи. Основы зашатались уже давно, в эпоху кризиса европейского сознания, тянувшегося с конца XVII века до 1720-х годов. Перемены в сознании получили конкретное воплощение в следующих пяти нововведениях, утвердившихся в сфере семейных и сексуальных отношений: введение двойного стандарта мужского поведения, закрепление женщины в рамках семейного

очага, усиление борьбы с мастурбацией, формирование группы взрослых мужчин-гомосексуалистов на обочине общества, и все это на фоне возрастающего мужского беспокойства, что женщины, подавленные, и не покоренные до конца, выйдут из-под контроля. ';\

Двойной стандарт мужского поведения стал в каком-то смысле результатом светского осмысления былого разделения женщин на добропорядочных и покорных, с одной стороны, и демонически строптивых, с другой, 1 Когда-то считалось, что все дочери Евы несут в себе пер-вородный грех, но те, кто обрел Жениха в монастыре 1 или смиренно принимает надзор и опеку мужа, будут спа- 1 сены. Другие же, непрестанно искушаемые похотью, будут неотвратимо прокляты. Правда, подобные идеи не мешали пускаться во все тяжкие Сюзанне и Фаншоне из «Школы девушек» или горластым и страстным крестьянкам Сомерсета. Так же обстояло дело и тогда, когда появилось уже не богословское, а светское разделение женщин на чистых и нечистых. Чистые — это те, на ком женятся, и супруг пристально контролирует их поведение. Нечистые — проститутки и все те, кто свободно распоряжается своим телом. В их объятиях мужчины вкушают на слаждение, а потом без зазрения совести возвращаются к добродетельному семейному очагу⁴³.

Разумеется, женщина в принципе не имела права на подобное «удвоение» личности. Она могла лишь принять одну из двух предуготованных ролей. Конечно, можно было притворяться и время от времени тайно играть другую роль. Но невероятно трудно было, подобно Фанни Хилл, восстановить репутацию после беспутной жизни. Что касается мужчины, то он мог и должен был последовательно играть то одну, то другую роль, иначе его не воспринимали как полноценного мужчину-самца. Правда, следует принимать во внимание и социальную принадлежность. Двойной стандарт предполагал существование морали, которая предписывала соблюдать внешние приличия и допускала только тайные удовольствия. Такая мораль была распространена в средних слоях общества и у аристократии. Придворные распутники уже давно придерживались этой морали как в Англии, так и во Франции, и жены не отставали от мужей. По свидетельству маркизы де Севинье, в Версале при Людовике XIV смеялись над теми, кто любит супругов и прилюдно выказывает свою любовь. У простонародья все было иначе, никакой двойственности и не требовалось. Брак не мешал женатым мужчинам-самцам видеть в любой женщине добычу, а девушки и до замужества предавались разнообразным удовольствиям, как мы видели на примере Сомерсета XVII века. В Лондоне более поздних времен дело обстояло так же. В столице Англии утвердилась своеобразная народная форма развода: продажа жены с торгов, часто по предварительному договору. Мы находим частые упоминания о такой практике с 1750 по 1850 год, но есть и более ранние случаи. Некий Томас Картер в 1777 году был вынужден жениться на Ребекке Ридл, родившей от него ребенка. Позже он ушел от нее и в 1783 году купил-за бутылку пива Мэри Колингэм у ее мужа. В 1730-е годы об этом обычае начинают говорить газеты. Некий моряк, вернувшись из Китая, обнаружил, что его жена вышла замуж за другого. Он потребовал, чтобы соперник вернул ее, но потом передумал и продал ее ему же за 2 фунта бычьей колбасы и джин. С 1790 года появляется разработанный ритуал продажи, который исполняют с согласия покупателя. Томас Персоне выставил на торги женщину, с которой прижил за пять лет союза двух детей. Он надел на нее недоуздок и так довел до публичного дома в Уайтчепеле, где уступил за галлон пива клиенту, ранее договорившемуся с ним. Другой четверть часа держал супругу на рыночной площади с веревкой вокруг талии, а потом продал за гинею тому, кто еще раньше желал ее, и все это делалось потому, что адвокат сказал им обоим, что акт купли-продажи будет недействительным, если товар не выставляется предварительно на рынке. Иногда сделка принимает более оскорбительные формы. Так, например, жену портного, видимо очень красивую или же очень сноровистую, прежде чем купить, ощупали со всех сторон восемь покупателей⁴⁴.

«Буржуазный» двойной стандарт носит специфический характер. В его основе лежит не безудержное стремление к удовольствиям, как у развратников из высшего общества, или потребность умножать и преумножать свои сексуальные победы, как в среде джентри или у английских и французских крестьян. Он связан с моралью ограничения и самоконтроля, которую широко проповедуют книги о правильном воспитании и хорошем тоне, а также философы — проповедники счастья в умеренности. «Буржуазный» двойной стандарт затрагивает прежде всего коммерсантов, понимающих, что такое экономия, и готовых идти на финансовый риск. В Англии к тому же существует представление о том, что материальный успех есть знак благоволения свыше. Люди этого круга тщательно выбирают себе жену и не продают ее. Она, точно идол в святилище домашнего очага, окружена постоянным вниманием, и ее задача — производить детей и заботиться о благосостоянии хозяина дома. Сфера ее деятельности — частный замкнутый мирок, а муж покоряет внешний мир, откуда возвращается в семейный мир покоя и уюта, ценность которого все более и более превозносится⁴⁵

Часть II

. Она может доставить ему радость в супружеских объяти-

ИЯХ, ЕСЛИ, СЛЕДУЯ РЕЦЕПТАМ ДОКТОРА ВЕНЕТТА, ОНИ БУДУТ ПРЕДАВАТЬСЯ ИМ УМЕРЕННО, СКРОМНО И СЛЕДУЯ ПРАВИЛАМ ГРИЛИЧИЯ. НО СОРЕВНОВАТЕЛЬНЫЙ СТИЛЬ ЖИЗНИ МУЖЧИН РЕБУЕТ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО НАПРЯЖЕНИЯ, И ВСЕ СЛОЖНОСТИ АДО ПРИНИМАТЬ С ДОСТОИНСТВОМ, ИБО ТОЛЬКО ТАК МОЖНО ДОБИТЬСЯ УСПЕХА. ПРИ ЭТОМ ЛИТЕРАТУРА И ПРАВИЛА ХОРОШЕГО ТОНА ТРЕБУЮТ ИЗБЕГАТЬ ЛЮБЫХ КРАЙНОСТЕЙ. ЧЕЛОВЕК, ЖИВУЩИЙ ПОДОБНЫМ ОБРАЗОМ, ВСЕ ВРЕМЯ НАХОДИТСЯ В СОСТОЯНИИ

СТРЕССА, И ЛУЧШИМ ВЫХОДОМ ИЗ НЕГО ОКАЗЫВАЕТСЯ ПОСЕЩЕНИЕ ПУБЛИЧНЫХ ЖЕНЩИН. ЭТО НЕ ВЫЗЫВАЕТ НИ ЛИЧНОГО ЧУВСТВА ВИНЫ, НИ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРИЦАНИЯ. К ТОМУ ЖЕ СУЩЕСТВУЮТ И УТОНЧЕННЫЕ ЖЕНЩИНЫ ЛЕГКОГО ПОВЕДЕНИЯ, К КОТОРЫМ ХОДЯТ ДАЖЕ АРИСТОКРАТЫ. В ЛОНДОНЕ РАСЦВЕТАЮТ БОРДЕЛИ И ИЗЫСКАННЫЕ ДОМА СВИДАНИЙ, УСТРОЕННЫЕ ПО ФРАНЦУЗСКОМУ ОБРАЗЦУ. ПАРИЖ ТОЖЕ НЕ ОСТАЕТСЯ В СТОРОНЕ. ДЛЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СРЕДНЕГО КЛАССА, ТЕХ, КОГО ФРАНЦУЗСКИЕ ИСТОРИКИ ПОРОЙ НАЗЫВАЮТ «ФРУСТРИРОВАННОЙ БУРЖУАЗИЕЙ», ТО ЕСТЬ ДЛЯ ЛЮДЕЙ, КАК ПРАВИЛО НЕ ИМЕЮЩИХ ОТНОШЕНИЯ К ВЛАСТИ, НО КРАЙНЕ ПОДВИЖНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИ, ЗЛАЧНЫЕ МЕСТА ПРЕВРАЩАЮТСЯ В ДОПОЛНЕНИЕ К ДОМАШНЕМУ ОЧАГУ. МУЖЬЯ ХОДЯТ ТУДА РЕГУЛЯРНО, ЧТОБЫ РАССЛАБИТЬСЯ, МОЛОДЫЕ ЛЮДИ — ЧТОБЫ ПОЛУЧИТЬ НАВЫКИ ПЛОТСКОЙ ЛЮБВИ И ВКУСИТЬ ЕЕ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ ЖЕНИТЬСЯ НА ЦЕЛОМУДРЕННОЙ ДЕВСТВЕННОЙ, С КОТОРОЙ ОНИ ПОМОЛВЛЕНЫ. ВСЕ НАХОДЯТ В ПУБЛИЧНЫХ ДОМАХ ЛЕКАРСТВО ОТ ТРЕВОГ И ЗАБОТ. А ТРЕВОГА ВОЗРАСТАЕТ, ТАК КАК, ЧЕМ ШИРЕ ПРОСТИРАЕТСЯ ОПЕКА НАД ЖЕНЩИНАМИ — И НАД ТЕМИ, КТО ОГРАНИЧЕН ПРОСТРАНСТВОМ ДОМА, И НАД ТЕМИ, КТО ЗАНИМАЕТСЯ ПРОСТИТУЦИЕЙ, — ТЕМ СИЛЬНЕЕ ПОСТОЯННЫЙ СТРАХ, ЧТО ПОДНЕВОЛЬНЫЕ СУЩЕСТВА ОДНАЖДЫ ВЫЙДУТ ИЗ ПОВИНОВЕНИЯ. СИСТЕМА ДВОЙНОГО СТАНДАРТА РАЗВИВАЕТСЯ НА ПРОТЯЖЕНИИ ВСЕГО XIX ВЕКА И ПРИВОДИТ К ФОРМИРОВАНИЮ ОБРАза двуличного мужчины: днем он добропорядочный отец семейства, а ночью — бесшабашный посетитель борделя. Именно этим можно объяснить и небывалый расцвет порнографической литературы. Возникновение этой литературы в 1650-е годы, как и ее всевозрастающая популярность в XVIII веке, парадоксальным образом соотносятся с философией умеренности в инстинктивных желаниях. Порнографическая литература предлагает такой тип эротизма, который успокаивает мужчину, поскольку говорит о его желаниях, а тело женщины описывает лишь как объект этих желаний⁴⁶.

Порнографическую литературу читают и женщины. Однако нельзя с уверенностью утверждать, что доказательством тому являются рисунки и гравюры, изображающие, как женщина возбуждается от чтения подобных книжек и начинает мастурбировать. Возможно, подобные изображения предполагают некий призрачный образ мужчины-соглядатая.

Позже, когда у доктора Фрейда появится клиентура, она будет состоять как раз из тех, кто не может самостоятельно справиться с неврозом, а невроз равно угрожает и женщинам, постоянно живущим в подчиненном состоянии, и мужчинам, ведущим двойную жизнь. К тому же борьба против мастурбации и прогрессирующий запрет на однополое влечение вынуждают мужчин обратить свои сексуальные импульсы только на женщин, законных жен и любовниц.

Вне вагины нет наслаждения

Установление двойного стандарта поведения, требование «умеренности» в сексуальном аппетите и сопутствующие им запрет на мастурбацию и оттеснение гомосексуалистов на обочину касались в основном мужчин. Разумеется, все эти запреты затрагивали интересы обоих полов, но для мужчин они имели особое культурное и социальное значение.

Отныне мужчинам следовало получать удовольствие только от вагинального проникновения. Абсолютное табу на онанизм подразумевало одновременно запрет на самоудовлетворение и на содомитские сношения. Этот запрет восходил к религиозным установлениям, требовавшим, чтобы семя ни в коем случае не изливалось вне естественного сосуда, и ради этих установлений в течение двух предшествующих веков гомосексуалистов сжигали на костре. В XVIII веке костер уже не был в ходу, но борьба с гомосексуализмом не ослабла. Она даже усилилась, так как теперь ее мишенью стали не несколько козлов отпущения, наказанных в назидание прочим, а весь мужской пол в

целом. Возможно, так проявилось беспокойство ревнителей новой морали. Их страх и ненависть сконцентрировались на группе «ненормальных», с их точки зрения, мужчин, получающих удовольствие вне вагины, то есть нарушающих принципиально важный запрет.

В Лондоне инакость гомосексуалистов закрепляется постепенно как результат своеобразной «гендерной революции», прошедшей три этапа. Эти три этапа соответствуют жизни трех последовательно сменяющихся поколений⁴⁷. На первом этапе содомитское меньшинство заявляет о своем существовании. К 1720 году появляются тоЩ houses- «дома для молли», своего рода базы гомосексуальной субкультуры; к ней примыкает и мода на порку — эту услугу предлагают многие бордели⁴⁸. В то же время гетеросексуальность становится основным принципом сексуального поведения для большинства мужчин из всех социальных классов. Второе поколение пробует модель моногамного романтического брака. К нему склоняются не все слои, а преимущественно средний класс и землевладельцы. Сама идея такого брака уже появлялась в театре в пьесах 1690-х годов, но тогда она встретила сильное нравственное сопротивление и утвердилась лишь к середине XVIII века. Такой брак теоретически исключает контакты с другими женщинами, кроме супруги, в том числе и походы к проституткам. Только мужчины из народа не обращают внимания на новые запреты, их сдерживает лишь страх перед венерическими болезнями, но и они примерно через полвека проникнутся этими идеями. Третье поколение характеризуется расцветом лесбийских отношений в высших и средних слоях общества.

Соответствующим образом меняются и другие параметры сексуальной жизни. До 1750 года в Лондоне держался поразительно низкий уровень рождения внебрачных детей, но затем он резко подскочил. Расцвет проституции в свою очередь привел к всплеску венерических болезней с 1690-х годов. Поначалу они настигают лишь знатных развратников, откуда и появляется общее название «джентльменский недуг», но к 1790-м годам захватывают все слои населения, вплоть до беднейших. Народные поверья приводят в ужас людей состоятельных; с 1720 года, по свидетельствам судебных архивов, расцветают похищения девочек-подростков до 13 лет, так как по народным представлениям половой контакт с девственницей излечивает от болезни.

Во Франции идеи романтической любви также весьма распространены, в том числе, начиная с 1750-х годов, и в деревнях. Эти идеи приводят, косвенным образом, к двойным последствиям.

Во-первых, новое видение супружеских отношений предполагает особые требования партнеров друг к другу в сфере чувств. В Англии с середины XVIII века возрастает количество разводов по причине «несходства характеров». Даже понятие неверности меняет смысл. В 1730-е годы лондонские суды отказываются разбирать дела о неверности, так как в их глазах это теперь сугубо частная проблема. Это отнюдь не означает, что поведение лондонцев становится более нравственным, тем более что у столичных женщин больше свободы, а значит и больше возможностей «впасть в заблуждение», чем у других. Двойной стандарт служит теперь еще и для того, чтобы укрыть женщину от соблазнов. Чем больше времени она проводит дома, тем проще ей прибегнуть к спасительной морали при испытаниях духа. Целомудренная супруга, как бы лишенная пола, мать, способная противостоять похотливому мужчине-соблазнителю, — этот образ получил воплощение в героине книги Сэмюэля Ричардсона «Памела, или Вознагражденная добродетель», вышедшей в 1740 году. Для сторонников умеренности в страстях быть обманутым не значит более потерять свое мужское достоинство в глазах окружающих. Теперь это более глубокое чувство внутреннего стыда, означающее, что мужчина проиграл в отношениях, основанных на взаимном чувстве. В то же время буржуа и землевладельцы таким образом противопоставляют себя аристократам, так как считают их жизнь безнравственной и развратной изобилующей адюльтерами⁴⁹. Они громко заявляют о новой идеологии домашней жизни, где к женщине относятся как к иконе и оберегают ее от

непристойностей улицы Ей предлагают особые отношения с партнером, которого она выбрала и любит, и за это она должна лишь взять на себя обязательство не разочаровывать его, заботиться о его нуждах и нежно врачевать его ежедневные душевные раны. Так реализуется возможность подчинить женщину, закрыв ее в доме, отгородив от желаний других самцов. Это более изысканный и более надежный* способ, чем прежний, так как женщина подчиняется добровольно и при этом у нее создается идеализированный образ супруга. Говоря другими словами, место каждого из супругов в браке теперь определяется не страхом наказания или ада, а внутренним осознанием правил, по которым участь слабого и сильного пола разделяется⁵⁰. Пособия по правилам вежливости, литература всех сортов — от «Памелы» до «Фанни Хилл», медицинские трактаты доктора Венетта и других формируют кодекс поведения, который уже с колыбели внушает ребенку представление о двух различных ролях в обществе, свойственных каждому полу. Этот аспект процесса цивилизации нравов совершенно не принял во внимание Норберт Элиас, правда, он писал еще до того, как появились историки «гендерного» направления⁵¹.

Женщин буквально засыпали литературой, упорно твердящей об их обязанностях. С 1670 по 1800 год на книжном рынке все возрастает поток книг о правилах поведения женщины. Кроме того, выходят медицинские книги, где разница между полами разъясняется с ученой точки зрения⁵², а еще о том же говорят журналы, романы, новеллы, рисунки и гравюры⁵³. Дочерей Евы больше не считают дьявольскими созданиями, как в XVII веке, но за это они платят усиливающимся гнетом.

Вторым неожиданным следствием распространения концепции романтической любви было изменение представления о мужской дружбе. Она видится теперь совершенно иначе, без сексуальной двусмысленности. Питая нежную любовь к своей второй половине, супруг может быть привязан дружескими узами к существу мужского пола и даже пригласить его к семейному очагу, не будучи заподозрен в гомосексуальных наклонностях. Этим же объясняется и волна осуждения содомитов и тех, кто занимается мастурбацией, что было весьма распространено в компаниях молодых мужчин до 1700 года⁵⁴. Любая добродетель имеет свою изнанку. Ценность мужской дружбы стала общепризнанной, и это приводило порой к тому, что лучший друг мужа оказывался тем единственным существом другого пола, кто мог приходить к женщине запросто. И здесь мы нередко обнаруживаем, что, когда супружеская страсть перестает отвечать былым запросам, между дамой и alter ego хозяина дома завязываются весьма тесные отношения. Такой любовный треугольник Можно рассматривать как своего рода гомосексуальное насилие со стороны друга семьи, но опосредованное, через тело хозяйки дома⁵⁵. Впрочем, не надо заходить так далеко. Здесь мы видим ту ловушку, в которую попадают многие мужчины, в том числе и в наши дни. Хорошо иметь идеальную супругу, заперев и укрыв ее от нескромных взглядов. Но возникает риск, что она обратит свои желания на кого-то в доме, порой на слугу, а чаще — на друга мужа. По крайней мере, друг мужа — человек ее социального круга, и можно надеяться, что с ним у нее завяжутся отношения столь же глубокие и душевные, какими были некогда супружеские, в которых она разочаровалась. Хотя положение дел в Париже менее исследовано, можно с уверенностью сказать, что там все складывается примерно так же, как в Лондоне. Двойной мужской ста дарт и подчинение женщины позволяют средним социальным слоям противопоставить себя и развратной придворной среде, подобной лондонским *rakes*, и простонародью с его свободными нравами. Проституция процветает, возникают бордели высшего класса, их даже копируют в Лондоне. Славой развратного города французская столица обязана также актрисам Оперы и дамам полусвета. Полиция, возглавляемая генеральным лейтенантом (должность, учрежденная еще при Людовике XIV), использует их, чтобы шпионить за иностранцами или играть роль осведомителей, так называемых «мух». Мужчины-гомосексуалисты входят в особые группы со своими опознавательными знаками: у них свои излюбленные места сборищ, свой жаргон, одним словом, своя особая культура.

Свидетельства об этом мы находим в донесениях «патруля педерастов», особенно тех его членов, что в интересах слежки выдавали себя за «содомита»; они составляли удивительно подробные донесения об обстоятельствах слежки. Однако проблема не заинтересовала французских исследователей так же, как английских⁵⁶.

Ату онапизм!

Наиболее очевидно сексуальное подавление в эпоху Просвещения проявило себя в отношении греха Онана- так называлась мастурбация. Можно вспомнить, что крестьяне Сомерсета XVII века совершенно свободно занимались онанизмом и часто трогали тело, в частности половые органы, женщин⁵⁷. Католические исповедники пытались запретить этот грех, но без особого успеха, светские власти не видели в нем большого преступления, к тому же подобную игру рук слишком легко было скрыть, а поэтому найти и наказать виноватых не представлялось возможным. Один артезианский юрист 1630-х годов признал с отчаянием, что крайне трудно застичь за «рукоблудием» тех, кто «сам себя теребит, возбуждает и доводит до поллюции, до семяизвержения»⁵⁸. Те, кто предавался этому греху, очевидно, осознавали собственную безнаказанность. Свидетельство тому — занятное эротическое использование одного знаменитого английского трактата по медицине, опубликованного в 1684 году. Он называется «Главное сочинение Аристотеля» и почти целиком посвящен проблемам продолжения рода и удовольствиям половых сношений с женщиной. Пометки Джона Кенно-на, одного из подмастерьев в Таунтоне, жившего в XVIII веке, говорят о том, что книга использовалась компанией юношей для возбуждения и совместных мастурбаций⁵⁹. Поистине трудно сказать, что может стать порнографией в разные эпохи!

До поры до времени самоудовлетворение воспринималось в крестьянской среде как вполне допустимый выход сексуального возбуждения для юношей, ожидающих женитьбы, тем более что средний возраст вступления в брак все более и более отодвигался. Но в XVIII веке в Англии возникло настоящее табу на это удовольствие. Долго еще благонамеренные люди будут порицать этот порок. Даже сам Фрейд скажет о том, что от онанизма может испортиться характер⁶⁰. Около 1710 года в Лондоне появилось анонимное произведение «Онания», полное название его французского перевода выглядело так: «Онания, или Страшный грех самоудовлетворения и все его ужасные последствия для обоих полов, рассмотренный с духовной и физической точек зрения». Его предполагаемый автор, Беккер или Джон Мартен, был шарлатаном.

Книжка, отпечатанная тиражом в две тысячи экземпляров, должна была помочь ему торговать лекарствами; она имела большой успех, выдержала около двадцати изданий⁶¹ и была переведена на немецкий язык. Можно предположить, что этот трактат против онанизма появился как раз тогда, когда в Лондоне выделилась группа гомосексуалистов под названием «молли», так как размышления о происхождении этого слова включены в трактат. Без особой последовательности на сорока страницах, пятая часть которых — таблицы, излагаются некоторые сведения об анатомии. За ними следуют рассуждения о вдовстве и проституции, и лишь после этого автор приступает к теме ночных поллюций и собственно мастурбации. «Рукоблудие» — занятие подростков, но ему предаются также взрослые и старики. В издании 1723 года (восьмом по счету) приводятся письма читателей-мужчин, которые признаются, что стали прибегать к подобной эротической игре между одиннадцатью и семнадцатью годами, чаще всего около 14-15 лет. Некоторые говорят, что начали заниматься этим по собственной инициативе, но многие впервые вкусили подобную сладость в кругу друзей. К концу века сложилась целая коллекция подобных посланий, которая может дать представление о среднем возрасте, в котором впервые прибегают к онанизму. Обычно это происходит между 8 и 15 годами, и почти всегда называется кто-то, кто научил рукоблудию. Судя по всему, было общеизвестно, что мальчики часто мастурбируют, а позже, в 1771 году, вышла «Нимфомания» Бови-ля, где говорилось о подобном явлении среди девочек⁶². Однако женская мастурбация не

вызывает такого яркого осуждения, как мужская, подобно тому как лесбийская любовь воспринимается более снисходительно, чем гомосексуализм. Мы уже говорили, что порнография почти не описывала подобные сцены или же осуждала их: так, например, с негодованием изображается сцена содомии между юношами в «Фанни Хилл». Напоминаем, что абсолютной нормой считалось вагинальное проникновение⁶³. Другие медицинские тексты первой половины века указывают на то, что онанизм стал серьезной проблемой (с этого момента и утвердился сам термин). Авторы делают акцент на последствиях порока. Они утверждают, что занятия онанизмом истощают силы, особенно у молодых, замедляют развитие подростков, приводят к разнообразным болезням, в частности к эпилепсии и конвульсиям, а затем и к смерти. Франция тоже оказалась вовлечена в антимастурбационную кампанию после того, как в 1746-1748 годах был переведен словарь Джеймса. Однако во Франции эта борьба приобрела неожиданный поворот, так как Руссо и Тиссо считали, что «больной» онанизмом — жертва общественного порядка, отвращающего человека от его подлинной природы. Парадоксальным образом в этих высказываниях усмотрели исключительное свободомыслие, так как они противопоставляли «подлинные наслаждения в умеренности» как разврату, так и воздержанию, и заменяли принуждение добровольно принятой дисциплиной. Мне здесь видится в первую очередь выражение морали умеренности, характерной для средних слоев, которое сопровождалось борьбой за то, чтобы вагинальное проникновение вытеснило другие формы сексуального наслаждения. В 1762 году Тиссо написал Руссо, что его книга об онанизме, двумя годами ранее опубликованная в Лозанне, запрещена в Париже, так же как незадолго до того был запрещен «Эмиль»⁶⁴. Крестовый поход против мастурбации оказался не слишком по вкусу властям*, тем более что они увидели в нем некий неприемлемый эротический аспект. Тем временем в Европе и Соединенных Штатах множились сочинения; осуждающие онанизм. До 1760 года появилось всего несколько изданий, за десятилетие с 1760 по 1770 год их число возросло до десяти. За последние 10 лет века вышло 25 таких книг, а потом количество их не опускалось ниже 10 и не поднималось выше 20 (речь идет о периоде с 1800 по 1860 год) и вдруг поднялось до 20, а потом и до 25 в период с 1870 по 1890 год⁶⁵.

Образцом жанра можно считать трактат «Онанизм» доктора Самюэль-Огюста Тиссо, опубликованный на латинском языке в 1758 году, а потом по-французски в Лозанне в 1760 году. Третье издание 1764 года во Франции было запрещено цензурой, но книга тайно продавалась в Париже. В 1761 году в Лондоне появился английский перевод⁶⁶. Различные исследования показали, что автор трактата просто переложил на язык медицины и философии те сведения и запреты, что в предшествующие века принадлежали к сфере теологии. Как и проповедники прошлого, он осуждает занятия онанизмом, так как они приводят к растрате семени. Правда, меняется нравственное обоснование, которое отныне связано с последствиями онанизма для личности, а не для всеобщего христианского спасения. Книга Тиссо имела большой успех у читателей, быть может потому, что его натуралистические описания грядущих страданий онаниста были сродни описанию адских мук грешников, которые некогда потрясали сердца. Он не вносит ничего нового, и описывая тело как машину, причем использует сведения по гидростатике, которая основывается на старой гуморальной теории. По мнению Тиссо, слаженная работа тела-машины зависит от стабильного уровня жидкости. При этом «наши тела постоянно теряют жидкость, и если мы не будем восполнять потерю (в процессе питания), мы очень скоро впадем в смертельную слабость». Следовательно, надо избегать «обильных выделений», в том числе семяизвержения, так как это наиболее «обработанная» жидкость. «Веками считалось, — пишет он, — что потеря хотя бы одной унции этой жидкости ослабляет человека сильнее, чем потеря сорока унций крови». Напротив, грудное молоко — «наименее обработанная» жидкость. Отсюда легко сделать вывод о неполноценности женщины, основанный на

научных знаниях. Однако Тиссо оказывается во власти противоречия, поскольку, подобно своим предшественникам, считает, что дочери Евы выделяют семя во время сношений. В конечном счете он приходит к выводу, что не следует слишком обильно расточать молоко под угрозой истощения организма. Молоко должно находиться внутри естественного резервуара. Таким образом, идеальным состоянием для женщины оказывается материнство и кормление грудью. Проблема кормления грудью обсуждалась повсеместно после яростных выпадов Руссо, осуждавшего обычай нанимать к младенцу кормилицу. Следует заметить, что такой обычай был распространен у парижан почти во всех социальных слоях. Тиссо замечает, что если уж и пользоваться чужим молоком, то «поставляющая его женщина должна отличаться отменным здоровьем и хорошим поведением»⁶⁷. Нельзя яснее сформулировать естественную роль матери как кормилицы и превосходство мужчины, ибо ему предназначено стремиться к идеалу «умеренности», сохранять «капитал» жидкости, не растрачивая его понапрасну.

Именно так должны были вести дела коммерсанты; из средних слоев и высшей буржуазии — те, кто хотел укрепить свои позиции, приумножая богатства и умения, щ Мاستурбация, по мнению Тиссо, таит в себе особую опасность, ибо она не производит «невидимых потоков», некоего обмена энергией через вдыхание воздуха друг друга при соитии. У женщин она может породить равнодушие к «законному удовольствию». Кроме того, некоторые прибегают к «другой гадости, которую можно было бы назвать клиторической». Этот орган, обычно небольшого размера, достигает у таких женщин «сверхъестественной величины», и они пользуются им как пенисом в забавах с другими девушками. В предшествующие века подобный порок уже упоминался под именем «сапфической любви», или «трибадизма», и теоретически карался смертной казнью. Возвращаясь к мужской мастурбации, Тиссо говорит, что она порождает смертельное расстройство, которое вызывает конвульсии, слюнотечение, «эпилептический пароксизм». Больного можно легко опознать по бледности и истощенному виду, так как он «отдает, но ничего не приобретает»⁶⁸.

Трудно признать Тиссо освободителем от сексуального угнетения в западной культуре. Скорее он певец «среднего пути», контролируемого удовольствия, к которому стремится отныне, в преддверии французской революции, новая городская элита как в Париже, так и в Лондоне. Тиссо борется с неумеренностью в эротической жизни и, желая внушить читателю спасительный ужас, приводит устрашающие примеры. Один мужчина, еще не оправившийся после болезни, умер ночью, «отдавая жене свой супружеский долг». Другой скончался «от злоупотреблений вином и женщинами». С третьим, кого те же злоупотребления привели к подагре, «сразу после соития случился приступ общего сотрясения». Даже супружеские радости должны вкушаться сдержанно, так как те, кто исступленно предается плотским битвам, погибают в страданиях: один молодожен умер от продолжительной лихорадки, причем у него покраснело и распухло лицо, а другой — «от нестерпимой боли в копчике»⁶⁹.

В эпоху Просвещения врачи по обе стороны Ла-Манша пользовались особым доверием. Казалось, только они мигнут дать конкретный ответ на всевозрастающие сексуальные страхи и тревоги, беспокоящие людей обеспеченных. В то время постоянно говорили об импотенции, бесплодии, венерических болезнях⁷⁰. К этим страхам добавлялись и более смутные, связанные с опасениями по поводу того, что происходящие изменения приведут к выходу из подчинения всех сексуально угнетенных: и женщин, запертых у домашнего очага, и «молли» с содомитами, и подростков, которым запрещено заниматься мастурбацией, хотя все знают, как часто они прибегают к самоудовлетворению. Поборники чистой нравственности и сторонники равновесия в страстях, сами того не желая, ведут общество к существенным потрясениям. Их требования давят тяжким грузом на женщин и молодых холостяков. Все традиционные оковы — юридические законы, боязнь ада, необходимость подчиняться отцу или мужу — ослабевают. Общественный контроль как раз меняет свои основы. Он полагается то на разум, то на знания, в первую

очередь медицинские, то на брак по склонности, то на личную душевную привязанность, порождающую любовь к родителям или друзьям. Новое изысканное кушанье готовится в старых котлах. Все изменения во взаимоотношениях полов или разных возрастных групп происходят в первую очередь к выгоде в пользу мужчин. В 1796 году Анна-Луиза-Жермена де С*** (1766-1817) обратила внимание на силу личных связей⁷¹. Она возвышает воображаемое счастье, которое женщин почти всегда связано с любовью, а у мужчин щ. возвращается в орудие, направленное на достижение общепризнанного признания. Жермена де Сталь переводит в новые термины, освещенные концепцией романтической любви, старое представление о «естественном» разделении функций полов. Мужчина обращен к внешнему миру, его спутница, мать и супруга, — к внутреннему, где царит изящная словесность и желание передать достижения-культуры следующему поколению. Она говорит о том, насколько сильно связано это разделение с аргументами философов и с мужскими тревогами. В социальных группах, которые сильнее прочих угнетены тиранией умеренности, самоосознание претерпевает наиболее серьезные изменения.

НАУКА И ИСКУССТВО ВЫРАЖАТЬ «Я»

Сентиментализм XVIII века открывает широкий путь развитию автобиографической прозы. «Исповедь» Жана Жака Руссо, законченная в 1771 году и опубликованная посмертно между 1781 и 1788 годами, стала образцом рассказа о себе⁷². Разумеется, автобиографии писали и раньше, в частности в Англии, но на пути авторов возникало упорное сопротивление тех христианских мыслителей, которые видели в рассказе о себе недопустимый нарциссизм, отвращающий от пути спасения. Книжки о правилах хорошего тона шли в том же направлении, предписывая скрывать чувства и страсти под маской вежливой сдержанности. Слишком откровенные проявления тела или души не допускались. Заглядывать внутрь себя считалось дурным тоном, а потому в хорошем обществе не приветствовались разговоры о мечтах и грезах⁷⁸. Вот почему «я» так тяжело пробивает себе путь и поначалу существует в вызывающей форме рассказов проституток или подмастерьев-развратников, а также демонических уголовников. Читатель не может оторваться от приключений человека, ничем не похожего на него, но при этом постепенно учится лучше постигать собственную индивидуальность.

Шлюхи, пьяницы и порочные подмастерья

Биографии преступников представляют собой весьма популярный литературный жанр, особенно ценный в Англии. В таких биографиях чаще всего фигурируют падшие женщины и недостойные подмастерья — ленивые и порочные. Хогарт уловил особенности этого жанра и создал в 1747 году цикл гравюр «Прилежание и лень». На них работающий подмастерье женится на дочери хозяина и становится в конце концов мэром Лондона, а лентяй растрчивает время попусту, не следует законам, принятым в обществе, и попадает на виселицу в Тайберне. Даже если поначалу он честен, влияние дурных людей, в частности встречи со шлюхой, ведут его к окончательному падению — сначала к пьянству, а потом к преступлениям. Роковая женщина-совратительница описана как сильная и независимая, живущая без мужской опеки. Ее образ во всем противоположен добродетельной, чистой, скромной и покорной, любящей супруге и матери из романтических повествований. Образом роковой женщины может служить Мэри Янг, чье дурное влияние завело даже закоренелых преступников еще дальше по пути падения. В «Истории примечательной жизни Джона Шеппарда», знаменитого бандита, дважды бежавшего из Ньюгейта в 1724 году, несчастный герой встречает Элизабет Лайон, после чего бежит от доброго хозяина и постепенно превращается в грубое животное. Он следует лишь зову своих желаний. Живет, «как собака в собственной блевотине», и после второго побега из тюрьмы его легко находят⁷⁴.

К 1700 году в Лондоне 20 тысяч подмастерьев и огромное количество проституток — более 10 тысяч. И те и другие совершенно необходимы обществу: первые — для экономического развития, вторые — для удовлетворения потребностей мужчин-самцов всех социальных слоев. Но и в тех и в других обществу видится опасность. Страх перед

венерическими болезнями охватывает всех. И даже самые целомудренные супруги могут заразиться от мужей, посещающих бордели. Кроме того, уличные девки внушают страх, так как им нечего терять и они истеричны, грубы и невоздержанны на язык. Что касается молодых работников, то общеизвестно, что в их среде царит профессиональная солидарность и они всегда готовы выйти из повиновения и нарушить «Великий закон подчинения» — так назвал свое произведение (1724) Даниэль Дефо, подчеркнувший непокорный и разгульный характер жизни подмастерьев. По его совету Сэмюэль Ричардсон написал в 1734 году «Карманную книгу Подмастерья», где говорится, что подмастерьям не следует ни ходить к падшим женщинам, ни жениться. Поднимается целая волна подобных сочинений, и все они настаивают, что молодежь должна быть защищена от дурного влияния, что окружение, в котором живут молодые люди, должно быть здоровым, что необходима строгая дисциплина регулярного обучения ремеслу. За этими требованиями можно разглядеть подлинные социальные проблемы Лондона того времени. К специфике населения города можно отнести то, что в нем было очень много холостых работников, пришедших из других краев и часто переезжающих с места на место. Две трети лондонских преступников, приговоренных к повешению, родились вне стен города. Отсюда особый страх современников перед низшими классами, склонными, как считалось, к анархии, пьянству и воровству. Демограф Томас Шорт, утверждавший в 1750 году без каких бы то ни было оснований, что население Лондона уменьшается, считал, что экономическая экспансия города-метрополии нравственно пагубна: бедняки мертвецки напиваются джином, а богачи живут в развратном бездельи⁷⁵.

Под завесой рассуждений о нравственной чистоте сельской жизни и порочности жизни городской скрывается истинная проблема, и она касается места молодых в большом городе. Бесконечно тянется череда людей, вырванных из привычных мест; законы рынка подчас обрекают приезжих на нищету и толкают юношей к пьянству и воровству, а девушек — к торговле своими прелестями. Образуется как бы двойной резерв работников — для труда и для наслаждений, и весьма примечательно, что теперь они часто оказываются в одном символическом ряду. Господствующая мораль заставляет подростков жить в нравственных оковах, если они хотят преуспеть в будущем. Они должны воздерживаться от какой-либо сексуальной жизни, законной или незаконной. И даже такой выход, как содомия или мастурбация, им запрещен. Участь девушек еще тяжелее. Как правило, они нанимаются в служанки и могут в будущем стать добродетельными и любящими супругами, если только им удастся устоять перед натиском хозяев и слуг-мужчин. Если они сдаются — их выбрасывают на улицу, и им остается лишь пополнить ряды проституток. Если в деревне коллективное давление заставило бы соблазнителя жениться на забеременевшей от него девушке, то в городе у нее нет защиты. Так из нормального экономического кругооборота оказываются исключены две группы людей обоих полов. Они оказываются на обочине общества. Порочные подмастерья, кусающие руку вскормившего их мастера, и падшие женщины вызывают скрытый страх у людей обеспеченных и благонамеренных. Надо сказать, что проститутки, нарочно заражающие джентльмена венерической болезнью, существовали не только в мужском воображении. Неудивительно, что многие метафоры, обозначающие большие европейские города, связаны с образом адской бездны, полной всевозможных пороков, или же гигантской матки, поглощающей людей. Старый ужас перед безудержной сексуальностью женщин находит свое отражение в образе города-чудовища. Все буквально одержимы темой тела, как индивидуального, так и коллективного. В Англии она появляется у Дефо, Свифта, Смолле-га, Стерна, Филдинга, Ричардсона и у многих других писателей, а также в гравюрах и рисунках Хогарта. Дефо призывает чуму очистить Лондон от населяющих его ужасных организмов. Высокая городская смертность вызывает страх и отвращение. В 1721 году в трактате «Своевременные размышления о нечестивом и опасном обычае хоронить в церквах или в церковной ограде» Томас Льюис призывает отныне не хоронить людей в церквах и внутри церковной ограды. О том же говорят и в Париже. Но как только

в 1776 году было принято решение о переносе кладбищ за городские стены, начались бунты. Низшие классы имели свою точку зрения на этот вопрос и хотели, чтобы усопшие родственники оставались рядом с ними⁷⁶.

Дьявольские биографии

В XVIII веке публичные казни и пытки по-прежнему были одним из самых популярных зрелищ. Философы с Вольтером во главе, равно как и чувствительные люди, осуждали их, но все было тщетно. Огромные толпы народа собирались, чтобы поглазеть на казнь. В Тулузе в 1746 году 40 тысяч зевак, среди которых было 2 тысячи детей, смотрели, как вешают протестантского священника. В Лондоне казни в Тайберне также привлекают всеобщее внимание⁷⁷. Понятия равновесия, умеренности и сдержанности, столь почитаемые мыслителями ХУІІІ века, не отвечали настроениям толпы, которую возбуждали кровь и смерть. В новом литературном жанре «криминальной биографии» пристрастие к кровавым зрелищам использовалось для того, чтобы читатель мог обуздать собственные страсти. Лучше всего особенности жанра изучены на материале английской литературы. «Криминальная биография» опиралась на давнюю традицию «духовной биографии». В ней использовался тот же принцип: читатель как бы участвовал в судьбе героя, и постепенно это приводило его к лучшему постижению собственного «я».

Примером может служить роман «Молль Флендерс» Даниэля Дефо, героиня которого, по принятой традиции, проходит путь от невинности к порочности, а затем раскаивается⁷⁸. Ужесточение законодательной системы привело к тому, что в Лондоне с 1680 по 1720 год казнили гораздо больше преступников, чем раньше, особенно воров. Они считались «отвратительными вонючими существами». Каждый осужденный имел возможность обратиться к собравшимся с речью, прежде чем душа его отойдет к Господу. В Париже также увеличилось количество вынесенных смертных приговоров за воровство, и осужденному также предлагалось превратить свою казнь в поучительное зрелище. «Предсмертные завещания», сохранившиеся в архивах парламента, вовсе не содержат в себе последнюю волю злоумышленника. Это заметки, наспех сделанные судебским секретарем прямо на месте казни: считалось, что возможность высказаться публично перед всеми может подтолкнуть преступника к последнему му покаению. Исследования этих французских материалов пока не изданы⁷⁹.

В Англии кроме литературных переложений существуют еще три типа источников, излагающих факты. Они составлены, соответственно, судебными властями, священниками и журналистами. Официальные «Отчеты о процессах» продавались всем желающим, в первую очередь юристам. В этих отчетах обычно указывался состав суда, излагалось краткое содержание дела и вынесенный вердикт. Постепенно они становились все более подробными, а изложение — все более ярким. Если в конце ХVІІІ века отчеты не превышали двух страниц, то к 1730 году они в среднем составляли 48. Под пером священника Ньюгейта, отчет которого неизменно появлялся на следующий день после казни, главным героем становился сам преступник. Используя опыт духовной биографии, священник описывал глубину падения осужденного и отмечал степень его раскаяния, ибо лишь тот может снискать спасение души, кто уходит в мир иной не только в страхе, но и с божественной любовью. Однако две серии подобных отчетов явно неполны: ничего не говорят о казнях в провинции. Что касается журналистов, то для них преступник — герой сенсационных материалов. Они стремятся найти эффектные и кровавые подробности для первой полосы и снабжают отчет стереотипными гравюрами. На них слова персонажей заключены в облачко, выходящее изо рта, как в современных комиксах. Авторы таких отчетов позволяют себе высказать личное отношение к происходящему: они сочувствуют жертве, приходят в ужас от тяжести преступления, изрекают нравственные суждения. Однако иногда видно, что некоторые самые ярые преступники, такие как Джон Шеп-пард или Мэри Карлтон, вызывают у них восхищение⁸⁰.

Эти три источника и породили столь популярный жанр. Некоторые книжки с криминальными биографиями представляют собой просто анонимные сборники описаний

процессов. Это, например, «Полное собрание примечательных казней» 1718 года или появившееся позже «Полное собрание государственных казней», «Хроника Тайберна» 1768 года, «Ньюгейтский календарь» 1773 года и т. д. Во всех подобных сборниках по одной и той же канве описываются происхождение и детские годы главного героя, картины его жалкого существования, арест, суд и казнь. Другие произведения, подписанные авторами, более подробны и лучше обработаны. Автор комбинирует сведения, почерпнутые из разных документов, и составляет частично вымышленную историю, где преступник похож на фольклорных героев, таких как Робин Гуд или Мол Катперс. Он уже не просто преступник, но борец с властью. «Капитан» Александр Смит повествует о «Жизни и приключениях самых известных разбойников с большой дороги», а в 1734 году «капитан» Чарльз Джонсон представляет около 200 бродяг и воров в «Общей истории жизни и приключений самых знаменитых разбойников с большой дороги, убийц, уличных грабителей и т. д.». В предисловии Джонсон говорит, что преследует поучительные цели, однако это не мешает ему приводить достаточно скабрёзные детали, «для того чтобы наставлять и отвращать испорченных и неопытных лиц того возраста, в коем все склонны к разврату». В самом повествовании есть все, что может понравиться читателям: немного насилия, немного порнографии и комического, а главное — много действия. Иногда автор использует целыми кусками «Отчеты о процессах» и исповеди перед священником. К ним добавляются смешные, а то и гротескные эпизоды, которые ему удалось найти в жизни преступников. Читатель смеется над ними и тем самым дистанцируется. Читателю не следует брать пример с героев повествования, так как никто из них не

может скрыться от правосудия и все злодеи в конце кон-эв наказаны. Более того, персонажи все глубже скатываются в стереотипные для эпохи образы порочных подмастерьев и падших девушек-воровок⁸¹. Таким образом, в произведениях этого жанра опять сказались те же идеи и тревоги эпохи, что и в руководствах по правилам хорошего тона, морализаторских сочинениях и большой литературе. Подростки без определенных занятий, женщины без супружеской опеки представляли угрозу для общества, так как таили в себе возможность разрушения общепринятого порядка вещей. Превращая их в объект насмешки, автор отчасти успокаивал всеобщую тревогу.

Моральный заряд подобных произведений проявлялся в патетическом описании печального конца преступника. Идея самоконтроля торжествовала над разрушительным индивидуализмом⁸². Нарушенный общепринятый порядок восстанавливался с наказанием преступника. Можно задаться вопросом: как действовало на читателя уничижительное употребление в документах таких сочетаний, как «частное лицо», развратная «человеческая природа», «личные страсти», «аппетиты и наклонности», где понятие «частного», «неуместного» противопоставляется общественному и нравственному порядку вещей. При этом нельзя не принять во внимание и то восхищение, что порой вызывали некоторые из этих трагических персонажей с сильным характером и почти харизматической притягательностью. Возможно, успех жанру принесло именно то, что читатель, ничем не рискуя, мог погрузиться в мечты о завораживающем нарушителе правил и вместе с тем видел, что преступник неизменно арестован, а порочный подмастерье и падшая девушка наказаны за неповиновение. Взбунтовавшаяся женщина призрак* пугающий мужское воображение, — водворена на свое место и согласилась принять привычный порядок вещей. Неизвестно, как относились к этим повествованиям женщины-читательницы и видели ли они в них то же, что и мужчины. Супруги, запертые в клетке брака, быть может, ощущали возбуждающий холодок, читая о запретных приключениях и недоступных эротических наслаждениях. Во всяком случае, покупать и читать эти книги для них не было так зазорно, как порнографические.

Большие писатели также обратились к криминальной теме. Среди драматургов можно указать Гейя с его «Оперой нищих» (1720) и Лилло, автора «Лондонского купца» (1721). Среди романистов — Филдинг, опубликовавший в 1743 году! «Джонатана Уайльда», и

Даниэль Дефо (1660-1731), которого эта тема буквально заворожала, и он не раз к ней возвращался, интерпретируя по-разному, зачастую весьма оригинально⁸³. Дефо отходит от общепринятой традиции. Его герои после долгих приключений остаются ненаказанными. Истинный протестант, проникнутый духом индивидуализма, Дефо предлагает читателю увидеть в повествовании вымышленную историю и самому вынести свое свободное суждение о герое. Это поражало и даже шокировало. В предисловии к роману «Удачи и злоключения знаменитой Молль Флен-дерс» (1722) Дефо поясняет, что стремится «обратить наше внимание на самих себя»⁸⁴. «Полковник Джек» (1722) дает ему возможность высказать свою концепцию личности, прибегая к сложному приему. Джек украл день-ги у бедной вдовы, но через год его замучили угрызения совести и он решил возместить украденное. В воображаемом разговоре со своей совестью он говорит о себе «я», но, когда речь заходит об украденных деньгах, называет себя «он». И речь идет не только о том, чтобы приписать свое преступление кому-то другому. Дефо тщательно разделяет «я» и «он»: «я» появляется, когда речь идет о нравственном проступке, «он» — когда возникает тема раскаяния и надежда, что Господь простит содеянное⁸⁵. Возможно, Дефо позаимствовал этот прием из исповедей реальных преступников, и так проявлялось у них то смятение и потеря собственной идентичности, что наступали в момент убийства или сразу после него. Еще одна его героиня, Роксана (персонаж одноименного романа 1724 года), объясняет по другому поводу: «Грех и стыд идут друг за другом [...], как причина и следствие»⁸⁶.

Полковник Джек — отдаленный предок доктора Джекиля. Пусть он не страдает от раздвоения личности, но его нравственное существование отравлено угрызениями совести, возникшими от того, что он пошел на поводу у своего нарциссического и дьявольского «я». Оно привело его к преступлению и невольно — к греху тщеславия, что соответствует традициям христианской морали. Можно сказать, что современники, читая о приключениях полковника Джека, видели в его слишком ярком осознании собственного «я» знак нарушения правил, неотвратимый путь к крушению и падению. Старое религиозное противопоставление смирения и гордыни, проявляющейся в «эго», было все еще живо. В переложении на культурный язык средних и высших классов гордыня связывалась с нарушением табу в области приличий, пристойности, хорошего тона. Цивилизация нравов предписывала скрывать свои страсти и не говорить о них⁸⁷. Однако, как это ни парадоксально, читатели Дефо как раз учатся познавать собственную индивидуальность, изучать свой внутренний мир, хотя их и предупреждают об опасности подобного занятия. Противоречие оказывается весьма продуктивным.

Во Франции в историях о ворах и разбойниках с большой дороги выделяются знаменитые фигуры Картуша, которого в 1721 году колесовали заживо, и Мандре-на, казненного в 1755 году. Золотой век криминальных биографий, тем не менее, заканчивается. В Англии это происходит примерно к 1740 году. Публика уже насытилась историями, которые публикуются во всех газетах. Последним примером стала история Джека Рана по прозвищу Шестнадцать Шнурков, повешенного в 1774 году. Он отличался вызывающей элегантностью. Его штаны на каждом колене были перевязаны восемью лентами с серебряными бляшками, откуда и пошло прозвище. Быть может, закат жанра связан с тем, что пропал его символический заряд. Во второй половине века по обе стороны Ла-Манша появляется новый тип разбойника. Это пройдоха, выходец из почтенного сословия. Он нарушает общепринятые правила более тонким способом, в первую очередь это касается каждодневных занятий средних классов. Его образ заставляет задуматься об опасности индивидуализма в экономическом плане⁸⁸. Кроме того, миф о раскаявшемся преступнике, о грешнике, ставшем святым в момент казни, мало-помалу наскучил публике. Читатели справедливо заподозрили здесь некое благочестивое мошенничество. Слишком уж неправдоподобным казалось то, что осужденный называл минуту казни самой счастливой минутой своей жизни, что он чувствовал себя счастливым и улыбался на эшафоте⁸⁹. В Лондоне зеваки имели возможность увидеть в Тайберне гораздо менее поучительные

сцены, скрыть истинный смысл которых было трудно, несмотря на все предосторожности и стара-

лш должностных лиц и священника. Наконец, в последней трети XVIII века самоуглубление стало встречаться в литературе чаще, хотя к нему по-прежнему относились с неодобрением. Жан Жак Руссо в «Исповеди» рассказывает о неожиданном удовольствии, которое он в детстве получил от порки, и этим шокирует общество. Он оказывается в изоляции, потому что осмелился читать «Исповедь» публично. Есть и другие пути говорить о себе и о сексуальности, более скромные и уводящие по пути сублимации.

Наслаждение в* воображаемом мире

В XVIII веке получать наслаждение от воображаемого мира становится все более принятым. Мыслители того времени прямо уподобляют такое наслаждение плотским и сексуальным радостям. В обыденном сознании моральный упадок связывается с посещением театров, опер и балетов. В «Энциклопедии» в статье о городах Д'Аламбер пишет о том, что в Женеве запретили театральные зрелища, и жалеет об этом. В его адрес тут же высказывается самая острая критика. В Англии чтение повестей и романов часто считается безнравственным. Напомним, что на некоторых французских гравюрах чтение и мастурбация выступают вместе. В Англии в кризисные эпохи всегда появлялся страх, что нация изнежится в роскоши и комфорте, пришедших из-за границы. Так было и при якобитском восстании 1745 года, и после потери американских колоний, и во время французской революции. Культура высших классов в Англии, как и во всей Европе, была по сути космополитической, и французское влияние занимало в ней большое место. Исследователь,

изучив 200 английских библиотек того времени, обнаружил, что в 80% из них были сочинения Вольтера. К концу века в высшей степени популярным становится Руссо. Английская элита читает и говорит по-французски или же пользуется переводами, которые очень быстро поступают в распоряжение всех желающих. В личной дневнике Энн Лерпент, который она ведет с 1778 года, упомянуты 440 книг, прочитанных ею за 10 лет. Среди них почти поровну французских и английских сочинений, а среди авторов — Руссо, Мариво, Мармонтель, Вольтер, Корнель (36 пьес). Она читает книги вслух, дочери или мужу, который и сам иногда читает ей, а также всем прочим домочадцам, включая слуг. Исторические сочинения, описания путешествий и беллетристика вызывают особый интерес. В библиотеке Бристоля с 1773 по 1784 год читатели 9439 раз брали 521 сочинение по этим разделам, в то время как 82 богословских сочинения брались всего 606 раз. По обе стороны Ла-Манша формируется общая система поведения, которую можно определить как «искусство вести беседу». В центре ее стоят изящные искусства и художественная литература, именно они способны сделать людей утонченными, любезными и добродетельными. Однако возникает опасность: не может ли необходимость постоянно играть определенную роль на публике разрушить собственную индивидуальность? Лорд Шефтсбери предостерегает тех, кто постоянно хочет нравиться окружающим. «Не забывай о твоём собственном "я"!» — пишет он⁹⁰.

Такая атмосфера очень благоприятна для издателей книг и гравюр; кроме того, она быстро возбуждает своего рода артистический аппетит. Мода на коллекционирование произведений искусства быстро выходит за рамки

любого круга меценатов, аристократов и придворных, оролевская коллекция во Франции, которую при Людовике XV предполагали открыть для всех желающих, стала образцом для всевозрастающего числа богатых эстетов. В Лондоне их последователи исповедуют двойную

меть — к искусству и «прекрасному полу». Общество «летантин», которое поначалу было всего лишь компанией сотрапезников, быстро становится процветающим клубом, который выделяет субсидии начинающим художникам и коллекционирует произведения античного искусства. Хотя далеко не все «знатоки» причисляют себя к либертенам, многие

весьма ценят эротизм. Таковы граф Сэндвич, Фредерик, принц Уэльский, принц-регент во времена Наполеона I. «Тур по Европе» молодых аристократов включал в себя как ознакомление с достопримечательностями и памятниками искусства, так и сексуальное образование. Его особенно часто получали в ласковых южных странах. Матери нередко с ужасом наблюдали, как их сын становился неотступным воздыхателем какой-нибудь роковой итальянской красавицы, как например, Гораций Уолпол, увлеченный с 1739 по 1741 год Элизабет Капони во Флоренции. Обучение «мужественности» окрашено в чувственные тона. Так формируется будущий вкус любителей обнаженной женской природы, вещей с фаллической символикой, сладострастных сцен в греческой и римской литературе. В 1751 году Хогарт изобразил сэра Фрэнсиса Дэшвуда, барона Диспенсера, одного из основателей клуба «Дилетанти», в виде священника, но созерцающего не фигуру Христа, а статуэтку абсолютно обнаженной женщины. Здесь был намек на сочетание у сэра Фрэнсиса плотского вождения с желанием и страстью коллекционера. В 1786 году другой член клуба, Ричард

асть третья. Циклы. Добродетель и порок (1700-1960)

Пейн Найт, издал и распространил «Доклад о пережитках культа Приапа» с провокационным изображением на фронтисписе. Люди благонамеренные задыхались от возмущения, читая иронические описания того, какое наслаждение дает служба священника, или рассуждения о том, что крест — это символ половых органов. Культ Приапа, к которому примкнул и католик Чарльз Таунли, говорит о том, что в конце XVIII века неожиданным образом отозвалась древняя аристократическая культура мужчины-самца. Не следует также забывать, что новый культ был созвучен моде на выяснение истоков мифов и верований⁹¹.

Скандал вокруг культа Приапа, появление людей, возводящих свою чувственность в ранг религии, свидетельствуют о том, что культура желания возвращалась. Оно не скрывалось больше от тех, кто хотел его увидеть. Женская грудь и обнаженное тело обрели право гражданства. Возникает ощущение, что по всей Европе привилегированное меньшинство перестало различать изображение тела и само тело. Коллекция древних статуй в прихожей становилась прелюдией к эротическим забавам. Так называемые развратники, или либертены, соединили субъект и объект. Они наслаждаются «порнографической» картиной или книжкой и не желают ограничивать свои удовольствия какими бы то ни было правилами и нормами, в то время как горожане ратуют за умеренность в страстях. Философы, писатели, преуспевающие жители больших городов стремятся к сублимированному удовлетворению желаний, пусть и с некоторым налетом эротики, но без риска. Так рождается новый тип наслаждения-созерцание предмета искусства. Оно доставляет радость взгляду, вызывает мысли о прекрасном, оно — удовольствие в чистом виде.

ПОД ВИКТОРИАНСКИМИ ПОКРОВАМИ (1800-1960)

Если попытаться выразить одним словом культуру Англии и Франции периода триумфального шествия буржуазных ценностей, то таким словом будет «викторианская». Это понятие не ограничивается жесткими временными рамками правления королевы Виктории (1837-1901), но определяет в более широком смысле такое состояние умов в Англии и во Франции, когда ограничительные правила и нормы приняли совершенно особое значение. Именно поэтому я решил расширить границы феномена до 1800-1960-х годов.

Несомненно, Англия и Франция обладают своими специфическими чертами и своим ритмом развития. Средний класс коммерсантов и промышленников в Англии гораздо раньше, чем во Франции, начинает диктовать обществу свои законы. Во Франции были революции 1830 и 1848 года, Парижская Коммуна, и все эти события затрудняли последовательное развитие общества. Однако культурные корни двух стран, двух колониальных держав-соперниц на мировой сцене, постоянно переплетались. Несмотря на все оттенки, а также национальные варианты одних и тех же культурных процессов,

которым я не могу уделить здесь должного внимания, в Англии и во Франции установился и утвердился единый викторианский взгляд на существование человека в мире.

Этот взгляд заимствует у философов XVIII века мысли об умеренности и сдержанности, об экономии, о необходимости управлять своими инстинктами. Кроме того, буржуазные круги и средние классы обретают осознание своего статуса. Они отказываются от религии страха и четко подчеркивают свое отличие как от аристократов-бездельников, так и от простонародья, считавшегося грубым, опасным и беспокойным. В Лондоне и Париже выходит много философских сочинений, говорящих об интеллектуальных правилах жизни в обществе. Вместе с тем концепция вежливого поведения существенно влияет на формирование нового представления о чувственной жизни. Медленно, подспудно осознание собственного «я» становится ядром системы ценностей, основанной на контроле над импульсами, абсолютном подчинении внешним приличиям, разделении жизни на частную и публичную. В Париже и Лондоне, продолжающих невероятно разрастаться, такая система ценностей нацелена в первую очередь на то, чтобы отделиться от нравственной и сексуальной неразборчивости «опасных классов», в то время как аристократическая модель поведения отделена не так сильно. Между людьми, равными по положению, искусство общения превращается в способ скрывать чувства. Буржуазные «племена» стремятся защитить себя от городских «джунглей» двойной оградой: культом домашнего очага и индивидуальным самоконтролем.

Так формируется представление о теле и телесных наслаждениях, основанное на сдержанности и умеренности в противовес расточительству знати или простонародья. Пять-шесть поколений людей, живших между 1800-ми и 1960-ми годами, были вынуждены безжалостно подавлять плотские желания, и пылкие речи в обоснование этого подавления произносились со всех сторон. В сексуальности стали видеть нечто вроде постыдной болезни, что привело к душевным травмам, а чтобы их лечить, понадобился доктор Фрейд с когортой последователей. Благочестивое городское меньшинство невероятно боится истощения жизненных сил, и медицина превращается в своего рода новую религию. Соитие объявляется опасным, а то и смертельно опасным занятием и рекомендуется лишь в очень малых дозах. Медицина советует также избегать любого возбуждения, в частности мастурбации, которая может довести «больного» до смерти. Однако в яблоке скрыт червячок, ибо даже самый почтенный отец семейства следует, как правило, двойному сексуальному стандарту и ночью ищет радостей запретной любви.

Нельзя сказать, что запреты викторианской морали были окончательными и безоговорочными. Быть может, следовало бы сравнить их со стыдливым покровом, который так сладко иногда приподнять. Путешествие через потайную дверцу дает нам возможность увидеть, насколько сильным были стремление и вкус к удовольствиям. Автор «Моей тайной жизни», скрывшийся под псевдонимом Уолтер, утверждает, что поимел 1200 женщин. Его можно считать прямым наследником либертенов и развратников, равно как и культурным посредником между различными классами, так как он приобрел немало познаний в объятиях служанок, девушек с фермы и лондонских проституток. Любители эротики используют порнографию, чтобы утолить свою страстность. К этому добавляется привкус удовольствия от игры с запретным плодом.

Крестьяне и рабочие карикатурно изображаются как животные, непрерывно жаждущие секса, алкоголики. Однако в описании их привычек так много обычного, что оно вызывает интерес.

История наслаждения не развивается в течение полтора столетия поочередно сменяются репрессивные и освободительные циклы. Самые значительные

VTV гЗЛОмы

приходятся на конец XIX века, когда возникают генетические изменения в медицине, и на начало XX когда средние классы достигают вершины своего экономического и

социального могущества. При этом собственный ригоризм начинает ослабевать, в обществе целом торжествует гедонизм, в том числе и среди представителей средних классов, контроль за развитием медицинских знаний постепенно утрачивается. Никто и никогда не мог окончательно ввести сексуальные инстинкты в рамки, тело всегда заявляло о собственных правах. Общество предполагает, а человек располагает, приспособливается, варьирует, изобретает...

КОНТРОЛЬ НАД СЕКСОМ

Понятие «буржуазия» слишком многообразно и с трудом поддается определению. В несколько амбициозном труде Питера Йея, где явление скорее описывается, чем объясняется, слово «буржуазия» предстает и как оскорбительное прозвище, и как источник самоуважения. Во Франции, Англии и Германии XIX века те, кто причисляет себя к «буржуазии», испытывают чувство нравственного превосходства как по отношению к упадочнической аристократии, так и по отношению к уважаемой верхушке трудящегося класса. Вместе с тем они болезненно реагируют на критику «буржуазофобов» из прогрессивной интеллигенции, таких как Гюстав Флобер или Фридрих Ницше¹. Автор также справедливо подчеркивает характерный для этого класса вкус к коллекционированию предметов искусства и крайний индивидуализм, превратившийся в опознавательный знак. Он говорит о том, что «чрезмерное подавление чувств» приводит к постоянному контролю над собственной агрессивностью, которая выплескивается в спорте. Однако Йей гораздо менее убедителен, когда пытается доказать, что плотское наслаждение занимает немалое место в жизни буржуазной семейной-пары. Нельзя исключать такую возможность по отношению к отдельным парам, но вряд ли можно увидеть здесь господствующую тенденцию. В пример обычно приводят американку Мейбл Лумис, но, хоть она и ищет наслаждений в объятиях супруга, не меньшее удовольствие она получает от адюльтера, обратив в свою пользу привычный мужской двойной стандарт. Идеалом этих социальных слоев все же остается «умеренность, порядочность, моногамия», что отличает их и от аристократии, и от низших классов, по крайней мере, до передела 1880-х годов². В целом можно сказать, что буржуазные системы Запада принимают процесс цивилизации нравов, даже если реальное положение вещей оказывается сложнее и противоречивее³.

Социальные роли

Как ни парадоксально, но акцент на индивидуализме подчеркивает и ценность группы. Недостаточно принадлежать к буржуазии по рождению — надо, чтобы «племя» признало тебя за своего⁴. Для этого необходимо приобрести в семье и в избранной школе особые навыки и умение владеть собой, только так можно занять положенное место в частной и публичной жизни. Индивидуальность, таким образом, предстает вписанной в чрезвычайно четкие культурные рамки, подобно тому как очень талантливый актер, играя детально прописанную роль, может лишь несколько варьировать ее. Обязательным правилом остается скрытность как в делах, так и в семейной сфере. Необходимость постоянно следить за собой, чтобы вести себя именно так, как этого требуют другие, позволяет «осознать самого себя»⁵. «Тирания внутреннего мира» приводит средние классы XIX века к «культуре личности», что можно считать первым шагом на пути к «обожествлению внутреннего мира» начала XXI века. Речь идет не об ограничении сферы публичной жизни, но об особой стратегии, позволявшей адаптироваться к философии сдержанности, которая* в частности, требовала экономить желания. В ранг абсолютного правила, не требующего объяснения, возводится представление о превосходстве «культурного поведения» над природой дикостью примитивного существа или же над грубостью рабочих и крестьян. В «Обычаях света», знаменитом руководстве по правилам вежливости (1889), автором которого считается баронесса Стаф, говорится, что культурный человек — это тот, кто может забыть сам и дать забыть окружающим, что у него есть телоб.

Уважаемые женщины более, чем кто-либо, вынуждены постоянно контролировать себя, ведь «в семейном кругу каждый должен избегать произвольных проявлений своих телесных потребностей или личных чувств». Немецкий врач, доктор Марбургского университета Карл Людвиг, связывал «зеленую болезнь», вызванную запорами у женщин, со страхом произвольно выпустить газы после еды. Чтобы этого не произошло, женщины стараются как можно плотнее сводить ягодицы. «Белая болезнь» обычно появляется у тех, кто мало бывает на солнце. Они боятся выйти на улицу, чтобы их не разглядывали незнакомцы. Быть может, здесь сказалось и давление мужчин, желающих запереть жен у очага. Ученых XIX века крайне интересовали женские истерики". Этот феномен становится менее загадочным, если принять во внимание, в каких тяжелых условиях живут женщины, что не может не приводить к депрессиям⁷.

Не будем впадать в заблуждение: гипертрофия буржуазного «я» — это не глубоко личное выражение собственного внутреннего мира, свойственное художникам и писателям (но они, подобно Флоберу, часто отказываются от своего происхождения). Субъект должен развернуть все свои возможности в рамках четко определенной роли и при этом не говорить о своих потребностях, инстинктах, желаниях и страстях.

Медицина как новая религия

Стремление контролировать сексуальность связано с особой ролью медицины в XIX веке. Медицина делает решительный шаг и берет на себя право предписывать и запрещать во имя знания; она возводится в ранг новой религии со своими храмами, еретиками и неверующими. Медицине принадлежит монопольное право на все, что связано с телом, в то время как церковь все более теряет авторитет в этой области. Во Франции после революции ослабили духовные рамки, а идеи философов о возможности достижения счастья на земле расчистили ко второй половине XVIII века пространство для новых верований. Медицина, способная свободно говорить о тайнах человеческого тела, о смерти, об оргазме, отвечала на страхи образованной и преуспевающей публики и приобрела существенную власть над ней, тем более что для того, чтобы стать адептом медицины, вовсе не надо было отречься от веры.

Авторитет медицины базировался не только на научном знании. Врачи-практики и сами были отцами, мужьями, братьями, сыновьями и, чаще всего, выходцами из среднего класса. Они приспособливали реальность к культурным запросам своего мира. Былое чувство вины христианина по отношению к сексуальности они переделали с точки зрения заботы о здоровье. Врачи предостерегали от чрезмерной растраты жизненной энергии, уверенно брали на себя функции исповедника и решительно руководили интимной жизнью своих пациентов. Врачи рекомендовали умеренность в половой жизни. Об этом говорил красноречивый О. К. С. Фаулер и гидротерапевт Т. Л. Николе. Английские издания книги Николса «Эзотерическая антропология» выходили начиная с 1873 года. Автор пишет, что женщины стремятся к половым сношениям по многу раз в месяц, но необходимо воздерживаться во время кормления грудью и, разумеется, во время менструаций. Он советует также избегать любых возбуждающих занятий, танцев, поцелуев и ласк, а также нескромной одежды. Он утверждает, что многие жены в наш испорченный век не способны достичь сексуального наслаждения, и все усилия мужа добиться от них большей активности в половом акте могут лишь навредить женской нервной системе. Кроме того, он предупреждает мужчин, что после пятидесяти лет радости плоти становятся слишком утомительными и могут привести к параличу или апоплексии⁹.

Взгляды Николса весьма характерны для того времени, они даже умеренны по сравнению с другими. Страх согрешить принимает вполне светскую форму и воплощен в гигиенических советах. Боязнь болезни и смерти приходит на смену боязни вечного проклятия. Она порождает тревоги, и медики успокаивают их советами жить в умеренности и прибегать к «экономии либидо», хотя сам термин еще не введен в обиход. Врачи переносят в область здоровья и физического состояния тела основной буржуазный

принцип, согласно которому мудрое использование капитала состоит в том, чтобы не расходовать сбережения. Сексуальность видится как разрушительная сила, потенциально опасная для здоровья, и ее следует контролировать и вводить в рамки¹⁰. Подобные идеи уходят корнями еще в монашеские представления средних веков. В них слышен отзвук страха перед неконтролируемой чувственностью, напрямую связанной с постижением собственного «я» и общества. Оргазм приводит к потере самоконтроля и становится символом беспорядка в мире, хотя о том, что это ощущение еще живо, свидетельствует только его осуждение с нравственной и научной точек зрения.

Страхи порождают фантастические видения. Половые органы Другого, будь он человеком другого пола или другой расы, представляются в самом невероятном виде, Искусство и медицина заботливо собирают все эти странные фантазии, и они теперь определяют стиль разговора о сексуальности.

В XIX веке было поставлено под сомнение убеждение, что для удачного зачатия женщина должна испытывать удовольствие при половом акте". Некоторые, подобно доктору Вильяму Эктону (1813-1875), автору книги «Практическое пособие по болезням мочеиспускательных и половых органов у обоих полов» (1841), доходят до того, что утверждают, что нормальные жены не испытывают никакого желания и просто подчиняются супругу ради его удовольствия. Эктон утверждает, что «любовь к своему жилищу, детям и домашние заботы — вот единственные доступные им страсти». Он добавляет, что для того, чтобы насытить сексуальный -аппетит в супружеских отношениях, надо делать женщину беременной каждые два года, и тогда следующие девять месяцев и весь период кормления грудью она не будет возбуждаться, что умерит и пыл ее мужа¹². Кажется, что Эктон реализует старую мужскую мечту — полностью контролировать жену, регулярно делая ее беременной, а потом кормящей. Эта позиция, надо признать, разделяется далеко не всеми его собратьями. Самое распространенное мнение состоит в том, что замужняя женщина не обязательно фригидна, но ее аппетит надо разбудить, и тогда она будет

вибрировать под партнером. Мужчина хоть и пылок, но неловок и слишком нетерпелив, как орангутанг, желающий играть на скрипке, по изящному выражению Бальзака¹⁵.

Хотя гуморальная теория и постоянное чувство греха остались в прошлом, медики находят новые аргументы, согласно которым сексуальность крайне опасна и проявляется принципиально по-разному у мужчин и женщин. Мужчины по сути «горячие кролики», а женщины холоднее. Им не трудно исполнять обязанности матери и супруги, и они могут получить удовольствие, если партнер умело, нежно и деликатно приведет их к этому. Картина выглядела бы идиллической, не будь у нее изнанки: супружеская гармония и сексуальная умеренность мужчины возможна лишь при условии, что он прилежно посещает проститутку. Он начинает ходить к ним в юности и потом регулярно. «очищает свой гидравлический механизм», так как супружеских объятий для этого недостаточно. Этот двойной стандарт опирается на представление о главенстве мужчины, ибо у женщины нет аналогичного права искать каких-либо иных объятий, кроме объятий своего господина и хозяина. -

О наготе и пушке

Сексуальное подавление викторианских времен коренится в особенностях реальной жизни эпохи. Контроль за телом проявляется в самых разнообразных формах. Еще во времена Людовика XIV было принято купаться обнаженными в реке, а в XIX веке чуть виднеющийся кусочек тела вызывает негодование. Французские судебные документы представляют многочисленные тому свидетельства. Один ткач из Меца заявляет, что не может видеть, как его соседка ходит по своей комнате, не скрытая ни шторами, ни ставнями, и под рубашкой у нее можно различить груди. «Я был так потрясен, что сам хотел закрыть ставни». Возможно, он не вполне искренен, но он опирается на норму поведения, предписывающую красавице не показывать свои прелести. Абсолютно обнажаться можно только в наглухо запертом доме. Добродетельные женщины

отказываются раздеваться в присутствии мужа, В 1930-е годы одна дама говорит священнику о том, что это смущает ее, и спрашивает, может ли муж заставить ее раздеться и как быть, если он к тому же хочет, чтобы она танцевала с ним в обнаженном виде. В Великобритании на протяжении всего XIX века полностью раздеваться в постели с супругом считается в высшей степени непристойным. Для авторов порнографических сочинений конца века верхом эротизма является описание экстравагантных сексуальных игр, когда мужчина снимает последний покров женской стыдливости — нижнюю рубашку¹⁴. По обе стороны Ла-Манша бытуют многочисленные и мощные предрассудки на этот счет. Во Франции усиливается преследование произведений, в которых описывается или выставляется напоказ нагота: такие произведения считаются непристойными. В отчете 1884 года непристойной называется гравюра под названием «Ошибка». На ней изображена женщина, лежащая на постели в рубашке, ее левая рука между ляжками. А рядом виден кошачий хвост...¹⁵

Англия не остается в стороне. Нагота укрывается в картинах на мифологические сюжеты, ставшие своего рода субститутами запретных тем. Лорд Лейтон, президент Королевской академии, умер холостяком в 1896 году.

Он стремился запечатлеть женскую красоту в возвышенной форме Венеры, Ариадны, Андромеды, чем навлек на себя неудовольствие церкви. На острове особое пристрастие испытывали к изображению обнаженного тела девочки, у которой еще не появился пушок на лоне. Этот пушок считался верхом непристойности, так как напоминал о животной природе человека. Рассказывают, что Рескин, художественный критик, известный своим пристрастием к девичьим телам, испытал шок после брака с Эффи Грэй, так как увидел у нее на лоне пушок зрелой женщины. Если это и не вполне точно, то хорошо придумано. Льюис Кэррол, автор «Алисы в Стране чудес» (1865), записывает свои впечатления после посещения галереи Королевской академии в 1868 году, как раз тогда, когда Лейтон написал «Ариадну, покинутую Тезеем». Кэррол пишет, что более всего ему понравились полотна, изображающие маленьких девочек. Добавим, что он к тому же любил их фотографировать. Девочки как сексуальный объект становятся излюбленным сюжетом эротических фантазий в викторианской Англии; соответствующих изображений дошло невероятно много¹⁶. Один лондонец признается, что чувствует от этого невероятное возбуждение. Однажды он вкусил подобное наслаждение, сопряженное с жестокостью. Некая дама посулила ему за деньги услуги девочки, а потом предложила себя взамен. Он спросил: «Зачем ты привела меня сюда? Я пришел ради нее, а не ради тебя». «У меня есть пушок», — ответила она. «А я люблю передок без него», — возразил лондонец и воспользовался девочкой, невзирая на ее страдания¹⁷.

Реакцией на запреты становятся произведения и формы поведения, нарушающие их. Британские фетишисты проявляют особый интерес к женским обнаженным ногам. Стыдливость предписывает прятать ноги под столом или пианино, и можно понять, как возбуждает в этих условиях вид самой малой части обнаженного тела. Любое упоминание тела в журнале возбуждает эротическое любопытство читателя, а журнал рискует подвергнуться преследованиям за безнравственность. В 1879-1880 годах «Перл» пишет, что нет другой такой страны, кроме Англии, где дамы так интересовались бы своими ногами, как и нет другого места на земле, где следовало бы столь часто поднимать юбки из-за грязи на улице: а грязь проистекает из всем известных особенностей британского климата. Трудно вообразить, как шокировала респектабельная «Дейли телеграф» своих читателей из-за типографской ошибки. Потрясенные читатели узнали, что «женские панталоны не должны ни заходить слишком далеко, ни простираться слишком широко». Разумеется, речь шла о «женских правах». Этот случай заставил владельца газеты Джозефа Мозеса Леви учредить должность главного корректора, чтобы быть уверенным, что подобная непристойная оплошность никогда не повторится. Любой словесный намек на низ тела или его функции рассматривался как признак дурного воспитания. В английской литературе господствуют скромные намеки. Так,

проститутка никогда не называется «шлюхой» — ее именуют «академиком» (то есть пансионеркой борделя) или «кошкой», если она пьяна. «Прилипшая» обозначает венерическую болезнь, влагалище называется «кожей», быть пьяным — это «стоять на своем высоком месте». В обыденной речи женские груди называются «шарами», «полушариями», «молочным магазином», «детским рожком» или «младенческим пабом», что подчеркивает их функцию кормления. Если говорят, что ДжонТо* |с встретил Фанни, Мэри Джейн и леди Джейн, это озаеТ, что пенис вошел во влагалище. Мочиться — это «сажать горошек», «пожимать руку старому товарищу» яи.чапде всего, «тратить пенни»¹⁸.

Есть и другие свидетельства существовавших в то время" нравственных запретов. Романисты и врачи во франции времен Третьей Республики настаивают на том, что женщинам после сорока следует отказаться от радостей плоти. В 1926 году мэр Ионны был поражен, услышав, как «женщина пятидесяти лет говорит-ласковые слова сорокапятилетнему мужчине». Что касается поцелуя в губы, то он на протяжении всего XIX века шокировал большинство французов. В той же Йонне судья просто упоминает, 'ничего не добавляя, о том, как некто выставлял напоказ обнаженный пенис перед молодой крестьянкой, но настаивает на непристойности следующего деяния, совершенно недопустимого, с его точки зрения: «Он засунул ей в рот язык»¹⁹.

СЕКСУАЛЬНОСТЬ — это ПОСТЫДНАЯ БОЛЕЗНЬ, ИНОГДА СО СМЕРТЕЛЬНЫМ ИСХОДОМ

Как утверждает шутка, многие викторианцы хотели бы, чтобы сношение приравнялось к уголовному преступлению²⁰. Медики, во всяком случае, видели в сексуаліг ности тяжелую болезнь. Такой взгляд порождал тяжелую глухую тревогу, в том числе у тех людей, кто не отказывал себе в удовольствиях, порицаемых цензорами. На сексе лежало табу, он считался чем-то позорным, и жить с этим ощущением было трудно. Всеобщее осуждение касалось в первую очередь самоудовлетворения. Речи медиков на этот счет буквально терроризировали сознание. Молодые люди и в особенности мальчики задыхались от переполнявших их видений. Два основных выхода были в порнографии, обращенной к ограниченному кругу потребителей, и проституции в ее многочисленных и разнообразных видах. Но страхи нарастали вместе с чувством освобождения. Склонность к извращениям, таким как порка, садизм, мазохизм, скрывалась более тщательно, чем раньше, но захватывала все больше людей, и к концу XIX века неврозы на сексуальной почве появлялись все чаще. Фрейд пришел вовремя. Его услуги оказались чрезвычайно нужны среднему классу европейцев, которые уже не знали, на чьей груди излить свои тревоги. На пороге XX века Фрейд дал им возможность если не освободиться от страхов, то хотя бы получить поддержку.

Время тревог и страхов

Масштабы сексуальности невероятно широки. Порой ее пытаются приглушить, порой делают из нее центральный пункт рассуждений о взаимоотношениях внутри общества. Западная Европа XIX века пошла по второму пути. В эпоху, когда стремительно развивалась промышленность, утверждалась оптимистическая вера в прогресс и силу науки и все четче обозначался отход от предрассудков, произошел переворот в отношении к физическому удовольствию. Англосаксонские историки не раз отмечали эту особенность эпохи; во Франции она исследована гораздо меньше²¹. Идеи и поведение людей в сексуальной сфере были очень сходны по обе стороны Ла-Манша. И в Англии, и во Франции формировалось травмированное сознание, особенно по отношению к мастурбации. Однако можно сказать, что легкое облачко эротики стойко держалось над французской культурой, несмотря на викторианские нормы поведения. Это предположение нуждается в тщательном изучении.

Имперская Англия испытывает особый ужас перед сексом, так как современники боятся всего, что не подчиняется контролю и может нести в себе разрушительную силу.

Викторианская эра — это «время страхов и тревоги», где тема плотского желания всегда

под запретом и вызывает смущение, то есть таит в себе опасность крушения и разрушения. Эта опасность основана на осознании того, что мир, в котором живут современники, — это мир горя и трудностей²². Вытекающие отсюда культурные и социальные последствия особенно тягостны для женщин²³. Само по себе беспокойство было своеобразным отражением идеологии накопительства, свойственной среднему классу, а также страха потерять накопленное, лишиться приобретенного, впасть в бедность. Не случайно самое распространенное английское слово, обозначающее оргазм вплоть до конца XIX века, - «потратиться» (to spend). В современном слове «кончить, (to come) эта идея отчасти сохраняется. Медицина того времени воспринимает человеческое тело как машину, а мужское семяизвержение — как простой механизм, при-водящий к выбросу некоей субстанции и потере сил²⁴. От-сюда и вытекает принцип сексуальной экономии. Порнография предлагает перевернутый образ мира, некую «порноутопию», где природа видится во всей эротической полноте как гигантская самка, а верующие поклоняются богу в виде огромного стоящего пениса. Такой фантастический образ мог быть создан лишь теми, кто постоянно терпит лишения, самцами, буквально изголодавшимися по сексу²⁴. Разумеется, авторы и потребители порнографии составляют меньшинство, однако появление подобных образов говорит о том, что под стыдливой викторианскими покровами бушуют страсти. Говорить о лицемерии среднего класса уже стало банальным. Однако те, кто принадлежит к среднему классу, должны отдавать себе отчет в существовании иной реальности, лишь тогда они смогут терпеливо сносить свое двуличие, поскольку отпадет необходимость играть какую-либо роль для себя самого. Средний класс хочет выглядеть добрым, благородным, чистым (как это говорится на языке того времени) в мыслях и поступках перед глазами потомков⁸. То есть они позируют для истории!

С другой стороны, в обществе царит фрустрация, оно стянуто разнообразными оковами. Нравственная строгость опирается на законодательство. Во Франции право на развод не пережило революционных лет. В Англии в XIX веке случаи развода крайне редки: с 1858 по 1887 год зафиксирован 7321 развод, что в пятьдесят раз меньше, чем в Соединенных Штатах с 1867 по 1886 год.

«Акт о делах, касающихся семьи и брака» 1857 года официально закрепляет двойной мужской стандарт. К мужу, уличенному в измене, применяются санкции лишь в том случае, если адюльтер отягчен каким-либо иным деянием, например инцестом или преступлением. Напротив, в глазах закона неверность жены сама по себе есть серьезный повод для развода²⁶. Закон не слишком эффективен, и дел по нему возбуждается немного. Но он торжественно закрепил неписаное правило, по которому порядочная женщина должна приносить свои желания в жертву интересам мужа и детей. Только мужчина имеет право на двойное существование, и, хотя его измены порицаются, существует негласное и законодательное попустительство на этот счет, особенно если речь идет всего лишь о посещении проституток.

Во Франции складывается очень похожая ситуация. С 1860-х годов возникает «новый спрос на проституток» как следствие «увеличения числа и в особенности обогащения тех социальных категорий мужчин, что принадлежат к классу буржуазии»²⁷. Доктор Вильям Эктон, изучавший положение дел в Англии, считает, что ситуация в обеих странах весьма схожа. Он порицает посещение публичных женщин с нравственной точки зрения, но активно участвует в разработке «Актов о заразных болезнях», вышедших в 1864, 1866 и 1869 годах. В соответствии с этими актами в зонах, где много солдат и моряков, девушки легкого поведения подвергаются регулярному медицинскому осмотру и в случае заражения венерической болезнью должны немедленно сообщить об этом. Расходы по лечению берет на себя государство²⁸.

Официальная позиция, занятая английскими и французскими властями, представляет своего рода «цивилизованную мораль», опирающуюся на два столпа: сохранение тайны и

двойной мужской стандарт⁸⁹. Апогей развития такой морали наступает в 1850-1860-е годы. В Париже и Лондоне проституция заявляет о себе открыто, несмотря на возрастающее возмущение и проекты искоренения этого зла. Во Франции 1876-1879 годов образы проституток заполняют литературные произведения. Бордели и дома свиданий дают обильную жатву для Жориса Карла Гюисманса, Эдмона де Гонкура, Эмиля Золя и Ги де Мопассана. «Марта», «Девушка Элиза», «Нана», «Конец Люси Пелегрэн», «Пышка» появляются почти одновременно, а граф Доссонвиль публикует в «Ревю де монд» статьи о разврате и пороке. В этом можно увидеть политическую победу над цензурой, характерную для времени укрепления республики³⁰. Вместе с тем речь идет и об утверждении двойного мужского стандарта, провозглашенного более открыто, чем при Второй Империи. Волна захлестывает всю Европу. В 1886 году немецкий психиатр Ричард фон Крафт-Эбинг (1840-1902) опубликовал работу «Сексуальная психопатия». Это произведение прославилось как первый опыт систематизации, сексуальных расстройств. Кроме того, автор утверждает, что «мужчина может найти удовлетворение сексуальному желанию повсюду» (ясный намек на проституцию), а женщина «привязана к единственному мужчине», особенно в высших классах общества. Крафт-Эбинг к тому же поясняет, что «для мужчины любовь почти всегда представляет лишь эпизод, после которого он обращается к многочисленным занятиям и интересам, в то время как для женщины это основа жизни»³¹.

Нельзя считать такое тендерное разделение типично британским явлением³². Оно появилось во всей западной цивилизации и воплотилось в жизнь среднего класса XIX века. На смену концепции греха приходит свет-мораль; она не менее строга и опирается как на законодательство, так и на медицинские авторитеты. Все они прежде всего подчеркивают особые права мужчины-амца, в его интересах отделяя наслаждение от продолжения рода. Принципиальное отличие от христианских мыслителей предшествующих веков состоит в том, что женщины делятся на два сорта — плохих и хороших, в то время как раньше во всех без исключения женщинах видели грешную природу, одновременно ангела и демона. Можно ли говорить, что так проявляется всего-навсего адаптация патриархального общества к новым социальным, экономическим и религиозным условиям? Лучше зададимся вопросом, почему и как эта концепция распространилась в других слоях общества. Можно считать, что она приобрела наибольший масштаб к середине XIX века, когда буржуазия триумфально утвердила свои позиции в политике и экономике Европы. Моральные устои одной социальной группы превратились, таким образом, в устои господствующего класса. Они опирались на медицинские знания, популярность которых неуклонно возрастала, и становились все привлекательнее для остальных слоев населения. Новая мораль базировалась на двойственном посыле, и это тоже предопределило ее успех. С одной стороны, она формировала образ сексуальности как священного и прекрасного чувства в рамках законного брака. Но, с другой стороны, сексуальность могла быть грязной, тошнотворной, опасной. Такая сексуальность влекла человека к недоетойным излишествам, мастурбации, адюльтеру, который уничижительно именовался в Англии «преступным общением», а также к проституции. И развратники, и люди благонаправленные могли найти здесь что-то им свойственное. Это касалось и низших классов, прекрасно осознающих опасности порочной любви и венерических болезней. В то время Фрейд еще не углубился в темные закоулки подсознания, и казалось, что разделение женщин на две группы — чистых и сбившихся с пути, мамочек и шлюх-позволяет понять свойства этого пола. Это придавало мужчинам чувство уверенности в себе. Кроме того, такое разделение продолжало христианскую традицию, где Дева Мария, символ чистоты, противопоставлялась искусительнице Еве.

Краеугольным камнем концепции в целом была идея главенства над слабым полом, простиравшаяся во всех направлениях. Стыдливая идеальная супруга, прекрасная мать, почти святая, обеспечивает отдых усталому и измученному воину-капиталисту. Она сидит

у домашнего очага, ей не нужны преступные страсти, и лишь изредка, очень умеренно, она вместе с ним предается плотским утехам. Мыслители того времени наряду с медиками все чаще изображали добродетельную женщину как существо без самостоятельных плотских желаний и потребностей". Любящая, верная, всегда готовая услужить супругу — ни один мужчина прошлых веков и мечтать не смел о таком подарке! Добродетельной супруге пункт за пунктом противопоставляется похотливая шлюха. В ней собраны воедино все те пороки, что некогда приписывались женский му полу в целом. Она — прогнившее существо с порочным запахом, от нее буквально исходит нехороший дух. Она что-то вроде сточной канавы, так как служит для избавления общественного тела от избытка семенной жидкости, который мог бы привести к его загниванию. Доктор Фью, например, говорит о «семенных стоках». Некоторые ученые XIX века, такие как Александр Паран-Дюшат-ле, иногда сравнивают проститутку с «трупной плотью»³⁴. Зловоние, гниение, разложение — все это характерные черты дьявола, как его изображали в XVI-XVII веках³⁵. Бонь; исходящая от шлюхи, вызывает в сознании весь арсенал старинных представлений и усиливает экзистенциальный ужас перед смертью. Итак, шлюха видится в исключительно негативном свете, хотя многие современники вынуждены с презрением признать, что она приносит немалую пользу обществу. Так проявляется, причем невероятно четко, существенная черта западной культуры: отношение к сексуальности как к чему-то патологическому. Проститутка становится удобным козлом отпущения, поскольку отныне на ней лежит весь груз первородного греха. Тем самым она освобождает свою добродетельную буржуазную сестру от бремени мужского желания. Проститутка не лишает желание оттенка запретности, но дает возможность его насытить и сама удовлетворяет собственные желания. Однако в любом случае она остается существом подчиненным, составляет самую презираемую, хотя и самую желанную часть женского населения; кроме того, она продается на рынке и имеет свою цену.

Вся эта совокупность смыслов порождает многочисленные фрустрации и порой тяжело травмирует сознание. В викторианскую эпоху тревожность развивается так же быстро, как и сексуальное подавление. Мужчинам контролирован» свою сексуальность еще тяжелее, чем женщинам,

Правило умолчания, необходимость постоянно играть двойную роль — у семейного очага и в борделе, разного рода беспокойства, связанные с нравственным или религиозным сознанием, — все это тяжело сказывается на мужской психике. Кодекс поведения требует при любых обстоятельствах притворяться, что дела идут хорошо, а это непросто. О всевозрастающем нервном напряжении можно судить по тому, как широко распространились! концу XIX века разного рода извращения, в том числе мазохизм и садизм. У множества людей развиваются неврозы. Не удивительно, что эра психоанализа начинается именно в это время, после двух веков строгих сексуальных ограничений и самоконтроля, необходимость которого внушается уже с детства, и с детства в сознании укореняются мужской и женский идеалы поведения. Фрейд и Крафт-Эбинг берутся лечить людей, которые не осмеливаются пользоваться своими половыми органами, переживают, что не могут сдерживаться, и боятся умереть от избытка наслаждения.

Если семя растрачено попусту, смерть неизбежна: ужас перед мастурбацией Для викторианцев, как и для христиан предшествующих эпох, тело таит в себе опасность. Но теперь ре не идет о том, что тело служит препятствием к спасению души. Оно составляет своего рода капитал; это машина, за которой надо ухаживать, чтобы извлечь наибольшую выгоду, и в то же время оно подобно шагреновой кожеш одноименного романа Бальзака (1831), лоскут которой с годами становился все меньше. Следовательно, надо воспитывать бережливость. По медицинским представлениям эпохи, растрата сил ведет к смерти. Такой случай произошел якобы с одним человеком, который выпил микстуру-афродизиак из измельченных шпанских муш {Гміа}. Под викторианскими покровами (1800-Шьи/

«Безумец сходил с женой восемьдесят семь раз за ночь — кроме того, он излил немало спермы прямо в кровать. Утром к нему позвали Каброля, чтобы оказать помощь, и Изтвидел, что новый Иеркулес, подвиги которого превышли подвиги античного героя, еще трижды извергал мочу, потираясь об изножье кровати. Скорая смерть оборвала этот эротический кризис»³⁶. Эту басню многие современники приняли всерьез. Они были глубоко уверены, что эротическое излишество принадлежит к разряду смертельных болезней. Эпоха купцов и промышленников вышивает узор по старой канве бесконечной опасности наслаждения и обрабатывает все то же старое западное представление о том, что плотское сладострастие неизбежно связано с болью, страданием и смертью.

Осеяние, несомненно связанное с чувственными наслаждениями, вызывает подозрения и страхи. В искусстве Возрождения прикосновение уже воспринималось как дверь к наслаждению и одновременно к страхам. Эту двойственность воплощала фигура Эроса, или Купидона. На картине Аньоло Бронзино «Венера, Купидон, Безумие и Время» Купидон целует в губы свою мать Венеру, а правой рукой касается ее левой груди³⁷. Похотливость позы подчеркнута символами роскоши и упадка, воплощенными в масках старости и болезни у ног Венеры. Слева от нее расположена клешня скорпиона и стоит обманутый муж Вулкан. Аллегорический смысл картины иногда виделся в том, что на ней изображено заражение сифилисом через сексуальный контакт. Считалось, что от сифилиса темнеет кожа, и эта роковая болезнь, или *morbus gajsh*, воплощена на картине в виде чернокожего человека, в отчаянии обхватившего голову руками за спиной у Купидона³⁸. В последующие века также считалось, что сифилис связан с сексуальными злоупотреблениями; в частности, это отражено у Хогарта. Английский анонимный трактат «Онания» (ок. 1710), а потом и книга Тиссо на эту тему, вышедшая в 1758 году, обрушиваются в первую очередь на самоудовлетворение, которое может привести к физическому разрушению». В переизданиях книги Тиссо в XIX веке особо подчеркивалось различие между кожей здорового человека и «больного» онанизмом, причем для пушей наглядности использовались картинки⁴⁰. В 1836 году выходит издание той же книги под названием «Онанизм, или Физическое рассуждение о болезнях, истекающих от мастурбации. Новое издание с примечаниями, сделанными на основании наблюдений докторов Ютлье, Вогеля и др.». Издание снабжено двумя весьма впечатляющими гравюрами. На первой идет пританцовывающий хорошо одетый изящный молодой человек. Подпись: «Он был молод, красив, абсолютно здоров». На второй гравюре тот же человек изображен распростертым на постели. Обнаженный, он мечется от боли, и на теле видны ужасные знаки его порочной склонности: «Он борется со смертью»⁴¹.

Медики XVIII века буквально одержимы этой проблемой. Ее можно сравнить с коллективным умопомешательством XVI-XVII веков, когда запылали костры, на которых сжигали колдунов и ведьм. И в том и в другом случае речь идет о ненависти к Другому, к его тлетворной деятельности, вызванной сексуальными отклонениями от общепринятой нормы, то есть к тому, кто угрожает разрушить общепринятый порядок. Ведьм обвиняли в том, что они отдались дьяволу, попирая христианские законы; а мастурбирующих — в том, что они нарушили добродетельный закон умеренности. Они исчерпали свои жиз-

Глава}. Под викторианскими покрывалами (180
Ивеяные силы, и теперь их ждет скорая смерть. В одеждах разных эпох на основе разных концепций возникает один и тот же моральный урок: неконтролируемая сексуальность опасна и разрушительна. Однако измерить конкретную степень влияния этих идей сложно. До нас дошли лишь некоторые свидетельства нарушителей нормы, Ябеспокоенных возможными последствиями мастурбации. Молодой Гладстон, студент Оксфордского университета, пишет в своем личном дневнике 1 апреля 1813 года, что он постоянно ^ОПредается одинокому удовольствию (он обозначает этот грех весьма целомудренными словами). Он хотел бы получить помощь от Господа, так как боится быть проклятым. Анри-Фредерик Амьель опасается, что занятия онанизмом погубят его, и

выплескивает свой страх в записи от 12 июня -1841 года: «Нет ничего ужаснее, чем чувствовать, как неотвратимо утекает жизнь и несколько ночей крадут у меня несколько лет жизни.[...] Я вижу, как иду к смерти». На следующий день он пытается разумно рассуждать: «В конце концов, надо жить, то есть прекратить эти растраты. Если верить Тиссо, один-единственный выброс равносителен потере четырех унций крови. Итак, мои вены вскрыты. Если я не сделаю усилие и оставлю все как есть, можно считать, что я совершил самоубийство, так как известно, к чему это ведет»⁴². В обоих случаях молодые люди воспитаны в страхе перед мастурбацией, и этот страх нужен был для того, чтобы от вратить юношей от растраты семенной субстанции ради наслаждения. И религиозный, и светский страх, внушенный воспитанием, основан на медицинских представлениях репрессивного свойства.

В XIX веке понятие детства связывалось одновременно и с идеей чистоты, и с идеей постепенной порчи.

В Англии образ невинного ребенка проявился в культе маленькой девочки без пушка на лобке или в «Маленьком лорде Фаунтлерое»(1886) Фрэнсис Ходжсон Бернетт. Их противоположность — порочный ребенок, вызывающий у себя поллюции. Он заболевает, и на коже у него проступают стигматы. Термин «стигмат» в конкретном смысле был введен Шарко. Однако за ним стоял образ «стигматов дьявола» былых времен, которые появлялись на теле ведьм там, где к ним прикоснулся дьявол. Они как бы извращали священные раны Христа. Беспорядок во внутреннем мире выступал на теле. Знаменитый медицинский журнал «Ланцет» опубликовал 20 января 1904 года статью с иллюстрацией, на которой демонстрировалась поврежденная кожа истеричного ребенка⁴³. Врачи одержимы идеей опасности «повторяющихся прикосновений», но они разделяют степень опасности для разных полов. По отношению к девочкам врачи удовлетворяются простым указанием на то, что мастурбация может привести к преждевременной дефлорации, что с моральной точки зрения рассматривается как «увядание». «Длительная привычка к одинокому наслаждению привела ее половые органы к увяданию», — так написано в протоколе медицинского освидетельствования на суде в Мезе в 1876 году. Речь шла о дочери газовщика из Линьи. У мальчиков, в глазах врачей, сама по себе склонность к мастурбации свидетельствует об отклонениях в развитии, чуть ли не о психическом расстройстве. На состоявшемся в Париже в 1876 году судебном процессе над педофилом эксперт заявил, что подсудимый, вероятно, дошел до такого преступления, потому что «склонность к половым извращениям появилась у него в возрасте четырнадцати-пятнадцати лет. Он активно занимался онанизмом до

Пава X Под викторианскими покрывалами (iv~шестнадцать лет». Судейские чиновники охотно принимают подобную аргументацию.

Если среди буржуазии мастурбация единодушно осуждалась, то среди простого народа все было не так однозначно. Подростки и молодые холостяки в ожидании брака могли предаваться этой привычке без особого осуждения. Требовалось лишь не выставлять свое занятие напоказ. Если дети прилюдно трогали свое тело, хотя бы просто чесались, родители ругали их. Эксгибиционизм еще не рассматривался как психическое расстройство, но те, кто занимался этим, вызывали недовольство коллектива, так как нарушали принятые нормы стыдливости. Ну а если муж мастурбировал на глазах супруги, она считала себя глубоко оскорбленной и как бы отброшенной за ненужностью⁴⁴.

Борьба с мастурбацией становится тем более ожесточенной, чем менее она эффективна. Девочки и мальчики из всех социальных слоев предаются этому занятию без какого-либо чувства вины и не стесняются отвечать перед судом на поставленные вопросы. В Аржантее в 1873 году судья предложил девочке десяти лет, дочери состоятельных земледельцев, рассказать «о своих привычках», Она ответила, что среди ее приятельниц многие занимаются тем же самым, а ее научил этому дядя. В 1891 году в Авиньоне на суде допрашивали крестьянку примерно того же возраста, каким образом она потеряла девственность. В ответ судья услышал: «Я сделала это сама, когда была маленькой. Я

часто засовывала себе в половые органы палец, а однажды попробовала морковку, но мне стало больно». Флобер рассказывает о коллективных играх в туалете в коллеже, где мальчики курили и «дрочили». Некоторые исследователи предполагают, что литература, обличающая подобные извращения, щ самом деле составляет особый жанр, цель которого — «сексуальная стимуляция читателя»⁴⁵. То есть это что-то вроде «книг, которые держат только в одной руке». Гипотеза выглядит натянутой, если говорить о намерениях авторов. Но если мы обратимся к свидетельствам читателей, то окажется, что со времен Старого порядка медицинские трактаты часто читались как раз для того, чтобы узнать о запрещенных сексуальных способах получить удовольствие. Для того чтобы помочь супружеской паре зачать ребенка, медицинские трактаты часто подробно перечисляют неблагоприятные позиции. Так, например, в «Главном сочинении Аристотеля» мужчине не советуют после соития слишком быстро отодвигаться, а женщине рекомендуется некоторое время не шевелиться и даже не чихать. Нетрудно догадаться, как использовать эти советы в целях контрацепции⁴⁶. Парадоксально, но медицинские трактаты — чуть ли не единственные разрешенные произведения, из которых можно узнать, что такое плотское наслаждение.

Борьба с мастурбацией вызвана страхом растраты спермы. В ней сказались и страх перед телом, и болезненный интерес ко всему, что находится под кожей. Многие увидели там испорченность и смерть. Сексуальность ассоциируется с нравственным и физическим упадком. На виньетке к изданию французского перевода произведения Фракасторо «Сифилис. Поэма в двух песнях» (перевод вышел в 1840 году, переводчик — Опост Бартеlemi) изображен молодой человек, сидящий на коленях у модно одетой красивой дамы. Она протягивает к нему одну руку, а другой снимает с себя маску женщины, за которой прячется ее подлинное лицо — лицо Смерти. В 1888 году

Глава У Под виктори

в Лондоне Джек-Потрошитель убивал уличных проституток, Полиция могла показать публике лишь рисунки жертв, настолько были обезображены сами лица. Иногда у трупов были выпотрошены кишки или отрезаны груди, причем так ловко, что возникло предположение, что неизвестный убийца не чужд медицине⁴⁷. Ж. Никогда еще тесная связь смерти и секса не проявлялась с такой силой, как при переходе из сферы греха в сферу болезненной буржуазной эротики. К 1900 году в понятии «любовная страсть» сплетаются разврат, наслаждение и смерть, и это происходит и в жизни, и в искусстве, и в порнографической литературе. Первая женщина-вамп, Мюзидора из фильма «Вампиры» (1915-1916) Луи Фейада, стала наследницей женщин-извращенков, которые одним мановением руки доводят мужчину до полного истощения. В фильме она буквально высасывала из них кровь. В порнографическом сочинении «Госпожа и раб» (1903) описывается, как уличная девка Анна убивает Жоржа, доводя его до семяизвержения «способами настолько разнообразными, что они повергают в замешательство». «Нитка жемчуга», подписанная именем Жорж Лесбос, представляет читателю некую графиню, которая довела до смерти одного «солидного клиента»: она «убила его энергию, высосала его мужскую силу до мозга костей»⁴⁸.

Терроризирующая медицинская мораль распространялась в первую очередь на подростков. (Существование такого периода жизни только недавно было «открыто» в больших городах.) Она переводила тревоги взрослых в необъятное море юношеских страхов. Это коснулось и юношей из средних классов, рамки поведения которых определялись многочисленными установлениями: школами, коллежами, университетами, интернатами. Но оп* ность «нравственного падения» никуда не исчезала, поскольку концентрация молодых людей в одном месте т) ила возможность распространения гомосексуализма ищ мастурбации. А мастурбация вызывает «великий ужас, господство которого длится с 1760-х по 1880-е годы и даже в наши дни не изжито до конца»⁴⁹. I В 1830 году в Париже вышла книга под названием «Книга без заглавия», где комментировалась следующая цитата из Тиссо: «Эта ужасная привычка довела до смерти

больше молодых людей, чем все болезни вместе взятые». На шестнадцати раскрашенных гравюрах воспроизводится последовательное действие недуга на тело подростка. На первой он изображен розовым и цветущим, с густой кудрявой шевелюрой. Подпись: «Он был молод, красив, и мать любовалась им». На второй гравюре: «Он познал порочную привычку [...] вскоре он ощутил груз своей ошибки. Он состарился раньше времени [...] его спина согнулась». На пятой гравюре он уже не может ходить, на шестой у него гниют и выпадают зубы. Затем он начинает харкать кровью, у него выпадают волосы, тело покрывается нарывами. Постоянный жар пожирает его, он мечется от боли, бредит. Наконец «в семнадцать лет он испустил дух в страшных мучениях»^{50*} С конца века в парижском кабинете доктора Бернара появился специальный зал, посвященный онанизму. Восковые фигуры изображали «молодого человека в агонии и исхудавшего до последней стадии из-за занятий мастурбацией», — другого молодого человека, «ставшего уродливым» по той же причине. Одна фигура изображала «красивую и здоровую девушку», другая — ее же «через шесть месяцев. Она стала уродливой, исхудала и обессилела из-за

приверженности к одинокому пороку. По счастью, она

Излечилась от него в браке». Террор в педагогических глянцах со всех сторон усиливается медиками. Руководства по гигиене, предназначенные для широкого использования, кишат устрашающими сведениями. В Англии в руководстве Сэмюэля Ламерта (переведено на французский язык в 1847 году) говорится, что мастурбация «является самым верным и самым коротким путем к смерти». Во Франции Огюст Дебу предупреждает читателей своей «Гигиены и психологии брака» о бедствиях, проистекающих от «пагубной привычки» к одиноким наслаждениям: «На жертв ее страшно взглянуть, они внушают отвращение и жалость». Книга имела большой успех, с 1848 по 1888 год она выдержала 172 издания общим тиражом более 200 тысяч экземпляров⁵¹.

Подданных королевы Виктории воспитатели также предупреждали о том, какие опасности таит в себе распространенная привычка. В 1858 году Фредерик Вильям Феррар, учитель в колледже Харроу, написал целый роман, посвященный истории молодого человека, красивого и сильного, но постепенно впавшего в грех. Роман назывался «Эрик, или Мало-помалу». Его герой постепенно переходит от незначительных проступков к более серьезным и в конце концов занимается «этим». Мастурбация ни разу не называется своим именем, однако ее ужасные последствия доводят героя до смерти, и он погибает, несмотря на раскаяние. К 1903 году — времени смерти автора — книга выдержала уже 37 изданий. Трудно сказать, причиной скольких страхов и наваждений у молодых людей и взрослых она явилась. В последние десятилетия XIX века в Англии стали говорить о «мастурбационном безумии». Психиатр Хевелок Эллис (1858-1939) утверждает даже, что слабоумие чаще всего происходит от «ущербности* ности мозга и нервной системы, поврежденной постоед.ными занятиями мастурбацией»⁵⁸. I

Но как искоренить скрытый порок? Медики соревнуются в изобретательности. В 1827 году в книге «Трактат о гигиене и воспитании юношества» доктор Симон описывает самый простой способ: руки пациента привязываются на ночь к прутьям кровати. В 1851 году Вильям Эктон придумывает «обычный и удобный способ, состоящий в перевязывании рук или в употреблении подобия смирительной рубашки». Используются и более изысканные приспособления, хотя единого мнения о том, как излечивать эту болезнь, нет. В медицинском словаре 1881 года перечисляются способы, направленные на то, чтобы перекрыть доступ к половым органам, как мужским, так и женским, чтобы «невозможно было их трогать руками; но выделения и менструации могли выходить беспрепятственно». Были изобретены разнообразные штаны, бандажи и пояса. В 1860 году «хирургический базар» в Париже представляет самый широкий спектр средств, позволяющих «воздвигнуть непреодолимый барьер для одиноких привычек, порицаемых религией и обществом». В Англии Дж. Лоу Мильтон в трактате «О сперматорее» (1872) предлагает использовать предупредительные средства, основанные как на том, чтобы

будить «больного» среди ночи сигналом тревоги, так и на том, чтобы при прикосновении к пенису он испытывал боли. Одно из изобретений больше похоже на инструмент пытки: на член надевается кольцо с четырьмя острыми шипами, и в случае эрекции они причиняют невероятную боль. Дом Матье в Париже перечисляет в каталоге 1904 года различные приспособления против онанизма, в том

I, Глава 5. Под викторианскими покрывалами (1800-1960) и металлические пояса для мальчиков и девочек, наминающие «пояс верности». Они «изготавливаются в форме герметически закрытых кальсон». К ним можно добавить разного рода ручные и ножные кандалы и самое

сканное изобретение — «рукавицы с теркой»^{5*}. Были чшие идеи! Некоторые хирурги предлагают делать 'аций мальчикам и девочкам. 13 января 1864 года, во время дебатов на заседании Парижского хирургического общества, Брока рассказал, что сделал операцию инфи-буляции девочке пяти лет, чтобы излечить ее «от вредной привычки». Он добавил, что до «своего дурного пристра-

гия девочка была очень умной». Устрашающие методы е давали должного эффекта. Девочка, очень худая и гибкая, «сумела просунуть палец ноги между металлической пластиной пояса и мягкими частями и так занималась мастурбацией». Брока признался, что коллега порекомендовал ему ампутировать клитор, однако он решил, что это могло бы «нанести непоправимый ущерб органам сладострастия, что чрезмерно для девочки, которую еще можно вылечить». И все же многие коллеги оспаривают эффективность способов Брока. Доктор Дегиз спрашивает, почему он не прибегнул к катетеризации. По словам Де-гиза, он удачно использовал этот метод по отношению к одному одержимому: «Целый год, несмотря на мольбы молодого человека, я периодически вставлял катетер в его мочеиспускательный канал, что вызывало болезненное раздражение и делало невозможным прикосновение к пенису. Теперь молодой человек стал молодым мужчиной и благодарит меня за мою непреклонность»^{5*}.

Спокойная уверенность в своей правоте отличает и тех и других. Брока в свою очередь возражает, что «ин-фибуляция — это временный выход, сохраняющий поло-

Часть третья. Циклы. Добродетель и порок (1700-1960)

вые органы для будущей жизни». Совесть врачей водящих мучительную операцию, абсолютно числа* считают, что лечат тяжелобольных. В Англии икф

ция применялась и по отношению к мальчикам. В ь году доктор Йелоулиз говорит об «угрызениях совесС, которые одолевают его пациентов во время этой ции. В 1892 году он уточнил, что использует нечто «рой английских булавок, которые вводятся под кожу тщ та. По его словам, клиторидэктомия больше не счиц, ся эффективной, в отличие от болезненной операц введения катетера⁵⁵.

Складывается ошеломляющая картина. Историк может не увидеть здесь настоящее помешательство вещь медицинского сообщества, основанное на более широки, страхе перед сексуальностью в целом. Мастурбация щ дозволенную возможность поговорить на запретную tq В Англии врачи, нарушающие закон молчания, — Джорш Драйдкл, Сэмюэль Ламерт, авторы журнала «Ланцет. -жалуются на профессиональную сдержанность в отношу нии этих проблем. То, что они занимаются ими, вызью ет у других подозрение, что они не в своем уме. Хевелок Эллис рассказывает, с какой враждебностью он столкнулся, когда пытался найти издателя для своей книги «Сексуальные отклонения» — первой части его огромного труда «Изыскания в области психологии секса». Книга все же вышла в 1897 году и на следующий год была осуждена за непристойность. Мысль, что только люди эксцентрические могут писать на столь шокирующие темы, 1 глубоко укоренилась в англосаксонском мире времен правления королевы Виктории⁵⁶. Нельзя сказать с уверенностью, что она исчезла в наши дни. Что касается сложных технических приспособлений, призванных излечить от одинокого греха, то они

Глава 5. Под викторианскими покрывалами (1800-1960}

применялись крайне редко. Быть может, причиной тому была их высокая цена. Изобретение доктора Мильтона- электрический сигнал тревоги, раздающийся во время эрекции, — стоит в 1887 году целое состояние: 5 фунтов стерлингов, или 2½ франков золотом. Эти приборы скорее принадлежат к разряду фантастических... Иногда на ум приходит вопрос: быть может, изобретатели испытывали сладостное наслаждение, карая других за грех, которому были подвержены сами? Не скрывается ли здесь стремление победить искушение, подавить собственные желания, приписывая их Другому, мальчику-подростку?. Гипотеза кажется тем более убедительной, что именно в это время Крафт-Эбинг пишет о прогрессирующем развитии садистских и мазохистских извращений. Пользователей антимастурбационных машин так же мало и они принадлежат к такому же узкому кругу любителей, как садисты и мазохисты. Однако остережемся заранее определять, насколько в подобном поведении проявляется ужас перед собственным телом, боязнь греха или страх подвергнуться физическому разрушению.

В 1880-е годы репрессивная волна начинает медленно спадать. Сэр Джеймс Педжет, врач королевы Виктории, говорит о том, что одинокое наслаждение отвратительно, нечисто, безнравственно, но не более опасно, чем обычные половые сношения, если ими не злоупотреблять. Однако для очень молодых людей, слишком часто мастурбирующих, это может оказаться опасным. Такой же точки зрения придерживаются Шарль Мориак и Жюль Кристиан. Изменение в концепции не опирается на какие-либо существенные открытия в этой области, однако последователи старой школы тоже перековывают мечи на орала. В 1895 году в новом издании книги «Пато-

296

297

логия умственного развития» Мосли отвергает то, что мастурбация приводит к слабоумию, хотя был стм, ником этой теории на протяжении предыдущей чегв! ти века. Теперь он говорит о том, что мастурбаидаямая, быть симптомом болезни. В 1899 году во втором тощ своей книги, предусмотрительно изданной в США, Хеве-лок Эллис пишет, что, по его мнению, самоудовлетворение — очень распространенное явление. I Однако о пагубности мастурбации все еще говорят в XX веке. Одержимость врачей принимает менее свирепые формы. Психоаналитики во главе с Фрейдом выяви ют комплекс кастрации, связанный с боязнью родительского неодобрения, которое видится в угрозе: «Я тебе его отрежу». Джулиан Грин говорит о том, какой ужас он испытывал, когда видел, что мать размахивает большим ножом. Многим детям по-прежнему говорят, что они вырастут дураками, идиосгами, глухими или совсем перестанут расти. К 1970 году европейские и американские опросы выявили, что в среднем 90% мальчиков и 25% девочек мастурбируют. От этого они испытывают чувство страха или вины, интенсивность которого зависит от давления местных культурных обычаев и от социальной принадлежности. В США это давление, видимо, сильнее, чем во Франции, так как там медицинские сочинения и словари с 1968 года проповедуют культ нормальности⁵⁷.

Быть может, очевидное изменение в антимастурбационных воззрениях медиков, заметное с 1880-х годов, соответствует некоторым переменам в позициях среднего класса: ему больше не надо подчеркивать таким образом свое отличие от других. Рабочее движение, активно разворачивающееся в последние десятилетия века, также проповедует необходимость порой жить нравственно и

IV глава 5. Под викторианскими покровами (1800-1960) кетично, чтобы лучше готовить революцию. Кроме го, развитие психоанализа меняет исходную установку, позволяя отныне искать во всем скрытые импульсы. Одновременно Фрейд говорит о тесной взаимосвязи Эроса и Танатоса, что существенным образом меняет сексуальный образный ряд его читателей. Перенос коллективных страхов на мастурбирующих уже не так необходим. Анализ глубин бессознательного ради самопознания и излечения собственных личных неврозов дает гораздо большие результаты. «Странная история доктора Джекила

и мистера Хайда» Стивенсона, вышедшая в 1886 году, в то же время, когда действовал Джек-Потрошитель, сумела передать безудержное вторжение сферы бессознательного в западную культуру. Однако тени прошлого не рассеялись окончательно. «Катехизис католической церкви» 1992 года квалифицирует мастурбацию как «весьма серьезный и безнравственный проступок»⁵.

Продажные удовольствия и падшие женщины

Проституция в викторианскую эпоху связана еще с одним глобальным страхом — боязнью заразиться сифилисом. Однако статус проституции в обществе весьма противоречив. Несмотря на многочисленные и мощные протесты против ее существования, многие признают, что она нужна обществу. К тому же образ чистой женщины, любящей матери и добродетельной жены, предполагает ее фригидность или, во всяком случае, низкую сексуальность. Оноре де Бальзак представляет такой тип женщины в своих «Записках двух молодоженов» (1841- 1842) и рядом с ним другой, более страстный тип женщины испытывающей любовь-страсть, но такие женщины Часть третья. Циклы. Добродетель и порок (1700-1960)

чаще встречаются в аристократических кругах. В «ФШИ, ологии брака» (1829) он упоминает о классическом пред. логе, который используют женщины, лишённые эротического желания, когда мужа пытаются предаться с ними любви: о мигрени. Большинство таких женщин подвержены истерическим припадкам. Еще до Шаркои Фрейда выходили сотни книг о женской истерике⁵⁵. В них выкристаллизовалось существовавшее противоречие, ибо множество женщин-буржуазок по плоти и крови не желали соответствовать стерильному типу женщины, который им стремились навязать. Их аномальность объяснялась неврозом, и такое объяснение усиливало разделение на чистых и нечистых женщин. Так, похотли: вый и развратный характер, некогда считавшийся характерной чертой всего женского пола, теперь приписан двум полярным исключениям из правил — проституткам и женщинам-истеричкам.

В XIX веке Париж и Лондон накрыты целыми волнами проституции. Английская столица в 1801 году насчитывала более 900 тысяч жителей, а к 1901 году это количество увеличилось до 4 миллионов 500 тысяч. При этом, по разным свидетельствам, в городе было 80-120 тысяч проституток. Полиция разделяла их на три группы; хорошо одетые пансионеры борделя, те, кто ходит на панель, и, наконец, профессионалки низшей категории, которых называли «молт» (motts). Этимология слова не вполне ясна.

Некоторые считают, что так на арго называется влагилице, другие — что оно происходит от слова «бабочка» (moth), что указывает одновременно и на яркость внешнего вида, и на краткость жизни. Доктор Тейт, один из экспертов в этой области, утверждал, что у таких проституток примерно через год начинается необратимый

Глава 5. Под викторианскими покровами (1800-1960)

физический упадок, а через три года ни одну из них нельзя узнать. И уровень смертности у них невероятно высок. Основные опасности, угрожающие их здоровью, — беременность и болезни. В Темзу сбрасываются тысячи трупов младенцев, некоторые проститутки решаются взять на себя заботу о судьбе ребенка и отдают его на воспитание в деревню.

Лишь самые красивые и самые умные, обладающие какими-то дополнительными талантами, например умением петь, могут добиться чуть лучшей участи и стать содержанками богатого господина. Такое случается гораздо реже, чем принято считать, и когорты отверженных предоставляют свои услуги всем желающим. По крайней мере, полиция не преследует их слишком интенсивно. «Бобби», появившиеся в Лондоне в 1829 году, относятся к проституткам снисходительно, хотя и не афишируют этого. В 1837 году задержаны лишь 3103 проститутки, в 1841 -,9409, причем половина задержанных принадлежала к «молт». Несмотря на настоятельные призывы активнее бороться с «великим общественным злом», такая сдержанная позиция полицейских не изменилась на протяжении всего правления королевы Виктории. Общественное мнение в целом не требовало ужесточения мер, так как считалось, что каждый сам может решать,

пользоваться ли ему продажной любовью. Только лиги нравственности и Гладстон пытались увести падших девушек с улицы и дать им возможность вернуться к нормальной жизни. Но результаты были обескураживающие. Все усилия Гладе гона привели к успеху лишь в каких-нибудь 10-12 случаях за три года⁶⁰. Причина провала крылась в том, что нельзя было искоренить проституцию, покуда она выполняла общественную роль первостепенной важности. Всеобщая снисходительность и со стороны населения, и со стороны властей объяснялась необходимостью сохранить проституцию как необходимой выход подавленной сексуальности; Весь предшествующий век в Лондоне, как и в Париже, существовали путеводители по этому смутному миру. «Карманная книга мужских удовольствий» — это одновременно порнографическое по стилю произведение и настоящий каталог товаров. Так, например, за гинею любитель может воспользоваться услугами мисс Мертон, чьи «двойные холмы» мягки и упруги. Описания физических данных подчеркивают в первую очередь рост, силу и энергию дам и обещают незабываемое наслаждение. Кроме того, делаются примечания по поводу груди, волос и ног — сами эти слова уже могут довести викторианского мужчину до крайней степени возбуждения. Воображение писателей, авторов таких путеводителей, иногда заводит их далеко, и они пишут о «мясном рынке на французский манер» или о «монастыре», где монашки умеют петь, играть на пианино, танцевать и играть в карты⁶¹. Работа Алена Корбена о «девушках на ночь» позволяет оценить глубину вопроса применительно к Франции. Александр-Жан-Батист Паран-Дюшатле задал тон подобным исследованиям, очень подробно изучив проституцию начала века. Он различает проститутку «в номерах», «по билету», «солдатских шлюх», «уличных» и «каменщиц, или женщин с пустыря», которых можно сопоставить с лондонскими «мотт». Все они «незнатного» социального происхождения, и всем пришлось пройти путь падения через бесчинства и разгул⁶². Так низко пасть могут лишь женщины определенного сорта, что подразумевает, что добродетельные буржуазные супруги — это особы совершенно иного рода. Проституция и необходи-

Лйва 5. Под викторианскими покрывалами (1800-1960)

ма, и опасна. Следует прятать ее от глаз почтенных людей и постоянно контролировать. Автор представляет себе надзор за проститутками следующим образом: в течение жизни они проходят по четырем закрытым помещениям: дом терпимости, больница, тюрьма и, предположительно, приют или исправительное заведение. С места на место проститутку перевозят в закрытой повозке⁶³. Таким образом она будет под присмотром и получит наказание, следуя тюремной идеологии века⁶⁴. Такая система стремится сконцентрировать порок в домах терпимости под присмотром властей. Позже речи о необходимости регламентировать проституцию будут окрашены в более тревожные тона. К 1871 году Максим дю Кан говорит о том, что социальное тело Второй Империи заражено своего рода плесенью, поднимающейся из подвалов. Он напоминает о том, что в Париже 12 тысяч проститутки г- целая армия, подобная той, что в это же время захватила Лондон. Наиболее пессимистичные эксперты боятся, что волна шлюх перельется за пределы выделенных для них кварталов и произойдет настоящее завоевание Парижа, как из-за обилия «неорганизованных» проститутки, так и потому, что «можно купить любую добродетель». Суровые блюстители нравственности Третьей Республики- используют подобные страхи для того, чтобы жестоко преследовать любые внебрачные связи. В 1872 году доктор Омо предлагает составить список всех девушек, живущих на содержании, так как считает их переодетыми профессионалками. Доктор Бертильон берется доказать, что начинать половую жизнь до 20 лет невероятно опасно для здоровья. Официальные документы свидетельствуют о том, что число «неорганизованных» девушек легкого поведения быстро растет, и к 1890-1900-м годам они занимают существенное место в мире продажной любви. Так становится очевиден крах системы регламентирования проституции⁶⁵.

Проститутки принадлежат к самым разным социальным слоям и приспособляются к потребностям самой разной публики. Дамы «полусвета», львицы и кокетки Второй Империи, «дворянки горизонтального положения», как назовут их позже, обычно живут в особняке или в квартире в одном из престижных кварталов Парижа. «Супницы» из ночных ресторанов, «женщины из кафе» более многочисленны; они дают представление о том, как эволюционировали нравственные принципы века. Столица и большие промышленные города изобилуют женщинами, живущими на содержании. Одних полностью обеспечивает богатый холостяк (иногда он обеспечивает и мужа своей любовницы), другим оплачивают квартиру или комнату, третьим покровитель дает возможность покупать дорогие наряды и развлекаться. Провинциальные буржуа, в частности, из Лиона, Лилля, Валансьена, предпочитают брать любовниц из среды молодых работниц мануфактуры. Иногда знатный мужчина и молодая необразованная работница живут вместе как настоящая супружеская чета, что приводит порой к недопониманию и фрустрации с обеих сторон⁶⁶. Классовая борьба обходит стороной такую пару, но накладывает свой отпечаток на их жизнь. Любовник считает свою партнершу инструментом для удовольствия, а для нее он чаще всего — первый мужчина, и она страдает от его пренебрежительного отношения и от того, что он купил ее. Поучительную историю такого рода предлагает анонимная автобиография некоего англичанина из хорошей семьи⁶⁷. Повествователь встретил в деревне Молли, и она стала его любовницей. «Вскоре Молли вернулась в Лондон. Я уехал в тот же день, но не с ней вместе, не в вагон третьего класса». Буржуазность обязывает! Он предлагает ей поселиться у него, она соглашается, и любовники начинают жить вместе. «Она пробыла со мной только пять дней. Я водил ее в театр и в другие места, но только когда стемнеет; я ее кормил и занимался с ней любовью до полного взаимного изнеможения. [...] Мне нравилось обучать ее сладострастным играм (такое удовольствие можно получить только с девственницей, а не с проституткой), но я ей не нравился. Она часто плакала. Обычно мне достаточно было слегка почесать ее клитор, как слезы проходили». В последний день «я спросил, не беременна ли она, и она призналась, что это так». Молли утверждает, что ребенок от него, но он склонен считать, что виноват некий Жиль. Он, видимо, лжет, так как сам как-то обмолвился, что имел счастье быть первым у Молли. Она находит себе работу, а через две недели исчезает. Он скучает по ней, начинает искать и пишет ей письмо. Она приходит к нему в бедной одежде, «чрезмерно накрашенная». Объяснение просто: «Молли стала проституткой». Теперь уже он пользуется ее познаниями в любви и признается, что никогда она не была столь сладострастной. Но Молли отказывается рассказать о том, как она живет. «Став проституткой, женщина начинает лгать», — утверждает он с некоторым цинизмом. Поначалу произошедшее несколько смутило его, но угрызения совести быстро прошли. «Я возвращался к своей тетушке немного огорченный, ибо сознавал, что именно я стал причиной того, что Молли сбилась с пути. Я тогда еще не знал, что жизнь проститутки гораздо лучше, чем жизнь супруги крестьянина». И ни слова о ребенке, которого она носит или от которого уже избавилась. «Беспокойство», но не больше, он ощутил после возвращения в Лондон, где «она не уходила от меня, но и не соглашалась ни на какие ласки». Молли плача сообщает, что у нее гонорея. За несколько недель она становится «развратной» по милости человека, лишившего ее девственности, потом проституткой. Два самых страшных бедствия не минуют ее: она беременеет и заболевает венерической болезнью: Сомнительно, чтобы такая участь действительно была лучше той, что ждала ее в деревне. Молодой буржуа, рассказывающий без особых угрызений совести эту историю, не лишен некоего смутного чувства вины. Однако оно не мешает ему наслаждаться эротическими умениями Молли, которые он описывает со всей тщательностью, а потом холодно переходит к другим приключениям. Во Франции проституция существенно меняет свое обличье в последнюю треть XIX века. Возникает новый спрос, связанный с изменениями в структуре общества. Речь теперь идет

не о потребностях пролетариев, приехавших из деревни в город, а о новых вкусах разбогатевших буржуа, число которых невероятно умножилось. Предложение приспособляется к спросу. Появляются женщины, не принадлежащие ни к куртизанкам высокого ранга, ни к пансионеркам борделя, ни к тайным проституткам. Они создают иллюзию, что их надо покорять, так как буржуа все чаще ищет некое подобие чувства и хочет, чтобы отношения немного выходили за пределы борделя. Самые состоятельные хотят роскоши и комфорта, чтобы связь походила на супружескую, но с эротическими удовольствиями. Этим можно объяснить, почему появляется все больше девушек, живущих на содержании, во всяком случае, таких, к которым ходят постоянно одни и те же любовники. Расцветают дома свиданий, предлагающие подобие адюльтера, иллюзию победы над женщиной, равной по положению, а то и более высокого класса⁶⁸. Одной из забот современников остается тесная связь между проституцией и угрозой сифилиса. Призрак венерических болезней пугает людей по обе стороны Ла-Манша. В Англии в начале правления королевы Виктории велась довольно подробная статистика заболеваний, а потом «великое социальное зло» скрылось за густою и завесой молчания. Однако фантастические представления о том, как можно заразиться, не исчезают и преследуют сознание вплоть до открытия сифилитической спирохеты в 1905 году, изобретения теста Вассермана в 1906 и появления эффективных методов лечения в 1909. Некий анонимный медик подсчитывает в «Медико-хирургическом журнале», что несколько сотен больных лондонских проституток могут за одну ночь заразить в десять раз больше клиентов, а те в свою очередь передадут заразу как продажным женщинам, так и супругам, и за год может образоваться 1652 500 носителей болезни. Эти цифры не следует принимать всерьез, но они свидетельствуют о глубоком беспокойстве, существующем в обществе, тем более что двойной мужской стандарт действительно приводит иногда к заражению по цепочке и даже поражает детей, рождающихся с наследственными болезнями⁶⁹.

Подобный гигиенический ужас охватывает и Францию. Он широко отразился в литературе и искусстве. Жорис Карл Гюисманс одержим образом «большого триппера», носителя смерти, который он уподобляет огромной вагине. В романе «Супружеская жизнь» он описывает возрастание женского желания по трем стадиям, похожим на три стадии развития сифилиса⁷⁰. Пьеса Эжена Брие «Потерпевшие крушение», написанная в 1901 году и представленная в театре «Антуан» в Париже в 1905, так же как и живописные работы Фелисьена Роба, отражают непреодолимый страх перед венерическими болезнями. Наивысшей точки страх достигает к 1900 году, так как оказывается, что сифилис — более тяжелая болезнь, чем считали раньше, что ею гораздо проще заразиться и она протекает гораздо мучительней. Медики утверждают (без достаточных оснований), что 7-8, а то и 42% детей заражаются от матерей и умирают. Эдмон Фурнье «доказывает», что болезнь может передаваться внукам, минуя детей; рекомендуемое лекарство — просто воздержание. «Следует добиться того, чтобы молодые люди вступали в брак девственниками», — заявляет доктор Кейра в 1902 году на заседании Профилактического общества. Здесь можно наблюдать все ту же «стратегию запугивания, направленную непосредственно на юношество», причем преувеличенный страх перед бедствием переосмысляет его как грех и дает возможность высокопарными словами ограничить доступ к плотскому наслаждению⁷¹. Распространение сифилофобии в конце XIX века приходит на смену мнимому страху перед мастурбацией, который с 1880-х годов несколько смягчился. Еще с XVIII века страх перед венерическими болезнями служил аргументом для сторонников ограничения эротического аппетита. Подобным образом еще раньше охота на ведьм привлекала внимание к опасности соития с дьяволом, иными словами, к опасности предаваться плотскому наслаждению в ущерб спасению души. В отличие от двух призрачных страхов прошлого, недавно появившийся страх перед СПИДом основан на жестокой реальности. Но, быть может, здесь появился в постмодернистской форме все тот же страх,

о за чрезмерное сексуальное наслаждение надо распла-ваться смертью? Разговоры о необходимости репрессивных мер против проституции не исчезли и в XX веке, хотя основные социальные страхи перекинулись на другие объекты. Так называемый закон Марты Ришар (1946) во Франции предписывает, не больше не меньше, закрытие домов терпимости, пребывавших в агонии с середины XIX века⁷². Законодательный поворот произошел в 1960 году, когда был отменен санитарный лист, где фигурировали имена 30 тысяч публичных девушек. Однако продажная любовь существует по молчаливому соглашению и рассматривается как социальное бедствие. Закон молчания и все еще сохранившийся двойной мужской стандарт говорят о том, что в области продажных удовольствий викторианские нравы живы до сих пор.

Часть третья. Циклы. Добродетель и порок (1700-1960) По ТУ СТОРОНУ ЗЕРКАЛА Изнанка викторианских декораций выглядит очень по-разному. Реальное поведение людей мало соответствует навязанным нравственным догмам, и свидетельством тому может служить необычная эротическая автобиография, озаглавленная «Моя тайная жизнь». Поток порнографии, поднимающийся на волне вкуса к эротическим грезам, представляет собой точный негатив запретов, К концу XIX века согласие между врачами и учеными понемногу разрушается, и наслаждение обретает право на существование, так как оно связано с инстинктивными побуждениями личности. Следует заметить, что на некоторые социальные группы репрессивные нравоучения никак не повлияли. Это крестьянские массы и городское простонародье, для которых мастурбация и проституция — повседневные элементы жизни. Если они и приспособили к своим нуждам некоторые концепции благонамеренных слоев общества, то в области сексуальности их поведение осталось простым и непосредственным. Девушки из народа пользуются большей свободой, чем знатные дамы, они любят физические удовольствия и предаются им, несмотря на все опасности. Они охотно и легко доходят до оргазма, если верить автору «Моей тайной жизни», утверждающему, что сходился с сотнями таких девушек.

Уолтер-викторианец

Некий безымянный викторианец берется за перо, чтобы познать самого себя. Он сожалеет, что не имеет возможности сравнить свои поступки с поступками дру* с мужчин и узнать, так же они ведут себя с женщина-, как он сам, или нет. Он надеется, что его опыт, изложенный на бумаге, — послужит материалом для сравнения другим мужчинам... «Моя тайная жизнь» была издана в Амстердаме около 1890 года и состояла из 11 томов. Американское издание 1966 года насчитывает более двух тысяч страниц⁷³. Произведение основано на личном дневнике, который автор начал вести очень давно, а в 25 лет решил превратить его в мемуары о «своей внутренней тайной жизни»⁷⁴. Он называет себя просто Уолтер, без каких-либо дополнений. Уолтер родился в добропорядочной английской семье, дата рождения не указывается. Жизнь его протекает в правление королевы Виктории. Он вскользь упоминает о том, что некоторое время работал в военном министерстве, но не дает возможности соотнести персонажей книги с кем-либо из конкретных лиц. Он рассказывает о своих сексуальных приключениях с 1200 женщинами из всех стран, кроме Лапландии (об этом он сожалеет). В книге детально описаны его собственные ощущения и ощущения его партнерш, а также приводится много высказываний и соображений по самым разным предметам. Уолтер демонстрирует прекрасные практические познания в области человеческого тела, как своего, так и своих возлюбленных, что не мешает ему верить в культурные мифы эпохи. Так, например, он сознается, что подростком часто мастурбировал, и боится, что это приведет его к безумию или импотенции, что еще хуже. Он также рассказывает, какое наслаждение получает, пребывая в сладком изнеможении после любовной битвы, но жалуется, что после ночных поллюций или одиночных ласк им овладевает чувство вины, усталость и депрессия. Медицинские и социальные табу глубоко укоренились в его сознании, однако он постоянно нарушает их. Подобно авторам «Школы девушек» 1655 года и медикам того времени, он считает, что в момент оргазма женщины извергают семя. Он постоянно

описывает свои ощущения во время «семянного разряда» и ощущения, о которых ему рассказывают его любовницы. Как видно, собственный опыт не помогает переступить через господствующие культурные представления. Уолтер демонстрирует невежество, типичное для викторианской эпохи, когда над всем, что касалось физической любви, тяготел закон молчания, а правила приличия запрещали упоминать в разговоре о телесных проявлениях⁷⁵. Однако часто он делает очень верные наблюдения и способен признаться в том, что вредит его мужественному образу. В детстве друзья дразнили его тем, что у него слишком короткий пенис, и до сих пор он переживает из-за этого. Он спрашивает всех проституток, велик ли его член, а когда они убеждают его, что все в порядке, не верит им и считает, что они говорят так из вежливости. Он часто сомневается, наступит ли у него эрекция, рассказывает о случаях неудач и боится венерических болезней. Короче говоря, признаваясь в собственных слабостях, он выступает против официальной концепции триумфальной мужественности⁷⁶.

Он занят в первую очередь собственными ощущениями, но в то же время ему интересно, что испытывают женщины. Впрочем, для него они — только объект наслаждения, и он не колеблясь пользуется услугами многочисленных профессионалок. В этом он вполне мужчина своего времени. Если по какому-нибудь поводу он испытывает сожаление, оно быстро проходит: долгие угрызения совести ему чужды. Он не испытывает их даже тогда, когда увозит молодую сельскую девушку в город и очень быстро доводит ее до падения⁷⁷. Он женится и ведет себя после брака по законам двойного стандарта, причем признается, что ненавидит свою жену. Брак нужен ему, чтобы приобрести в обществе статус добропорядочного человека.

Представления Уолтера о женской сексуальности идут вразрез с официальным мнением о том, что большинство женщин фригидны или не испытывают слишком сильного желания. Ни одна из любовниц Уолтера не отвечает этому образцу. Большинство из них, независимо от социального слоя или страны, к которым они принадлежат, быстро доходят до оргазма и испытывают его несколько раз. Гораздо реже случается, что они не достигают оргазма вместе с ним⁷⁸. Изображение своего рода равенства в желании и наслаждении у мужчин и женщин, в том числе продажных, заставляет иначе взглянуть на реалии викторианской эпохи. Благородные дамы, которых соблазняет Уолтер, ведут себя против всех правил благопристойности и кричат во время сношения: «Пронзи меня!»⁷⁹ Под покровом предрассудков расцветает вкус к удовольствиям и стремление получить сладострастное удовлетворение, причем у обоих полов. Видимо, концепцию душевного оледенения, свойственного викторианцам, надо пересмотреть. Невозмутимость была лишь слоем пудры, прикрывающим невероятный плотский аппетит, который в Лондоне можно было легко насытить. Уолтер стремится познать как можно больше дам из хорошего общества, но не отказывается и от приключений с девушками из низших классов, как деревенскими, так и городскими, со служанками и проститутками — этих часть третья. Циклы. Добродетель и порок (1700-1960)

у него больше всего. В его повествовании очень часто подчеркивается роль денег во взаимоотношениях между обеспеченными и неимущими.

Уолтер — жуир, наследник либертенов, он отведал эротические удовольствия всех сортов и охотно расширяет поле своих фантазий сведениями, взятыми из порнографической литературы. Он с удовольствием разгадывает половые органы своих любовниц, чтобы «сравнить их с другими и отметить отличия». Он интересуется их эротическими пристрастиями, привычками и ощущениями. Иногда он подглядывает за ними и мастурбирует, глядя, как они мочатся или испражняются. Иногда он бывает очень груб и испытывает почти садистское удовольствие, лишая невинности девочек, которых ему приводят посредницы. Однажды он был с некоей случайной любовницей, и ему не сразу удалось добиться эрекции. Когда же он все-таки дошел до семяизвержения, то ликующе воскликнул: «Я мужчина, видишь!» Он прекрасно знает, что его мужская привилегия — «иметь», как он сам об этом говорит. Но при этом он не избегал взаимных прикосновений

с мальчиками, когда был подростком. Первый опыт с проститутками был у него, когда развратный кузен Фред привел двух девушек — для себя и для него. Уолтер разволновался и никак не мог овладеть одной из них. Но, глядя на то, как действует пенис Фреда, он, наэлектризованный, возбуждился сам, и два мальчика дошли до оргазма одновременно, то глядя, как каждый из них совокупляется с проституткой, то трогая члены друг друга. Много лет спустя Уолтер решает еще раз сойтись с мужчиной, чтобы увенчать гомосексуальным опытом свои эротические похождения. «Это был самый рискованный шаг в моей тайной жизни, ненормальное желание было постыдным и огорчало меня [...] хотя я считал, что нет, не было и не будет ничего постыдного в моих действиях, потому что все правильно и естественно, когда речь идет о желании». Он успокаивает себя, утверждая, что для мужчины трогать чужой пенис, а для женщины — чужой передок так же естественно, как пожать друг другу руку. Но после акта он чувствует отвращение к самому себе, причем это происходит, как он считает, «от старых привычек и предрассудков». Он совокупляется с красивой благородной девушкой и одновременно занимается оральным сексом с ремесленником по имени Джек (который при этом уважительно называет его «сэр»). Он уточняет, что делает все точно так же, как однажды делала с ним проститутка, прежде чем он проник в нее сзади⁰.

Уолтер одержим идеей понять, что ощущает женщина в процессе и после полового акта. Заметив красивую прохожую, он возжелал овладеть ею, чтобы она стала «частью его тела»⁸¹. Постоянное любопытство по отношению к другому полу толкает его на самые разнообразные эксперименты. Часто он вполне уверен в своем мужском достоинстве, но нередко беспокоится по этому поводу. Его беспокойство порой перерастает в фантазии, где он представляет себя женщиной, в частности, в гомосексуальном влечении. Все это плохо согласуется с викторианскими моральными догмами, но соответствует порнографическим фантазиям эпохи, где основной акцент делается на разнообразных любовных играх и на преодолении всех запретов. Однако Уолтер, нарушая запреты, постоянно чувствует некоторую неловкость, которая мешает ему дойти до конца. В социальном отношении он — нормальный человек с хорошим положением в обществе и может играть доминирующую роль в чувственных удовольствиях. Деньги позволяют ему беспрепятственно предаваться радостям и использовать для своих сексуальных развлечений пролетариев, как женщин, так и мух-чин, подобных ремесленнику Джеку. Его очень удивляет, что Джек после этого ведет себя с ним фамильярно; «Он утратил скромность, а с ней — часть уважения ко мне. Вместо того чтобы просто ответить на мой вопрос и сказать при этом "сэр", он сам стал задавать мне вопросы», Он сравнивает поведение Джека с поведением женщины, которая после полового акта ведет себя с партнером иначе, чем раньше⁸².

В отличие от ходульных героев порнографических сочинений, Уолтер не пытается скрыть те сомнения, что волнуют его; он полон самолюбования и навязчивых идей, он утомляет читателя, постоянно повторяя ОДНОЙ то же. Но он отдает себе в этом отчет и, решив в зрелом возрасте издать свои мемуары, думает, не сократить ли их. Эти размышления помещены в седьмом томе, и он уверяет, что уже отбросил несколько страниц, но больше ничего удалять не будет, так как составляет мемуары «для тайного удовольствия», а оно не ослабевает, даже если он тысячу раз говорит одно и то же. Более того, «партнерша моего наслаждения всегда была нова для меня, а я — для нее». Он ищет тонких оттенков наслаждения. Разумеется, все кончается одним и тем же — совокуплением, но «есть тонкие отличия даже в е...ле, они составляют прелесть и новизну каждый раз, и описывать их для меня так же захватывающе и ново, как нова бывает сама очарова-тельница». Терзаясь угрызениями совести и испытывая смешанное чувство стыда и убеждения, что все, что он делает, хорошо, он решает оставить несколько страниц, подобных порнографическим картинкам или порнографическим книжкам. «Надо это оставить, это написано мной самими для меня самого, никто, кроме меня самого, этого, наверное, не увидит, так что же мне стыдиться самого себя — оставлю!»⁸³

Викторианец Уолтер рассуждает как предшественник современного нарциссизма. Он становится промежуточным звеном между либертенами XVII века и адептами сексуальной свободы. Разумеется, следует учесть разницу в масштабах личности, выразившуюся, в частности, в его постоянном разрыве между собственным «я» и условностями эпохи, глубоко проникшими в его сознание. Им постоянно владеет тревога и страх, и отрешиться от них он может лишь ценой страданий и сомнений. Он постоянно мечется между той ролью, которую должен играть в обществе, и непреодолимым стремлением испытать как можно больше удовольствий. Именно поэтому его свидетельство так ценно. Эта книга обнажает сразу и лицо, и изнанку внешних установлений и мощных запретов эпохи. Человек живет двойной жизнью, но ему удается избежать нервного расстройства, так как он может испытать все что хочет, а потом вырвать тысячи страниц из дневника. Как он сам говорит вполне открыто, удовольствие доставляет не только описание, но и перечитывание описаний своих подвигов. Еще одно существенное противоречие; он не рискует открыто предстать перед судом публики, но хочет быть напечатанным. В 1882 году, если верить первому каталогу продаж, где в 1902 году появляется название этой книги, «старый богатый англичанин» заплатил целое состояние амстердамскому издателю. Чудак потребовал, чтобы 11 томов были отпечатаны только в шести копиях, так как произведение предназначено для его личного пользования, «а не для публикации»⁸⁴.

Не будем воспринимать эти слова буквально, Подайные сведения часто приводились для того, чтобы продать редкую книгу по баснословной цене. Но тираж, скорее всего, действительно был ограниченный. В конце книги приводится очень подробное оглавление, которое наводит на мысль, что пожилой автор думает о том, как бы ему легче найти описание того или иного своего похождения в 4200 страницах оригинального издания (недатировано, ок. 1890). Нельзя слепо верить и тому, что он затеял подобный труд исключительно для собственного удовольствия. Очевидная мотивировка состоит в том, что ему захотелось лучше оценить самого себя, так как закон умолчания не позволял мужчинам викторианских времен сравнивать свои сексуальные способности со способностями других. Однако временами он поясняет самому себе некоторые вещи, добавляя замечания к записям, сделанным ранее⁸⁵. Кроме того, утверждая обратное, подсознательно он хочет сделать свою эротическую жизнь достоянием современников. Быть может, его даже возбуждала мысль, что чужой взгляд доберется до этих страниц? В своей повседневной жизни он был уважаемым и почтенным джентльменом, образованным, женатым, много пу тешествовавшим, сотрудником военного министерства. Не случайно он так стремился замести следы, чтобы не навлечь подозрений ни на себя, ни на кузена Фреда, ни на почтенных людей, упомянутых в мемуарах. «Моя тайная жизнь» представляла собой захватывающее путешествие в Зазеркалье, разумеется, более скабрзное, чем путешествие маленькой Алисы. Это путешествие предпринималось систематически, и, описывая его, Уолтер сумел избежать нервных расстройств Джека-Потрошителя и доктора Джекила из повести Стивенсона. Быть может, он был бы прекрасным объектом изучения для Фрейда. В это время психоанализ только делал первые шаги в Западной Европе, к нему обращались немногие. Вероятно, немало людей, испытывавших тиски викторианского морального кодекса, прибегали к такому же способу компенсировать свою фрустрацию, как и Уолтер.

Сексуальный ад: процветание порнографии

В век индустриализации порнография обуржуазивается. К середине XIX века ее былая связь с оппозиционными идеями и свободомыслием XVII века постепенно затухает. В то же время она все искуснее приспособливается к коммерческому рынку. Жанр расцветает пышным цветом⁸⁶. В Англии он становится своего рода зеркалом викторианских страхов и тревог, чем-то вроде сладострастной утопии, «порнотопии», где в эротических — «сказках» для взрослых нашли воплощение высоко ценимые нарушения всевозможных сексуальных табу эпохи. Границы порнографии размыты, в нее входят и пошловатые

писания с захватывающими названиями* как, например, «Взгляд за кулисы», и. путеводители по ночной жизни города: «Лондон ночью», «Веселая жизнь в Лондоне». Даже произведения* бичующие такие пороки, как мастурбация, читаются с целью, прямо противоположной той, что преследовали их создатели: из них извлекаются сведения о запретных сексуальных привычках и приемах⁸⁷. Потребителей собственно эротических сочинений немного. Такие сочинения издаются небольшими тиражами в сто или несколько сотен экземпляров, в роскошном переплете, с иллюстрациями. Стоят они дорого. Первую библиографию порнографических книг на английском языке, «Указатель запрещенных книг», начал публиковать с 1877 года Генри Спенсер Эшби, благоразумно взявший псевдоним «Писанус Фракси». Библиография была отпечатана всего в 250 экземплярах и в какой типографии - неизвестно. В 1879 и 1885 годах она была дополнена еще двумя томами. Магазинов, где продается порнографическая продукция, немного: «Будуар», существовавший с 1860 года, «Пирл» (1879-1880), «Криморн» (в каталоге указано, что он существует с 1851 года, на самом деле - с 1882). Магазины эти дорогие и предназначены для узкого круга элиты: не будем забывать о всеобщем осуждении и умалчивании всего, что связано с сексом⁸⁸. Мир порнографии — это вымышленный мир абсолютной эротики, который сулит мужчине безостановочную череду удовольствий. Во второй половине XIX века порнография приобрела небывалый размах и стала в Европе отраслью промышленности. Та сексуальная субкультура, которую она несет с собой, предлагает четкий негатив официальных нравственных установлений. Она противостоит борьбе с мастурбацией, описывает бесконечные оргии, в то время как медицина постоянно твердит об опасности чрезмерной сексуальности и даже утверждает, что женщины способны дойти до оргазма, хотя уважающей себя даме положено быть фригидной или хотя бы не проявлять особого интереса к плотским утехам⁸⁹. Благонамеренные люди встревожены и опасаются, что порнография может оказать пагубное влияние на умы. Они пытаются распространить на подобную продукцию закон умолчания, то запрещая ее, то помещая в злачную «преисподнюю». Таким словом поначалу обозначалось в библиотеке Ватикана хранилище запрещенных книг, предназначенных к сожжению. Небольшое собрание легкомысленных книг и картинок, хранящихся в парижской Национальной библиотеке, тоже получило это название. Ейом Аполлинер утверждал, что идея создать подобную коллекцию принадлежала Бонапарту. Некоторые специалисты относят ее создание к последним десятилетиям Второй Империи, другие — к временам Июльской монархии. Так или иначе, именно позитивистский XIX век создал ад, но ад литературный. В Британской библиотеке аналогичное хранилище называется «Особый ящик», но в обиходе используется то же название — «преисподняя». В 1861 году вышла «Библиография произведений о любви» Жюлья 1ея, с 1877 года в Англии выходит «Index librorum prohibitorum», то есть «Указатель запрещенных книг» Писануса Фракси (псевдоним Эшби). Название иронически соотносено с тем, которое давала запрещенным книгам римская цензура. После выхода этих библиографий любители смогли узнать о существовании полузабытых произведений; -купить которые было достаточно трудно. Кроме легально опубликованных произведений в парижских закромах хранились также книги, изданные за границей и изъятые судом или на таможне⁹⁰. Авторы порнографических произведений — почти исключительно мужчины, но они много говорят о наслаждении, которое получают в сексе женщины; точно также обстояло дело во время «порнографического переворота» XVII века⁹¹. И те и другие стремятся нарушить существующие запреты, и преемственность здесь очевидна, особенно в некоторых сюжетах, как, например, превращение монастыря в бордель⁹². Его популярность в конце XIX века объясняется, возможно, поднимающейся волной антиклерикализма. Однако эротические монашки уже не раз будоражили воображение европейского читателя и мягко щекотали самолюбие антикатолических а*, гличан при Старом порядке. Подобным образом можно соотнести со «Школой девушек» (1655)

замечательное произведение XIX века «Роман о Виолетте», приписываемое Теофилю Готье. Героине романа пятнадцать лет-столько же, сколько Фаншоне, и ее, как и ее предшественницу, посвящает в тайны «всех сладострастных измышлений» ее любовник. Новизна заключается в том, что произведение опирается на совсем другую, чем «Школа девушек», нравственную систему. Хотя поклонник и уговаривает героиню отказаться от правил, установленных мужчинами и «предписывающих девушкам хранить невинность, а женам — блюсти верность», для него она все же сексуальный объект, как любая женщина для Уолтера-викторианца. К тому же путь познания сладострастных удовольствий для Виолетты завершается смертью⁹⁵. Нравственные нормы времени проскальзывают и в скабрёзные произведения эпохи, и читателю предлагается неизменно поучительный финал, что в какой-то степени снимает с автора упрек в желании просто смаковать подробности. В прошлые века такой необходимости не было. Тема женской чистоты появляется около 1900 года в произведении плодовитого Ленимуа (он подписывается разнообразными псевдонимами: Факвел, Тап-Тап, Лена де Борегар) «Союз полудевственниц»⁹⁴. Некий аббат Тис, получивший назначение в женский монастырь, создает там своеобразное общество, позволяющее девушкам вкушать плотских удовольствий без боязни забеременеть. Маленькие «порочницы» имеют право экспериментировать как им угодно со своими кавалерами, но без завершающего «грубого жеста», то есть кавалеры должны довольствоваться ласками. Господствующая мораль сохраняется

в основном пункте, хотя по всем остальным весело опрокидывается. Автор-мужчина последовательно защищает право женщин на удовольствие, как это сложилось в традиции подобных произведений с XVII века. Он не подозревает, что возрождает традицию взаимных прикосновений, составляющих основное содержание сексуальных игр молодежи до свадьбы при Старом порядке.

Что же касается «ненормального» поведения, то оно становится предметом изображения лишь к концу XIX века. В это время викторианские плотины дают течь, мастурбация перестает быть идеей фикс медиков, а о гомосексуализме и «извращениях» начинают говорить чуть более открыто. Одиночные попытки сдерживать поднимающуюся волну не дают результатов. Законодательная строгость соответствует мере восприятия опасности. Законы на какое-то время удерживают поток относительной либерализации нравов, но не могут изменить его направление. Французские блюстители нравственности 1880-1914 годов — это по большей части викторианцы, ностальгически вздыхающие о былых временах. Они пытаются вести уже проигранную битву. Среди законов 1881, 1882, 1898 годов, ограничивающих свободу прессы, последний устанавливает связь между «непристойностью» и мальтузианством — и то и другое рассматривается как признак морального упадка. Страх перед всеобщим падением нравов начинается еще в 1804 году, когда был принят закон о разводе, утверждающий важность личной свободы и право каждого на счастье. Порнография, на свой манер, поддерживает интерес к животрепещущим вопросам, так как в порнографических произведениях постоянно появляются развратные женщины, имеющие любовников и сгорающие от желания. От внимания порнографической литературы не ускользают самые худшие пороки: она говорит о «Третьем поле», «Извращенна, или «Разнузданных любовниках»⁹⁵. Цензоры чувствуют серьезную опасность и прибегают к серьезным репрессиям. Гривуазные журналы, такие как «Будуар», «Боккаччо», «Жиль Блаз», к концу 1880 года становятся основной мишенью. С 1910 года удар переносится на книгу, до 1914 года возбуждается 175 судебных процессов, что в 12 раз больше, чем за предыдущие 30 лет. Законы Жюда Ферри провозглашают, что государственное образование должно быть обязательным и светским, утверждают республиканские принципы образования, основанные на терпимости и свободе. В то же время торжествует мощная литературная цензура. Официально она говорит о необходимости защищать неокрепшее сознание бедняков, молодежи и женщин от аморального и порнографического разгула⁹⁶, однако истинные ее цели гораздо

масштабнее. Речь идет о том, чтобы помешать переосмыслению господствующей системы ценностей и остановить тех, кто больше не верит или никогда не верил в правила умолчания, нерасторжимость брака, необходимость двойного мужского стандарта и в то, что у женщин ослаблено эротическое влечение, а все супруги исключительно добродетельны.

«Нарушения» становятся обыденным явлением

Инцест и педофилия вызывают в наши дни всеобщее осуждение. Однако в XIX веке это было не так. Детская проституция заставляла содрогаться моралистов, но она была очень распространена, о ней говорили со смехом, даю совершенно невозможно себе представить в наши дни. Оскар Уайльд однажды так сострил по поводу некоего издателя эротических книг: «Он любит только первые издания, особенно в женщинах; его страсть — маленькие девочки»⁹⁷. Социальные контрасты тоже проявляются в этих пороках, и простонародье идет дальше, чем люди обеспеченные. Соседка одного галантерейщика из Сент-Эньяна сказала ему: «Если то, что говорит ваша дочь, правда, гильотина — слишком мягкое наказание для вас»⁹⁸.

Многие другие нарушения общепринятых норм, которые в начале викторианской эпохи казались признаком крайней испорченности, постепенно перестают восприниматься слишком серьезно. Эталоном остается соитие двух взрослых людей противоположного пола. «Бесстыдство» или «противоестественная страсть» осуждаются. Благонамеренные англичане считают, что заниматься любовью чаще чем два раза в неделю могут только распущенные люди, подобные животным. Моралистов преследует страх разбудить животное, которое дремлет в глубине человеческого существа. Во Франции XIX века минет не слишком распространен, им занимаются только профессионалки, но в XX веке «оральные способы получения удовольствия, не связанные с продолжением потомства», становятся почти общепринятыми. Оральный секс перестает быть наслаждением незаконного сожительства, к нему прибегают супружеские пары из народа, а в период между войнами он очень распространен между женихами и невестами до брака.

Целомудренный Альбион изгоняет подобные сюжеты из большой литературы, но они уходят в порнографию. Фелляция и куннилингус признаны «отвратительными», но клиенты домов терпимости часто хотят этого, и специальные путеводители оговаривают, где предоставляются подобные услуги. По обе стороны Ла-Манша медики все еще считают онанизм и «инверсивную позу»: извращениями и «чудовищными поступками», но в народе гораздо сильнее, чем мастурбация, порицается педофилия и скотоложество⁹⁹.

В 1869 году венгерский врач Бенкерт впервые употребил слово «гомосексуальный»¹⁰⁰. Научный интерес к «третьему полу» возрастал и чем-то напоминал то двойственное отношение к явлению, что существовало в Лондоне и Париже в начале XVIII века. Во Франции Амбруаз Тардье разрывает завесу молчания в 1857 году, и медицинское сообщество невероятно увлечено этим сюжетом долгое время, от Второй Империи до Первой мировой войны¹⁰¹. С 1898 по 1908 год в Европе выходит более тысячи сочинений о гомосексуальных отношениях¹⁰². После того как явление выходит из сферы умолчания, в обществе постепенно формируется большая терпимость по отношению к нему. В Англии «педикация», или анальное проникновение, до 1828 года каралось смертью, но при условии, что свидетель «самолично видел» деяние; взаимная мастурбация и фелляция рассматривались как поступки менее серьезные. Суды не торопились применять высшую меру наказания, но страх перед ним иногда толкал молодых людей на самоубийство. Хевелок Эл-лис, написавший в сотрудничестве с Дж. Эддингтоном Симондсом книгу «Сексуальные отклонения», будучи сам гомосексуалистом, утверждает, что к концу XIX века среди мужчин было от 2 до 5% приверженцев однополый любви, что не слишком расходится с данными доклада Кинси о 6% в 1948 году¹⁰³. Ричард фон Крафт-Эбинг считал, что запреты и чувство опасности развивали у людей такой ориентации расстройства нервной системы, что

порой толкало их на неоправданную жестокость и насите. В Лондоне свои услуги предоставляли мужчины-проститутки. Их называли «марджери», или «пуф»; в начале и середине правления королевы Виктории они, как правило, прогуливались по Флит-стрит в Холборне и по Стрэнду и, завидев потенциального клиента, подзывали его соответствующими знаками и жестами. При этом сами они часто были гетеросексуальны. Для того чтобы победить всеобщую враждебность, гомосексуалисты начинают выпускать множество книг, где рассказывают о своем положении в обществе. Они пытаются придать респектабельность своей особе, употребляя новые термины, такие как «сексуальная инверсия», «третий пол» или «уранизм». Последний из упомянутых терминов придумал в 1860-е годы Карл Генрих Ульрих, желая обозначить им «женскую душу в мужском теле», — эта тема завладела художественной литературой эпохи¹⁰⁴. Однополая любовь процветала в университетах и «общественных школах», где порой учителя и воспитатели поощряли ее. Студенты и профессора Оксфорда и Кембриджа жили в изоляции от остального населения, в сугубо мужском и юношеском коллективе. Они читали греческих авторов, в частности Платона, воспевавшего любовь мужчины к мужчине или к мальчику, и это снимало с них чувство вины за собственные пристрастия. Во второй половине правления Виктории состоялось несколько громких процессов, широко освещенных в прессе. Речь идет о трансвестизме Бултона и Парка (процесс 1870 года), о скандале на Кливленд-стрит (1889)¹⁰⁵ и о трех процессах по делу Оскара Уайльда, бывшего студента Оксфорда (1895). Все эти процессы свидетельствовали о том, что в глазах общества гомосексуализм вызывает порицание и дурно пахнет.

Лесбиянки не сталкивались со столь сильной враждебностью окружающих, как гомосексуалисты-мужчины, тем не менее в начале XIX века Паран-Дюшатле пишет, что «трибады достигли самой последней глубины падения, какой только может достичь человек», а в 1824 год) содержательницам публичных домов было официально предписано «не допускать, чтобы девушки ложились я постель друг к другу». Однако строгости тут же смягчились. Большие писатели, такие как Бальзак, Мюссе, Бодлер, Пьер Луис, Золя, много пишут о лесбиянках. Врачей это явление не слишком увлекает, их интересуют только случаи ненормально увеличенного клитора, который порождал всякие фантастические представления у медиков XVI-XVII веков. Мужчины занимают по отношению к женской однополой любви или позицию подглядывающего, или позицию оскорбленного самца. Первых возбуждает образ переплетенных женских тел. Вторым кажется, что само их мужское достоинство и способность доставлять женщине удовольствие поставлены под сомнение. «Женщина, способная удовлетворить сама себя без мужчины, скоро сможет вообще обходиться без мужской любви», — утверждает доктор Шевалье. В подпольной литературе такой женщиной предстает «Графиня Гамиани». С 1833 по 1930 год это произведение выдержало 44 издания. Героиня была ложно отождествлена в одном памфлете с Жорж Санд, «полковницей трибад». От издания к изданию образ обогащался, и к началу XX века те роиня превратилась в ненасытное животное. Рассказывалось, что смертельная ненависть к мужчинам возникла у нее после того, как ее избили и изнасиловали монахи. О существовании подобных женщин, но не в таких ярких красках, рассказывает и Крафт-Эбинг, а 14 дел, найденных в судебных архивах, также касаются сексуальной эмансипации осужденных. 13 изааих возбуждены после 1910 года, осужденные — обычно девушки из городской среды: содержанки, официантки недорогих заведений, проститутки¹⁰⁶

/ Другим признаком того, что «извращения» стали восприниматься как более обыденное явление, стала работа Крафт-Эбинга, знаменитого автора «Сексуальной психопатии» (1886). В 1890 году он описал модель поведения садистов и мазохистов, причем предлагал видеть в садизме лишь доведенную до предела нормальную модель мужского поведения, в то время как мазохизм, клинически встречающийся чаще, чем садизм, представляет собой аналогичный вариант доведенной до предела женской модели поведения. В 1892

году Крафт-Эбинг публикует исследование о сексуальной зависимости, где выделяет случай крайней формы нормального мужского поведения в том, что ранее считал патологией. С его точки зрения, проблема тесно связана с определенными явлениями в культуре, в частности в литературе. Он упоминает таких авторов, как Захер-Мазох, по имени которого и был назван термин, и его жену, а также Ришепена с его «Смолой» и Иоханнеса Ведде, лирические произведения которого были опубликованы посмертно в 1894 году¹⁰⁷. Некоторые пациенты рассказывали ему, что проститутки часто используют различные способы доставлять боль клиентам по их желанию и что в борделях есть соответствующие приспособления, например кнуты.

В Европе удовлетворение поркой называется «английским пороком». В «общественных школах» порка — обычное наказание. Так обстоит дело, например, в Итоне. По мнению психолога Е. Вульфена, боль при порке может доставить определенное сексуальное удовольствие. В 1918 году он пишет, что после первоначальной боли «по телу разливается тепло, охватывающее заднюю часть как мягкое и нежное одеяло. Это приятное ощущение легко может перенестись и на сексуальные органы», Некоторые мальчики сами удивляются своим ощущениям после порки и стремятся еще раз подвергнуться наказанию, что может слишком возбудить их либидо. Ученое разъяснение, без сомнения, может помочь педагогам понять, почему некоторые ученики не хотят быть послушными... В Лондоне любителей кнута много. В 1888 году они могут предаться любимому наслаждению в 20 роскошных специализированных борделях. Госпожа Тереза Беркли содержала подобный бордель по адресу Шарлот-стрит, 28. Как и положено хозяйке такого заведения, она вела себя жестко и с 1826 по 1836 год сколотила небольшое состояние (в 1836 году она умерла). В ее заведении был большой набор инструментов для порки: гибкие кнуты, хлысты с двенадцатью шнурками, плетки с девятью хвостами и торчащими остриями, ремни с бляшками, разного рода предметы, предназначенные, чтобы втыкать их в тело. Наконец, верх изобретательности — придуманное ею самой приспособление для порки, «кобылка Беркли»¹⁰⁸. Франция ни в чем не уступает Англии. В больших домах терпимости XIX века имеется все необходимое, чтобы подвернуть клиентов сексуальным пыткам: кожаные многохвостые плетки с приятным запахом, шелковые ленты для связывания, пучки крапивы, длинные иглы, ленты, усаженные булавами, веревки с узлами... Пансионерки борделя должны не просто предоставить клиентам порку, что моралистами того времени рассматривается как самый гнусный порок, сопоставимый с со-

IV глава 5. Под викторианскими покровами (.1800-1960) омией. Проститутка должна удовлетворить все фанта-га клиента; в том числе и гомосексуальные, и уметь обращаться с необходимым оборудованием. По мере того как развивается технический прогресс, появляются новые усовершенствования: вантуз доктора Монда, аппараты для местной электризации, а также макеты пениса, привезенные из Англии, и сбруя (как назвал ее Лео Так-силь), позволяющая «приторочить» к девушке искусственный член¹⁰⁹.

Сексуальные развлечения неимущих

Нам известно, как получала удовольствие в основном меньшая, обеспеченная часть населения. Эти наслаждения описаны в автобиографиях, составленных людьми образованными, из хорошего общества. Уолтер расширяет наши познания, показывая, насколько обманчива может быть внешность, причем даже там, где речь идет о сливках общества. В его жизни был период, когда он часто ходил в театр и в рестораны высшего класса. Однажды он пошел на маскарад в ВоксхоллГарденс. Там он дал взятку сторожу, и тот позволил ему «спрятаться в кустах, куда женщины приходили помочиться. Я слышал, как они делали это и что говорили, и никогда прежде я не слышал столько сальностей и непристойностей за один вечер. Их там перебивало не менее двухсот»¹¹⁰. Помимо того что мы узнаем об отсутствии отхожих мест в ВоксхоллГарденс (поэтому все приходят облегчиться в кусты), мы сталкиваемся с миром самой обыденной реальности, окно в

которую приоткрывает нам рассказчик. Люди поступают иначе, когда им не надо играть ту или иную социальную роль, и оскорбиться этим может лишь тот, кто не знает, как ведут себя дети, когда за ними не наблюдают родители. Варианты такого спонтанного поведения в смягченном виде периодически встречаются в знаке нитом американском телесериале «Секс в большом городе» (1998-2004), где четыре нью-йоркские жетщицы, не скованные условностями, откровенно говорят о своих желаниях. 11 Некоторое время назад несколько исследователей взялись за изучение сексуальности у людей из народа™. 1318 досье из архивов лондонской больницы при приюте для подкидышей дают возможность узнать, каково было сексуальное поведение трудящихся классов в 1850-1880-е годы. Изучение архивов приюта позволяет развеять мнение, что среди низших классов царил сплошной разврат, причем благонамеренные люди охотно поддерживали и распространяли это мнение. В 1850 году один обозреватель писал: «Ничто не говорит о том, что у них есть хотя бы малейшее уважение к условностям, к прав* лам приличия или к нравственности. Наоборот, повсюду в их жизни мы видим проявление отвратительных животных инстинктов, настолько низменных и порочных, что и дикарям с ними не сравниться». Особое осуждение вызывает «обнаженность» и выставление напоказ частей тела, покрытых волосами. Буржуазные блюстители яра? вов приходили в негодование от вида самого малого голого участка кожи или волос на мужской груди или в женских подмышках^{1,2}. Они не выносят малейшего намека на животную сущность человека и упрекают бедняков в том, что те не следуют правилам приличия элиты.

Приют для подкидышей принимает плоды греха. Все они рождены вне брака. Некоторые младенцы родились у служанок, которых хозяева силой принудили к половой близости, другие появились в результате простой и бесхитростной связи между людьми одного социального уровня. Понти все матери говорят, что имели несколько сношений с отцом ребенка, простодушно веря, что он женится. Они соглашались на близость после полугода, а го и года ухаживаний. Очень редко в излияниях матерей присутствует упоминание о самом акте и полученном удовольствии¹³. Автор исследования делает из этого несколько поспешный вывод о том, что плотская невоздержанность, в которой обычно упрекали «беспутные классы», — не больше чем предрассудок. Несомненно, нежные чувства, о которых говорится в письмах матерей-одиночек, несут на себе отпечаток господствующей буржуазной модели романтической любви, предписывающей к тому же сдержанность во всем, что касается физического влечения. Вспомним, что администрация приюта брала детей на попечение лишь по письменному заявлению матери и на основании документа, удостоверяющего «добродетель, скромность и честность заявительницы»¹⁴. Мать должна была произвести хорошее впечатление, выказать смирение, покорность, раскаяние и готовность загладить свою ошибку. В ином случае ее прошение могло быть отклонено. При этом большинство незамужних матерей не зарабатывали столько денег, что-бы нанять к ребенку кормилицу, и не могли продолжать работать с младенцем на руках. Обреченные на полную нищету, они хватались за единственную возможность спасения и приспособлялись к навязанным им нравственным требованиям.

Из источников складывается достаточно печальная картина сексуальной жизни бедных девушек. Они идут на уговоры ухажеров и соглашаются отдаться им еще и потому, что оказываются в своеобразной культурной западне. Многие из них воспитаны в старых деревенских традициях, позволяющих молодым людям разнообразные ласки вплоть до совокупления. У английских крестьян при Старом порядке существовал обычай «бандлинга», чо есть ухаживания, которое предполагало встречи влюбленных наедине в доме девушки. Родители ничего не имели против, хотя молодых людей порой заставляли обнаженными в одной постели. Кроме того, влюбленным дозволялось прилюдно демонстрировать свою связь, обмениваться подарками-, что воспринималось как обещание жениться. Более того, они могли узаконить свое сожитительство, пройдя

церемонию «пичеринга»¹¹⁵. Подобные пробные союзы были распространены по всей Европе. Обычай и давление коллектива охраняли девушку от обмана. Если она беременела, соблазнителя обязывали жениться. А если он уже был женат, от него требовали денег на содержание ребенка¹¹⁶. Вот почему в Лондоне XIX века девушки из народа считали, что, если мужчина обещал жениться, можно заходить в отношениях достаточно далеко.

Слишком поздно они понимали, что здесь другие правила игры, во всяком случае, для мужчин. Составители нового закона о бедных 1834 года были настроены крайне решительно против «народной порочности» и включили в закон «положения о незаконнорожденных». Теперь незамужние матери не могли получить помощь нигде, кроме как в «работных домах» — своеобразных муниципальных приютах, где их принуждали к тяжелой работе. К тому же по новому закону розыск отца и взимание с него средств на содержание ребенка не был обязательным. Очень немногим соблазненным девушкам удавалось отстоять свои права. Любовники обещали им много, не держали слова и бежали. Иногда они эмигрировали в Америку или куда-либо еще. Некоторые переживали, что им пришлось предать возлюбленную, но у них просто не было денег, чтобы содержать ее и ребенка. Другие, «развратники одного дня», пользовались изъятием законодательной системы, чтобы обольстить жертву, а потом безжалостно бросить ее. Викторианский парадокс заключался в том, что деревенская система ценностей, допускающая добрачное сожитительство, была разрушена во имя морали, но при этом мужчина, в ущерб интересам женщин, получил возможность никак не ограничивать свои желания¹¹⁷. А женщины оказались жертвами вдвойне. С одной стороны, они были беззащитны в своем порыве к удовольствию, но, с другой стороны, распространенная концепция романтической любви толкала их в объятия любителей волоочиться за юбками, знающих, что на них не лежит никакой ответственности. Относительное равновесие все-таки установилось. Приют для подкидышей давал выход тому меньшинству девушек, что могли подтвердить свое раскаяние в содеянном. Другие, чей образ жизни не выглядел столь же нравственным, пополняли ряды проституток или впадали в горькую нищету. Однако родные и близкие девушек часто были снисходительны к несчастным. Потеря девственности, внебрачные отношения и длительное сожитительство не представлялось чем-то из ряда вон выходящим, так как и в промышленных городах в народе иногда сохранялись деревенские традиции¹¹⁸.

Механизм помощи девушкам был двойственным — филантропическим и карательным одновременно. К сожалению, роль мужчин-отцов в документах, отражающих этот механизм, никак не прорисована. За 30 лет в гигантской метрополии были приняты в приют 1318 младенцев, то есть они были спасены от смерти, а их матери — от полного жизненного краха. Лес символов стоит за этой статистикой. Можно увидеть, что формируются новые отношения между полами, и в этих отношениях равновесие сильно смещено в пользу мужчин-самцов. Они, как и во все века, пользуются правом на сексуальные радости и наслаждения вне брака, но теперь и закон не обязывает их нести ответственность за ошибку. Девушки хотят получить радости любви и полагаются на обещание жениться, но в случае беременности им неоткуда ждать защиты. По сути, торжествует все та же викторианская логика: мужчинам предоставлен простор и сексуальная свобода, а женщина обречена на заточение в браке и должна сдерживать свои плотские желания. Здесь можно усмотреть стратегический ход, направленный на то, чтобы внедрить буржуазные нормы в народную среду. Мужчины охотно принимают новую систему ценностей, так как она уравнивает мужчин всех сословий и ставит их в привилегированное положение по отношению к партнерам. Груз ответственности за нарушение правил лежит отныне только на женщинах. Иные любовники, узнав о беременности подруги, ведут себя цинично, без малейших угрызений совести: «Он сказал мне: иди и кидайся в воду, а я тебя подтолкну. Он не отрицал, что он отец ребенка»¹¹⁹. Для рабочих индустриальное общество не было раем, что сказалось и в области

сексуальных отношений. Упреки в безнравственности и анархии, адресованные низшим классам в пропагандистских речах, имеют под собой некоторые основания. Радетели нравственности разрушили во имя морали традиционные народные взаимоотношения мужчины и женщины и обострили конфликт между полами в трудящихся классах. Одни получили незнакомое доселе чувство безнаказанности, другие увидели, что отныне они беззащитны и полностью зависимы от мужчин. При отсутствии противозачаточных средств женский оргазм сдерживался постоянным страхом. Снисхождение родных и поддержка строгих филантропов, принимающих детей греха, принципиально не меняли положение дел.

Исследование, на которое мы опирались, касается 1850-1880-х годов, то есть апогея викторианского давления в Англии. Затем медицина меняет свое отношение к мастурбации, а стражи храма науки не могут воспрепятствовать всевозрастающему интересу к физическим удовольствиям. Завесу с проблемы снимает Хевелок Эллис. В конце века расцветает своего рода «сексуальная анархия», которая ставит под сомнение строгие нравственные нормы, а гомосексуалисты и Новые Женщины, отрицающие брак, заявляют о своих правах¹²⁰. Во Франции того же времени происходят аналогичные потрясения устоев. С 1900 по 1914 год возрастает интерес медиков к проблемам, которые раньше обходили скромным молчанием: абортам и смертности среди грудных младенцев¹²¹. Сексуальное поведение пролетариев постепенно кое в чем меняется. Старые и новые нравственные системы переплетаются; то, что было заглушено страхом взыскания и наказания, вновь набирает силу.

Самые красноречивые обличительные речи не могут добиться цели, если они направлены против установившихся, выработанных веками привычек, особенно приятных привычек. Осуждение юношеской мастурбации, потери девственности до брака, а также внебрачного сожительства и адюльтера не вызвало у рабочих и крестьян особого сочувствия.

Абсолютный запрет на обнажение тела в XIX веке встретил большее понимание, и жены часто отказывались раздеваться перед мужьями^{12*}. Второстепенные моральные догмы вообще внедрялись успешнее, чем основные. До конца XIX века поцелуй в губы считался предосудительным, потом он стал восприниматься как один из залогов длительных отношений, а затем — и как свидетельство особой страстности этих отношений¹²³.

Трудно поверить, что удовольствие оттого, что язык одного из партнеров оказывается во рту другого, было изобретено лишь в XIX веке. Речь идет не о прогрессе техники любовного наслаждения, но об изменении отношения к тем или иным ласкам в зависимости от эпохи и социальной группы тех, кто их практикует. В XVII веке охотно прибегали к наслаждению, которое в Париже называлось «итальянским», а в Лондоне «французский» поцелуем. По обе стороны Ла-Манша так целовались и развратники из высших кругов, и крестьяне. Этот поцелуй входил в обычай «бандлинга» в Сомерсете или «маре* шинажа» в Вандее. Он был наделен демонически развратным смыслом позже, что, возможно, было связано с тем, что так целовались проститутки во времена, когда бордели европейских метрополий переживали золотой век. В XX веке отношение к поцелую в губы становится более нейтральным, и он воспринимается как вполне невинная ласка во всех сословиях.

Первая половина XX века отмечена усиленным стремлением к сладострастию.

«Происходит эротизация жизни супружеской четы. Теперь в ней есть место и поцелуям в губы, и оральным ласкам, и взаимной наготы. Эротизация проявляется и в том, что добрачные связи перестают быть чем-то из ряда вон выходящим и постепенно становятся общепринятым обычаем»¹²⁴. Женщины хотят избежать нежелательной беременности и проявляют ради этого особую активность. Поначалу предохраняются женщины из самых скромных сословий, в частности рабочие, но через одно-два поколения к ним присоединяются и женщины из обеспеченных классов. До изобретения противозачаточной таблетки во Франции со времен Третьей Республики постоянно заключается своеобразное «пари гедонистов»: мужчина и женщина в половом сношении,

каждый на свой манер, стремятся избежать беременности, при этом последним выходом остается аборт. «Я всегда просила мужчин быть осторожнее, чтобы я не забеременела», — говорит гладильщица из Бри-ва в 1900 году. Мужчины чаще всего прибегают к прерванному акту, женщины используют тампоны, губки, реже — маточный колпачок. Если меры предосторожности не помогают, от плода «избавляются»; обычно это происходит до третьего месяца беременности. С 1900 по 1914 год количество абортотов возрастает в два раза (с 30 до 60 тысяч), а затем увеличивается в ошеломляющей прогрессии. Вместе с тем женщины активно включаются в игру-обольщение. В обиход входит макияж, а в 1920-е годы — краска для волос; расцветает культ тела, молодости и стройности, а также желание любить и быть любимой. Все чаще сексуальные отношения супругов начинаются еще до брака. Если к 1950 году в добрачную связь вступает примерно половина всех девушек, то к концу века — 90 %¹²⁵.

Разрыв с викторианской системой, основанной на двойном мужском стандарте и подчиненном положении женщины, еще не означал сексуальной" свободы в прямом смысле слова. Речь шла о возвращении того, что было вытеснено, иначе говоря, о восстановлении равновесия

во взаимоотношениях между полами. Сначала маятник качнулся в сторону взаимодействия между мужчинами и женщинами. Такое взаимодействие существовало в крестьянском обществе XVII века, оно отражено и в «Школе девушек» 1655 года. К середине XX века, когда завершился очередной репрессивный цикл, женщины еще не смели открыто говорить о том, что стало совершенно естественным к началу XXI века. Еще были живы табу, касающиеся менструаций, половых сношений при свете, обнажения половых органов перед врачом или гинекологом. Иначе говоря, у женщин еще был жив страх слишком откровенно говорить о своих плотских желаниях. Ни одна не посмела бы написать что-либо подобное тому письму, что прислал своей возлюбленной молодой человек из Луары-и-Шер: «У меня стоит, как у оленя. Как сч* стлив я буду, когда смогу сжать тебя в объятиях и засунуть мою штучку в твою аккуратную попку. Надеюсь, что, кол да он будет внутри, ты насладишься так же, как и я, и мы кончим вместе. [...] Ты почувствуешь, как мои яйца бьются о твой зад. [...] Уверену>что ты будешь рада пососать мою шишку и пощекотать мои яйца, где скрыт сладкий сок для тебя»¹²⁶. Барон де Бло, утверждавший в 1650 году, что хочет есть, пить и сношаться, по достоинству оцени бы такую прозу.

Плотские приливы и отливы

«Викторианская эпоха» — это всего лишь удобный термин, позволяющий обозначить длительную фазу, когда медицина проповедовала необходимость самоконтр ля над плотскими желаниями и потребностями. Представления, выработанные в медицинской среде, очень быстро вышли за рамки узкого круга и внедрились в сознание многих современников¹²⁷. Не «растрачиваться», не истощать силы — вот основной принцип новых хозяев общества и промышленности. Эталоном становится такая семья, где у жены нет желаний или же она фригидна. Стены дома защищают ее от соблазнов света, и она целиком отдается вынашиванию и воспитанию детей, а также беспокоится о благополучии всей семьи. Муж обретает рядом с ней покой и комфорт, при этом ничто не запрещает ему искать эротических страстей или воображаемой любви у дам нестроного поведения. Женщина этой эпохи — мамочка или шлюха — должна гораздо больше подчиняться мужчине, чем в былые времена. Но только шлюха обременена отныне грузом первородного греха. Представление о грехе облеклось теперь в более научную форму, и речь идет о ненасытной и всепожирающей сексуальности шлюхи, отличающей ее от целомудренной и добродетельной супруги и матери.

Эта супружеская модель устанавливается в обществе постепенно, окончательно формируясь к 1850-1880-м годам. Затем многие ее элементы разрушаются, меняются общественные и культурные условия, и сами медики пересматривают свои позиции.

Новая отрасль медицины -психиатрия — видит вещи в ином свете. Те, кого еще недавно

считали «извращенцами» и всячески притесняли, громко заявляют о своей особости и требуют признать свои права. Угнетенные отказываются жить под постоянным присмотром. Повсюду поднимается женское движение. «Новая свободная женщина» отказывается от брака. Женщины-работницы хотят получать удовольствие от любовных сношений, не боясь забеременеть и оказаться в одиночестве, так как партнер, испугавшись ответственности, сбежал. То, что система дала трещину становится очевидным между 1880 и 1914 годами. Это время нравственного переворота отмечено разнообразными противоречиями и смутой. Цензура ополчается против порнографических книг и эротической прессы, но медики отказываются от убеждения, что мастурбация смертельно вредна, и обращаются к изучению сексуальности, как нормальной, так и извращенной, в форме дизма и мазохизма. Закон о разводе, принятый во Франции в 1884 году, открыл супругам путь к свободе. В Англии требуют принятия подобного закона, и эти требования удовлетворяются в 1920-е годы. После этого скрытое движение общества к гедонизму еще более усилилось.

Ограничения, запреты и табу никогда не воспринимались обществом единодушно и не действовали постоянно. В первой половине XIX века рамки были менее тесными, чем во второй его половине¹²⁸. Страшное потрясение 1914-1918 годов, необходимость ослабить накопившееся напряжение привели к тому, что в период между войнами вновь расцвела сексуальная культура, которая находилась словно в закупоренном сосуде и избежала агрессивного окропления викторианскими идеями. Аристократический либертинаж никогда не угасал до конца, и теперь, в Безумные годы, он воспользовался обстоятельствами и возродил вкус к изысканным наслаждениям, в первую очередь сексуальным. Народные слои теперь более организованны, они обработаны идеологический предъявляют четкие требования. При этом они обращаются к былой традиции относительной свободы нравов, которую у них стремились отнять. Женщины-работницы приняли на себя гораздо больший груз нравственных ограничений, чем их собратья-мужчины: они заплатили за новую мораль XIX века нежелательными беременностями и губительными абортами. Теперь они исподволь перестраивают себе на пользу механизм распределения удовольствий. Так понемногу открывается путь к либерализации сексуальной жизни, которая помчится на всех парах в 1960-е годы. ¹¹

Желание и удовольствие не заявляют о себе во всеуслышание. Им удается победить репрессии, потому что важные экзистенциальные вопросы, такие как соотношение тела и сознания, находят в них свое воплощение. В 1955 году Кинг Видор снял для студии «Юниверсал» фильм, который сейчас считается одним из образцов вестерна, — «Человек без звезды»¹²⁹. История, рассказанная в фильме, очень проста. Одинокий искатель приключений, привыкший повиноваться только собственным инстинктам и желаниям, нанимается охранником в небольшую общину мелких землевладельцев. Им противостоит некая волевая женщина, которая хочет завладеть их землями. Они пытаются бороться с ней, опутав свои владения колючей проволокой. Герой мечется между примитивным эротическим влечением и необходимостью помочь слабым восстановить справедливость. Хозяйка заманивает его своими чарами и использует как инструмент борьбы; ему надо выбирать между эгоистическим сладострастием и чувством коллективного долга. Люди, искушенные во фрейдизме, могут увидеть здесь намек на силу бессознательных импульсов, противостоящих некоему культурному «Суперэго» и толкающих к преодолению нарциссизма ради всеобщего блага. Во всяком случае, незадолго до сексуальной революции «шестидесятников» великий режиссер сумел показать, что желание таит в себе большую разрушительную силу, несовместимую с задачами цивилизации. Герой обнаруживает, что он сам занят как своим прошлым, которое он постоянно пересматривает, так и металлическими обручами долга, существование которых он отвергал, увлеченный диким стремлением к наслаждению.

Как измерить приливы и отливы наслаждения в нашей культуре? Десмонд Морис, не без влияния английского юмора, предлагает соотносить состояние экономики с длиной женских юбок. Он утверждает, что в периоды процветания они укорачиваются, а когда наступает кризис — удлиняются. «Трудно понять, почему женщины хотят показать свои ножки, когда дела в экономике идут хорошо», — заявляет он с нарочитой серьезностью¹⁵⁰. Будем ждать диссертации на эту тему, а пока просто наметим основную линию развития длины юбок. Б Безумные годы юбки доходили до икр, затем, во время экономического спада 1930 года, они стали длиннее. Укоротились во время Второй мировой войны и снова удлинились по моде ню-лук после войны. Со времен шестидесятых юбки начали стремительно укорачиваться вплоть до знаменитых мини-юбок, составлявших отраду мужчины-полового шовиниста. Нефтяному кризису и экономическому спаду 1970-х годов сопутствовало изобретение целомудренной юбки до середины икры, затем наступила разрядка напряженности, и ткань тоже пошла вниз по ноге. С тех пор модельеры не пытаются предсказывать будущее своими ножницами, даже те из них, кто внимательно изучает сводки и прогнозы с Уолл-стрит. Какой вывод тут можно сделать? Проблема длины юбок стала своего рода индексом того, как менялось общественное предубеждение, превратившееся после Второй мировой войны в своего рода шагреновую кожу. Быть может, с мини-юбкой исчезли последние покровы викторианства? Стыдливые бри-яшлы XIX века при виде женской ноги задыхались от вожделения или возмущения и предписывали прикрывать даже ножки пианино! Женская нога после 1960-х годов перестала вызывать столь бурные эмоции. Быть может именно так произошла сексуальная революция?

Часть четвертая

РЕВОЛЮЦИИ? НАСЛЕДИЕ ШЕСТИДЕСЯТЫХ

Понятие наслаждения шире, чем простое удовлетворение желаний и потребностей, оно соприкасается с понятием счастья. Таким образом, чтобы лучше понять, в чем состоит суть понятия «наслаждение» в тот или иной период, следует понять, какова была личная и коллективная мораль времени, как соотносились представления о радости и страдании¹. Нельзя забывать и о религиозных установлениях, а также о том, как к ним относится Субъект.

Оригинальность современной европейской культуры, отмеченной всевозрастающим индивидуализмом и стремлением к гедонизму, уходит корнями очень далеко. В предыдущих главах мы постарались показать, что точкой отсчета следует считать XVI век. Именно в это время редкие сильные личности, отличающиеся от современников, начинают формировать образ собственного «я», несмотря на противодействие и репрессии со стороны общества, религии и морали. Следующий большой этап развития начинается с либертинажа XVII века, который противостоит религиозным догмам, воспевает плотскую любовь и открывает путь философии Просвещения, охватившей ограниченный круг людей, но существенно повлиявшей на умонастроения общества в целом. На этом этапе происходит завоевание плотского наслаждения, а с ним в жизнь входит нарушение нормы и символические разломы, особенно ярко проявившиеся в Лондоне и Париже последнего века Старого порядка. Маркиз де Сад и врач Тиссо, описывающий опасности одинокого самоудовлетворения, демонстрируют эти разломы каждый на свой манер, В то же время мысль обращается и к другим сферам, в частности к политике, и у многих наступает «Разочарование в мире»*. Начинается долгий период викторианского сексуального тедт ния, который длится до большого перелома 1960-1970-х годов, В наши дни социологи, психологи, философы и историки постоянно говорят о всевозрастающем культе Эго на фоне ослабления сдерживающих оков и социального контроля, ставшего гораздо менее жестким, чем раньше⁴. Общество потребления, рекламирующее средства массовой информации сулят каждому здоровье, красоту, молодость, богатство и вечную жизнь. От этого вознтт неутолимая жажда нарциссического самоуглубления, без ховто го, как кажется,

невозможно полностью реализоваться в жтм, Подобное видение мира основано на подспудном убеждении, что человечество поступательно движется к прогрессу. В птш XXI века «я», видимо, противопоставит свои гедонистичет желания и огромный аппетит к жизни политическим и религиозным структурам, и они вынуждены будут учесть его пош)4 пости. Однако такой прогноз, окрашенный в идеалистттт тона, недооценивает неистребимый стадный инстинкт, свойственный нашему виду. Очевидный триумф индивидуализма т самом деле воплощает новый общественный договор и цишш ционный контракт; именно он позволяет западной культпф приспособиться к вызову, брошенному глобализацией.

С начала 1990-х годов многие авторы говорят о формировании «евросекулярности», другими швами, о стремитежт закате религиозности на Старом Континент и в КатЪе, 9 отличие от США5. По данным опроса, проведенного в 2000 ml), глубоко верят в воплощенного Бога 36% опрошенных (20% во Фрации) против 69% в стране дяди Сэма; в существовав? Творца -69% опрошенных в Старом Свете (57% во Фрацш) и 93% — в Соединенных Штатах6. Такое наглядное осло&ты религиозных убеждений проистекает из тощ что «духоэнт

ндивидуализм оказался поглощенным, культурой самовоплоще-ия», а основная причина этого явления — «революция в насыщении едой»7. Впервые за всю историю своего развития западная цивилизация стала цивилизацией всеобщей сытости, что привело к глубоким изменениям в символических взаимоотношениях между миром и смертью, как индивидуальных, так и коллективных. Идеал самовоплощения все больше концентрируется в существовании как таковом. Стремление к счастью выходит за рамки страха перед голодом и концентрируется на идее «самореализации». Распадается традиционная связь между голодом, который ассоциируется с идеей смерти, и божественным обещанием доить каждому «хлебнасущный»8. Однако Соединенные Штаты не следуют этой модели духовного развития, хотя большинство населения там не испытывает голода и сытых никак не меньше, чем в Европе. Видимо, для полноты картины нужно изучить и другие факторы, как культурные, так и символические. После переворота 1968-1970 годов во Франции четко обозначилась «индивидуализация совместной жизни»9. Кроме того, на нашем континенте нет «войны культур», сотрясающей Америку с последнего десятилетия XX века10. Соединенные Штаты постоянно расколоты пополам по основным общественным вопросам: отношение к абортam, однополым бракам, смертной казни. Традиции южных штатов и библейской культуры диктуют большую непримиримость по этим пунктам. Опрос Гвмапа в мае 2003 года отмечает, что 64% опрошенных положительно относятся к смертной казни (31% — отрицательно), 93% отвергают двусторонний адюльтер супругов, 46% выступают против рождения детей вне брака, 44% приемлют гомосексуализм (52% относятся к нему отрицательно), 37% высказываются за аборты, 53% — против. Между США и соседней Канадой пролегает пропасть: Канада ориентирована на европейскую модель развития, в ней ошутим религиозный

упадок, а многие штаты, в том числе Квебек, официально решают заключать однополые браки. Разницу между двумя® седними странами не всегда легко уловить: так, например, % нятие счастья не одинаково по разные стороны гранці В Канаде, как представляется, выше «социальная защищ ность», жизнь не так сильно зависит от законов рынка, кода США11. Схожее чувство, если верить аналитикам, шнтшч-ют многие американцы по отношению к Европе, в частное» к Франции. В марте 2004 года в Нью-Йорке состоялся фест воль французских фильмов. Один американский критик mm can, о противопоставлении культуры «имперского шшшщ, воплощенной в фильмах его родины, более женепшенной тикрЪ ской культуре страны «несокрушимых галлов»12. В кямко карикатурном виде здесь предстает общепринятое и слегка осуждающее отношение американцев к сладострастию, стольне» ответственному канонам страны под звездным

флагом. Инк видуализм высоко ценится и в Америке, и в Европе, но порош стороны Атлантики он окрашен в противоположные тот.

Однако в первые годы XXI века наметились слабые сдвиги. В Европе робко обозначился религиозный подъем, а в США рем-гиозность дала небольшую трещину¹³. В подвижных рамках ж процессов удовольствию отведена важная, хотя и двойственная роль. Нельзя быть вполне уверенным, что гедонизм шестидесятых окончательно восторжествовал в западной культуре птстомт спустя. Самые очевидные революционные изменения в сфере сексуальной свободы, в частности обретение жтщиной права ш оргазм, — носят ли они необратимый характер? Можно лиуЩ ждать, что мы переживаем настоящую революцию в области желания и наслаждения, или речь идет о мощном движении маятника в сторону гедонизма, за которым последует новая репрессивная волна, подобно тому как викторианский XIX век подат торжествующий эротизм века Просвещения?

ЭРА УДОВОЛЬСТВИЯ (ОТ 1960-х ДО НАШИХ ДНЕЙ)

Шестидесятые имели особое значение как в Европе, так и в Северной Америке. Произошли огромные перемены, особенно в сфере культуры. К началу XXI века «шестидесятники» стали папами и мамами, породившими «бэби-бум», и увидели, как появляются их прямые наследники и наследники наследников. Все три поколения оставили свой специфический след на ткани нашей культуры, и в последующем поколении уже тоже начинает проявляться некий особый отпечаток. Четыре последовательно сменяющихся пласта трудно рассматривать как единое целое. Изменения происходили очень быстро, кроме того, следует учитывать различия, обусловленные социальной принадлежностью, финансовыми возможностями, образовательным и интеллектуальным уровнем. В рамках одной книги невозможно учесть все подобные нюансы. Важно определить самое существенное, для того чтобы понять, была ли революция шестидесятых радикальным переворотом в европейской культуре или речь шла об очередном цикле свободы, за которым в принципе может последовать репрессивный цикл, как это уже случалось ранее.

Историю переворота следует отсчитывать от 1948 года, когда в Филадельфии¹ вышел первый доклад Альфреда Чарльза Кинси. Доклад был невероятно смелым для того времени и вызвал бурную полемику. Он приоткрыл заве-
---четвертая Р»"

СВОЛЮЦИИ? Н-едие

? НЗД Тайна«и мужской сексуал.

пор говорили редко и неохойГвП1' ° К0Т°М, проблемы ринулись и дрГе и;!

ГеДЗаКивСД> столько в СоетНеНННr >

Пришло время вПП: ГСЧ некогда запретной темы. ОдноврТенноТи? скои сексуальности нроводятсяогТС. призванные выявить роль наслажденияТж0 того как они, впервые за всю историю аГР Пос* человечества, обрели право самостоятельно чать ребенка или нет в конкретном половом скоГ* Обретение такой возможности стало подливной п цией! Мы еще не оценили до конца всей глубины?* следствий, но они сразу сказались на взаимоотношенГ-между людьми. Волны потрясений докатились И Лпп ФЛ" про-ер проявления сексуальности. За полвека гомос» суализм перестал восприниматься как ненормальное» ление, по крайней мере в Европе. По другую порой Атлантики проблема остается сложной: в начале 2000-хго дов здесь развернулась страстная полемика по повод] того, надо ли узаконить браки между геями.

В прошедшие века вопрос о взаимосвязи сексуальности и наслаждения был настолько важен для нашей цивилизации что его обсуждение было табуировано.также как обсуждение великих основополагающих мифов. Раде кальное изменение, внесенное Кинси, сделало возмо*ным глубинные сдвиги в пос- взаимоотношений с другими» е* более усилились, когда гий оказалась под ""S*

А Чпп удовольствия (от 1960-х до наших дней) Глава о. &1>Л /-4

испособься. Кроме того, отныне нельзя было не ЛО "ывать несокрушимое движение личности к преуспе-У4 возникшее под, влиянием мощных гедонистичес-Я v течений*. На пороге третьего тысячелетия тело и а больше не говорят в унисон. Вместе с тем главенство лично0™ — это всего лишь метафора, призванная объяснять происходящие в культуре метаморфозы. Человек в наши дни желает обрести счастье при жизни и как можно скорее, что не мешает ему размышлять о судьбе последующих поколений и о том, что ждет его на том свете. Уклончивые ответы церкви и больших идеологий уже недостаточны; человек попадает в плен противоречий, которые могут оказаться как созидательными, так и весьма болезненными. Через полвека после разработок Кянся и его команды Америка столкнулась с формирова-нием новых взаимоотношений тела и души, на которых зиждутся все социальные связи, и пытается, в отличие от Европы, сохранить принципы гетеросексуальной семьи и контроля над сладострастными желаниями следова-

КЛАД КИНСИ — СЕКСУАЛЬНАЯ БОМБА

Достаточно раскрыть объемистый доклад Кинси 1948 года, как становится понятно: США того времени благоговейно унаследовали европейскую модель репрессивного отношения к половым вопросам. Кинси впервые показал, каково в реальности сексуальное поведение жителей одной из самых пуританских стран. Он поистине открыл ящик Пандоры. Среди явлений, так или иначе связанных с исследованиями Кинси, и калифорнийское движение за «Мир и любовь», и борьба за сексуальное освобождение, а также за признание женщинами права на оргазм. Все те, кого до сих пор считали «ненормальными» или даже извращенцами, предъявили свои требования. В целом доклад произвел эффект, подобный землетрясению, особенно ощутимый в стране с ярко выраженными культурными контрастами.

Истоки «войны культур»

Альфред Чарльз Кинси (1894-1956), глава Института исследований сексуальных проблем при Университете Индианы, провел в 1938 году масштабный социологический опрос, касающийся реальной половой жизни американцев. Результаты опроса были опубликованы в двух томах. Первый вышел в 1948 году, он содержал данные о сексуальном поведении мужчин. Второй том, с данными о сексуальном поведении женщин, вышел в 1953 год/. Основная методика исследования — комментарии к статистическим данным, сгруппированным по самым разным критериям: пол, возраст, географическое происхождение, уровень образования, сфера деятельности, гражданское состояние и т. п. Выводы делаются беспристрастным описательным языком. Однако трудно удержаться от попытки представить, как в 1948 году, читая 800 страниц первого тома отчета, написанного просто и безыскусно, люди либо задыхались от гнева, либо безудержно смеялись. Так, например, автор приходит к выводу, что частота сексуальных сношений с животными весьма различается по регионам и особенно высока на северо-востоке США. Кроме того, отмечено, что 6% мужского населения в подростковом возрасте предаются этому занятию, а среди холостяков старше 20 лет их всего 1%; 11% крестьян в возрасте от 11 до 15 лет совокупляются с животными до 8 раз в неделю³. Самый захватывающий аспект систематического ученого исследования состоял в том, что обнаружилось вопиющее противоречие между заданной нормой и реальным поведением американцев. Кинси и его сотрудники подчеркивали, что в современном им американском обществе существует репрессивная «англо-американская» модель отношения к сексуальности. Она унаследовала нормы христианской морали, для которой сексуальные сношения — лишь путь к продолжению рода, а «любая форма социо-сексуальной деятельности вне брака» исключена. Кроме того, отношения внутри брачного союза должны быть направлены исключительно на зачатие, причем это касается как продолжительности, так и способов соития. Холостяк, вдовец или разведенный теоретически не имеют права на сексуальную жизнь, так как не могут законным образом способствовать продолжению рода. На том же основании гомосексуалисты и любители

самоудовлетворения морально порицаются, а в случае активного нарушения правил — преследуются по закону.

Законы США квалифицируют любую сексуальную аномальность до, вне или после брака как «аномальную и везущую». ную и рассматривают ее, в зависимости от каждого случая, как насилие, прелюбодеяние, проституцию, цест, сексуальную агрессию или нарушение общественной благопристойности. Подобным образом подлежит ваю& нию любой гомосексуальный контакт и скотоложство. Оральный или анальный секс, в том числе между супругами, состоящими в законном браке, также карается»> ном (если кто-то сообщает в юридические инстанции о случае такого сношения). Петтинг (взаимные фиксация и нескромные ласки), которым так часто занимаются подростки, может быть квалифицирован как сексуальная агрессия против малолетних или как деяние, содержащее угрозу нравственности для несовершеннолетних, даже если оба партнера добровольно ласкают друг друга. Малейшее проявление эротического влечения публично или просто в присутствии кого-либо постороннего влекут за собой обвинение в «правонарушении» и «оскорблении общественной благопристойности». Особенно серьезным правонарушением является мастурбация. В 1905 году штат Индиана принял закон о том, что поощрение этого порока само по себе содержит состав преступления и может быть наказуемо как содомия. Некоторые образовательные учреждения предписывают физически воздействовать на тех, кто уличен в мастурбации. Морская академия Аннаполиса рассматривает это пристрастие как достаточный аргумент для того, чтобы отказать кандидату в приеме в академию⁴.

Во второй части исследования Кинси настаивает на том, что господствующие нравственные нормы сексуального поведения весьма двойственны. С одной стороны, религия, закон, психологи и психиатры, разделяя мнение (большинства, говорят о том, что гетеросексуальные отношения наиболее желательны и благоприятны для общества. Но те же самые институты яростно осуждают гетеросексуальные сношения вне брака, что в глазах подростков ишаает эти доводы убедительности. В 1953 году большинство штатов все еще запрещало несовершеннолетним вступать в половые сношения. При этом возраст совершеннолетия в разных штатах колеблется от 14 лет до 21 года. Особую строгость суды, как правило, проявляют к нарушителям моложе 20 лет из разных социальных кругов или разных рас, а самые тяжелые последствия влечет за собой связь взрослого мужчины и несовершеннолетней девушки⁵.

Можно сказать, что пуританская Америка 1950-х годов являет в законсервированном виде ту сексуальную идеологию, что существовала в Европе XVII века во времена запрета на наслаждение как таковое⁶. Мы видели, что даже эротическая литература того времени настаивала на необходимости продолжения рода и экономии драгоценного семени. Церкви всех конфессий и законы рассматривали любые отношения вне брака как преступные и нечистые, а самыми гнусными считались гомосексуальные контакты, инцест и сношения с животными. Терпеливо ожидая супружеского счастья, иногда весьма долго, девушки должны были хранить в неприкосновенности свою девственность и избегать мастурбации. Единственное отличие норм, описанных Кинси, от тех, что существовали в Европе XVII века, заключается в том, что в XVII веке женский оргазм считался необходимым условием для благополучного зачатия. В дальнейшем викторианские радетели морали провозгласили, что к наслаждению в половом акте стремятся лишь проститутки, а не честные супруги. В середине XX века Соединенной» ты сумели соединить эти два положения из исторического наследия. Религия, общепринятая мораль и законы не просто навязывают идеал исключительно супружеских сексуальных отношений, направленных только на продолжение рода, и угрожают всевозможными карами» отклонение от нормы. Следуя викторианской традиции, они к тому же сурово ограничивают вкус к плотским утехам, особенно у женщин, даже в законных супружеских отношениях.

Коллеги Кинси установили, что большинство современников не выдерживают суровых ограничений и предписаний. Логично предположить, что невозможность соответствовать норме влечет за собой фрустрацию или, во всяком случае, возникновение чувства вины. Однако в опросниках нет соответствующего пункта.

Через 50 лет после доклада Кинси пуританские оковы все еще давят тяжелым грузом на страну дяди Сама. Кинси опасался, что буквальное истолкование антимастикуриционного законодательства 1905 года штата Индиана способно навлечь неприятности на тех преподавателей или исследователей, кто станет утверждать, что самоудовлетворение не вызовет расстройств в организме. Такое утверждение может быть приравнено к поощрению порока. В декабре 1994 года Жослен Илдерс, главный врач в администрации Клинтон, была смещена с должности. Причиной отставки послужила речь Илдерс на сессии ООН, посвященной СПИДу, в которой она сказала, что, быть может, в школах следовало бы подробней рассказывать детям о мастурбации. Глава государства, комментируя произошедшее на пресс-конференции в Майами, заметил, что такой взгляд на вещи расходится с политикой кабинета и с его собственными убеждениями⁷. Позиция Илдерс шокировала и правящую Демократическую партию, и традиционно настроенные христианские круги. Стало очевидно, что табу все еще живо в США и разделяется большинством американцев. Если обратиться к другому событию недавнего прошлого, то станет очевидно, как сталкиваются между собой в «войне культур»; мнения противоположных сторон — консервативной и прогрессивной. Эти столкновения происходят по поводу семейного законодательства, аборт, однополых браков и просто в связи с утверждением права каждого человека на собственную сексуальную жизнь. Маркус Диксон, человек с темным цветом кожи и прекрасный спортсмен, был одним из кандидатов на стипендию в университете Вандербильта. Он жил в Риме — небольшом городке штата Джорджия, населенном преимущественно белыми. Жизнь Диксона круто изменилась в начале 2004 года. Он вступил в связь с девочкой из своей школы, которой было 15 лет и 9 месяцев, то есть несовершеннолетней (ему самому в то время уже исполнилось 18) и к тому же белой. Его приговорили к 10 годам тюрьмы. Суд присяжных, состоявший из 9 белых и 3 чернокожих, отверг обвинение в насилии в прямом смысле слова, но признал Маркуса виновным в «половой связи с несовершеннолетней», «отягченной покушением на растление малолетней». Первый пункт обвинения применяется к любым делам о половых сношениях с несовершеннолетними, даже при взаимном согласии, и максимальное наказание, предусмотренное за это преступление, — год тюрьмы (Джорджия входит в число 35 штатов, принявших так называемый закон «Ромео и Джульетты», по которому четвертая. Революции?

торому санкции против половых связей подростков си), чены или отменены). Однако второй пункт обвинения был гораздо серьезнее. В 1995 году законодатели включили это преступление в число так называемых «семи основных грехов», и оно карается 10 годами заключения. В данном случае закон был применен, так как жертва «насилия» была девственницей. Кроме того, были зафиксированы повреждения на влагалище и следы укусов на губах, что могло быть истолковано как подтверждение того, что сношение состоялось против ее воли, лишь немногие причастные к делу знали, какие последствия может повлечь судебное и медицинское заключение. После вынесения приговора пятеро присяжных заявили, что проголосовали бы иначе, знай они, что Маркус окажется за решеткой на столь долгий срок. Наказание было слишком строгим для обычного сексуального контакта между подростками, тем более что в Джорджии подобные решения по таким делам никогда не выносились. «Нью-Йорк тайме» яростно обрушилась на «несправедливое решение в стиле старых южных традиций». Прокуратура округа отверг обвинение в расовой предвзятости, сославшись на то, что Маркусу уже дважды вышито предупреждение за недостойное сексуальное поведение. Первый раз — за то,

что он обнажил при всех половые органы, а второй — за то, что держал руку на нижней части брюк своей одноклассницы⁸.

Старые запреты, тяготеющие над юношеской сексуальностью, не исчезли и в юриспруденции начала XXI века. «Агрессия»⁹ против несовершеннолетней «жертвы» может дорого обойтись совершеннолетнему другой расы. Девушка Маркуса сама заявила, что не хотела, чтобы отец видел их вместе, потому что он «расист» и убил бы ее за «связь с негром». Общественное мнение не едино на этот счет, о чем свидетельствуют, в частности, законы — «Ромео и Джульетты», принятые в большинстве штатов, реакция некоторых присяжных в Джорджии, скандальная статья в «Нью-Йорк тайме» и движение в защиту Маркуса Диксона, представителям которого удалось добиться досрочного освобождения юноши. Подобные процессы случаются редко, они скорее исключение, чем правило, но строгость вынесенного приговора весьма символична сама по себе. Законы стремятся раздавить отдельных нарушителей в назидание прочим, но большинству удается ускользнуть. По сути дела, общество смотрит сквозь пальцы на нарушение общественных норм и запретов, и исследование Кинси вновь подтвердило это.

Гомосексуализм и мастурбация

Многочисленные наблюдения над мужчинами-американцами, представленные в исследовании 1948 года, позволяют прийти к заключению, что вдовцы и разведенные, как правило, продолжают вести половую жизнь несмотря на нормы и установления, запрещающие им делать это. Одиноким мужчинам-американцам обычно следует модели поведения женатого человека и на 80% удовлетворяет свои желания в гетеросексуальных сношениях. Остальные 20% удовлетворяются за счет мастурбации, эротических сновидений, а совсем молодые вдовцы и разведенные, как и молодые холостяки, порой ищут связей с лицами своего пола⁹. Кинси невозмутимо приводит статистические данные, которые в глазах ревнителей нравственности выглядят вопиющими нарушениями. Он говорит о том, что называется «пороком», «извращением», «отклонением от нормы», как о чем-то обыденном и отказывается делить мужское население США на сексуалистов и гетеросексуалов, предпочитая говорить о склонности, характерной для тех или иных мужчин определенном возрастном этапе. Кинси устанавливает шкалу из семи ступеней, в рамках которой развивается сексуальная жизнь мужчины. Нулевая отметка соответствует исключительной гетеросексуальности, отметка 1 — ключевой гомосексуальности, отметка 3 — бисексуал, 4 — поведению¹⁰. Более трети опрошенных белых и именно 37%, имели «хотя бы несколько опытов гомосексуального контакта, достигающего до оргазма, в период, между подростковым возрастом и старостью». Аналогичным образом, примерно 50% холостяков старшей дет хотя бы несколько раз вступали в однополую связь.

Чрезвычайно важную роль здесь играет образовательный фактор: среди дипломированных специалистов уровень поднимается до 58%, а среди людей малообразованных после выхода из подросткового возраста в однополые связи вступали лишь 4% (Хевелок Эллис в начале вей говорил о 2-3 %). Однако если разбить промежуток от 18 до 55 лет на трехлетние отрезки, то окажется, что в каждом возрастном срезе 8% лиц имели однополые контакты¹¹. Иначе говоря, пока человек молод, «природа», то есть плотские желания, берет верх над «культурой», то есть над установленными нормами, а потом матримонильный идеал становится все более обязывающим. Здесь можно усмотреть аналогию с европейским Старым порядком, при котором мужчины-холостяки, теоретически обреченные на воздержание, пользовались молчаливым попустительством общества, но после брака их поведение должно было резко измениться.

В исследовании 1953 года Кинси дает свой комментарий по поводу необычайно строгих законов, принятых в некоторых штатах Америки. Как и в XVII веке, некоторые типы сексуального поведения: «содомия, мужеложество, извращенные и противоестественные сношения, преступления против естества» — приравниваются к насилию над личностью и караются соответствующим образом. Лишь в одном-единственном штате — Нью-Йорк — подобные деяния не влекут уголовной

ответственности, «если Они совершаются между взрослыми, в частном порядке и с обоюдного согласия». Подобные установления приняты в Скандинавии и других европейских странах¹².

Коллеги Кинси признают, что культура Северной Америки середины XX века может считаться наиболее репрессивной из культур Запада. Для того чтобы заявить об этом, то есть затронуть тему, запрещенную всеми конфессиями, судами и общественной моралью, требовалось немалое Мужество. Даже крошечный камешек, брошенный в пруд конформизма, а именно отношение к мастурбации, вызвал волнение, не успокоившееся и в наши дни.

В исследовании 1948 года выявлено, что около 99% мальчиков между 8 и 12 годами мастурбируют, а 92% всего мужского населения время от времени самостоятельно доводят себя до оргазма. Исключение составляют социальные низы. Там мастурбация не принята, потому что первый гетеросексуальный контакт, как правило, происходит очень рано. Кроме того, к мастурбации не прибегают те, у кого происходят ночные семяизвержения. В целом эти данные совпадают с европейскими: установлено, что в Европе в среднем мастурбируют от 85 до 96% мужчин. Однако в США на мастурбации лежит табу, и, как напоминает Кинси, не каждый из опрошенных осмелился бы признаться в том, что подвержен «коблудия», особенно среди людей малообразованна. Вероятно, такое отношение к мастурбации восходит еще к тому всеобщему осуждению, что проповедовала европейская медицина во времена Тиссо¹⁴. Страх перед мастурбацией возник при наложении христианского представления о грехе на убеждение, что растрата ценной семенной жидкости представляет угрозу как JH самого человека, так и для общества в целом. Одно лишь упоминание о мастурбации влечет осознание собственной вины, смущение, тревогу. Вот почему большинство собеседников не отвечали искренне на вопрос, задаются ли они мастурбацией. Возможно, такая реакция появлялась у людей неосознанно: в стране, враждебно настроенной против любой формы внебрачной сексуальности, у жителей вырабатываются некоторые автоматические рефлексy, и Кинси учитывает этот фактор. Грех рукоблудия невозможно ни распознать, ни наказать. «Нью-йоркское книжное обозрение» приводит любопытный случай, позволяющий оценить глубину проблемы. В номере от 8 апреля 2004 года была помещена обложка книги, посвященной самоудовлетворению, рецензию на которую напечатали в журнале. Двумя годами ранее автор книги был приглашен в Гарвард, чтобы выступить с сообщением о своих исследованиях. Предстоящий доклад и дискуссии по его поводу вызвали некоторую панику у преподавателей и воспитателей. Собрание, призванное урегулировать «кризис, связанный с мастурбацией», прошло влихо-радочной и напряженной атмосфере. Один из куратор заявил, что совесть не позволяет ему рекомендовать студентам эту книгу и даже присутствовать на докладе¹⁵. При этом штат Массачусетс отличается определенной широтой

только в Епядов. В конце 2003 года именно здесь Верховный суд издал закон, разрешающий с 17 мая 2004 года официально заключать однополые браки. Это была первая подобная законодательная инициатива в США, и она вызвала острую критику со стороны неоконсерваторов. Гарвардский университет, один из самых престижных в стране, имеет репутацию научного заведения, готового к обсуждению острых проблем. Тем более показательным, что даже в этом университете доклад о мастурбации произвел необычайный переполох, настолько сильна тенденция к умолчанию по этому поводу в культуре США в целом.

В докладе 1953 года о женской сексуальности говорится, что 62% женщин мастурбируют несколько раз в жизни, но только 58% удается достичь при этом оргазма. С возрастом женщины мастурбируют чаще. С одной стороны, это происходит потому, что возможность вступить в половую связь для них все уменьшается, однако, с другой стороны, Кинси отмечает, что, возможно, при старении у женщин возрастает эротическая чувствительность. Самым значительным выводом Кинси, очень быстро взятым на

вооружение теми, кто отстаивал свое право на оргазм, было утверждение, что мастурбация никак не вредит половым взаимоотношениям партнеров. Опрос показал, что жены реже, чем мужья, получают полное удовлетворение при половом акте. Среди причин этого явления указывается, что 36% женщин ни разу не испытали полового удовлетворения до брака, будь то полноценное сношение или «петтинг», однополая связь или мастурбация. Качество супружеских половых контактов тесно связано с тем, достигала ли женщина оргазма до брака. От 31 до 37% тех, кто никогда не мастурбировал и не получал удовлетворения иным способом, не могут прийти до оргазма в течение первого года, а то и пятые брака. Из тех, кто занимался мастурбацией до брака лишь 13-16% не получают удовлетворения от брачных сношений. При этом способы женского самоудовлетворения весьма разнообразны: 84% (против 95% у мужчин) терзают половые органы, 20% прибегают к вагинальному проникновению, 15% крепко сжимают ляжки, доводя себя таким образом до оргазма, и 2% получают удовлетворение от воображаемого акта, что крайне редко встречается у мужчин¹⁶. Н

Что скрыто от глаз Ш

Мужчины получают удовлетворение от полового сношения почти в 100% случаев, женщины — лишь в 70-77%. Примерно у двух третей опрошенных любовные ласки длятся от 4 до 22 минут, у 22% они более продолжительны, а у 11% длятся менее 3 минут. Самая распространенная позиция — партнер сверху партнерши, однако в докладе 1953 года отмечено, что женщины часто предпочитают две другие позиции: над мужчиной (45% или сбоку (31%))¹⁷. Другие данные также дают понять, та существует некая особая чувственная культура, которая идет вразрез с общепринятыми нормами. 90% опрошенных из высших слоев общества регулярно вступают в половые сношения и при этом полностью обнажаются», мужчины даже предпочитают спать обнаженными, Дня людей малообеспеченных или с низким образовательным уровнем нагота — признак дурного тона или даже непристойности. Они предпочитают не обнажаться полностью и при половом акте¹⁸. Быть может, в этом сказывается запоздалое влияние викторианских представлений на низшие слои общества, в то время как элита стремится перенять иные нравы и обособиться от простых людей. В целом запрет на публичную наготу все еще весьма силен в американской культуре, в отличие от европейских и особенно скандинавских стран. Голливудские фильмы должны соблюдать очень строгие правила. Сцены насилия, кровопролития, нагота героев и взаимные ласки в американских фильмах проходят жесточайший контроль, прежде чем их допускают к прокату для широкой публики¹⁹.

Кинси в двух своих докладах подчеркнул, что с середины XX века в обществе произошел раскол. Сексуальная жизнь обеспеченных американцев разительно отличается от сексуальной жизни малоимущих: обеспеченные стремятся к большей свободе и разнообразным эротическим удовольствиям. Петтинг практикуется весьма часто как мужчинами, так и женщинами. Объясняя свое пристрастие к петтингу, опрошенные чаще всего говорят, что узнали от друзей или из книг, насколько необходима эротическая стимуляция во время соития. 90-96% мужчин ласкают женские груди, теребят половые органы во время акта, при этом мужчины скромного социального происхождения реже прибегают к подобным ласкам (75-79%). В докладе 1948 года приводится, но никак не комментируется занятное наблюдение: девушки из народа чаще доходят до оргазма во время акта, хотя их партнеры крайне редко прибегают к петтингу. В свою очередь девушки из народа редко ласкают мужские половые органы (57%). Кинси лаконично замечает, что среди этой категории населения считается, что нормальный половой акт — это проникновение члена. Таким образом, партнеры разного социального происхождения прибегав, разного рода ласкам. Обеспеченные классы охотно делятся половыми органами друг друга, а малоимущие и рабочие не слишком ценят эротические игры. Обеспеченные считают, что поцелуй в засос, при котором партнеры прикасаются языками, возбуждает и

очень эротичен (87 %), а низшие классы считают, что это — грязная при вычка и таким образом можно подхватить какую-нибудь болезнь²⁰. I

В отношении к поцелую в губы и петтингу очень наглядно проявилась глубокая связь между сексуальностью и усвоенной с детства культурной традицией. Поцелуй в губы входил в искусство любви еще с давних времен. В XIX веке для рабочего люда и среднего класса овещ признаком нездоровой сексуальности, свойственной похотливым аристократам, В США к 1950-м годам врасос целуются лишь любовники, слоющиеся на вершине социальной пирамиды, причем умение целоваться, таким образом, воспринимается как знак внимания к эротически» запросам и потребностям любимого человека. Малоимущие классы избегают таких поцелуев, однако в этом созывается не столько отвращение ко рту партнера, сколько ко желание продемонстрировать особую мужественность как отличительный знак своего сословия. В XVII веке в деревнях Сомерсета петтингом занимались многие". Оi него отказывались лишь женщины благородного происхождения и богатые крестьянки: так они подчеркивали свою пуританскую добропорядочность и отличие от дру гих. Подобные факты невозможно оценивать с точки зрения какой-то абсолютной и неизменной морали. Фор мы сладострастия меняются, приспосабливаются к нравственному кодексу поведения той или иной социальной

группы. Они зависят от множества факторов: пола, возраста, социального происхождения партнеров. То, что доставляет удовольствие одним, другие считают бесстыдством.

Сексуальное поведение часто становится признаком принадлежности к той или иной социальной группе

вязывается со стремлением подражать себе подобным. Среди американскойэлиты широко распространяется стремление бунтовать против нравственных законов и установлений. Люди из народа в связи с этим решили, что именно на них возложена ответственность за соблюдение традиций и морали, в противовес отступникам. «Война культур» началась задолго до 1990-х годов. Корни ее уходят в давние антагонистические отношения, основанные на религиозных, экономических и образовательных различиях. В начале 2000-х годов разлом обозначился особенно четко. Предлогом послужили споры по поводу однополых браков, абортв и допустимых эротических игр. Однако в основе разногласий лежало глубокое взаимное непонимание между теми, кто хотел любой ценой сохранить существующие нравственные нормы и запреты, и теми, кто стремился их обойти. Среди последних, как правило, — люди с деньгами и образованием, они не слишком боятся ни судебных санкций, ни общественного порицания; вспомним, что прилюдный обмен ласками между теми, кто не состоит в браке, еще в 1950-е годы в большинстве штатов считался преступлением, особенно если партнеры прибегали к слишком откровенным или орально-тениальным ласкам. Для возбуждения судебного дела достаточно было доноса от рассерженных родителей и соседей-свидетелей. В штате Орегон всякая «извращенная» игра с половыми органами рассматривается как преступление против природы. То же самое и в шта-

372

373

те Аризона, где поводом для судебного преследощ может стать «противоестественное» прикосновение, буждающее половое влечение у другого человека. Вош гих штатах соприкосновение языка с пенисом или щ ной преследуется по закону либо как содомия, либо а «преступление против природы»®.

Оральнй секс в супружеских отношениях тщ запрещен законами и установлениями многих шгщ Иногда супругов действительно привлекают к уголовной ответственности за это: соседи расспрашивают детей, чем занимаются их родители, и доносят, ссылаясь на невинные детские слова». К середине XX века страх перед подобными доносами был еще так силен, что большие-ство опрошенных, по-видимому, просто не посмели признаться, что занимаются оральным сексом²³. Однако постепенно страх стал проходить, и к концу

1980-х годов» около 90% опрошенных, как состоящих в браке, gate одиноких, признавались, что прибегают к оральному сексу. Женщины иногда жаловались, что мужчинам слишком нравится, чтобы «у них сосали»²⁴.

Замечательная работа, проделанная Кинси и его коллегами, со всей очевидностью выявила идеальную парадигму американской сексуальности в том виде, пиком она сложилась к 1950 году: гетеросексуальная супружеская пара и ничего иного! В основе такой системы ценностей лежит запрет на всякие добрачные отношения. Иначе обстоит дело в Европе, где в наши дни врачи считают добрачные половые отношения благоприятными как для личности, так и для общества в целом. В странах Европы, кроме того, не возбраняется разного рода «ненормальное» проникновение, не приводящее к зачатию. В США преследуется адюльтер, особенно строгие законы на этот счет приняты на северо-востоке страны²⁵. Однако жизненная реальность порой отходит от кодексов правил и социальных условностей. В исследовании группы Кинси подробно фиксируются разнообразные отступления от нормы, что производит сильное впечатление на читателя. Тяга к нарушению норм делает более понятным то движение за разрыв с традиционными ценностями, нравственными и судебными установлениями, которое возникло в США в 1960-е годы и особенно ярко проявилось в Калифорнии. Именно тогда произошел классический раскол США на два противостоящих лагеря. Современная «война культур» носит не только религиозный или политический характер — в нее вовлечены самые разнообразные факторы, в частности те, что связаны с брачными узами и свободными плотскими отношениями. Сторонники неперменной гетеросексуальной супружеской пары противостоят «бунтовщикам», которые открыто заявляют о своих правах и требуют, чтобы то, что ранее считалось «грехом», «отклонением от нормы», правонарушением, а то и преступлением, стало рассматриваться как нечто вполне обыденное. К началу третьего тысячелетия именно в этом противостоянии сказывается отличие северо-американской культуры от европейской, где сторонники традиционной нравственности давно уже оказались в меньшинстве, хотя и поднимают порой свой голос против абортов или контрацепции.

Пережитки двойного сексуального стандарта

Непросто ответить на вопрос, почему американцы в своих законах и нравственных установлениях так привержены идеалу супружеской пары как единственному дозволенному проявлению сексуальности. Кинси без щщ казал, что реальное поведение выходит далеко за репрессивной теории. Некоторые запреты систем, ки нарушаются почти всеми, и непонятно, почему они еще остаются в силе. В основном это касается махтул ции и ограничений для холостяков, вдовцов и разводящихся: в реальности одинокие люди ведут ничуть не менее активную половую жизнь, чем те, кто состоит в брак. Можно предположить, что противоречие между идеалом и реальностью лежит в основе американской модели сексуального поведения в целом. Быть может, ключ к разгадке кроется в представлении о неперменном противос* нии Добра и Зла? Что, если путь к стабильности обществ лежит через столкновения, в которых нет ни настоящих победителей, ни настоящих побежденных? Ведь консерваторы, что бы они ни заявляли публично, вынужден, принять перемены в матримониальной системе ценностей, а те, кто громогласно призывает отказаться от нее, в конце концов смиряются с ее существованием, тенбо лее что в реальности нарушителей установлений в этой сфере наказывают достаточно редко. В стране, где теоретически царят необычайно строгие пуританские нравы, а на практике господствует свобода поведения, установилось своего рода молчаливое перемирие между конфликтующими сторонами.

Можно сказать, что в США царит «двойной сексуальный стандарт» (назовем его так по аналогии с тем, та действовал в Европе в викторианскую эпоху, но касался только мужчин). Естественно, что в стране дяди Сэма, в самом сердце демократии, любой принцип распространяется на всех, в том числе на женщин, «нетрадиционные» и маргиналов. Единственной дозволенной нормой сексуальной жизни является

гетеросексуальная пара, причем партнеры обязаны стремиться к зачатию ребенка, а не к собственному удовольствию. Но вместе с тем каждый может выбрать сексуальную жизнь по своему вкусу в рамках молчаливого уговора. Этот уговор утвердился после того, как стихли многочисленные битвы угнетенных групп за свои права: расовые в 1960-1970-е годы, феминистские и, совсем недавно, гомосексуалистские. Еще в 1948 году Кинси признавал, что молодежь почти повсеместно стремится получить в сексе удовольствие. В наши дни речь идет уже не о том, что геи и лесбиянки требуют считать их нормальными людьми, а о признании их прав в законодательном порядке и даже о заключении браков между ними, что было сделано в 2004 году в штате Массачусетс.

Двойной мужской стандарт викторианской Европы включал в себя связи с женщинами легкого поведения. Кинси выявил, что в жизни американцев они занимают значительное место. В исследовании 1948 года установлено, что 69% белых мужчин несколько раз вступали в связь с проститутками. Однако он комментирует лишь поведение 31% опрошенных, никогда не имевших подобных контактов, а также немногих постоянных клиентов проституток, которые с возрастом все чаще прибегают к услугам наемной любви. Мужчины предыдущего поколения, как пишет Кинси, посещали специальные заведения чаще. Они искали в них не только удовлетворение собственно эротических потребностей, но и возможность расслабиться и даже завязать необходимые знакомства. Кинси делает вывод, что притягательность проституток для мужчин снизилась, что, вероятно, связано с повышением культурного уровня, равно как и с определенными

Часть четвертая. Революции? Наследие шестидесятых
законодательными мерами, принятыми против проституции. Вместе с тем в докладе приводятся поразительные данные: в городе с населением в 100 тысяч мужчин за неделю посещают проститутку 3190 раз. Понятно, что одними полицейскими мерами здесь не обойтись. Уклончивые, а иногда и противоречивые ответы позволяют предположить, что двойной стандарт все еще существует и даже охватывает гораздо более широкое поле сексуальной жизни, чем раньше. Представь себе, в какие жесткие тиски, нравственные и социальные, попадает человек, когда наступает пора оставить юношеские бунты и проделки и вступить в брак. Позади мальчишеская мастурбация (ее занимаются почти все мальчишки) и однополые игры (около трети мальчиков); молодожен человек готов стать хранителем священных ценностей супружества. И тут оказывается, что в брачном союзе подстерегают новые запреты, в частности на оральные секс и позицию под женщиной. Вплоть до наших дней поколение за поколением оказывалось в двойных оковах, и это порой приводило к некоторому расщеплению сознания. С одной стороны, молодым людям внушают, что только в браке можно предаваться дозволенным чувствам, а холостяки, независимо от возраста, не должны вступать в плотские сношения. Но, с другой стороны, они видят, что одинокие мужчины живут столь же насыщенной половой жизнью, как и женатые.

Женщинам эта система была особенно стеснительна, и именно женщины в конце концов поставили вопрос о ее состоятельности. Это произошло после того, когда женщины обнаружили, что их оргазм существенно отличается от мужского.

ОТКРЫТИЕ ЖЕНСКОГО ОРГАЗМА

Доклад Кинси был обширным коллективным исследованием. Трудно переоценить ту роль, что сыграли высказанные в нем соображения. Он спокойно и невозмутимо ставил под сомнение ценности, которые казались непоколебимыми, и был тут же принят на вооружение маргинальными группами. «Третий пол» — мужчины и женщины, испытывающие влечение к себе подобным, заявили о своих правах, а их особая сексуальная ориентация сразу стала предметом изучения. Именно тогда исследователи обратились к истории феномена — к свидетельствам о лондонских геях 1700-х годов²⁷. Сексологи, опираясь на исследования Кинси и его коллег, пришли к выводу, что лишь малая часть населения США может считаться исключительно гетеросексуальной или гомосексуальной. У большинства людей на протяжении жизни проявляется влечение то к

противоположному, то к своему полу. В исследовании 1953 года Кинси отмечает, что от 3 до 10% опрошенных женщин имели опыт однополый связи, а к 40 годам 19% женщин хотя бы раз вступали в половой контакт с другой женщиной²⁸. Оказалось, что в большой книге жизненной реальности есть место всему, хотя до Кинси это считалось извращением или вопиющим нарушением приличий. Мнения опрошенных были подкреплены данными исследований. Ученые объявили, что они стремятся к свободной и непредвзятой интерпретации данных и речь идет об обычной биологической проблеме, поставленной еще Фрейдом. Они подчеркнули, что анализ человеческого поведения в его материалистическом, животном аспекте не принят в американской и английской традиции, где подобная интерпретация воспринимается как Вдтй, достойное культурной и образованной нации²⁹. Дейд тельно, многие читатели именно так восприняли недц, рые утверждения, например такое-, мастурбация», «грех рукоблудия», но весьма распространеноезавд Открывался путь к дальнейшим исследованиям, к смрц и дискуссиям, одним словом, к формированию тц взгляда на сексуальность. И тут разразился скандал.

Женское сладострастие I

В 1966 году в невозмутимое озеро общественного спокойствия был кинут еще один камень. Уильям Мистере и Вирджиния Джонсон опубликовали биологов хологическое исследование «Ответы на вопросы о сексуальном поведении человека». В этой работе впервыебщ предложен анализ женской сексуальности⁰. Выводы де лались на основе опроса 487 женщин, причем вопросы задавались в лаборатории сразу после того, как женщина испытала оргазм. Было выделено 3 этапа женскогоор» ма. На первом перехватывает дыхание, а затем появляется особое ощущение в области клитора, которое распространяется на всю тазовую область. Многим женщина» кажется, что в этот момент у них выделяется жидкость Исследователи замечают, что мужская — ошибочная-точка зрения на оргазм у женщин предполагала, что они в» деляют особое семя. Именно так думал Уолтер-аношш-ный автор «Моей тайной жизни», написанной в Швеи. Он упорно пытался понять, что именно испытывают его многочисленные партнерши³¹. В теле соблазнителя скрывалась душа сексолога!

На втором этапе оргазма, выделенном Мейстерсом и Джонсон, 1» горячая волна охватывает тазовую область, а затем распространяется по всему телу. На третьем этапе происходит нечто вроде произвольных содроганий, особо чувствительных в области влагалища или таза. Некоторые из опрошенных женщин разделяют два последовательно сменяющихся состояния: спазм, а вслед за ним вибрация или пульсация. В ходе дальнейшего исследования авторы отмечают, что нормальными можно считать 5-8 сильных сотрясений «органической платформы» во время оргазма, 8-10 сотрясений опрошенные воспринимали как своеобразный физиологический эксперимент, а 3-5 сотрясений для многих — «нежное сладостное переживание» (так не считают женщины в менопаузе, обладающие большим сексуальным опытом). Беременные женщины чувствуют оргазм острее, особенно во втором, а то и в третьем триместре беременности; Но Мейстерс и Джонсон считают своим долгом заявить, что их исследование носит исключительно клинический характер и не исчерпывает индивидуального разнообразия наслаждения, которое каждая женщина может испытывать по-своему³².

Косвенной целью книги была реабилитация мастурбации. Мы уже говорили о том, что в американском обществе на мастурбацию наложено особенно сильное табу. Авторы книги' оспаривают убеждение Фрейда, согласно которому зрелые женщины не мастурбируют. По их наблюдениям, самостимуляция происходит на всем протяжении сексуальной жизни женщины. Более того, многие женщины не ограничиваются однократным оргазмом во время стимуляции клитора, но повторяют его по нескольку раз, пока не дойдут до изнеможения. При этом авторы

г~«и». Революции? Наследие шесгадецц

не стремятся пропагандировать самоудовлет&ог»

они лишь хотят снять с него ореол запретное™ в практику гетеросексуальных сношении как один из соборов эротического возбуждения. Эта цель оказалась стигнута далеко не сразу, зато послыл, содержащий книгу, был сразу принят на вооружение феминисток гееми. Они использовали его, чтобы заявить о прл собственную сексуальную свободу и восстать против нительных норм и запретов. В пошедуюпдо тодыш лось немало решительных, программных сочинение 1970 году Энн Кедт опубликовала книгу «Шф о вагину ном оргазме» — в 1971 году вышла книга, написании» лективом бостонских женщин, под названием «Это над тело, и оно принадлежит нам». Сочинение стало віск» щей библией движения за сексуальные права женці том числе права на мастурбацию. За тридцать лет щ разошлась в 4 миллионах экземпляровнаІбязькахІВЩ году Бетти Додсон выпустила бестселлер под названием «Освобождение мастурбации: размышление о саморш ворении», до 1996 года он был переиздан 6 раз".

Подлинная сексуальная революция XX века зато» ла в первую очередь женщин. Она началась в 1950-егодя в США и два последующих десятилетия шла полным» дом, все ускоряясь. Закономерно, что потребностьвьв ре иных изменениях возникла именно там, где общество испытывало самые сильные страхи и волнения попово ду сексуальных запретов и сексуальной свободы. Амери-канцы того времени были особенно угнетены патриархальными принципами в сексуальной сфере жизни (или доказали доклады Кинси). Вместе с тем американцыЬ лее, чем кто-либо, умели добиваться свободы от угаете ния, в чем бы оно ни проявлялось. Одна исследователейг ница, размышляя в 1990 году о том, к чему привела «воина полов», справедливо заметила, что американцев приучили относиться к Эросу с предубеждением и даже страхом. Он ассоциируется у них со страстью, плотским вожделением, опасной и неконтролируемой силой. Вот почему Эрос считался чем-то пугающим даже в семейной жизни, и требовалось постоянно сдерживать эмоции. Но наше поколение, заявляет она, научилось рано и очень искусно сдерживать свои желания. Мы уверены, что «наш страх перед Эросом не способен разрушить цивилизацию»34.

Говоря другими словами, по ту сторону Атлантики все еще продолжается сексуальная революция, так как противостояние традиционных взглядов по-прежнему очень сильно. И благонамеренные американцы, и неоконсерваторы считают защиту гетеросексуальной семьи одним из социальных приоритетов. Несмотря на то что в последние 50 лет постоянно шли разговоры о сексуальности, семья до сих пор воспринимается как образец удовлетворения чувств и потребностей любого рода и стоит выше простого плотского наслаждения. Многочисленные сочинения пишутся об этом, и многие из них имеют успех. Вместе с тем в частной жизни тема семьи и секса все еще окутана тайной и завесой молчания35. Чем больше говорят об этом в публичных местах, тем менее ясна роль семьи и секса в жизни каждого человека. Былая репрессивная культура не сдает своих позиций и молча сопротивляется. К началу XXI века мнения еще более поляризовались, а противостояние двух враждебных сторон усилилось как никогда.

веж* четвертая. Революции? Наследие шестмдескгаи Щ

Революция в контрацепции \

Основной путь к освобождению женщины ОТТЙЙ. нии сексуальности, связанной исключительно с детороц. дением, лежит через противозачаточные средства. Ов» существуют уже с шестидесятых, но применяют их не BR, причем по разным причинам: часто семейная, обществен ная и культурная традиция не позволяет использовать их Первое из противозачаточных средств, оральнй женский контрацептив, был изобретен американснц ученым Грегори Пинкусом в 1950-е годы, а в 1960-е он поступил к потребительницам. Противозачаточная гаfr летка — это несомненно одно из самых революционных изобретений века. За скромную цену (поначалу упаковка таблеток на месяц стоила 11 долларов) женщина получает возможность контролировать свою детородную функцию. Никогда еще за всю историю человечества у женщин не было такого права36. Совсем не случайно Пинкус проводил исследования в то же время, что а

команда Кинси, и незадолго до открытия женского оргазма Мей-стерсом и Джонсон. К середине XX века в американском обществе, очень пуританском и очень озабоченном проблемой секса, назрела проблема, принимавшая разные формы.

Позже, в 1970-е годы, постепенно происходит психологическое освобождение женщины, причем не только на уровне отношения к телу — благодаря феминистскому и гомосексуалистскому движению в этой области уже произошли значительные перемены. Освобождение происходит на законодательном уровне, так как в 1973 году Верховный суд США легализует аборт. На ясном небосклоне американской семьи раздался удар грома! Масш-

Плмв 6. Эра удовольствия (от 1960-х до на таб этого решения можно ощутить и по сей день, — хотя противники абортов продолжают яростное сопротивление. Отныне женщина получила не только право на оргазм и — самоудовлетворение — ей разрешили, в рамках закона, не страдать от нежелательной или угрожающей здоровью беременности.

Католическая церковь в свою

чередь запретила разом и противозачаточные таблетки, аборт. Она разрешила в качестве контроля за зачатием использовать лишь метод Огино. Остроумное техническое изобретение на базе этого метода было представлено публике в октябре 1996 года. В начале менструального цикла надо нажать на кнопку, загорится зеленая лампочка, а когда ее свет сменится желтым, женщине следует при помощи того же прибора протестировать мочу. Если загорится красная лампочка, это значит, что в ближайшие 6-10 дней можно забеременеть. Преимущество метода состоит в том, что женщина может сама решать, не прибегая к другим противозачаточным средствам, хочет ли она зачать ребенка. Метод Огино, появление таблеток и, быть может, какие-то завтрашние пока неизвестные контрацептивы сделали очевидным одно: дочери Евы могут быть совершенно на равных с партнерами-мужчинами в сексуальных отношениях, если они психологически готовы к такому равенству³⁷.

Вибраторы

В последние десятилетия XX века наступил новый, «технический» этап на пути обретения сладострастного наслаждения. И снова новшества идут из Америки, развернувшей целую индустрию эротических и сладострастных приспособлений как для самоудовлетворения, так и для пары, до сих пор имевших хождение только в «альных магазинах» (sex shops) наиболее терпимых стран Запада. В 1977 году в Калифорнии был открыт специализированный магазин «Знатные вибраторы со складов Западного побережья». Его товарооборот поначалу был скромным... около 15 тысяч долларов в год, но к 2000 году объем продаж вырос до 8 миллионов долларов в год; среди прочего магазин продавал 134 тысяч вибромассажеров (а не бы продать и миллион). На рубеже тысячелетий в США действуют 4 большие мануфактуры по производству сексуальных игрушек, персонал каждой насчитывает более сотни человек. Среди этих мануфактур — и самая большая в мире фабрика До Джонсона. Европа не отстает. К насто-ящему времени на континенте насчитывается не меньше дюжины подобных производств. Глобализация наслаждения пошла полным ходом! На [сайте](#) в Интернете предлагаются силиконовые пенисы с изображением Иисуса, Девы Марии или Будды³⁸. Теперь уже сексологам не надо доказывать в исследованиях, что мастурбация и эротические игры — нормальное явление. Интернет, печатные и аудиовизуальные средства массовой информации в изобилии дают советы и пропагандируют способы стимуляции. Более того, пышным цветом расцвела мощная отрасль эротической коммерции, и вряд ли теперь поборники нравственности могут изменить ход вещей. Мы не отдаем себе отчета в том, насколько важными для современного сексуального освобождения оказались законы рынка... Странная инверсия ценностей! Ведь когда-то «рукоблудие» было осуждено Тиссо, а потом и врачами XIX века как расточительство! А в наши дни оно становится способом первоначального накопления капитала, и именно это превращает его в обычное явление гораздо эффеетивнее,

чем работы Кинси или Мейстера и Джонсона. Как следствие — постепенное ослабление табу на мастурбацию в США, особенно у молодого поколения. Если в исследовании Кинси 1953 года указывалось, что только 40% женщин мастурбировали до первого сексуального сношения, то к 1990 году уже можно говорить о более чем двух третях женщин и почти 100% мужчин*9. Результаты свидетельствуют не только о том, что мастурбацией стали заниматься без чувства вины, но и о том, что опрошенные не стыдятся отвечать анкетированному, а подобный стыд несомненно искажал реальную картину в середине XX века. Ш То, что было изгнано, возвращается. Эротические игрушки и искусственные пенисы открыто продавались на улицах Лондона еще в XVIII веке. Считалось, что они невероятно чувственны и, разумеется, привезены в Англию из Франции. Их современные варианты весьма многообразны. Некоторые родились в Америке в исследовательских целях: они позволяют имитировать движение половых органов при соитии. Речь идет о дорогостоящих прозрачных пластиковых аппаратах, куда вставляется пленка, и таким образом фотографируется внутренность вагины. Эти аппараты снабжены переключателями скорости и глубины проникновения, они используют электрическую энергию и представляют собой нечто вроде машины для бесконечного оргазма. Другие — просто вибромассажеры, вполне невинные с виду, что облегчает их продажу. Не обязательно электрические, они вырезаны прихотливым образом и имеют самые разнообразные формы. Особо изобретательное приспособление появилось в Японии около 1970 года. Оно называется «рин-но-тама», или «ватама», или «бен-ва» и состоит из двух полых шариков величиной с голубиное яйцо, причем в один из ". «РТА*. РЕВОЛЮЦИИ? НАСЛЕДИЕ ШЕСТИД них налито немного ртути. Пустой шарик влагалище, за ним второй, а завершает прчг. ВВ°№тс»,ii

Г «ЕЛО МЯТАЯ с,

га или вата. С этого момента женщина может наслаждения, ничем не выдавая себя. Ей достат!?'4 качаться на качелях или в кресле-качап — начинают скользить внуши « ЮДОбно MVS""

~Ч*И| вволив

. завершает дело мят:> — *)'Ого момента женщина может п 4 аслаждения, ничем не выдавая себя. Ей ппг~ качаться на качелях или в кресле-качалке, как начинают скользить внутри влагалища и давят подобно мужскому члену40. Любители секса нашаще ющемся ложе не ожидали такого развития идеи! VW нец, вариант 1990 года — «кожаная бабочка», нечто> де электрического вибрирующего яйца. Женщина може, незаметно удерживать его во влагалище, например, ц время романтического ужина при свечах41. Все этиПр«. способности, даже самые скромные, не пользуются слиц ком большим спросом. Быть может, феминистки MOTVI найти в этом еще одно доказательство своей правоты; они считают, что клиторное возбуждение, вопреки мнению Фрейда, превосходит вагинальное. Гла» а

6. ЭРА УД°ВОЛ

бствия (от 1960-х до наших дней)

НА ПОРОГЕ НОВОГО

СЕКСУАЛЬНОГО ДОГОВОРА?

и "па пошла по пути сексуального освобождения чем Соединенные Штаты:

противозачаточные РТШки представление о женском оргазме, эротичес-игрушки вошли в европейскую культуру давно, и этим "о Не ограничилось. В протестантских странах, в частоте в Скандинавии и Нидерландах, общество весьма терпимо относится к свободе нравов, Обнаженному телу, продаже порнографических изданий в киосках. Найдены способы регулирования древнейшей профессии, о чем свидетельствуют витрины в Амстердаме и Гамбурге, за которыми проститутки выставляют напоказ свои прелести. Католические страны более сдержанны, — но и там после событий мая 1968 года ослабли многие запреты. Законодательство ответило на изменения в общественном сознании, в частности, легализацией аборт (во Франции по закону Вейля от 17 января 1975 года),

разводов, признанием гомосексуалистов и утверждением разных форм сожительства людей одного пола (Пакт о гражданской солидарности в стране Вольтера). В Старом Свете нет тех ножиц между суровыми традиционными законами, которые сохраняются в теории, но редко применяются на практике, и реальным поведением, что так характерны для американской культуры. Если что-то в законодательстве не устраивает общественное мнение, оно игнорирует установленные строгости, а законодатели в конце концов приспособляются и меняют правовые нормы, касающиеся гетеросексуальной семьи — многовековой основы западного общества.

Как изменяется представление о любви К

В начале третьего тысячелетия по обе стороны, лантики происходят перемены во взаимоотношение полов⁴². В обществе всегда существует негласный ВИ тракт между полами, и он составляет существенную часть общественного договора в целом. Он зависит не столько от воли личностей, сколько от целей и задач цивилизации в целом. Чувство свободы, возникшее в Европе Соединенных Штатах после 1968 года, появилось благодаря деятельности отдельных личностей и одновременно но как результат всеобщих усилий. С этой точки зрения любовь нельзя считать исключительно личным чувством так как «мы любим и страдаем, следуя культурным предписаниям». Любовь можно также считать определенный «коммуникационным кодом», тесно связанным с принципиальными параметрами человеческого сообщества и с изменениями, в нем происходящими⁴³.

На Западе этот код, ограниченный взаимоотношениями внутри гетеросексуальной пары, впервые претерпел изменения в XVII веке. До этого он строился на возвышенном идеале средневековой куртуазной любви, а в XVII веке в него вошли представления о чувственном™ как о непереносимом условии любовной связи⁴⁴. Литература заговорила о любви и страсти и открыто стала выяснять, в чем различие между ними. Следующий поворот произошел около 1800 года, когда стали разделяться любовь-страсть и романтическая любовь. Никлас Люман считает, что в это время окончательно отступила традиционная модель мира, основанная на семье в узком смысле слова, религии и морали. На смену ей пришла современная модель, построенная как функциональная система, все

Глава 6. Эра удовольствия (от 1960-х до наших дней)

элементы которой — экономика, политика, закон, искусство, частная жизнь и пр. — развиваются автономно и при этом сохраняют тесную взаимозависимость⁴⁵. Его основная гипотеза состояла в том, что существенные перемены в любовной семантике приходят обычно вместе с обновлением коммуникационной символики в целом; процесс обновления приводит к тому, что душевные взаимоотношения между людьми становятся более интенсивными. Однако то, что лежит в основе личности, — память, особенности поведения — никогда не может быть целиком понято другим; тем более что и сама личность не всегда понимает себя до конца. Таким образом, взаимоотношения между людьми в основном регулируются правилами нормами, которые позволяют принять или отторгнуть эгоцентрическое видение мира, свойственное каждому из нас⁴⁶. Как мы помним, Уолтер, автор «Моей тайной жизни», несколько раз говорит о том, что рассказывать о своей жизни он стал из-за неистребимой потребности понять, испытывают ли его современники те же эротические ощущения, что и он. Он часто признается, что трудно описать свои чувства, не имея возможности сравнить их с чувствами других, ибо суровые табу викторианского английского общества не позволяют говорить о подобных вещах⁴⁷.

В XX веке любовный кодекс продолжает развиваться. Кажется, что развитие индивидуализма обостряет эгоистическое стремление к удовольствиям плоти. Однако, по сути, нет ничего более связанного с законами общества, чем половые отношения. Более того, со времен шестидесятых сексуальные достижения превратились в мерило жизненного успеха в целом. Западная семантика чувств распространилась на весь мир⁴⁸, плотское наслаждение стало метафорой удовольствия вообще, а пол. ние удовольствия теперь воспринимается как максимумое воплощения собственного «я»⁴⁹.

В ходе потрясений, случившихся в конце XX Ко «сексуальный договор» принял совершенно новые (Ц, мы. Уже с 1971 года можно было предвидеть, что» св> ром времени исчезнет старая модель взаимоотношений между полами, основанная на долгом предварительном ухаживании, воздержании от соитий между женихе», невестой до свадьбы и двойном мужском стандарте, копу рый давал возможность жениху, так же как впоследствии мужу, посещать проститутку и набираться у них сексуального опыта. В 1960-е годы девственность лишилась былой значимости, чему способствовало развитие контрацепции. Более того, девственность теперь воспринималась не как достоинство, а как синоним чувственной неразвитости или несостоятельности. Добрачные половые отношения стали нормой у молодежи, однако подчас родители, воспитанные на других принципах, не понимали детей. Новые поколения не должны больше ограничиваться «дозволенными миласками, а поэтому они реже прибегают к мастурбации, чем молодежь былых времен. Однако некоторые моралисты говорят, что утверждаете! своего рода «тирания оргазма»⁵⁰. Действительно, необходимость быть на высоте диктует свои законы как мужчинам, так и женщинам — похвальное равенство, если только оно не порождает чувство фрустрации у тех производителей, кто в условиях конкуренции не может полностью удовлетворить ожидания потребителей!

Глава 6. Эра удовольствия (от 1960-х до наших дней) Право на наслаждение Через тридцать лет после 1960-х, в самом конце XX века, принципиальные изменения в сексуальных и общественных отношениях стали очевидны. Невозможно отрицать кризис или упадок традиционного представления о супружеской паре, скрепленной священными узами брака. Законный брак все чаще завершается разводом. Это происходит и в Европе, и в Соединенных Штатах. В США, где царит дух практичности и вкус к поиску наиболее эффективного решения любого дела, даже была изобретена машина, похожая на автомат-проигрыватель пластинок, позволяющая максимально быстро получить весь набор необходимых для развода документов⁵¹. Рост числа разводов отчасти объясняется существенным увеличением продолжительности жизни. Супруги теперь живут вместе гораздо дольше, чем до середины XX века, когда голод, неизлечимые болезни, войны часто обрывали счастливые союзы. Кроме того, раньше существовали незыблемые и нерасторжимые обязательства, а наши современники не боятся сменить партнера на том лишь основании, что они хотят получить больше удовольствия. Сейчас наслаждение стало и правом, и долгом. Родилась и своеобразная индустрия наслаждения. В стране дяди Сэма не только процветает рынок эротических игрушек — продажная любовь поднялась на новую высоту. В 1967 году в штате Невада впервые был легализован бордель. К концу XX века их было уже не меньше 36. Публичные дома скромно размещаются в удаленных кварталах, но при этом существует «Официальный путеводитель по публичным домам Невады». В одном из публичных домов, очевидно в образовательных целях, находится и музей про-

ЧаШь четвертая. Революции? — Наследие тестя, К1П11

ституции. Коммерческий успех домов терпимости, влек внимание инвесторов. К концу 1990-х годов, финансовая группа задумала построить в окрестиях Лас-Вегаса роскошное заведение с площадками для фа, бассейном, теннисными кортами и 500 отборщ* профессионалками. Строительство должно было об* тись в 130 миллионов долларов. Предположительно стоимость недельного пребывания со всеми удовоц ствиями — 7 тысяч долларов с человека^{5*}. « ж Все говорит о том, что наступает эпоха секса беда чатия. Однако это не значит, что в третьем тысячелетц Homo sapiens самоуничтожается, — просто теперь прои> водительная функция и эротическое удовольствие ри деляются. Значение и того и другого в жизни людей» прежнему очень велико, но многие не видят особой проблемы в том, чтобы разделить наслаждение и воспроизводство себе подобных. Изобилие продовольствия», высокая продолжительность жизни, причем жизни благоустроенной — все то, что было недоступно нашим предкам, — повысило требования к эротическим наслаждениям и к деторождению. Возросшие плотские аппетиты вовсе не

уничтожили стремление иметь детей/Скорее наоборот: хотя некоторые моралисты и предсказывают скорый конец света и вырождение белой расы в связи с падением рождаемости, роль молодежи в обществе никогда не была так высока, как сейчас. Молодых опекают и защищают от всевозможных опасностей. Детская смертность, уровень которой существенно снизился, стала рассматриваться как нечто из ряда вон выходящее. Педофилия воспринимается как тягчайшее преступление против человечества, о чем свидетельствует, в частности, скандал вокруг дела Дютру в Бельгии.

Законодательство США
Иедусматривает самые строгие наказания за любое наси-е над несовершеннолетними. Теперь ради того, чтобы завести потомков и любить их, не обязательно вступать в брак, и это обстоятельство принципиально изменило положение вещей. Родители-одиночки, однополые пары отстаивают свое право иметь детей. Более того, появились способы консервации спермы и искусственного оплодотворения, благодаря чему стало возможным то, что еще несколько десятилетий назад казалось совершенной фантастикой. Теперь женщина может забеременеть, не вступая в половые сношения; возможность иметь ребенка появилась и у тех, кто вышел из детородного возраста. Оплодотворение в пробирке применяется все чаще. В 1996 году в Соединенных Штатах было 64 тысячи подобных случаев, а к 2001 году их количество возросло до 110 тысяч. Возникают и множатся клиники, специализирующиеся на искусственном оплодотворении, так как дело приносит немалую прибыль: расходы пациента на одну попытку оплодотворения достигают 25 тысяч долларов. Однако с возрастом шансы на успех падают. Для 35-летних женщин вероятность забеременеть в результате искусственного оплодотворения составляет 35%, между 35 и 40 годами — 20%, между 40 и 42 годами — 10 %ъз. Появляются и другие узаконенные способы обзавестись ребенком, например воспользоваться услугами суррогатной матери⁵⁴, а со временем, быть может, появится и возможность клонирования... Этические и нравственные правила воздвигают свои препоны; но они со временем меняются в соответствии с переосмыслением общественных отношений. Некоторые люди мечтают о том времени, когда падет последняя биологическая преграда и ребенка сможет вынашивать не только женщина... — члпвтші — Революции? Наследие шесгидеспад

Однополый брак <

Супружеской паре не грозит исчезновение. Пор*, дуктивная модель нашей особи тяготеет к моногамии «с некоторыми отклонениями*». Исключение составляют гомосексуальные пары и священники, обреченные щ воздержание. По отношению к последним неизменно возникает вопрос: как им удастся сублимировать свои чувства?55 Вопрос celibата священников, распространенных в их среде педофилии и гомосексуализма в наши дни стоит особенно остро. Случаи нарушения обета происходят все чаще, что свидетельствует о том, что многим священникам все труднее хранить его. Возможно, так сказывается завершение репрессивного цикла, начало которого восходит еще к 1563 году, когда на Тридентском соборе было объявлено, что воздержание — краеугольный камень католической церкви. Именно тогда полное воздержание было вчинено в обязанность не только монахам, но и священникам в миру, в противоположность протестантам, провозгласившим, что священнослужители могут вступать в законный брак. До 1563 года на нару* шение обета воздержания смотрели сквозь пальцы. У римских пап эпохи Возрождения были незаконнорожденные дети. В первой половине XVI века благочестивый император Карл Пятый узаконил немало бастардрв, рожденных от епископов и высших церковных чинов католических Нидерландов. Но и после Тридентского собора потребовалось время, чтобы новые правила утвердились» В провинции Франш-Конте, находившейся в первой трети XVII века под испанской опекой, многие кюре тяжело и мучительно расставались с «прислужницами» — матерями своих внебрачных детей. Новые правила требовали

fxaga 6. Эра удовольствия (от 1960-х доздаших дней)

заменить их на служанок «без возраста» и безукоризненной нравственности⁵⁶. Усиление принципа целибата священников было необходимо как ответ на упреки протестантов в разврате, царящем в римско-католической церкви. Кроме того, следовало создать в глазах верующих идеальный образ целомудренного священника. Основная цель состояла в том, чтобы вернуть браку статус нерасторжимого таинства, разрушенный реформаторами. Кроме того, супруги должны были думать только о зачатии и деторождении, а не об удовольствии. Бдительное око исповедника следило за ними. А пастырь должен был являть своей пастве пример наивысшего благочестия, безусловно воздерживаясь от плотских утех. Не удивительно, что и эта система была поставлена под сомнение в свобододлюбивые шестидесятые. II Ватиканский собор (1962-1965) принял на этот счет более мягкие постановления, чем за четыре века до этого Тридентский.

Что касается гомосексуальных пар, то западное общество относится к ним все терпимее⁶⁷. В Соединенных Штатах противостояние консервативной части населения особенно сильно, хотя в Сан-Франциско и Нью-Йорке существуют большие сообщества геев. Вопрос встал крайне остро к началу третьего тысячелетия⁵⁸. В июне 2003 года Верховный суд шестью голосами против трех отменил антисодомитские законы. В ноябре 2003 года Верховный суд штата Массачусетс четырьмя голосами против трех признал возможность официально заключать браки между людьми одного пола. Решение вступило в силу 17 мая 2004 года; штат Массачусетс стал первым, принявшим подобное решение. С тех пор по всей стране идет мощная волна противостояния. Самые радикальные консерваторы требуют внести поправку в Конституцию, запрещающую любой союз, кроме союза между мужчиной и женщиной. Развернулась скрытая битва. Общественное мнение не имеет четко выраженной ПОЗИЦИИ, о чем свидетельствуют опросы, проведенные «Нью-Йорк тайме» и «Эс-би-си ньюс». По результатам исследования предпринятого в июле 2003 года, 54% опрошенных считают, что гомосексуальные союзы должны быть официально признаны; в предыдущем опросе так считал 41%. Такое мнение появилось после решения Верховного суда. Однако потом началась президентская кампания, и общественное мнение стало склоняться в пользу антигомо-сексуальной поправки к Конституции. Противоречивость высказываний участвовавших в опросе людей связана с тем, что, с одной стороны, в сознании американцев высоко ценится представление о личной свободе, а с другой, они считают необходимым блюсти традиции брака. 53% считают, что брак — это религиозное установление, и лишь 33% видят в нем скорее правовое соглашение. Среди первых 71% категорически отрицает возможность однополых браков, а среди вторых их поддерживают 55%⁵⁹. Кроме того, географическая граница отделяет более либеральный Северо-Запад от традиционалистского «библейского пояса» южных штатов.

Особо яростная полемика разгорелась в 2004 году. На кон была поставлена «святость брака». 38 штатов заявили об исключительной приверженности гетеросексуальным союзам, а 5 других проломили брешь в стене враждебности по отношению к гомосексуальным парам. 12 января 2004 года штат Нью-Джерси принял постановление, признающее за совместно проживающими гомосексуальными парами все права; подобные постановления приняли и некоторые муниципалитеты⁶⁰. Однако действует закон 1996 года, утвержденный Конгрессом в Вашингтоне, «Акт о защите брака». В нем указано, что федеральные власти не признают недавно заключенные однополые браки и предписывают властям каждого штата отменить решения, которые находятся вне юрисдикции штата. Кроме того, юристы откопали какой-то маловразумительный устав штата Массачусетс от 1913 года, по которому брак, заключенный в Массачусетсе, но вопреки законам того штата, где проживают участвующие, подлежит аннулированию. Федеральные власти постарались воздвигнуть вокруг Массачусетса ДВОЙНОЙ кордон, чтобы законодательная инициатива не распространилась по всей стране⁶¹. При этом институт брака, опорный столб веры, переживает кризис в США. В начале 2006 года в браке состояли лишь 56% взрослых американцев против 75% в 1970 году, а количество

пар, имеющих детей, пропорционально уменьшилось с 45 до 26%. Кроме того, один супружеский союз из двух кончается разводом⁶².

Сторонники либерализации сексуальных отношений выдвигают свои многочисленные аргументы. Интеллектуалы говорят о том, что гомосексуализм имеет биологическую основу. Привлекаются данные последних наблюдений над приматами, из которых ясно, что и в животном мире половые сношения далеко не всегда направлены на продолжение рода. В качестве примера обычно приводятся шимпанзе-бонобосы, особенно близкие к человеку. В исследованиях, посвященных этим обезьянам, говорится, что они очень чувственны в сексуальных отношениях и почти все бисексуальны⁶³. Другой исследователь утверждает, что гомосексуальное влечение зафиксировано у 450 видов животного мира⁶⁴. В 2003 году, когда Верховный суд изучал дело «Лоренс против Техаса», затеянное ради отмены антисодомитских установлений штата, многие апеллировали именно этому исследованию. Закон был отменен, и возможно исследование рало тут свою роль⁶⁵. Это ли не доказательство действительности идей, даже если они находят свое применение в несколько неожиданной сфере? Многие исследователи идут еще дальше и предлагают рассматривать животную гомосексуальность как необходимую для выживания вида. Они ссылаются на то, что особи, не производящие потомства, помогают другим выкармливать и защищать детенышей и тем самым "способствуют сохранению генофонда. В качестве примера здесь обычно приводятся дельфины⁶⁶.

Но все подобные доводы лишь наводят еще больший страх на защитников гетеросексуального брака. Журналист «Нью-Йорк тайме» вызвал бурю негодующих писем, опубликовав статью с призывом положить конец дискриминации геев, в которой их поведение обосновывалось биологическими факторами. Его даже обвиняли в «кощунстве» за «недостойное поведение» перед лицом Господа⁶⁷.

В феврале 2004 года оппозиционеры столкнулись с вопиющей инициативой. Молодой мэр Сан-Франциско, вступивший в должность всего шесть недель назад, решил легализовать однополые браки. В отличие от мэров больших городов, он обладал таким правом, потому что Сан-Франциско имеет статус округа, а по закону Калифорнии окружные власти имеют право заключать браки. И, хотя по закону штата супружеский союз может быть заключен только между «мужчиной и женщиной», мэр с 12 февраля стал выдавать свидетельства о браке супругам одного пола. Первыми его получили две лесбиянки, 79 и 83 лет от роду. За пять дней было заключено 2600 однополых

Глава б. Эра удовольствия (от 1960-х до наших дней)

браков, хотя судебные власти и республиканский губернатор штата Арнольд Шварценеггер пытались помешать мэру. Опрос общественного мнения показал, что абсолютное большинство жителей бухты Сан-Франциско одобряют действие мэра, но Калифорния в целом его не поддерживает⁶⁸. 12 августа 2004 года местный верховный суд просто-напросто отменил более 4 тысяч свидетельств о браке, выданных в Сан-Франциско⁶⁹. По всей стране вспыхнули жаркие споры, внимательно изучался опыт Массачусетса и более мягкое решение проблемы в Вермонте и других штатах. Волна пошла по всему западному миру. 2 апреля 2004 года во дворце правосудия в Монреале «впервые по всем статьям закона заключен однополый брак»⁷⁰. Вслед за Квебеком и другие канадские провинции легализовали подобное. В Нидерландах однополые браки разрешены с 2001 года, а в Бельгии — с 2003. 21 апреля 2005 года новый глава правительства Испании, социалист, провел законопроект через нижнюю палату парламента, имея в виду в дальнейшем принять соответствующий закон. Во Франции многие задаются вопросом, можно ли изменить в этом направлении Гражданский кодекс, устаревший за 200 лет. Принятие Пакта о гражданской солидарности (PACS) уже не кажется достаточным. В июне 2004 года в Бегле был заключен однополый брак, о чем много говорилось в средствах массовой информации, однако судебные органы его аннулировали и наложили санкции на мэра Бегля.

Возмущение противников однополрой любви не может скрыть того, что общество в целом относится к ней все терпимее. Возможно, это связано с тем, что население земного шара резко увеличилось и люди бессознательно перестали враждебно относиться к тем, кто не стремится создать семью лишь ради продолжения рода. По тем же причинам, быть может, и самоудовлетворение перестало считаться чем-то вызывающим. Современная демографическая ситуация свела на нет основной довод противников мастурбации, говоривших о недопустимом расточительстве драгоценной семенной жидкости. Именно это расточительство, как считала медицина XIX вей, приводит к утрате жизненной силы и губительна для общества в целом. Сейчас этот аргумент выдвигают лишь те, кто беспокоится о падении рождаемости в странах Европы, и агрессивное меньшинство тех, кто говорит о грядущем вырождении белой расы. В

I

Равенство в эротических играх и одновременный оргазм

С другой стороны, право на удовольствие стало абсолютным императивом в обществе и приводит порой к некоторой тирании. «Мы как биологический вид запрограммированы на то, чтобы влюбляться и создавать пары», необходимые для воспитания детей. А как же обстоит дело с оргазмом? Десмонд Моррис считает, что оргазм имеет первостепенную важность, так как именно пережитое наслаждение порождает нежную привязанность родителей к детям и способствует тому, что родители стремятся создать им наилучшие условия для жизни, пока они не достигнут самостоятельности. Он утверждает, что в ходе эволюции вида развились эротические отношения внутри человеческой пары. Взаимное наслаждение — это не обходимое условие для того, чтобы семья не распалась и детям была бы надолго обеспечена защита. По его мнению, биологический механизм любовной страсти осно-

Глава 6. Эра удовольствия (от 1960-х до наших дней вается на абсолютном сексуальном равенстве. Однако изменения общества в связи с растущей урбанизацией привели к тому, что мужчины-самцы разделились на две группы. Моррис называет их «Дающие» и «Берущие». Первые по-прежнему считают, что женщины равны мужчинам во всех областях жизни, как частной, так и общественной. К такому типу можно отнести Уолтера, жившего в конце XIX века в викторианской Англии, хотя в его характере присутствуют и черты другого типа. К «Дающим», возможно, можно отнести и других авторов-мужчин французских эротических книг середины XVII века, в частности авторов «Школы девушек», столь внимательно изучивших, о чем мечтают женщины в своих сладострастных Желаниях⁷².

«Берущих» в современном мире становится все больше. Они стремятся лишь к насыщению собственного плотского вожделения и не заботятся об удовольствии партнерши. По их мнению, женщина — это что-то вроде приспособления для мастурбации⁷³. Именно так вели себя с женщинами англичане-викторианцы, приверженцы двойного мужского стандарта. Они считали своих жен фригидными или недостаточно сексуальными, а в отношениях с проститутками не отличались особой щепетильностью и не испытывали никакого чувства вины. Зальтер отчасти подпадает и под это определение, что дает возможность предположить, что существует и третий, смешанный тип мужского поведения. Десмонд ничего не говорит об этом, так как для него важно противопоставление «Дающих» и «Берущих». Однако двойственность, смешение двух типов поведения можно усмотреть и у лондонских молодых людей XIX века, выходцев из низших слоев общества. Они соблазняли девушек, обещая жениться, подолгу жили с одной и той же подружкой, бросали ее, как только узнавали, что она беременна. Q них можно считать эгоистичными паразитами, которц прячут дурные намерения за обольстительными рещ, но многие другие просто не имели средств, чтобы СОJft жать жену и ребенка. В бесхитростных письмах онич» то говорят о том, как страдают от подобной ситуаций хотя закон и не накладывал на них особой ответственна

сти. В викторианском обществе груз вины за сношенц вне брака всегда ложился на плечи женщин, особен» женщин из народа⁷⁴. ш

Одна из важнейших перемен во взаимоотношений полов, произошедшая в наше время, состоит в том, чи после разделения эротического удовольствия и продолжения рода восстановилось плотское и культурное равенство мужчины и женщины. Даже если несколько абстр* тироваться от размышлений Десмонда Морриса о та, как влияет взаимный оргазм на эволюцию человеческого вида, нельзя не признать, что сейчас первостепенно! значение придается тому, могут ли партнеры одновременно испытывать наслаждение в объятиях друг друга. Разу меется, взаимное удовольствие не носит универсальный характер, и стремление к нему не всегда проходит безболезненно. Былые представления и нормы поведения не могут исчезнуть сразу. На сексуальном поведении сказывается возраст, воспитание, социальный статус, принадлежность партнеров к городской или сельской среде. Однако нельзя не признать, что центральную часть необозримого спектра вариантов все же занимает последовательный поиск взаимного наслаждения, характерный как для юношей, так и для девушек, живущих в городе. Они испытывают друг к другу привязанность и влечение.

IV глава 6. Эра удовольствия (от 1960-х до наших дней) [о не боятся разорвать связь, если она не отвечает их жиданиям. Желание завести ребенка дополняет структуру связи, но без особых обязательств, так как теперь нет еобходимости сохранять связь только ради ребенка. На аух концах спектра располагаются две весьма многочисленные группы людей. Единственное, что объединяет эти две группы, это нежелание принимать существующий сексуальный и общественный договор.

С одной стороны, заявляют о своих правах геи и сбьянки. Среди них иногда оказываются не только те, кого влечет к своему полу, но и те, кто разочаровался во взаимоотношениях с противоположным полом и хочет найти покой и понимание среди себе подобных. Чаще всего речь идет о молодых мачо, растерявшихся в поисках определения, что же следует считать подлинной мужественностью⁷⁵. Этот феномен позволяет понять, почему в Америке так развилось движение мачизма или появились группы мужеподобных женщин — радикальных феминисток в 1960-е и 1970-е годы. Во Франции чувство неуверенности в своих способностях часто испытывают мальчики, чьи школьные результаты ниже, чем у одноклассниц, так как в школе господствует дух соревновательности.

На другом краю спектра находятся мужчины и женщины, приверженные старым традициям. Никуда не делись эгоисты, сбегаящие от ответственности. Женщины-хищницы, традиционные самцы-хищники не исчезли по мановению волшебной палочки. Разыгрываются драмы, подобные ТОЙ, что в 1993 году произошла с Вейном Боб-битом в США. Его жена Лорейн, доведенная до отчаяния пбстоянными изменами мужа, отрезала ему пенис, пока он спал. Боббит прославился, когда ему пришили обратно пенис, выброшенный разгневанной супругой. "Ц случаи редки, но они заставляют задуматься мужчин вт странах, где еще сохранилось отношение мужчинок, щине как хозяйина к служанке. Так, например, в конце 1990-х годов в Бразилии бакалейщик Матос подвергц той же участи, что и Боббит. У него была подружк., после ночи любви, проведенной в отеле, он сказал, что бросает ее. Она отрезала ему пенис, но он, сохранив присутствие духа, положил его на лед и вызвал полицию. После четырехчасовой операции орган был пришит на с» рое место. За это «Общество бразильских мачо» вручило ему ежегодный приз «лучшего мачо в стране»⁷⁶. Не следу ет забывать и дам — недотрог или фригидных. Они слизываются признать важность оргазма, а эротические» явления других женщин воспринимают как разврат, животную страсть и нечто опасное. Викторианское воспитание в Англии, христианская мораль во Франции слишком долго настаивали на «природном» отсутствия чувственности у добродетельных женщин и на том, что целью секса может быть только зачатие ребенка. Девушки, родившиеся в начале XX века, в той или иной степени испытали на себе, в зависимости от социального круга, к которому они принадлежали, отзвуки такого воспитания, призванного не дать «согрешить» до свадьбы.

Следующее поколение можно назвать переходным, воспитанным в постоянно меняющейся системе ценностей, Девушкам внушали все те же старые нормы поведения, но запреты облекались в уклончивую форму советов или рекомендаций: от противозачаточных таблеток бывает рак, опасайся венерических болезней, аборт безнравственны, так как губят невинную жизнь...

Сексуальная революция в наши дни и Нахексуальную революцию, начавшуюся в шестидесятые, одни видят с пессимизмом, другие — с оптимизмом. Как это не раз бывало в истории культуры Запада, одним по душе мрачные очки Юббса, другим — идеалистические воззрения Руссо. Америка скорее склоняется к пессимистическому взгляду на вещи. Война полов и война культур неизбежны, и они уже начались. Такой мрачный прогноз делает в своих страстных, хотя и противоречивых феминистских работах Шир Хайт⁷⁷. Она опубликовала в 1976 году «Доклад Хайт о женской сексуальности»; а в 2000 — «Новый доклад Хайт». Автор утверждает, что плотские реакции зависят не от биологических, а от культурных факторов, и настаивает на том, что женщине, чтобы достичь оргазма, необходима внешняя стимуляция, по преимуществу клиторная.

В 1994 году вышел «Доклад Хайт о проблемах семьи», в котором автор утверждает, что институт семьи не вырождается, а меняется, так как появляются новые формы союзов. Однако общая тональность работы не располагает к оптимизму⁷⁸. Исследование опирается на ответы 3 тысяч опрошенных. Из них 50% процентов — жители США, 35% — европейских стран (14% — из Англии, 10% — из Германии, 6% — из Нидерландов, 2% — из Франции, остальные — из восьми других стран). Ответов протестантов здесь гораздо больше, чем католиков (их всего десятая часть), а результаты, полученные в североамериканском мире, по количеству превосходят все прочие.

Мальчики и девочки очень рано узнают и усваивают на всю жизнь, что нельзя трогать родителей, особенно если те обнажены, нельзя прикасаться к их половым органам. Шир Хайт считает, что именно эта неудовлетворенная потребность позже рождает желание вступить в половой контакт, прижаться телом к телу. Аналогичным образом она связывает садомазохистские практики, тем, как часто и как сильно применялись к детям телесные наказания (они частенько применяются в АИПШ, Америке, а в странах Скандинавии могут стать препятствием для судебного преследования). Хайт обращается к старшей викторианской теории, согласно которой прилив крови к ягодицам во время порки производит особые ощущения в половых органах, особенно у девочек. Наказание более вызывает эротическое возбуждение, что оказывается единственным способом добиться тесной связи с матерью или отцом⁷⁹. И

Если это наблюдение справедливо, то оно подчеркивает разницу, пролегающую между англосаксонскими странами и жизнелюбивой Европой, где принято заботиться, ласкать, тискать малышей. Но речь здесь идет скорее о воображаемых страхах американской культуры, привнесенных в предмет исследования. Эти страхи связаны с боязнью любого телесного контакта и сексуальности в целом. В любом случае, здесь на первый план выходит старая европейская модель сексуального доминирования самца. Некоторые специалисты, правда, утверждают, что насилие над слугами или в супружеской жизни часто оказывается следствием тех наказаний, что применяются к малышам и подросткам⁸⁰. Другое пессимистичное утверждение состоит в том, что страх мужчин перед любовью связан с травматическими переживаниями в период полового созревания. Мальчики часто мастурбируют между 10 и 12 годами — об этом писал еще Кинси. Но они делают это тайно, СТО

Глава 6. Эра удовольствия (от 1960-х до наших дней) во всем стыда, и именно тогда, когда им внушают, что надо гонимым от матери, стать мужчиной, не быть маменькиным сыночком. Автор считает, что эти переживания вызывают к жизни смешанный тип сексуального поведения, где соединяются привязанность и ненависть, чувство вины и гнев. Вот почему многие взрослые мужчины не могут глубоко полюбить женщину: в их глазах она скорее

опасна, чем привлекательна. Многие не женятся на той женщине, к которой чувствуют привязанность, и хвастаются этим перед другими мужчинами, ибо считают, что именно так должна проявляться настоящая мужественность⁸¹. Тон повествования становится еще более мрачным, когда речь заходит о женском либидо. Все начинается очень хорошо: в жизни многих девочек есть замечательный период полной свободы, когда они могут вести себя как мальчики (tomboys). Но вот они входят в подростковый возраст, наступают первые менструации, и семья хочет, чтобы они вели себя как «хорошие девочки». При этом менструация как таковая обходится молчанием, о мастурбации, которой часто занимаются девочки, говорить нельзя, об эротических ощущениях, которые возникают от телесных наказаний, тоже не говорят. Все, что связано с телом девочки, находится под запретом. Ей предлагается попросту следовать примеру своей матери, которая в лоне семьи предстает как существо без пола. Таким образом, в каждой супружеской паре возрождается идеал двойного мужского стандарта, столь дорогого сердцу буржуа-викторианцев. В США этот стандарт жив по-прежнему, и все женщины, согласно ему, разделяются на две группы: «добропорядочные», подобные Деве Марии, хорошие матери и «послушные девочки», и «плохие» — опасные, так как они плохо контролируют свои плотские

ИИИульсы. У девушек возникает раздвоение личности, сколько они боятся, что у них в чем-то проявится <щ ность к тем запрещенным вещам, от которых они оп, лись под влиянием постоянной муштры тела И душЦ раздвигай колени», — слышат они постоянно междут* мя и тринадцатую годами. Девочка-подросток, которая людях хочет казаться хорошо воспитанной, не мохп открыто выражать свои желания, и ее чувственность& зывается ущемлена⁸². Повторим еще раз: если ШирХife опирается здесь скорее на предвзятые представлений, чем на реальность; можно представить, насколько сад ны эти предвзятые представления в американском обществе. В 2004 году на экраны вышел фильм Гари Виниц Дженнифер Гарнер в главной роли; «Из 13 в 30». В на рассказывается, как озорные мальчишки заперли дект* ку в туалете, и она загадала желание стать взрослой. И вот ей за одну ночь стало 29 лет, она превратилась в жени» ну-вамп, но сохранила образ мысли и неуклюжие манеры своих 13 лет. Фильму дана литера PG-13 за «легкий сексу альныйоттенек и намеки на употребление наркотиков». Он затрагивает чувствительные струны в душах американских девушек: они могут последовательно отождествлять себя то с одной, то с другой ипостасью главной героини. Шир Хайт заявляет, что хочет разорвать с «патриархальными» представлениями, тяготеющими над сознанием⁸⁵. Эти представления, по ее мнению, группируются вокруг образа бесполой матери — иконы домашнего очага. В целом концепция выглядит достаточно мрачной: если в США оба пола «запрограммированы» на конфликтное поведение в супружеской жизни, значит, война полов неотвратима?

|у других исследователей более оптимистичный глад на жизнь. Одна женщина-специалист признает, о американское воспитание нацелено на то, чтобы сформировать устойчивое представление об опасности, исходящей от всего, что связано с телом и любовью, причем опасность эта грозит и семье, и культуре в целом. В связи с этим она призывает преодолеть конфронтацию и прийти к общественному согласию, так как сексуальная жизнь каждого мужчины и каждой женщины неотделима от той роли, которая определена им в обществе: «В конце концов мы поняли, что еда в одиночку не насытит голода, терзающего нас»⁸⁴. Другой автор с 1971 года рассматривает любовь как сложный процесс, соотносимый с множеством факторов. Любовь не может довольствоваться заменителями; человек постоянно стремится войти с кем-то в очень близкие отношения, пусть и не с од-ним-единственным существом. А если такая связь не возникает, человек страдает⁸⁵. Через четверть века он стал делать акцент на возвращении к былому равенству в области чувств, к тому, что существовало еще до того, как урбанистическое общество навязало дочерям Евы второстепенную роль. Но теперь равенство принимает новые формы. Некогда, в традиционном сообществе, женщины оставались внутри

поселения, в то время как мужчины выходили наружу и охотились или возделывали землю. Теперь женщины выходят за стены, выполняют новую для себя работу, где успешно соперничают с мужчинами, и требуют равноправия. Одно лишь материнство заставляет их вернуться к очагу⁸⁶.

Возможно, истина лежит где-то посередине между пессимизмом Юббса и идеализмом Руссо. Историк, анализируя положение вещей в начале XXI века, абстрагируется от нравственной оценки, которая могла бы навести на оптимистичные или пессимистичные размышления. Он просто фиксирует, что происходят изменения огромного масштаба и нынешнюю ситуацию можно было назвать переходной. Западную цивилизацию тянут в разные стороны как представления о святости брака, так и вызовы современного мира. Быть может, под покровом

ИСКУССТВЕННЫХ ПРОТИВОСТОЯНИЙ ВЫЗРЕВАЕТ НОВЫЙ СИНТИ

противоречивых концепций? Молодежь вырабатывая новый общественный договор и пересматривает сексуальный пакт как его часть; в Европе этот процесс идет быстрее, в США медленнее. Женщины добились свободы как в области эротических отношений, так и в праве выполнять любую работу, и эта свобода существенно потрясла былые матриониальные основы. Разделение сексуального удовольствия и желания завести детей открыло новое необъятное поле возможностей и проблем. Потрясения сказываются на самых разнообразных аспектах жизни общества в целом. Профессиональное соперничество мужчин и женщин заставляет заново пересмотреть взаимоотношения в семье. Женщина не хочет жертвовать карьерой ради материнства и не желает в одиночестве заниматься воспитанием детей у домашнего очага. Двойной мужской стандарт не исчез целиком, особенно в Америке, но ему подрезали крылья, а порой женщины и девушки оборачивают его себе на пользу. Тирания — наслаждение и чуть ли не мистическое стремление к взаимному оргазму — еще больше расшатала институт брака. Он больше не воспринимается как единственно возможный способ воспитывать детей. «Тендерное» противостояние ужесточается, мужчины и женщины все более и более требовательны друг к другу. Молодые мужчи-

Глава 6. Эра удовольствия (от 1960-х до наших дней)

Мы чувствуем себя особенно незащищенными: в период, когда исключительно высока потребность удостовериться в своей мужской состоятельности, они постоянно сталкиваются с самоуверенными девушками-ровесницами. Маргинальные группы, некогда отвергаемые обществом

теперь, что их эротические устремления никак не связаны продолжением рода, ныне обретают права гражданства. Все это дополняет картину заката патриархальной семьи, столь мрачно представленную Шир Хайт.

В книгах нельзя описать будущего. Но мы можем осознать масштабность изменений, разворачивающихся на наших глазах. Женщины могут теперь без опаски молиться богу Наслаждения, но все ли они хотят этого? Культура состоит из множества слоев, наложенных друг на друга. Новый плодоносный слой не отменяет возможностей предшествующих, новшества не разрушают в один миг вековые традиции. В начале третьего тысячелетия, без сомнения, произошли серьезнейшие перемены. Наблюдатель, укорененный в своей эпохе, не может охватить всех причин и следствий — он может лишь непосредственно воспринимать изменения, особенно те, в которых самым наглядным образом проявляется столкновение противоборствующих сил. Однако современник пока не знает, по какому пути пойдет развитие и куда оно приведет. Будущее остается открытым, и предсказать его невозможно.

Заключение НАРЦИССИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

В 2004 году в нью-йоркском Метрополитен-музее была представлена выставка «Опасные связи. Мода и обстановка в XVIII веке». Акцент был сделан на чувственной атмосфере, царившей в одежде и декоративных искусствах Франции времен Людовика XV и Людовика XVI. Само название выставки, довольно едкие высказывания по ее поводу,

опубликованные в «Нью-Йорк тайме» перед открытием, говорят о глубоком различии в понимании удовольствия, существующем между двумя культурными традициями. В пуританской американской культуре удовольствию выделено место где-то на задворках, тогда как культура страны — родины прав человека отчетливо окрашена в гедонистические и эпикурейские тона.

Неоконсерваторы и христианские фундаменталисты США — «нации с церковной душой», по выражению Честертона¹, клеймят «старушку Европу» в целом, противопоставляя ее духовному упадку американские нравственные и религиозные ценности. На самом деле их соотечественники разделены на два лагеря, между которыми находится болото нерешительных. В одном лагере — традиционалисты, опирающиеся на поддержку «библейского пояса» южных штатов, в другом — сторонники большей свободы, по преимуществу жители Нью-Йорка и северо-восточных штатов. Интеллектуалы и сторонники обоих лагерей разыгрывают нескончаемый римейк великого противостояния между духом терпимости, провозглашенным философами XVIII века, и чувством вины и греховности, что

язывали протестантская и католическая церковь в XVII веках. Душок «контрреформации»⁸ витает над страной, где меньшинства пытаются приподнять колпак конформизма, нависший над ними. На нашем умиротворенном континенте пыл борьбы уже затих, и на первый план вышло стремление к единству. Несмотря на разногласия между Севером и Югом, Западом и Востоком, Европейский союз делает выбор в пользу оптимистического и жизнелюбивого завещания века Просвещения. В проекте Европейской конституции, предложенном в 2004 году, говорится о «культурном и религиозном гуманистическом наследии» без явного упоминания христианских ценностей. Можно понять, почему на континенте, где веками вплоть до 1945 года бушевали непрерывные войны, возникла тяга к согласию, миру и наслаждению радостями жизни. И здесь кроется еще одно существенное отличие от Соединенных Штатов, не знавших подобных потрясений: на территории США не было войн после Гражданской войны 1865 года и до 11 сентября 2001.

Две части западного мира различаются видением жизни, счастья, наслаждения. Чтобы постичь причины различий, надо углубиться в историю каждой национальной культуры, изучить ее общественную и культурную символику. И в Европе, и в Америке царит дух индивидуализма, но он проявляется по-разному, потому что коренится в абсолютно разных системах общественных взаимосвязей и утверждает совершенно разные ценности. В Северной Европе дух индивидуализма сочетается с развитой гражданской сознательностью, мощным чувством принадлежности к коллективу и большой терпимостью в эротическом отношении. Во Франции сильнее проявляется эгоизм и отказ следовать установлениям, но он же

определяет стремление к свободе нравов. В Соединении, Штатах, как и в Скандинавии, индивидуализм сочетается с развитым чувством принадлежности к группе, но оит* ведет к сексуальной свободе, хотя меньшинства грива! заявляют о своих правах. Н

Что касается нарциссизма, то он царит всюду. Оди» ко и здесь различия существеннее, чем сходства. По нал» сторону Атлантики нарциссизм утверждается как желание жить счастливо здесь и сейчас, а по другую сторону он связывается с представлением о хрупкости собственного «я», вынужденного вписываться в «культурувыживания», и приводит иногда к настоящим патология» психики. I

Ценности гедонистов

Для историка и социолога личность существует не сама по себе, она — «сконструированный объект». Тем не менее человек постоянно стремится реализовать свою свободу, в частности выбирать между разными воздействующими на него силами³. В 1970-е годы личность вышла на авансцену общества. Ее двигало само общество, впадшее в состояние эйфории от развития потребления, технических, медицинских и научных открытий. Благополучие, самореализация, поиски удовольствий превратились

в настоящий культ⁴. К середине 1980-х годов стали появляться ограничения, связанные с издержками глобализации, эффектом глобального потепления и ростом безработицы⁵. Возможно, сказывается и эффект поколения, выросшего у терпимых родителей, ценящих свободу личности. Дети таких родителей теряются, столкнувшись с суровым миром производства, где царит дух

соревнования и действуют очень строгие правила. Психологи отмечают, что недавняя мода на татуировки и пирсинг у подростков отвечала желанию следовать правилам группы сверстников и одновременно стремлению обособиться от «молодящихся предков», охотно играющих роль взрослых детей⁶. Родители и дети, исповедующие разные взгляды на жизнь, нелегко переходят к роли простого свидетеля жизни другого поколения. Гедонизм нашего времени более лихорадочный, чем жизнелюбие шестидесятых. К этому добавим трудности, с которыми сталкиваются дети в обществе, где их родители еще вполне активны благодаря удлинившейся продолжительности жизни, но не желают играть роль «авторитарных» родителей, так как отказались от модели, патриархальной семьи.

Нет ничего удивительного, что в этих обстоятельствах Европа 2000-х годов не может определить свои позиции по целому ряду параметров. В 1999 году был проведен грандиозный опрос для сопоставления различных систем ценностей, и на его основе вырисовалась достаточно противоречивая картина произошедших изменений⁷.

Единственное неоспоримое утверждение состоит в том, что по всему континенту прогрессирует стремление к индивидуализму. Некоторые аналитики приходят на этом основании к несколько пессимистическому выводу, говоря об утверждении «культуры скрытности» и страха перед иностранцами, который «делает демократию более хрупкой»⁸. Тем не менее в списке приоритетов повсюду на первом месте стоит семья (86% опрошенных), затем работа (54%), друзья и знакомые (47%), в самом конце находятся религия (17%) и политика (8%). Распределение приоритетов во Франции не слишком отличается от общеевропейского. По сравнению с предыдущим опросом Робер Мюшембле. Оргазм, или Любовные утехи ит Зщ.

сом 1990 года усилилось значение семьи, работы» зей, но снизилось значение веры (с 14 до 11 %)⁹.

ЭТИ ЦИФРЫ ГОВОРЯТ О ТОМ, ЧТО Стремление К СОЦЩщ

ции остается ведущим, но оно несколько измените), отныне концентрируется вокруг локальных социальщщ групп, таких как семья, дом, близкие родственники, зья, профессиональная общность. Доверие к бомщ социальным группам, таким как церковь или политу кие партии, наоборот, снизилось. Эти изменения СВОДЕ-тельствуют о росте индивидуализма, но он не имеет т чего общего со стремлением сбежать на необитаемый остров. Современный индивидуализм связан скорее t желанием укрыться в коконе себе по росту, причем эти кокон не отделен от мира непроницаемой стеной. Срь ние идеального социального полотна вовсе не означая желаниа полностью освободиться от общественного давления. Более того, эффект близости внутри небольшого сообщества усиливает его ценность, тогда как далекие я абстрактные связи, такие как гражданство в одном щ дарстве или приверженность глобальным идеологическим системам, теряют свое значение.

Именно в свете этой глубинной тенденции следует рассматривать данные того же исследования, где говорится об отходе от связанных с церковью религиозных ценностей, оцутимом по сравнению с опросом 1981 года Такой отход наиболее значителен во Франции, Бельгии, Нидерландах, Швеции. В целом он приобрел больший размах в протестантских, чем в католических странах. Похожая ситуация сложилась и в Восточной Европе. Наоборот, число исповедующих «веру без религиозной принадлежности» (выражение, примененное к Великобритании в 1990 году)¹⁰ продолжает расти. Особенно на-

Заяночение. НарцисСическое общество

гадно этот феномен проявляется среди молодых людей в возрасте от 18 до 29 лет, которым наиболее чужда религиозная практика. Они демонстрируют своеобразную «духовную автономию», при этом среди них начиная с 1999 года стало гораздо больше тех, кто говорит, что верит в бога, загробную жизнь, воскресение, существование рая и ада. Один аналитик предполагает, что в поколении «бэби-бума» частично возрождается набожность и тем самым «европейская исключительность» идет на спад, тем более что в США, согласно опросам, проведенным в период с 1991 по 1998 год, намечилось «легкое отступление от религиозных ценностей»¹¹. Вероятно, так сказывается различие между поколениями: теми, кто породил «бэби-бум» и индивидуализм, а сейчас частично вернулся к вере, их детьми 35-50 лет, среди которых самый низкий уровень верующих, и внуками, ощутившими потребность в некоем потустороннем и священном измерении жизни. При этом содержание веры очень разнообразно. Потребность в духовной жизни не всегда пересекается с основными догматами христианской веры. Опрос, проведенный ЦСА в 2003 году для газеты «Монд» и ежедневника «Жизнь», выявил, что по сравнению с аналогичным опросом 1994 года вера в догматы уменьшилась. Так, в божественное происхождение Христа и в его воскресение верят 47% (против 51% в 1994 году), в ад — 25% (против 33%), в существование дьявола — 27% (против 34%). Падение веры в христианские догматы происходит не за счет параллельных верований — они также теряют свой авторитет. Астрология привлекает 37% опрошенных (против 60% в 1994 году), колдовство — 21% (против 41%)¹².

Некоторые мыслители, тем не менее, говорят о «возврате религии» и морали, а иногда даже о «прекращении

A 1 f

417

скептического отношения к христианскому наследию Мне кажется, что возросшая надежда молодежи», после смерти связана с тревогами и страхами, характерными для определенного возраста. Кроме того, вера в бога позволяет создать некие социальные связывающие и угрожающие миру. Крах великих коллективистских ологий, угроза безработицы, страхи перед загрязнением планеты и глобальным терроризмом взрыхлили почву посеяли куда больше тревог, чем в «славные тридцатые» — годы экономического расцвета. Индивидуализм наших современников, ставших совершеннолетними в 2000-е совершенно иной, более сумрачный, чем у двух предшествующих поколений. Исследование 1999 года выясняет, кроме всего прочего, насколько люди доверяют друг другу, иными словами, какие отношения устанавливает каждый индеец между собой и обществом¹⁴. Автор исследования выделяет шесть критериев: спонтанное доверие, доверие институтам, альтруизм, гражданская ответственность, стремление к свободе нравов и избирательность в социальных контактах (желание принять или отвергнуть добрососедские отношения с людьми, непохожими на тебя или отклоняющимися от нормы). Соответственно, автор разделяет европейцев на пять больших групп. Каждая группа встречается повсюду, но наиболее характерна для того или иного государства. «Интегрированные в проблемы современного общества» — протестанты с острым чувством гражданской ответственности, из высших слоев общества, чаще всего встречаются в странах Северной Европы. «Сверхтерпимые» — по преимуществу в возрасте от 30 до 50 лет, левых политических взглядов не принадлежащие ни к какой церкви, встречаются чаще всего в Скандинавии, Испании и Австрии. «Терпимые индивидуалисты», приверженцы ценностей прошлого, обширно представлены в средиземноморских странах. «Интегрированные традиционалисты» встречаются в Центральной и Южной Европе; это люди в возрасте, сельского происхождения, верующие, правых политических убеждений. «Малоинтегрированные традиционалисты» — без ярко выраженных идеологических или политических пристрастий; характерным примером таких людей могут служить мелкие итальянские предприниматели.

Черты интегрированных в проблемы современного общества и сверхтерпимых во многом схожи. В целом они составляют более двух третей жителей Скандинавии и Нидерландов. Эти страны отличаются особой терпимо-

ю в области нравов, а именно по отношению к гомо-суалиетам, разводам, абортам, самоубийству и эвтаназии. Великобритания и Германия схожи по составу групп: интегрированные в проблемы современного общества и сверхтерпимые составляют около трети населения, в то время как традиционалисты, как интегрированные, так и малоинтегрированные, — чуть более половины, а индивидуалисты — около 11%. В других странах чрезвычайно сильно влияние ценностей прошлого, особенно в средиземноморских государствах и обеих Ирландиях. Франция стоит особняком: 48% интегрированных в проблемы современного общества и сверхтерпимых, 32% традиционалистов обоих типов и 19% индивидуалистов. Последний показатель почти вдвое превосходит среднеевропейский. Кроме того, у французов меньше, чем у кого-либо в Европе, развито чувство гражданской ответственности, и они подозрительнее всех относятся к посторонним. В отличие от северных стран, во Франции отступление от традиционных ценностей не компенсируется обязательствами нового типа, например, задрскими. Падение морали, основанной на католических религиозных представлениях, усилившееся с 1990-х гг. сопровождается возрастающей терпимостью в области нравов, но при этом снижается чувство социальной интегрированности. Какие бы формы ни принимал растущий индивидуализм — гражданские или эгоистичные, он покоится на ложе сексуальной свободы. Изменение отношения к гомосексуализму дает тому наглядный пример. В 1981 г. 44% опрошенных категорически осуждали гомосексуалистов, а в 1999 г. таких было уже только 24%.¹⁵ Вспомним, что в Соединенных Штатах в 2003 г. 52% опрошенных сочли гомосексуализм неприемлемым. Удовольствие оказалось возведено в ранг нового бога Старого Континента. Многих это озаботило; одни заговорили о «тирании» удовольствия¹⁶, другие лишь делали вид, что возмущены; очевидно, что стремление к удовольствию открывало дорогу развитию рынка потребления. Сексологи, психологи, сотрудники научных лабораторий, создавшие виагру, специализированные заведения, призванные восстановить угасающую с возрастом потенцию, и многие другие устремились решать проблемы супружеских пар за хорошую цену. Ведь известно, что удовольствие цветет на лугу, но доступно лишь тем, кто может его сорвать и дойти до оргазма, разумеется, взаимного.

Мне, однако, кажется, что индивидуализм и вседозволенность — лишь хитроумные изобретения нашей культуры, призванные направить тела и сердца (кто-то сказал бы «души») к новым формам социальных связей. Эти связи более тесные, более непосредственные, особенно в сфере семьи, где происходящие изменения очевидны, орчливые моралисты видят здесь признак упадка нашей цивилизации, но новшества, напротив, свидетельствуют о ее динамизме и способности приспосабливаться к новым условиям. Жить лучше, дольше, насыщеннее, предаваясь утонченным и глубоким удовольствиям — вот каким цветом расцвел гедонизм наш континент, страдавший в течение многих веков. Очевидно, что он оказался в струе развития глобализованного рынка. Весьма серьезный японский экономический еженедельник «Экономису-то» предложил читателям статью, озаглавленную «Любовь между мужчиной и женщиной как ключ к экономическому подъему и развитию спроса»¹⁷. Автор призывает своих соотечественников заново обрести «вкус к удовольствию», который до середины XIX века был одним из важнейших элементов японской культуры. Он предлагает поддержать производство предметов роскоши, все еще существующее несмотря на кризис экономики, а для этого вернуть старикам, которым принадлежит 60% национальных сбережений, вкус к жизни и любви. Он напоминает, какую роль сыграли эти силы в развитии западного общества XVIII века, когда аристократия тратила огромные средства на разного рода украшения, безделушки,

кружева и шелк, незаменимые в искусстве любви. Растворяется ли наслаждение в гедонизме? Очевидно, что не до конца, так как остается еще и индивидуальный опыт, свои собственные формы удовольствия, о чем напомнили Мейстерс и Джонсон в конце исследования, посвященного женскому оргазму. Но существует и коллективный европейский опыт погони за счастьем и чувственным наслаждением, обретенный совсем недавно. Этот опыт предстает как новая волна европейской цивилизации и предлагает субъекту такую полноту наслажд, % какой наши предки не ведали до середины XX века: разве не подают нам пример животные? После того как у бонобосов была обнаружена чувственность и бисексуальность, морализаторская концепция, согласно которой все живое стремится лишь к продолжению рода, была поставлена под сомнение. Среди новых форм терпимости*! — самая существенная, несомненно, заключается в том, что с женщин снято проклятие, тяготевшее со времен Евы. Теперь уже не считается, что она родит «во грехе», более того, ей позволено отделять детородную функцию от достижения оргазма и максимально реализовать ее и в другом. Эта беспрецедентная революция перевернула взаимоотношения между биологическими полами, поколебала веру в традиционную структуру брака, вернула в лоно общества тех, кто раньше считался изгоем («отклоняющимся от нормы»). Правда, молодое поколение растеряло ориентиры в современной эпохе больших потрясений и возросших страхов. Чтобы скрыться от них, молодежь стремится уйти в себя или ищет спасения в эгоистическом индивидуализме. Н Нарциссизм и культура Н

Прежде чем словом «нарциссизм» стали обозначать определенные явления в американском обществе последних десятилетий XX века, Фрейд и его последователи ввели его как обозначение некоего расстройства психики. Клинические случаи особенно участились к концу Второй мировой войны. Хотя английские и американские врачи часто описывали это явление, они не пришли к единой характеристике заболевания. Ситуация изменилась в начале 1970-х годов, когда в США были опубликованы работы практикующих врачей. Самыми серьезными были труды Хайнца Когута¹⁸. Он определяет наличие нарциссической патологии у пациентов по четырем пунктам: извращенные сексуальные фантазии и в то же время отсутствие интереса к сексу; неспособность создавать и поддерживать значимые социальные контакты, в том числе с совершившими правонарушения; отсутствие чувства юмора, ощущения пропорций, интереса к потребностям и переживаниям других, склонность к приступам неконтролируемого гнева, патологическая лживость; ипохондрическая забота о своем здоровье, как физическом, так и умственном¹⁹.

Когут считает, что истоки подобного поведения следует искать в травмах детского сознания. Чтобы не слишком страдать, ребенок создает себе некую психическую структуру, основанную на мысли «я совершенен», которая дополняет идеализированный образ родителей: «Вы совершенны. А я — часть вас». Когут называет эту структуру «грандиозной самостью». Его задача — лечить расстройство психоаналитическими методами, которые он предлагает и комментирует в своих работах²⁰.

Работы Когута появились в США, когда «шестидесятники» потрясли основы общества, а война во Вьетнаме травмировала психику многих. Концепция Когута была взята на вооружение теми, кто хотел постичь суть изменений в американском обществе. В 1978 году Кристофер Лэш назвал американскую культуру «культурой нарциссизма»²¹. Он пишет о пустоте в душе Субъекта — своего соотечественника и связывает ее возникновение с послевоенным избытком, отходом от патриархального викторианского духа, который породил независимые - г"«н, или Любовные утехы на Зіщ»

души, и с обещаниями современного общества разрушить все преграды и удовлетворить все желания. ЛЭШЧИТЙ что концепция грандиозной самости возникает у нас из желания стать богатым, красивым и всемогущим. Соответствующие образы западают в глубь сознания раннем возрасте и воздействуют на всю последующую жизнь человека, особенно

на ее вторую половину^{8, ij}, появляются старики, которые очень боятся зависимости от кого-либо и, вместе с тем, нуждаются в постоянна восхищенных взглядах. А поскольку такие взгляды чавк бывают обращены к молодым людям, они боятся возрастных изменений и смерти²³. Кроме того, автор обвиняет дух соревновательности, утвердившийся даже в близки отношениях. Общение превращается в битву за место i обществе. В семье воцаряется требование сексуального совершенства и удовлетворения всех желаний. Тонем моралиста он говорит даже о стремлении «манипулиро-вать чувствами» другого ради собственной выгоды. В ко нечном счете, по его мнению, законы соревнования и потребления, управляющие экономическом рынком, захватили сферу частной жизни. Преследование своих эгоистических интересов не ограничивается накоплением богатства. Оно стало также «погоней за удовольствием и психическим выживанием»²⁴.

То, что век назад было роскошью, доступной только элите, становится достоянием масс, и на этой почве вырастает новая культура, в центре которой стоит личность и ее неудовлетворенность жизнью. Лэш придает особое значение тому, что в американских семьях часто нет отца, Это приводит к деформации отношений между детьми и матерью, взявшей на себя мужские функции. Так появляются «мамочкины дети». При этом хранительница очага

424 I

и сама обладает нарциссическими комплексами и не ш» тается заменить своему потомству отца. Она мало интересуется делами детей, и они не получают достаточно ласки²⁵. Эти концепции проникнуты тем же пессимизмом, что и работы Шир Хайт, в которых говорится об упадке американской семьи. Она тоже отмечает роль матери в том, что дети вырастают с травмированной психикой, причем не только мальчики, но и девочки, которые хотят походить на «идеальную мамочку» и при этом мучаются от плотских желаний, о которых нельзя никому говорить²⁶.

С другой стороны, гедонистическая волна 1960-1970-х годов высвободила женское либидо. Лэш видит в этом новый повод для мужских страхов. После исследования Мейстерса и Джонсон женщина предстала «как сексуально ненасытное существо», способное испытывать один оргазм за другим²⁷. В новых мужских страхах сказалась вековая боязнь мужчины оказаться сексуально несостоятельным. Викторианская медицина избавляла от этой боязни, утверждая, что «нормальные» жены фригидны или не испытывают особого влечения к плотской любви. Однако в XVI-XVIII веках считали иначе: медицина утверждала, что для благоприятного зачатия необходимо, чтобы женщина испытывала наслаждение во время сношения. Заметим, что как раз в то время, когда Лэш высказывал свои мысли, в обиход вошли противозачаточные таблетки (это произошло после 1978 года), принципиально изменившие положение дел. Женщины обрели былое право на наслаждение, но без риска забеременеть, и это положило конец неравенству в плотских отношениях. Но война полов только ужесточилась. По ту сторону Атлантики ее еще больше распаляют требования радикальных феминисток, и такой тревожащий облик Шины тоже подсознательно входит в образ матери. считает, что нарциссизм стал патологическим см. ством общества в целом: оно потеряло итерескбщ». му. Нарциссизм, по мнению Лэша, позволяет объяснить и остроту кризиса среднего возраста: «Американцы они-щуют сорокалетие как начало конца». Они не способны задуматься о том, что будет после их смерти, поэтому» стремятся оставить потомков и хотят лишь вечной молодости²⁸, н

И в Соединенных Штатах, и в Европе растет интерес к познанию собственного «я», захвативший все общество²⁹. За два тысячелетия разговоры о бессмертной дуга* и необходимости остерегаться всего того, что связано с бральной плотью, потеряли свое исключительное значение, и на плоть стали взирать более благосклонно. В но стмодернистском обществе, где не исчезли страхи и сомнения, за нарциссическим отношением к телу стоит желание его понять, контролировать, формировать, Работы на

эту тему несколько противоречивы: слишком быстро меняется ситуация в реальности. Приблизительно в 1990 году один английский философ связывал возрастающую потребность в защите со сломом старых традиций и сообществ с их жесткими рамками; на смену им пришли более широкие внеличностные объединения⁵¹. Однако опрос 1999 года по поводу системы ценностей европейцев показал, что приоритет отдается маленьким коллективам-коконам, соизмеримым с человеческой личностью: семье, дружескому кругу, а не тем, что опираются на политическую или религиозную общность. Подобные изменения произошли и в отношении молодых К порядку и гражданской сознательности: субъект чувству-

ет себя более защищенным внутри локальных образований. Другие исследователи, особенно американские, с тревогой пипгуют о хрупкости и разорванности «само-Исти» м. С их точки зрения, в нарциссизме в большей степени сказывается ненависть к себе, а не восхищение собой, и даже если индивид постоянно ищет подобное восхищение в глазах собеседников. Необходимость вновь и вновь бежаться в собственной значимости скрывает пустоту, которая уживается в сознании с чувством собственного величия. В последующих работах Кристофер Лэш еще не раз подчеркнул пессимистическую тональность своей концепции, говоря уже не о «нарциссизме», но о «культуре выживания». Человечество постоянно сталкивается с опасностями глобального масштаба, поэтому у современников формируется психология осажденных-парализующая, с апокалипсическим оттенком. Некоторые исследователи, объясняя нарциссическую психологию, возводят ее к чувству стыда. Стыд — одна из ипостасей-гордыни, и так же, как она, коренится в социальных взаимоотношениях. Идеальное «я», то есть, по формулировке Когута, «я-таким-я-хочу-быть», порождает постоянное чувство тревоги и незащищенности, если цель не достигнута. Личность с манией величия терзается сомнениями по поводу собственной значимости, если человеку кажется, что он упал в глазах других³³.

Для культуры Соединенных Штатов начала XXI века эти соображения справедливы, так как в сознании американцев сочетаются самоуважение и национальная гордость. Но к Европе это мало применимо. Европейский нарциссизм не окрашивает человеческие взаимоотношения так густо. Наоборот, северные страны зовут континент к широте и свободе нравов, что не исключает высокого чувства гражданской СОЗНАТЕЛЬНОСТИ. СТРЕЩАЮТСЯ сильные традиционные ценности, в том числе ГЕРМАНИЯ* Англия, черпают в них некоторую защиту от развитых * феноменов, что описаны Лэшем. Его ВЫКЛАДКИ, и, вообще, можно было бы частично применить к Французии, где центр индивидуалистов очень высок, религия теряет*, значение, а наслаждения плоти ставятся все выше. Можно ли, действительно, считать СЕКСУАЛЬНУЮ «ключом к современной цивилизации»⁵⁴? Думаю, да, и тогда же обстояло дело с цивилизациями прошлого, ХОТЯ СЕКСУАЛЬНОСТЬ проявлялась в очень разных формах. Со ВРЕМЕН возникновения христианства все, что связано с СЕНОМ, тщательно скрывалось от посторонних глаз. СЕКСУАЛЬНОСТЬ необходимо было ввести в рамки, так как ее СВОБОДНОЕ проявление поставило бы под сомнение ОСНОВНУЮ догму о превосходстве души над телом. Это прекрасно понимали либертеры XVII века, а также многие другие, обвинявшиеся в преступлении против божественных нравственных установлений: ведь они думали о наслаждении, а не о спасении души. До недавних времен западная культура постоянно требовала подавлять и умерять ПЛОТские аппетиты. «Акт об умственной неполноценности», принятый в Великобритании в 1913 году, предписывает отправлять тысячи забеременевших бедных незамужних девушек, как бездомных, так и просто «безнравственных», в специальные приюты или исправительные дома. Беременность воспринимается как знак умственной неполноценности — только так незамужние девушки могли оказаться в подобной ситуации⁵⁵. Радикальные перемены наступили в Европе в последние десятилетия XX века. Теперь сексуальное поведение воспринимается не как огромный континент «нормальности», окруженный островками нарушений, а как

архипелаг, составленный из разнообразных форм и вариантов поведения⁵⁶. В начале 2000-х годов в Европе исчезло само понятие «извращения», в то время как в США сексуальные меньшинства, в частности геи, вынуждены были бороться с ожесточенным сопротивлением за право на признание обществом их желаний и особенностей поведения. Любовь и чувственность занимают существенное место в жизни человеческого общества. Они не только обеспечивают воспроизводство рода, но и способствуют формированию «коммуникационного кода» культуры⁵⁷. С недавнего времени культурный код Запада ориентирован на «сексуальное разнообразие». Этот код по преимуществу обслуживает женщин: они, освободившись от обязательного деторождения, открывают для себя возможность наслаждаться без страха и риска. Эротическое и любовное поведение женщин претерпело больше изменений, чем поведение мужчин, особенно по ту сторону Атлантики, где контраст между двумя поколениями женщин разителен⁵⁸.

Никому не известно, как будет развиваться ситуация. Сексуальное поведение отделяется от «вселенских процессов рождения и смерти»⁵⁹, и по этому поводу можно радоваться или негодовать. В любом случае сексуальность сохранит преимущественное положение в обществе. Рассуждения с точки зрения биологии приобретают все более широкий характер, не ограничиваясь проблемой выживания вида. Гипотеза Десмонда Морриса, предположившего, что оргазм необходим для того, чтобы существование супружеской пары длилось дольше и благодаря этому детям обеспечивалась наилучшая защита, вписыва-

«ли-Любовные утехы на ЗаП4де

ся в тот же контекст. Он делает вывод о «естественно равенстве полов в сладострастии, разрушенном в процессе урбанизации общества и возрожденном в шестидесятые годы. При этом он обличает плотский эгоизм, эгоизм, зрения, лишенный смысла⁴⁰. Но разве в глубине основных установлений во все времена не воздавалось должное взаимоотношениям полов? Современное общество отказалось от опоры на религиозную мораль, нов», отказалось от морали вообще. Появляются новые системы нравственных ценностей, где должное место отводится великой общественной роли единения тел. Некоторые системы предлагают просто рекомендации по выживанию личности в противоречивых условиях той страны, где она живет. Так, например, американский нарцигаш можно считать ответом на тягостную раздвоенность сознания, мятущегося между пуританскими законами и № всеместным их нарушением, причем эта раздвоенность порождает постоянную тревогу и чувство вины. Другие новые нравственные системы предлагают регулировать плотскую любовь, превращая ее в конструктивный элемент самоуважения и взаимоотношений с людьми. Опрос по поводу системы ценностей европейцев, проведенный в 1999 году, дает возможность предположить (или надеяться), что наш континент склонен выбрать именно такую модель сексуального поведения и избежать американской раздвоенности сознания. Потребность укрыться в обновленной семье не будет признаком хрупкости личности. Субъект обменяется любовью и нежностью с близким кругом людей и тем самым компенсирует жестокость и холодность современного мира. Стремление к сексуальному разнообразию не противоречит жизни в семье потому что семья предстает как бы коконом, созданным вокруг партнеров, объединенных физически и эмоционально. На этот кокон, словно луковые чешуйки, наслаиваются рациональные отношения с друзьями, соседями, родственниками и даже с бывшими любовниками, если есть общие дети. Разрыв с религией дает современным мужчинам и женщинам возможность самостоятельно решать, как им пользоваться собственным телом. Однако все не так просто, ибо свобода воли ограничена социальными и культурными предписаниями. Они теперь совсем иные, чем раньше, и связаны не с подавлением, а с терпимостью, но все равно определяют поведение личности в обществе. Законы экономического рынка толкают человека к соревнованию, чтобы самореализоваться и получить максимальное

удовольствие независимо от возраста. Любовный кодекс, предполагающий равенство партнеров, обязывает не только брать, но и давать и при этом неуклонно стремиться к оргазму. Надо проявить изобретательность, чтобы всегда быть молодым и желанным для партнера: супружеская пара остается основой общества, но ее не скрепляет необходимость совместного зачатия или воспитания детей. Каждый стал требовательнее к партнеру в том, что касается страсти, чувственности и эмоций. Похоже, пришло время любовного меню, когда однажды заключенный контракт постоянно пересматривается, поскольку заключившие его стороны жаждут совершенства и полноты ощущений, этой навязчивой идеи нашей цивилизации. Несомненно, на современной сексуальности лежит лишь слабый налет той сверхзначимости, которой она наделялась, когда с ней связывалось выживание человеческого рода. Современный поиск сладострастия молено было бы окружить аурой яостальгии и разочарования. Но это означало бы, чтощ зация, ориентированная на экономический рост щ нический контроль, потерпела крах⁴¹. Если такое, ждение и может быть принято, то лишь в отношщ Соединенных Штатов. По нашу сторону Атлантики щ отмечается хрупкость личностного самоопределения, щ бенно у молодых мужчин, растерявших представления 0 мужественности, свойственные предыдущему поколей»

ГОни сталкиваются с возрастающими требованиями и с» перничеством со стороны молодых девушек-ровеснщ, ВО это не приводит к формированию и развитию патологического нарциссизма. Наоборот, близкие отношеящ вновь ценятся очень высоко, а новый любовный кодекс предполагает, что возможна самореализация через деов-летворение потребностей другого.

Отношение к плотскому наслаждению предельно четко выявляет, какой выбор делает то или иное общество. Наследники покорителей Нового Света все еще преданы западной репрессивной модели, которая видит опорные столпы своей традиции в религии и браке, как священном таинстве. Но это общество сотрясают требования разных социальных групп. Культура нарциссизма переводит сдвиги и потрясения в плоскость интимных отношений. Уже в исследованиях Кинси 1948 и 1953 годов показано, что невероятно строгие законы и нравственные установления постоянно нарушаются. Через пятьдесят лет те же «двойные оковы» существуют и нега- тивно воздействуют на человека, хотя многое изменилось, особенно в отношении к женской сексуальности.

Гедонистическая Европа избрала путь вседозволенности и терпимости. Он имеет свои очевидные издержки, но благодаря ему в обществе формируются новые ценности и новые связи между людьми. Развивается вкус к наслаждению, но вместе с ним восстанавливается поврежденная ткань человеческих отношений. Теплота и близость опять в цене; личность, тоскующая по чувству защищенности, взаимодействует с теми сообществами, которые могут его создать. Среди таких сообществ и супружеская пара: она не отмирает, а приспосабливается к изменениям и потрясениям.

В начале XXI века личность испытывает как никогда сильное воздействие своей социальной группы. На первый взгляд, торжествует индивидуализм, но законы экономического рынка, тирания оргазма заставляют личность постоянно бороться за успех и выглядеть как можно лучше в чужих глазах. Вместе с тем в Европе человек еще никогда не обладал такой возможностью самостоятельно выбирать, как ему развиваться, как распорядиться своим телом и получить максимальное удовольствие в условиях эротического равенства между мужчиной и женщиной или между партнерами одного пола. Динамическая и изобретательная культура пошла на хитрость: она снова предлагает пересмотреть общественные взаимосвязи и принять во внимание ту великую роль, которую играет в них нечто, осуждаемое и потаенное от начала христианской культуры, — плотское наслаждение.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Nylan M. On the politics of pleasure // *Asia Major* (Academi, Sinica, Taiwan). 3 serie. Vol. XW. Partie 1. 2001. P. 73-75. Благодарю автора за то, что он указал [мне](#) на эту свою статью и любезно поделился своими знаниями. I

2 В Европе категория счастья заняла значительное место в сознании лишь со времен Просвещения и связывалась с идеями прогресса: Mavzi R. *L'idee de la bonheur et la pensee francaise du XVIII siecle*. Paris: A. Colin, 1960. 2 ed. 1965. I

3 Foucault M. *Histoire de la sexualite. T. I. La Volonte de savoir*. Paris: Gallimard, 1976. I

4 Weber M. *L'Etique protestante et l'Esprit du capitalisme*. Paris: Plon, 1964 (1-е изд. на нем. яз. 1904-1905). I

6 Elias N. *La Civilisation des mœurs*. Paris: Calmann-Lévy, 1973 (1-е изд. на нем. яз. 1939). I

6 Foucault M. *Histoire de la folie a l'age classique*. Paris: Plon, 1961; *Surveiller et punir*.

Naissance de la prison. Paris: Gallimard, 1975.

Часть первая. Оргазм на Западе

1 Tiger L. *The Pursuit of Pleasure*. Boston: Little Brown, 1992. На с. 17 приведена формулировка Эдмунда Берка: «Страдание и наслаждение — это простые понятия, не поддающиеся определению» («Pain and pleasure are simple ideas, incapable of definition»). — Burk E. *The Oxford English Dictionary*.

2 Tiger L., Fox R. *The Imperial Animal, with a New Introduction by the Authors*. New Brunswick; London: Transaction Publishers 1998 (1-е изд. 1971).

3 Morris C. *The Discovery of the Individual, 1050-1200*. N.Y.: Harper and Row, 1972. Pp. 158-159. * Kramer S.R., Bynum C.W. *Revisiting the twelfth-century individual. The inner self and the Christian community* // Melville G., Schirer M. (ed.). *Das Eigene und das Ganze. Zum Individuellen im mittelalterlichen Religiosentum*. Dresden. 2002.

Pp. 57-85. См. также: Bynum C. *W. Jesus as Mother. Studies in the Spirituality of the High Middle Ages*. Berkeley: University of California Press, 1982. Chap. III. *Did the twelfth century discover the individual?* Благодарю автора за отсылки к этим работам.

5 Burckhardt J. *La Civilisation de la Renaissance en Italie* 3 vol. Paris: Le Livre de Poche, 1987 (1-е изд. на нем. яз. 1860).

Цит. 4 Weber M. *L'Etique protestante et l'Esprit du capitalisme*.

. cit. 5 Ibid. Pp. 147-148.

6 Muchembled R. *Passions de femmes au temps de la reine Margot, 1553-1615*. Paris: Ed. du Seuil, 2003.

7 Greenblatt S. *Fiction and fiction* // Heller T.C., Sosna M., Wellerby D.E. (ed.). *Reconstructing Individualism: Autonomy, Individuality, and the Self in Western Thought*. Stanford: Stanford University Press, 1986. Pp. 30-52; Greenblatt S. *Renaissance Self-Fashioning: from More to Shakespeare*. Chicago: University of Chicago Press. 1980. Pp. 1, 256.

8 Davis N.Z. *Boundaries and the sense of self in sixteenth-century France* // Heller T.C. i Sosna M., Wellerby D.E. (ed.). *Reconstructing Individualism*. Op. cit. Pp. 53-63.

9 Block O., Wartburg W. von. *Dictionnaire etimologique de la langue francaise*. Paris: PUF, 1968. P. 337. Самое раннее употребление слова *individu* («индивид, личность») относится к 1242 году, слова *individualite* («индивидуальность») — к 1760, *individualiste* («индивидуалист») — к 1836.

3 Hume D. *Treatise of Human Nature*. Цит. по: Lyons J. O. *The Invention of the Self: the Hinge of Consciousness in the Eighteenth Century*. Carbondale: Southern Illinois University Press, 1978. P. 21.

— любовные утехы на Защите

- Ш. См* в тагтаоста: 51 Au-dela du principe de 1920] // *Essays de psychanalyse*. Pads: Payot, 1981. Пеpez W1; Rose N. *Assembling the modern self*// Porter К ЁнгУ uf: *Histories from the Middle Ages to the Present*. Иц mtledge, 1997; Meyer J. W. *Myths of socialization and of per*® J; Heller T.C., Sosna M., Wellerby D.E. (ed.). *KecomtruqJ individualism*. Op. cit. P. 209; DumontL *Essaissurl'individnaW une perspective antropologique sur Videologie moderne*. Pant fa, du Seuil, 1983.
- 12 Etios N. *La Civilisation des mceurs*. Op. cit.; *La SoddeA cour*. Paris; Calrnann-Leyv-,1974; *La Damiquedel'Occdentft Caimann-Levy*, 1975; *La Societe des individus*. Paris: Fayard, 1Щ См. также: MuckembledR *La Societe policee. Politique et polite* en France du XVI au XX siecle*. Paris: Ed. du Seuil, 1998. Учениц Элиаса уже 10 лет издают в Амстердаме журнал под названиее) «Figurations. Newsletter of the Norbert Elias Foundation*». Среди авторов, не принимающих концепцию Элиаса, особо ащ-ет отметить Ганса-Петера Дуера: DuerrH.-P. *Nudite et Pudeur. It mythe du processus de civilisation*. Paris: Maison des sciences de l'homme. 1998 (1-е изд. на нем.яз. 1988).
- 13 Elias N. *La Civilisation des mceurs*. Op. cit. *Les relations sexuelles*. Pp. 247-277 (приведенная пит.: p. 262).
- 14 ZoharD. (coll. Marshall ЁМ). *The Quantum Self: Human Nature and Consciousness Defined by the New Physics*. New York Morrow, 1990. P. 154.
- 15 Freud S. *he Moi et le Ca* [1923] // *Essais de psychanafyse*. Op. cit. Pp. 261-262.
- 16 Freud S. *Au-dela du principe de plaisir* [1920] // *Ibid*. Pp.54, 94, 110-111, 127.
- 17 Rose N. *Assembling the modern self*. Op. cit. Pp. 225,254-257, 268.
- 18 ZoharD. *The Quantum Self*. Op. cit. Pp. 160-161. На этих страницах автор анализирует идеи Фрейда и спорит с ним.
- 19 Lash C. *The Culture of Narcissbm: American Life in an Age of Diminishing Expectations*. New York: W.W. Norton, 1978. Ис-
Примечания -следование основано на материалах работы психваналитиков 2960-х годов, описанных в: Kohut H. *The Analysis of the Self. ASvstematic Approach to the Psychoanalytic Treatment of Narcissic Personality Disorders*. New York: International Universities Press, 1971; *The Restoration of the Self*. New York: International Universities Press, 1977. Постановка проблемы и, в частности, акцент именно на этих аспектах есть в сборнике под редакцией Лин Лейтон и Барбары Энн Шапиро: Lay tore L., Schapiro B A. (id.). *Narcissism and the Text: Studies in Literature and the Psychology of the Self*. New York: New York University Press, 1986. В частности pp. 1-32. По поводу взаимосвязи такой психологической патологии и способностей к творчеству в музыке или литературе см.: Kris E. *Psychoanalytic Explorations in Art*. New York: Schloken Books, 1952.
- 20 Holland E. *On narcissism from Baudelaire to Sartre: ego-psychology and literary history* // Layton L., Schapiro B.A. (ed.). *Narcissism and the Text*. Op. cit, На с. 165 теория Лэша подвергнута острой критике.
- 21 Foucault M. *Histoire de la sexualite*. Т. I. *La Volonte de savoir*. Op. cit.
- 22 *Ibid*. Pp. 49-50,103.
- 23 *Ibid*. Pp. 37, 40, 42, 45, 62, 184-185, 193.
- 24 *Ibid*. Pp. 51, 185.
- 25 Foucault M. *Histoire de la sexualite*. Т. П. *L'Usage des plaisir* («Использование удовольствий»). Т. ID". *Le Souci de soi* («Забота о себе»). Paris: Gallimard, 1984. В первом томе, вышедшем в 1976 году, на четвертой странице обложки были анонсированы последующие 5 томов серии, и второй и третий должны были соответственно называться «*La Chair et le Corps**» («Плоть и Тело») и «*La Croisade des enfants*» («Крестовый поход детей»), но затем автор решил посвятить их мыслителям классической Греции и Рима, а также двух первых веков нашей эры.
- 26 Foucault M. *La Volonte de savoir*. Op. cit. Pp. 79-80, 162, 171-173.
я *Ibid*. Pp. 137-139.

- ->НГААМ. ИЛИ ЛЮБОВНЫЕ УТЕХИ Н»3«ЩЕ

28 Freud S. *Trois essais sur la theorie de la sexualite* v I Gallimard, 1962. Pp. 156-157. (1-е изд. 1905).

29 Pitt-Rivers J. *Antropologie de l'honneur. La mesavoitiati* I Sichem. Paris: Le Sycomore, 1983.

В этой книге говорите» об* 1 тропологическом аспекте стыда и боязни чужого мнения. I

30 Bakhtine M. *L'CEuvre de Francois Rabelais et la СиЦ I populaire au Moyen Age et sous la*

Renaissance. Paris: Gaffimari 1 1970 [1-е изд. на рус. яз.: Бахтин М. *Творчество Франсуа*

f&1 ле и народная культура средневековья и Ренессанса. Мосщ I *Художественная*

литература, 1965. — Прим. пер.]; *МисЬеЛАи LTnvention de Phomme moderne. Culture et*

sensibilitestn France du XV au XVII siecle. Paris: Fayard, 1988. Переиздай I Hachette, coll.

«Риигеи», 1994. Pp. 61-76; Flandrin J.-L. *Les Amours paysannes: amour et sexualite dans les*

campagnes de Vancienne France (XVI-XIX siecle). Paris: Gallimard-Julliard, 1975. I

31 Aries E. *L'Enfant et la Vie familiale sous l'Ancien Regimt*. | Paris: Plon, 1960. Переиздано:

Ed. du Seuil, 1973; DautmM.\t\ *Mariage amoureux. Histoire du lien conjugal sous l'Ancien*

Regimt Paris: A. Colin, 2004; Anus P., Duby G. (ed.). *Histoire de la vie privet 5 vol*. Paris: Ed.

du Seuil, 1985-1987. Т. III. *De la Renaissance aia Lumieres*. Т. ГУ. *De la Revolution a la Grande*

Guerre. Т. V. *De la Premiere Guerre mondiale a nos jours*; Pollock L.A. *Living on the stage of the*

world: the concept of privacy among the elite of eЦ modern England // Wilson A. (ed.).

Rethinking Social History: English Society, 1570-1920. Manchester: Manchester University

Press, 1993. Pp. 79, 81.

32 Tiger L. *The Pursuit of Pleasure*. Op. cit. P. 75.

33 Dupaquier J. (id.). *Histoire de la population frangaise*. Т. H *De la Renaissance a 1789*. Paris:

PUF, 1988. Автор кратко резюмирует основные споры на эту тему. В Англии среди

внушительного количества работ следует выделить исследования Питера Леслетта: Laslett

P. *Un monde que nous avons perdu*, Paris: Flammarion, 1969; *Family Life and Illicit Love in*

Earlier Generations. Cambridge: Cambridge University Press, 1977- *The World We Have Lost:*

Further Explored. 3 ed. London: Methuen

1983 См., такжеи Wrigley E. A. et al. *English Population History from Family Reconstitution,*

1580-1837. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. Данные, относящиеся ктпроблеме

сексуальности, есть также в работах: Flandrin J.-L. *L'Eglise et le Contrdle des naissances*.

Paris: Flammarion, 1970; *Les Amours paysannes*. Op. cit.; *Le Sexe et L'Occident: evolution des*

attitudes et des comportements. Paris: Ed. du Seuil, 1981.

51 Daumas M. *Le Mariage amoureux*. Op. cit. В частности pp. 138-146.

35 Формулировка была высказана Филиппом Арьесом на коллоквиуме 1976 года. См.

сборник: Sullerot E. (id.). Thibault O. *Le Fait feminin. Qu'est-ce qu'une femme?* Предисловие:

Andre Lwoff. Paris: Fayard, 1978. Pp. 382-383. См. также: Fox R. *The Red Lamp of Incest; an*

Enquiry into Origin of Mind and Society. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1980.

Переиздано 1983. Pp. 198-203. Мне приходилось встречаться с описанием подобной

общественной структуры в деревнях Артуа: Muckemled R. *La Violence au village (XV-*

XVII siecle). *Comportements populaires et mentalites en Artois*. Turnhout: Brepols, 1989. См.

также в моей книге: *L'Invention de l'homme moderne*. Op. cit. Chap. V. *De*

ere en fils. 56 Rossiaud J. *La Prostitution medievale*. Paris: Flammarion, 1988. Pp. 26-40.

" Stone L. *The Family, Sex and Marriage in England 1500-1800*. New York: Harper and Row,

1977; Shorter E. *The Making of the Modern Family*. New York: Basic Books, 1975.

98 Quafe G.R. *Wanton Wenches and Wayward Wives. Peasants and Illicit Sex in Early*

Seventeenth-Century England. London: Croom Helm, 1979. P. 246.

59 Muchemled R. *Passions de femmes*. Op. cit. Pp. 213-215.

40 Bene Y.-M. *Fete et revolte. Des mentalites populaires du XVI au XVTII siecle*. Paris:

Hachette, 1976.

41 Flandrin J.-L. Les Amours paysannes. Op. cit. и Trumbach R Sex and the Gender Revolution. Т. I. Heterosexuality and the Third Gender in Enlightenment London. Chicago: University of Chicago Press, 1998. P.22.

— шиле. Оргазм; ют Любовные угехн t

43 Ibid. Pp. 4-9. См. очень суровую рецензию щ гу: Thomas Laqueur// The American Historical ЯЕИЕ», УЧ No. 4. Octobre 2001. Pp. 1456-1457. 0|-ИЦ

44 Ibid. Pp. 14-17, 19, 22-23, 430.

45 CloverieR, Lamaison P. Llmpossible MANAGE. VFOJE parente EN Guevaudan, XVII, XVIIIet III sticks. FTREJY** 1982; PfouxF. Guerres paysannes en Quercy. Violences, CONRJ3 J ET repression penale dans les campagnes du Lot (1819-18613) j Bibliotheque de VHistoire, 2002.

46 Tiger L. The Pursuit of Pleasure. Op. cit P. 43. АВТОРУ дования замечает, что подобный феномен встречается пищ гих культурах, в частности, он приводит в пример япощ гейш.

47 ClausH. Le Chagrin des Beiges. Paris;Julliard, 1985 (1щ на флам. яз. Het verdriet van Belgie. 1983).

48 Belluck P. Massachusetts gives new push to gay MAMAGEJ? / strong ruling// The New York Times. 05.02.2004.

49Something's Gotta Give. Режиссер фильма Нэнси Меищ I Во Франции вышел в 2004 году под названием «Все может щ I читься».

50 Trumbach Я Sex and the Gender Revolution. Т. 1. ОР. CI I P. 13.

51 HeritierF. Masculin-feminin. Т. I. La Pensee de la DIFFERENCE; I Г. II. Dissoudre la hierarchic Paris: O Jacob, 1996, 2002. Пот воду, «золотого возраста» см.: Daumas M. Le Manage АГАОШШ J Op. cit.

52 Она пишет об этом в предисловии к сборнику МАТЕРИАЛОВ коллоквиума: SuUerot E. (id.). Le Fait feminin. Op. cit. P. 21. Коллоквиум проходил в Центре наук о человеке в Руайомоне.

53 Ibid. P. 383. Массимо Ливи-Баччи высказал это сообр* жение во время дискуссии. См. также его сообщение: Livi-Вош M. Le changement demographique et le cycle de vie de femmes// Ibid. Pp. 467-478.

54 SuUerot £. En guise de conclusion //Ibid. P. 515. Заметно, что она сожалеет о том, что эти проблемы не заняли должного

1 BurMordt J. La Civilisation de la Renaissance en Italic Op. cit

2 Некоторые медиевисты оспаривают идею о том, что понятие личности возникло в эпоху Возрождения. Так считает, например, Дэвид Аэрс, хотя аргументы его несколько расплывчаты: Aers D. (ed.). Culture and History, 1350-1600: Essays on English Communities, Identities and Writing. New York: Harvester Wheatsheaf, 1992. См. особенно его статью: A whisper in the ear of early modernists; or reflection on literary critics writing the history of the subject*. Pp. 177-201.

3 Greenblatt S. Renaissance Self-Fashioning. Op. cit Pp. 2-3.

4 CastiglioneB. Le Livre du courtisan. Paris: Flammarion, coll. «GF», 1991.

5 Burke P. Viewpoint. The invention of leisure in early modern Europe // Past and Present. Vol. 146. Fevrier 1995. Pp. 136-150. См. также: Nardo A.K. The Ludic Self in Seventeenth-Century English Literature. New York: State University of New York Press, 1991.

6 Greenblatt S. Renaissance Self-Fashioning. Op. cit. Pp. 8-9, 202-203,256.

7 urb p Representations of the self from Petrarch to Descartes // Porter Я (ed.). Rewriting the Self: Stories from the Renaissance /fbp preSent London: Routledge, 1997. Pp. 17-28. t0 s%iM. Marie de Gournay. Paris: Fayard, 2004.

440

441

кста, так как выражает надежду, что исследователи заинтере-сукда ими, и однажды можно будет опубликовать книгу, посвященную «женщине-субъекту».

- 55 Tiger L. *The Pursuit of Pleasure*. Op. cit. P. 74.
- 56 Осенью 2000 года американская телевизионная реклама призывала смотреть программу «Запретные удовольствия» (*Guilty Pleasures**) под таким лозунгом: «Представьте себе на минуту, что у вас есть все — пожелайте большего!». Цит. по: фпМ. *On the politics of pleasure*. Op. cit. Pp. 79-80. Note 15.
- Глава 2. Мужское и женское начало: человек и его тело
- 9 Muchembled R *Passions de femmes*. Op. cit. Pp. 4
- 10 Burke P. *Representations of the self*. Op. cit. Pp. 24.%
- 11 Muchembled R *Passions de femmes*. Op. cit. Pp. 12&-12M, *Temps des supplices*. De l'obeissance sous les rois absols b XVIII siecle. Paris: A. Colin, 1992.
- 12 Silverman L. *Tortured Subjects. Pain, Truth and theta in Early Modern France*. Chicago: The University of Chicago Yrts
- 13 Hanson E. *Discovering the Subject in Renaissance England*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. В частносц pp. 13, 19, 40, 55, 60, 74, 88, 91.
- 14 Heale E. *Autobiography and Authorship in Renaissance Verse*. *Chronicles of the Self*. New York: Palgrave Macmillan, 2008, Pp. 8, 11, 40, 155, 171. Ц
- 15 Webber J. *The Eloquent «I»: Style and Self in Seventeenth-Century Prose*. Madison: University of Wisconsin Press, 1999. Pp. 4-9. Английский баптизм близок к анабаптизму, а левеллеры, или «уничтожители», — это выходцы из суровой протесской секты индепендентов. Они отрицали всякую иерархию, а во время первой английской революции именно они были самыми яркими поборниками абсолютного равенства.
- 16 Monluc B. de. *Commentaires, 1521-1576*. Paris: Gallimard, coll. «Bibliothèque de la Pléiade», 1964 (см. предисловие Жана Жионо. Pp. ГХ-XXI). I
- 17 Dragstra H., Ottway S., Wilcox H. (ed). *Betraying our Selves: Forms of Self-Representation in Early Modern English Texts*. New York: Saint Martin's Press, 2000. Введение pp. 8-9 и эпилог pp. 198-199, 210-214. См. также: Bourcier E. *Les Journaux privés en Angleterre (1500-1660)*. Paris: Publications de la Sorbonne, 1976; Yates F. A. *L'Art de la mémoire*. Paris: Gallimard, 1966; Kuperty Tsur N. *Se dire à la Renaissance. Les Mémoires du XVII siècle*. Paris: Win, 1997; Briot F. *Usage du monde, usage de soi. Enquête sur les memorialistes d'Ancien Régime*. Paris: Ed. du Seuil, 1994,
- 18 Fraser A. *The Weaker Vessel*. New York: Alfred Knopf, 1984 P. 1. В работе описательно представлена жизнь женщин в Англии с 1603 по 1702 год.
- Г"Мое определение приближается к определений Энтони Флетчера в блестящем труде: Fletcher A. *Gender, Sex and Subordination in England, 1500-1800*. New Haven: Yale University Press, 1995. Pp- XV-XVI. См. также об этом: Wiesner M. E. *Women and Gender in Early Modern Europe*. Cambridge: Cambridge University Press. Переиздано 2000; Shoemaker R., Vincent M. (ай). *Gender and History in Western Europe*. New York: Arnold, 1998. 80 Fletcher A. *Gender, Sex and Subordination in England, 1500-1800*. Op. cit. P. 27. 21 Muchembled R. *Passions de femmes*. Op. cit. P: 59. aIbid. Pp. 137-166. О мужской тревоге и ситуации в Лондоне: Fletcher A. *Gender, Sex and Subordination in England, 1500-1800*. Op. cit. Pp. 27, 110, 339. 23 MatUhevs-Grieco S. *R. Ange ou diablesse? La représentation de la femme au XVI siècle*. Paris: Flammarion, 1991.
- и Fletcher A. *Gender, Sex and Subordination in England, 1500-1800*. Op. cit. P. 29; Febvre L. *Amour sacré, amour profane. Autour de l' Heptameron*. Paris: Gallimard, 1971. Pp. 310-311 — о «подружке» (1-е изд. 1944).
- 26 Muchembled R. *La Sorcière au village (XV-XVIII siècle)*. Paris: Gallimard-Julliard, coll. «Archives», 1979. Переиздано: Gallimard, coll. «Folio-Histoire», 1991. P. 120 — о стереотипе сформулированном в 1595 году в послании Филиппа II для Испанских Нидерландов.
- 86 Muchembled R. *Passions de femmes*. Op. cit, Pp. 62-63; Hanley S. *Engendering the state: family formation and state building in early modern France // French Historical Studies*. Vol. 16. 1989. Pp. 4-27.

- 27 Belsey C. *The Subject of Tragedy*. London; New York: Methuen, 1985. P. 147.
- 28 Rossiaud J. *La Prostitution medievale*. Op. cit. 23 Fletcher A. *Gender, Sex and Subordination in England, 1500-1800*. Op. cit. P. 93.
- 30 Gowine L. *Domestic Dangers: Women, Worts and Sex in Early Modern London*. Oxford: Clarendon Press, 1996. В частности p. 40. См. также: Crawford P., Gowing L. *Ш y/0 Seventeenth-Century England*. London: Roudedge, a?1*
Common Bodies. Women, Touch and Power
ян
ИЧЛ(
V4
Century England. New Haven: Yale University Press
- 31 Muchembled R *Au malheur des dames // Passions*rf Op. cit. Pp. 51-82 и Ibid. Pp. 117-122-0 хорошо оц\ случае супружеской жестокости. *\
32 Muchembled R *Les Derniers Buchers. Un village defi et ses sorcieres sous Louis XIV*. Paris: Ramsay, 1981, Pp.
- 33 Forger A. *Vivre dans la rue a Paris au XWJ-e siec/e* jJ Gallimard-Julliard, 1979.
- 34 Gowing L. *Domestic Dangers*. Op. cit.
- 35 Fletcher A. *Gender, Sex and Subordination in Engi 1500-1800*. Op. cit. P. 362.
- 36 Betsey C. *The Subject of Tragedy*. Op. cit. P. 5, III41,
- 37 Froser A. *The Weaker Vessel*. Op. cit, P. 419.
- 38 Jurdine L. *Still Harping on Daughters: Women and Ыц in the Age of Shakespeare*. Sussex: Harvester Press, 1983,
- 39 Jardine L. *Still Harping on Daughters*. Op. cit Pp. 9 (oftj. j нолдсе), 20-21, 24.
- 40 Steinberg S. *La Confusion des sexes. Le Travestissementfo I la Renaissance a la Revolution*. Paris: Fayard, 2001.
- 41 Trumbaeh R *Sex and the Gender Revolution*. Т. I Op, dt / См. также выше, глава 1.
- 42 См. главу 1, раздел «О молодых фрустрированныхш цах».
- 43 Muchembled R *Nerf de bceuf et chandelier: Renee?// Passions de femmes*. Op. cit. Pp. 117-122.
- 44 Wilcox H. // Dragstra K, Ottway S., Wilcox H. *Betraying our Selves*. Op. cit. P. 216.
- 45 Muchembled R *Passions de femmes*. Op. cit. P. 39.
- 46 Ibid. Pp. 52-82.
- 47 Belsey C. *The Subject of Tragedy*. Op. cit. P. 223.
- 48 Fletcher A. *Gender, Sex and Subordination in England, 1500-1800*. Op. cit. Pp. 347, 354.
- * Wilcox H. // Dragstra H., Ottway S., Wilcox H. (ed.). *Betraying our Selves*. Op. cit. P. 214.
и Graham E. et al *Her Own Life: Autobiographical Writings by Seventeenth-Century Englishwomen*. London: Routledge. 1989. pp. 87-99. Предисловие к нескольким опубликованным фрагментам из мемуаров Маргарет Кавендиш.
- 51 Ibid. Об Анне Клиффорд — pp. 35-53. Цитируемые отрывки относятся к 1616-1617 годам. Заказанный ею в 1646 году портрет — p. 36. См. также примечания Хелен Уилкокс: Wilcox H. // Dragstra K, Ottway S., Wilcox H. (id.). *Betraying our Selves*. Op. cit. Pp. 110-111, а также: Spence R. T. *Lady Anne Clifford, Countess of Pembroke, Dorset and Montgomery, 1590-1676*. Woodbridge: Sunton Publishing, 1997.
- 52 Память об Анне дожила до наших дней. «Тропа леди Анны Клиффорд», проложенная для туристов от Йоркшир-Дейл до Идена, позволяет пройти по стопам Анны от Скиптонадо Брукхема: http://www.pikedaw.freeserve.co.uk/walks/Jady_anne_clifford_walk.htm. Сейчас портрет находится в замке Эпльби, автор его, вероятно, Ян ван Белькамп.
- л Wray R. [Re] constructing the past: the diametric lives of Mary Rich // Dragstra H, Ottway S., Wilcox H. (ed.). *Betraying our Selves*. Op. cit. Pp. 148-149.

- 55 Прочитано в замечательном труде Гейла Керна Па-стера: Paster G.K. *The Body Embarrassed: Drama and the Discipline of Shame in Early Modern England*. Ithaca: Cornell University Press, 1993. P. 8.
- 56 Ibid. Pp. 8-9; Laqueur T. *Making Sex: Body and Gender from the Greeks to Freud*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1990. Pp. 19-20; Fletcher A. *Gender, Sex and Subordination in England*. Op. cit. Fungible fluids, heat and concoction.
- 57 jaqueur T. *Making Sex: Body and Gender from the Greeks to Freud*. Op. cit. Pp. 25, 171-174.
- 58 SteinbergS. *La Confusion des sexes*. Op. cit.
- mSawdayJ. *The Body Emblazoned: Bis\$ecti0l Body in Renaissance Culture*. London: Routkd
4
p. w -r.
- 60 Paster G.K. *The Body Embarrassed*. Op, dt, p щ
- 61 Roper L. *Oedipus and the Devil. Witchcraft 5e Religion in Early Modern Europe*. London: RoutledL
- 62 SawdayJ. *The Body Emblazoned*. Op. cit P. 20
- 63 Ibid. Pp. 23, 28-29; on же. *Self and selfhood in sn century // Porter R (ed.). Rewriting the Self: Histories fr Renaissance to the Present*. London: Routiedge, 1997. Pp, Караваджо), 42-43 (опоследствияхидейГарвениДелар,
- 64 Belsey C. *The Subject of Tragedy*. Op. cit Pp. 18», д I 34,42-43.
- 65 Sawday J. *The Body Emblazoned*. Op. ск. Имюстрці №5 (см. также иллюстрацию № 6, изображающую Анатомі кий театр в Лейдене в 1609 году).
- 66 Ibid. P. 107.
- 67 Ibid. Pp. 9, 11.
- 68 Издание, по которому приводятся цитаты; LemniusL k I *Occultes Merveilles et Secrets de nature*. Paris: Galot du Pre, 1574. 213 листов с подробными таблицами, he изд. на лат. яз. 155} изд. на итал. яз. 1560 (и еще четыре переиздания до 1Ь70щ\ 1-е изд. на франц. яз. - 1566 в Лионе, затем в 1567 году в Яа/да-же (и три переиздания до 1575 года); изд. на нем. яз. — Лейпциг, 1569 (три переиздания до 1580 года и пять с 1580 по 1605 год). Поздние издания: лат. (Амстердам, 1650-1651) и англ. (Лондон, 1658).
- 69 LemniusL. *Le Occultes Merveilles et Secrets de nature*. Of, cit. Листы 155, 166.
- 70 Sawday J. *The Body Emblazoned*. Op. cit. Pp. 10,222,221
- 71 Paster G.K. *The Body Embarrassed*. Op. cit, Pp. 19, 21, S-27, 40-41, 95.
- 72 Ibid. Pp. 14-16 (о концепциях Элиаса и Бахтина); EliasK *La Civilisation des mœurs*. Op. cit.; BokhtineM. *L'CEvre de Francois Rabelais*, Op. cit.
- A As*
447
- » Greenblatt S. *Shakespearean Negotiations: the Circulation of SodalEnergyinReriaissance England*. Berkeley: California University Press, 1988. Pp. 78-93
- n Fletcher A, *Gender, Sex and Subordination in England, 1500-1800*. Op. cit. Pp. 32, 54-57. Здесь приводится замечательное краткое изложение существующих концепций. См. также: BmiotSalvadoreE. *Un corps, un destin: la femme dans la medecine de la Renaissance*. Paris: Champion, 1993; Gent L., Llewellyn N. (ed.). *Renaissance Bodies: the Human Figure in English Culture, 1540-1660*. London: Reaktion, 1990.
- 15 Paster G. K *The Body Embarrassed*. Op. cit, Pp. 134-135,161.
- Гшва 3. Плотские радости — смертные грехи
1 «Школа девушек» («L'Ecole des filles») — анонимное произведение, вышедшее в 1655 году. См. изд. Жака Прево: PпIIIJ. (ed.). *Libertins du XVII siecle*. T. L Paris: Gallimard, 1998. Pp. 1179-
- 2 Muchembled R *La Societe Policee*. Op. cit.

- 3 Moliere. L'Ecole des femmes. 1662. Акт V. Сцена IV. Стихи 1516-1519: «si rempli de plaisirs//Que de se marier nous donne des desirs» («полный сладостей, что вызывают в нас желание вступить в брак»).
- 4 Ibid. Акт II. Сцена V. Стих 600.
- 5 Preuot J. (ed.). Libertins du XVII siecle. Op. cit. Pp. 1672-1680.
- 6 Shorter E. The Making of the Modern Family. Op. cit.; Stone L The Family, Sex and Marriage in England. Op. cit. Критику этих двух книг см.: Quaife G.R. Wanton Wenches and Wayward Wives. Op. cit. Pp. 243-248.
- 7 Переиздано под названием «Тайны любви и Венеры» (Les secrets de l'amour et de Venus. Paris: Cercle du livre precieux, 1959)....
- 8 flandrin J.-L. Un temps pour embrasser: aux ongles de la morale sexuelle occidental (VI-XI siecle). Paris: Ed. du Seuil, 1983. Pp. 124-127.
- 9 Boaistuau P. Le Theatre du Monde (1558). Критически изд.: Simonin M. Geneve: Droz, 1981. Pp. 59,100-105.
- 10 Muchembled R Passions de femmes. Op. cit. Глава II «Дай. свое горе»; Hartley S. Engendering the state. Op. cit.
- 11 Muchembled R Une histoire du diable (XII-XX siecle). Paris: Ed. du Seuil, 2000. В частности chap. 1. H
- 12 Mathews-Grieco S.F. Ange ou diablesse? Op. cit. В 18 Именно так называется фильм Жана Эсташа: «БаМагмп et la Putaine» (1973), где играют Бернадет Лафон, Жан-Пьер Лео и Франсуаза Лебрюн. Герою фильма нравятся две женщины, и он никак не может сделать выбор; при этом одна ведет себя как «мамочка», другая любит радости жизни и пьет вино. Этот талантливый фильм напоминает зрителю о двойном стандарте мужского поведения, существовавшем еще недавно, но разрушенном в 1960-е годы (см. ниже, глава 6).
- 14 Flandrin J.-L. L'Eglise et le Controle des naissances. Op. cit. Noonan J. T. Contraception et mariage. Paris: Cerf, 1969 (1-е изд. 1966).
- 15 Более подробно я рассматриваю эту книгу в: Muchembled R Le Temps des supplices. Op. cit. Pp. 135,139-145.
- 16 По поводу женских преступлений, в частности дознания в связи с сокрытием беременности и ведьмовством, см.: Muchembled R Passions de femmes. Op. cit. Chap. 2. H
- 17 Более подробно об изнасиловании и адюльтере см.: Muchembled R Passions de femmes. Op. cit. Pp. 76-81.
- 18 Derognaucourt G., Poton P. La Vie religieuse en France aux XVI-XVII siecles. Paris: Ophrys, 1994.0 консисторских отчетах -pp. 262-273.
- 19 Quaife G. R Wanton Wenches and Wayward Wives. Op. cit. Pp. 38-43.
- 20 Elias N. La Civilisation des mœurs. Op. cit.; Bakhtine M. L'Œuvre de Francois Rabelais. Op. cit.
- 21 Stone L. The Family, Sex and Marriage in England OD cit Pp. 627-631. 6 F' 22 Quaife GR Wanton Wenches and Wayward Wives On cit Pp. 193, 248. v
- Трие
- Io Ibid. Pp. 25, 29. «Muchembled Я La Violence au village. Op. cit. Pp. 31-31,» Л(йу/ Sin and Society in the Seventeenth Century. London: Routledge, 1989. Автор книги представляет интересные сходные материалы на основе данных по епископству Честер (особенно pp. 112-158). Мартин Инграм в своей работе (Ingram M. Church Courts, Sex, and Marriage in England, 1570-1640. Cambridge: Cambridge University Press, 1987) приводит сведения об Уилтшире, доказывающие, как важна документация. Правда, он не согласен с концепцией Кейфа в целом, причем его аргументы скорее подходят моралисту, чем историку (pp. 159-161). Мнение демографов, например Питера Леслетта (Laslett P. Family Life and Illicit Love in Earlier Generations. Cambridge: Cambridge University Press, 1977), о том, что в это

время повсеместно существовала строгая личная дисциплина поведения, стало догмой для многих исследователей; хотя в последнее время были обнаружены новые источники, и многие историки, чье отношение к вопросам сексуальности не настолько пуританское, высказывают совершенно иные мнения. Архивы лондонских церковных судов были изучены Лаурой Гоинг (Gowing L. *Domestic Dangers*. Op. cit. См., в частности, pp. 180-231 о проблеме адюльтера с точки зрения женщин). Что касается франкоговорящих стран, то сведения об «аморальной» сексуальной жизни, подобной той, что была в Сомерсете, приводятся на основании судебных документов по поводу регионов верхней долины Мерты и окрестностей Сен-Дие в книге Жан-Клода Дидлера (Diedler J.-C. *Demons et sorcieres en Lorraine. Le bien et le mal dans les communautes rurales de 1550 a 1660*. Paris: Ed. Messene, 1996. Pp. 28-32 (в частности, говорится об адюльтере и о хвастуне Жераре Гривеле, утверждавшем, что «если бы все женщины и девушки, с которыми я баловался, взяли за руки, цепочка протянулась бы до предместья Вье-Мар-ше», то есть на 15 километров), 36-37 (инцест отца с дочерью), 63 (частая женская неверность) и т. д.).

1 — Робер Мюшембле. Оргазм, или Любовные утехы на Западе 26 Quaife G. R. *Wanton Wenches and Wayward Wives*. Op. cit. Pp. 56-58. Laslett P. *The World We Have Lost: Further papers* Op. cit. В переиздании этой знаменитой книги предетгщ уточненный и во многом пересмотренный, но все же градищ. онный взгляд на сексуальную жизнь в деревне. 27 Goubert P. *La Vie quotidienne des paysans, au XVHacefe* Paris: Hachette, 1982. P. 93. См. также: Dup&quier J. *Щ. Щц de la population francaise*. Op. cit.

28 Quaife G. R. *Wanton Wenches and Wayward Wives*. Op. cit. Pp. 181-183, 186, 249.

29 Ibid. Pp. 175-177.

30 О гомосексуализме и мастурбации среди молодых холостяков см. работы Жан-Луи Фландрена.

31 Quaife G. R. *Wanton Wenches and Wayward Wives*. Op. cit. Pp. 165-169.

32 Ibid. Pp. 124-142, 171, 246.

33 Ibid. Pp. 146-158: (такая же субкультура отменяется и в Честере, см.: Addy J. *Sin and Society in the Seventeenth Century*. Op. cit. P. 138 — поведение служанки Энн Севидж в Норгендене).

34 Ibid. Pp. 119-121, 171-172.

35 Bougard R. *Erotisme et amour physique dans la litterature Francaise du XVII siecle*. Paris: Gaston Lachurie, 1986. Pp. 193-198 — приводится длинный список подобных сочинений,

36 Viola A. *Naissance de l'ecrivain. Sociologie de la litterature au J'age classique*. Paris: Ed. de Minuit, 1985; Fouanna A. *Le Devoir de revolte. La noblesse francaise et la gestation de l'Etat moderne, 1559-1661*. Paris: Fayard, 1989.

37 Prevot J. (ed.). *Libertins du XVII siecle*. Op. cit. Pp. 1672-1680; см. также работы Фредерика Лашевра: Loelwure F. *le fiber-linage au XVII siecle*. T. VII. *Melanges*. Paris: H. Champion, 1920. Переиздано: Geneve: Slatkine, 1968. Pp. 90-91, 116-121.

38 Dubost J. P. *L'Academie des dames ou la Philosophie dans le boudoir du Grand Siecle*. Paris: Ed. Philippe Picquier, 1999.

39 Bougard R. *Erotisme et amour physique dans la litterature Francaise du XVII siecle*. Op. cit. Pp. 12-13, 78-79.

* Lacheure F. *Le libertinage au XVII siecle*. T. VI. *Disciples uccesseurs de Theophile de Viau*. T. III. *Les Chansons libertines f flaude de Chouigny, baron de Blot-l'Eglise (1605-1655)*. s. 1. jJU), 1919. Pp. XXVI-XXLX, 12, 16, 20.

41 Bougard R. *Erotisme et amour physique dans la litterature Francaise du XVII siecle*. Op. cit. Pp. 13, 182. «Ibid. P. 142. *Ibid. Pp. 181-184.

«Pmot J. (ed.). *Ubertins du XVII siecle*. Op. cit. Pp. 1124-1126, 1128.

*Ibid. Pp. 1129, 1136.

* Ibid. Pp. 1147-1202 (одуше, спустившейся вниз, p. 1186).

47 Это основное положение Томаса Лейкера (Laqueur T. *Making Sex*. Op. cit.).

- 48 Shoemaker R *Gender in English Society, 1650-1850: the Emergence of Separate Sphere*. London; New York: Longmann, 1998. P. 9. См. также: Laqueur T. *Orgasm, generation, and the politics of reproductive biology* // Shoemaker R, Vincent M. (ed.). *Gender and History in Western Europe*. Op. cit. P. 112; Turner DM *Fashioning Adultery: Gender, Sex and Civility in England. 1660-1740*. Cambridge: Cambridge University Press.;2002.
- 49 Roecke M. *Forbidden Friendships: Homosexuality and Male Culture in Renaissance Florence*. Oxford: Oxford University Press, 1966. Pp. 234-235.
- 60 Ibid. P. 235.
- 51 См. ниже, глава 4, о гомосексуалистах Лондона и Парижа.
- 52 Pintard R *Le Libertinage erudit dans la premiere moitie du XVII siecle...* Paris: Boivin, 1943. Новое дополненное изд.: Geneve: Slatkine, 1983. Pp. 22-25.
- 63 Ibid. Pp. 440, 576.
- 54 Prevot J. (ed). *Libertins du XVII siecle*. Op. cit. Pp. 1221-1246. Сведения о Теофиле и документы его процесса см.: Lacheure F. *Le Libertinage devant le Parlement de Paris. Le Proces du poete Theophile de Viau (11 juillet 1623-1 septembre 1625)*. 2 vol. Paris: H. Champion, 1909; *Le Libertinage au XVII siecle. Une seconde revision des ceuvres de Theophile de Viau*. Paris: H. Charapw 1911. Обе книги переизданы: Geneve: Slatkme, 1968.
- 55 Lacheure F. *Le Libertinage au XVII siecle*. T. VI. Les Отщ libertines de Claude de Chouigny, baron de Blot-l'Eglise. Op A | Pp. XXVTJ, 19, 22.
- 56 Ibid. P. XXVII.
- 57 Lacheure F. *Le Libertinage au XVII siecle*. T. II. Disciples I et successeurs de Theophile de Viau; он же. *Le Libertinage ад 1 XVII siecle es Poesies libertines inedites de Des Barreaux (1598-1673), Saint-Pavin (1595-1670)*. Paris: H. Champion, 1911.
- 58 Lacheure F. *Le Libertinage au XVII siecle*. T. VII. Melanges, Op. cit. Pp. 90-121; Prevot J. (ed.). *Libertins du XVII siecle*. Op. i \ P. 1672; Bougard RR. *Erotisme et amour physique dans la Uerature francaise du XVII siecle*. Op. cit. Pp. 162,173.
- 59 Sauvy A. *Livres saisis a Paris entre 1678 et 1701*. La lap I Martinus Nijhoff, 1972. P. 33.
- 60 Prevot J. (ed.). *Libertins du XVII siecle*. Op. cit. P. 1673.
- 61 Lacheure F. *Le Libertinage au XVII siecle*. T.V. Disciples el successeurs de Theophile de Viau. Les GEvres libertines de Claude Le Petit, Parisien brule le 1 septembre 1662. Precedees d'une notice biographique. Paris: E. Capiomont et Cie, 1918.
- 62 Foxon D. *Libertine Literature in England*. New Hyde Park (New York): University Books, 1965. P. 48.
- 63 См. об этом замечательное исследование Мишеля Жанре: Jeanneret M. *Eros rebelle. Litterature et dissidence a l'ere classique*. Paris? Ed. du Seuil, 2003.
- 64 См. на эту тему: Muchembled R *La Societe policee*. Op. cit. Chap. IV. Pp. 123-180.
- 65 Hunt L. (ed.). *The Invention of Pornography: Obscenity and the Origins of Modernity, 1500-1800*. New York: Zone Books, 1993. Pp. 30, 40.
- 66 Foxon D. *Libertine Literature in England*. Op. cit. Pp. 5-6.
- 67 Hunt L. (ed). *The Invention of Pornography*. Op. cit. P. 21.
- 68 Foxon D. *Libertine Literature in England*. Op. cit. Pp. 52-63.
- ГЛАВА 4. ЭРОТИКА ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ 1 Elias N. *La Civilisation des mœurs*. Op. cit. 1 jeanneret M. *Eros rebelle*. Op. cit.
- 5 Foxon D. *Libertine Literature in England*. Op. cit. Pp. 43-44.
- * Hunt L. (ed.). *The Invention of Pornography*. Op. cit. Введение. Pp. 10-11; Jacob M.C. *The materialist world of pornography*. //Hunt L. (id.). *The Invention of Pornography*. Op. cit. Pp. 158-159,182.
- s Foxon D. *Libertine Literature in England*. Op. cit Pp. 44,49; Underwood D. *Eterege and the Seventeenth-Century Comedy of Manners*. New Haven: Yale University Press, 1957.

- 6 Flandrin J.-L. *Le Sex et l'Occident*. Op. cit. P. 298. "Jacob M.C. The materialist world of pornography. Op. cit. P. 183; NorbergK. The libertine whore: prostitution in French pornography from Margot to Juliette // Hunt L. (ed.). *The Invention of Pornography*. Op. cit/ Pp. 239, 243.
- 8 Wagner P. *Eros Revived: Erotica of the Enlightenment in England and America*. London: Seeker and Warburg, 1988. P. 7. 9 Muchembled R. *La Societe policee*. Op. cit. 10 Goulemot J.-M. *Ces livres qu'on ne lit que d'une main. Lecture et lecteurs des livres pornographiques au XVIII siecle*. Aix-en-Provence: Alinea, 1991. Pp. 48-51. III
- " Trumbach R. *Erotic fantasy and male libertinism in Enlightenment England* // Hunt L. (id.). *The Invention of Pornography*. Op. cit. P. 266.
- 12 Wagner P. *Eros Revived*. Op. cit. P. 175; Goulemot J.-M. *Ces livres qu'on ne lit que d'une main*. Op. cit. Pp. 161-162.
- 15 Hunt L. *Pornography and the French Revolution* // Hunt L. (id). *The Invention of Pornography*. Op. cit. Pp. 302-304, 339. См. также: Wagner P. *Eros Revived*. Op. cit. P. 175; Goulemot J.-M. *Ces livres qu'on ne lit que d'une main*. Op. cit. Pp. 246-247 (он цитирует работы Рональда Паульсона, в которых устанавливается связь между политическим насилием эпохи и нравственным бунтом, выплеснувшимся в порнографии: Paulson FL *Representations of Revolution, 1789-1820*. New Haven: Yale University Press, 1983).
- ЧМОЛС. Оргазм, или Любовные утехы н» эад I
- 14 Жюстина, или Злоключения добродетели (*Justing \ Malheurs de la vertu*, 1791); *Философия в будуаре (ЦВвйоя* I dans le boudoir*, 1795). III \
- 15 Goulemot J.-M. *Ces livres qu'on ne lit que d'une main*. Op. cit. Pp. 43-47 и рисунок А. Гравюра воспроизведена и в обложке. I кн книги. i v I
- 16 Wagner P. *Eros Revived*. Op. cit.
- 17 Cressy D. *Literacy in context: meaning and measurement in early modern England* // Brewer R. (id.). *Order and the World of Goods*. London; New York: Routledge, III Pp. 313-314. 1
- 18 Wagner P. *Eros Revived*. Op. cit. Pp. 22-23. 1
- 19 Ibid. Pp. 26-27. 1
- 20 Ibid. Pp. 48-49, 58-59. 1
- 21 Ibid. P. 80. 1
- 22 Ibid. Pp. 92-93.
- 23 Ibid. Pp. 114-115.
- 24 См. ниже, раздел «Дьявольские биографии». I
- 25 Wagner P. *Eros Revived*. Op. cit. Pp. 160-161. 1
- 26 Ibid. P. 220.
- 27 Cameron D.K. *London's Pleasures: from Restoration to the Regency*. Stroud: Sutton, 2001. В частности pp. 17,18,141; PoM, Hall L. *The Facts of Life: the Creation of Sexual Knowledge in Britain, 1650-1950*. New Haven: Yale University Press, 1995. Pp.22, 25, 31.
- 28 Porter R, Hall L *The Facts of Life*. Op. cit. P. 160, разных сферах существования см.: Davidoff L, Hay C. *Family Fortunes Men and Women of the English Middle Class, 1780-1850*. London; Hutchinson, 1987.
- 29 Porter R. *Material pleasures in the consumer society* // Robert R, Roberts M.M. (id\). *Pleasure in the Eighteenth Century*. Basingstoke (Hampshire): Macmillan, 1996. Pp. 34-35.
- 30 Mandeville B. de. *La Fable des abeilles, ou les Fripons devenus honnetes gens, avec le commentaire ou l'on trouve que les vices des particuliers tendent a l'avantage du public*. Traduit de l'anglais sur la sixieme edition. Londres: J. Nourse, 1750. См также. QmotP. III *La Fable des abeilles*. 2 vol. Paris: Vrin. T. 1.1974 (переиздано 1998). T. II. 1991. *****
- » Porter R. *Material pleasures in the consumer society* // III, Roberts MM. (ed.). *Pleasure in the Eighteenth Century*. Op. cit. Pp. 5,8-13,18.
- / я Mari R *L'idee de bonheur dans la litterature et la pensee francaise du XVIII siecle*. Op. cit. Pp. 16, 21, 179. 55 Ibid. Pp. 386-387.
- 54 Ibid. Pp. 398-399, 413-417. III 55 Flynn C.H. *The Body in Swift and Defoe*. Cambridge:

- Cambridge University Press, 1990. P. 49. Ш * Mauri R L'idee de bonheur dans la Utterature et la pensee (rancaise du XVIII siecle. Op. cit. Pp. 417, 422, 430-431, 646.
- 37 Flandrin J.-L. Le Sex et l'Occident. Op. cit. Pp. 84-85,94-95-.
- 38 Ibid. P. 130.
- "Porter ft, Най L. The Facts of Life. Op. cit. Pp. 65-90. В книге приводится детальный анализ сочинения Венетта. См., в частности, pp. 35, 66, 69, 76.
- 40 Taszylo T. Sexe et Liberte au siecle des Lumieres. Paris: Presses de la Renaissance. 1983. Pp. 82-85.
- 41 Ibid. Pp. 71-73.
- 4! Fletcher A. Gender, Sex, and Subordination in England, 1500-1800. Op. cit. P. 407.
- 4 Ibid. Pp. 29, 340. Двойной стандарт подробно описан в работах англосаксонских историков, в частности уже цитировавшихся книгах Рэндольфа Трамбах и Роберта Шумейкера. Создается впечатление, что французских историков это явление не интересует.
- 44 Trumbach R. Sex and the Gender Revolution. Т. I. Op. cit. Pp. 384-385.
- 45 Aries P. L'Enfant et la Vie familiale sous l'Ancien Regime. Paris: Plon, 1960.
- 46 Shoemaker R. Gender in English Society. Op. cit. Pp. 66-67.
- 47 Trumbach Я Sex and the Gender Revolution. Т. I. Op. cit. P 111 196,275, 392, 422. P. 430- о трех поколениях гомосексуалистов в Лондоне.
- г — «". или люоовные утехи на Звващ
- 48 См.: Fletcher A. Gender, Sex, and SubordmatAonmbtW 1500-1800. Op. cit. P. 339; Norton R. Mother Clap's Moll, the Gay Subculture in England, 1700-1830. London: G№, Ш
- 49 Turner DM. Fashioning Adultery. Gender, Sexan&Cwfc 1 in England, 1660-1740. Cambridge: Cambridge Universityht* I 2002. Pp. 5, 15, 96,115,127,197,202-203. I
- 50 Fletcher A. Gender, Sex, and Subordination in Engla 1500-1800. Op. cit. Pp. 400,407.
- 51 Mas N. La Civilisation des mœurs. Op. cit. 1
- 52 Jordanova L.J. Sexual Visions: Images of Gender inSdenceani! Medicine between Eighteenth and Twentieth Century. Ма&ок I University of Wisconsin Press, 1993. J
- 53 Fletcher A. Gender, Sex, and Subordination in England, i 1500-1800. Op. cit. P. 383. Там же подробная библиографияра-бот англосаксонских авторов. I
- 54 Такова точка зрения Трамбах: Trumbach R Sex and tk I Gender Revolution. Т. I. Op. cit. См. также выше, глава 1.
- 55 Ibid. P. 394. I
- 56 Отметим замечательную работу Мишеля Рея: Ш М, Police et sodomie a Paris au XVIII siecle: du peche au desordre // Rem d'histoire moderne et contemporaine. Vol. 29.1982. Pp. 112-124.
- 57 См. выше, глава 3.
- 58 Muchembled K Le Temps des supplices. Op. cit. P. 140.
- 59 Porter R, HallL The Facts of Life. Op. cit. Pp. 7,42.
- 60 МатиJ. Dans les regies du plaisir... Theorie de la difference dans le discours obscene romanesque et medicale de l'Ancien Regime. Paris: Ed. Kime, 1996. P. 176.
- 61А не 80, как утверждает Жосс Ван Юссель (Jos Van Ussel) в «Истории сексуального подавления», (Histoire de la repression sexuelle. Paris: R. Laffont, 1972. P. 199).
- 62 Trumbach R Sex and the Gender Revolution. Т. I. Op. cit. Pp. 63-65; Taszylo T. Sexe et Liberte au siecle des Lumieres. Op. cit Pp. 108-109; см. также: Van Ussel J.. Histoire de la repression sexuelle. Op. cit.
- 63 Shoemaker R Gender in English Society. Op. cit P 67' Trumbach R Erotic fantasy. Op. cit. P. 266. и Taszylo T. Sexe et Liberie au siecle des Lumieres. Op. cit. — U2-113, 228-229. Автор отмечает, что трактат Тиссо появился во Франции лишь в 1792 году, однако третье издание, вышедшее, по-видимому, в Лозанне, в 1764 году тайно продавалось в Париже (Stengers/., Van Neck A. Histoire d'une grande peur, la masturbation. Bruxelles: ULB, 1984. Переиздано: Le Plessis-Robinson: Insdtut Synthelabo pour le progres de la connaissance,

11998. P. 76). 65 Ibid. Статистическая таблица. P. 297. 66 Tissot S.A. Onanism, or a Treatise upon the Disorders reduced by Masturbation: or, the Dangerous Effects of Secret and excessive Venery. London: for Varenne. 1761.

IMainUJ. Dans les regies du plaisir... Op. cit. Pp. 184-191. 68 Ibid. Pp. 194-197. 69 Ibid. Pp.

198-199. 70 Porter R, HaliL The Facts of Life. Op. cit. Pp. 92-93. StaMA.-L.-G. de. De l'influence des passions sur le bonheur des individus et des nations. Lausanne: J. Mourer, 1796.

Я благодарен Вейгу Эльму, обратившему [мое](#) внимание на этот текст.

nLejeuneP. L'Autobiographie en France. Paris: A. Colin, 1971; он же. Le Pacte autobiographique. Paris: Ed. du Seuil, 1975; Mathieu-Castellani G. La Scene judiciaire de l'autobiographie. Paris: PUF, 1996.

73 Muchembled R La Societe policee. Op. cit. P. 122. См. также выше, главы 2 и 3.

74 Rawlings P. Drunks, Whores and Idle Apprentices. Criminal Biographies of the Eighteenth Century. London: Routledge, 1992. Pp. 18-19, 22, 40-41.

75 Ibid. P. 23.

76 Flynn C.H. The Body in Swift and Defoe. Op. cit. Pp. 5-6, 25. О Франции см.: Etlin R The Architecture of Death: the Transformation of the Cemetery in Eighteenth-Century Paris. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1984.

v flynn CM. The Body in Swift and Defoe. Op. cit. Pp. 26-27.

178 Preston J.M. A. The Created Self: the Reader's «0j Eighteenth-Century Fiction. London:

Heinetnann, III. Pp./" 79 Bastien P. Le Spectacle penal a Paris au XVIffaecJe! А? сертадия, защищенная в 2002 году под руководством Мюшембле и Клер Долай в Университете Пари-Нор и Увщф ситете Лаваль в Квебеке. В настоящее время автор дрссертц готовит для издательства «Сей» книгу о казни и пытки,

80 SorbierF. de. De la potence a la biographie, ou lesmiirs criminel et de son image en Angleterre (1680-1740) //Etude anglaises. Vol. 32. 1979. Pp. 257-271 (на базе ее докторской дно сертации «Recits de gueuserie et biographies criminelles defle a Defoe», защищенной в университете Пари-TV в 1977 ш),

81 Ibid. Pp. 266-271.

82 Moscuck M. Origins of the Individualist Self: Autobiognph] and Self-Identity in England, 1591-1791. Cambridge: Polity Press, 1997. Pp. 180-181.

85 FalierL. B. Turned to Account. The Forms and Functions of Criminal Biography in Late Seventeenth- and Early Eighteenth-Century England. Cambridge: Cambridge University Press, III

Pp.X-xi.

84 Ibid. Pp. 70-73.

85 Ibid. Pp. 211-215.

86 Ibid. P. 225.

87 Elias N. La Civilisation des mceurs. Op. cit. Мишель Фуко во многих своих работах говорит об этом феномене, связывая его, более пессимистично, с желанием властей «надзирать и карать».

88 Falter L.B. Turned to Account. Op. cit. Pp. 191-193.

89 Faller L.B. Crime and Defoe. A New Kind of Writing. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. Pp. 6-8.

90 Brewer/. The Pleasures of the Imagination: English Culture in the Eighteenth Century. London: Harper Collins, 1997. Pp. XIII-XXIII, 82-85, 111, 180-181, 194. 91 Ibid. Pp. 262-263, 270-273.

Глава 5. Под викторианскими покровами (1800-1960)

i fyu p. The Bourgeois Experiences. Victoria to Freud. 5 vol. Nw Vork: Oxford University Press, 1984-1998. Т. I. Education of the Senses. Т. II. The Tender Passion. Т. III. The Cultivation of Hatred. Т. IV. The Naked Heart. Т. V. Pleasure Wars. Указатель находится в томе V, претендующем на обобщение всего написанного.

2 Gay P. The Bourgeois Experience. Op. cit. Т. V. Pp. 138, 238-

241.

5 Elias N. *La Civilisation des mœurs*. Op. cit.

4 Sennett R *Les Tyrannies de l'intimite*. Paris: Ed. du Seuil, 1979; он же. *Autorite*. Paris: Fayard, 1981.

5 Sennett R *Les Tyrannies de l'intimite* Op. cit. Pp. 32, 130, 137,275.

° (baronne). *Usages du monde. Regies du savoir vivre dans la societe moderne*. Paris:

Flammarion, изд. испр. и доп., 1899. Женское имя и указание на титул часто используют и в наши дни для того, чтобы придать подобным сочинениям бблыпую достоверность. См.: Muchembled R *La Societe policee*. Op. cit. Chap. 6.

7 Sennett R *Les Tyrannies de l'intimite*. Op. cit. Pp. 145, 202. Концепция медицины как новой религии XIX века излагается в книге Хилари Патнем {Putnam H. *Reason, Truth and History*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. P. 185} Сэндер Джилман уточняет ее положения, говоря, что медицина всегда соответствует той культуре, куда она уходит корнями (Gilman S.L. *Sexuality: an Illustrated History. Representing the Sexual in Medicine and Culture from the Middle Ages to the Age of AIDS*. New York: Wiley, 1989. P. 9). Рональд Пирсол также подчеркивает власть медицины, которая, как он считает, воздействует прежде всего на легковверный средний класс (PearsattR *The Worm in the Bud: the World of Victorian Sexuality*. London: Weidenfeld and Nicholson, 1969. P. XII).

9 PorterR, HallL. *The Facts of Life*. Op. cit. Pp. 202-203.

10 Gilman S.L. *Sexuality: an Illustrated History*. Op. cit. P. 3.

— г.азм, или Любовные утехи на Западе

11 Laqueur T. *Making Sex*. Op. cit. Pp. 149-150, Щ.-Щ

12 Marcus S. *The Other Victorians: a Study of Sexuality™ Pornography in Mid-Nineteenth-Century England*. New York Basic Books, 1966. Pp. 2-3, 29-31.

13 Porter R, HallL *The Facts of Life*. Op. dt Pp. 202-203,212-213.

14 Sohn A.-M. *Du premier baiser a l'alcove: la sexualite des Francais au quotidien, 1850-1950*. Paris: Aubier, 1996. P. 412-413, 423; Pearsall R *The Worm in the Bud*. Op. cit. P. 345.

15 Stora-Lamarre A. *L'Enfer de la III Republique: censeurset pornographes (1881-1914)*. Paris: Imago, 1989. P. 183.

16 PearsauR *The Worm in the Bud*. Op. dt. Pp. 104-106,350-351,

17 *Ma vie secrete. Servantes et filles de feme*. Trad. ft. de Mathias Pauvert. Paris: La Musardine, 1994. Pp. 112-113.

18 Pearsall R *The Worm in the Bud*. Op. cit. Pp. 412-413,423.

19 Sohn A.-M. *Du premier baiser a l'alcove*. Op. cit. Pp. 89,94

20 Pearsall R *The Worm in the Bud*. Op. cit. P. 422.

21 В книге Анны-Мари Сон (Sohn A.-M *Du premier baiser a l'alcove*. Op. cit.) целая глава посвящена страхам, в частности страху перед венерическими болезнями (р. 109 и след.). Ален Корбен тоже отмечает подобные страхи (СогЪпА. *Les Filles de nose: misere sexuelle et prostitution, ХГХ-XX siecle*. Paris: Aubier, 1978. Pp. 52-53, 368-369).

22 Pearsall R *The Worm in the Bud*. Op. cit. Pp. XII, 416 (глава, посвященная викторианской сексуальной психологии, начинается словом «тревога»); Marcus S. *The Other Victorians*. Op. dt Pp. 17, 272.

23 Rosenman E.B. *Unathorized Pleasures: Accounts of Victorian Erotic Experience*. Ithaca (N. Y.): Cornell University Press, 2003. P. 13.

24 Marcus S. *The Other Victorians*. Op. cit. Pp. 22,273.

25 Pearsall R *The Worm in the Bud*. Op. cit P XW

26 Ibid. Pp. XV, 186.

бена Г СОГЪП А' FIUES DC ПОСС' °Р' DT' P" 285 (КУРСИВ А- % 28 Marcus S. *The Other Victorians*. Op. cit. Pp 3 9. Pnrl" p Най L *The Facts of Life*. Op. cit. P. 132. Примечания -- _____ ;ивилизованная мораль» (civilized morality) был «ген по отношению к Соединенным Штатам Юуллафом (BuUough V.L. *The development! A in the early twentieth century // Porter R, J Knowledge, Sexual Science. The History of the lity*. Cambridge: Cambridge University

Press, s Filles de noce. Op. cit. P. 313. [raft-Ebing's psychological understanding of / Porter R, Teich M. (ed.). Sexual Knowledge, cit. Pp. 210, 217. Первое английское издание шатии» (как подчеркивает автор статьи, без сокращения;- , переведенное с латыни, появилось в 1965 году (New York: Putnam).

и Этот тезис выдвигается в: Porter R, Най L. The Facts of ЯLife. Op. cit. P. 275. M Gallagher C, Laqueur T. The Making of the Modern Bod}exuality and Society in the Nineteenth Century. Berkley: University of California Press, 1987. P. VTH. См. там же статью: Laqueur T. Orgasm, generation, and the politics of reproductive biology. Pp. 1-41. Автор в сжатом виде излагает ту же аргументацию, которую позже развернет в своей книге 1990 года: Laqueur T. Making Sex. Op. cit. Pp. 149-243.

34 Corbin A. Commercial sexuality in nineteenth-century France: a system of images and regulations // Gallagher C., Laqueur T. The Malting of the Modern Body. Op. cit. Pp. 210-211.

35 Muchembled R Une histoire du diable. Op. cit. Pp. 136-147. 36Цитируется в: ArmJ. P., KempfR Le Penis et la Demoralisation

del'Occident. Paris: Grasset, 1978. Впоследствии книга была переиздана с менее вызывающим и более академичным заглавием: La Bourgeoisie, le Sexe et l'Honneur.

Bruxelles: Complexe, 1984. P. 170. 37 BronzinoA. Venus, Cupidon, la Folie et le Temps. Ок. 1545,

л™ГіГГ™". П»*! ill op-1

Pp. 48-49.

— ---, с. Оргазм, ияпЯюбовныеутехииизЗатк

39 См. выше, глава 4, а также: LaqueurT. Solitary Set Cultural: History of Masturbation. New York: Zone Books W Pp. 25, 32, 84, 179 (фр. пер. — Paris: Galiimard, 2005). ' 40Ibid. P. 39.

Автор указывает 61 издание этойквтиашных языках, в том числе 35 изданий поирранцрссч весчш» кращенных латинских изданий и адаптированных перелет 41 Ibid. P. 206.

Цитируется упомянутая выше книга Тщ»; L'Onanisme; ou dissertation physique sur les makalksprodinits par la masturbation. Nouvelle edition annotee d'apmlt nouvelles obsevationes par les docteurs Gottlier, Vogleretc. flank Marchands de nouveautes, 1836.

42 StengersJ., Van Neck A. Histoire d'une grmdepeur,/a masturbation. Op. cit. Цитаты приведены в приложениях. P. Щ.

43 Gilman S.L. Sexuality: an Illustrated History. Op. cit P. 270. Иллюстрация 286. Статья, о которой идет речь, написана Т. Д. Сэвиллом (Savill T.D. Hysterical skin symptoms mi eruptions // The Lancet. 20.01.1904).

44 Sohn A.-M, Du premier baiser a l'alcdve. Op. cit. Pp. 39-41

45 Ibid. P. 159; Porter R., Teich M. (edj. Sexual Knowledge, Sexual Science. Op. cit. P. 150; Wagner P. Eros Revived. Op.cii

46 См. выше, глава 4, прим. 60.

47 Gilman S.L. Sexuality: an Illustrated History. Op. cit. Иллюстрации 260 и 271-282, где изображен Джек-Потрошитель.

48 Stora-Lamarre A. L'Enfer de 1a III Republique. Op. cit. Pp. 39, 69.

49 Лучшее исследование на эту тему: Laqueur T. Solitary Set Op. cit. Книга Стенджерса и Ван Нека (StengersJ., Van Neck A. Histoire d'une grande peur, la masturbation. Op. cit.) подчас ограничивается простым описанием и не рассматривает вопрос о «буржуазной» антисексуальной одержимости. См. также более раннюю работу Ван Юсселя: Van UsselJ. Histoire de la repression sexuelle. Op. cit.

50 Stengers J., Van Neck A. Histoire d'une grande peur la masturbation. Op. cit. P. 17. Там же приведены картинки из «Книги без заглавия» по изданию 1844 года.

462

463

5ilbid. Pp-16-17. *jbi(L Pp. 118-119.

sjbid. Pp. 22-23; Porter R, Hall L The Facts of Life. Op. cit. "стрщии 12, 13. Pp. 146-147 (по Мильтону); Gay P. The joufge01's Experience. T. I. Education of the Senses. Op. cit.

- jpg2 (иллюстрация из книги Мильтона и каталог дома Матье 0 года).
- 54 Stengers J., Van Neck A. Histoire d'une grande peur, la (pgsturbation. Op. cit. Pp. 122-125. Н Ibid. P. 127; Porter R, Hall L. The Facts of Life. Op. cit. p. 147 — по поводу использования клиторидэктомии в Великобритании.
- 56 Porter R, Hall L. The Facts of Life. Op. cit. Pp. 149, 160, 282-283.
- 57 Stengers J., Van Neck A. Histoire d'une grande peur, la masturbation. Op. cit. Pp. 134-135, 142-143, 160-163, 177. См. также ниже, глава 6.
- 58 Stengers J., Van Neck A. Histoire d'une grande peur, la masturbation. Op. cit. Pp. 198-199, приложения.
- 59 Sullerot E. (id.). Le Fait feminin. Op. cit. См. дискуссию между Эвелин Сюйеро, Жан-Полем Ароном и Мишель Перро (pp. 443-444). О том же явлении в Англии: PearsaUR The Worm in the Bud. Op. cit. P. 425.
- 60 Pearsall R The Worm in the Bud. Op. cit. Pp. 250-251, 256-259, 254-265.
- 61 Ibid. Pp. 258-259. Тема проституции в Англии всесторонне освещена в исследованиях: Walkowitz J. Prostitution and Victorian Society: Women, Class, and the State. Cambridge: Cambridge University Press, 1980; она же. City of Dreadful Delight: Narratives of Sexual Danger in Late Victorian London. Chicago: University of Chicago Press, 1992. См. также: Weeks J. Sexuality and its Discontents. London: Routledge and Kegan Paul, 1985; Mason M. The Making of Victorian Sexuality. Oxford: Oxford University Press, 1994.
- rf — ""1" Любовные утехы иазищ,
- СотЪп А. Les Filles de noce. Op. cit. Pp. 18-19. Свдщ. Париже предшествующего столетия хорошо изученаблагГ" исследованию: Benabou E.-M. La Prostitution etlaPo\ite mceurs au XVII siecle. Preface de Pierre Goubert. Paris- JenW I 1987.
- 68 Ibid. Pp. 24-25. I
- 64 Foucault M. Surveiller et punir. Op. cit.
- 65 Corbin A. Les Filles de noce. Op. cit. Pp. 26-27, 42-43, & 53, 194. В Лондоне середины ХГХ века полицейская статист, ка также говорит о существовании «организованных» и «неорганизованных» проституток (regulars and irregu/ars): Pe
- 66 Corbin A. Les Filles de noce. Op. cit. Pp. 200-205.
- 67 Ma vie secrete. Servantes et filles de ferme. Op. til, Pp. 146-147.
- 68 Corbin A. Les Filles de noce. Op. cit. Pp. 249, 278, 284-285, J 296-297. Ц
- 69 Pearsall R The Worm in the Bud. Op. cit. P. 277. См. танке Porter R, Hall L. The Facts of Life. Op. cit. Pp. 224-225 — о прошле «Актов о заразных болезнях» и р. 231 — о лечении сифилиса в 1905-1909 годах.
- 70 Huismans J.-K. En menage. Paris: G. Charpender, 1880. I
- 71 Corbin A. Les Filles de noce. Op. cit. Pp. 368-369, 386-381, 394-395, 405, См. также: Sohn AM. Du premier baiser a l'alcove, Op cit. P. 109. i
- 72 Corbin A. Les Filles de noce. Op. cit. Pp. 172 (график), 506-507.
- 73 My Secret Life. 2 vol. New York: Grove Press, 1966 (ШП-2359 p.). Полный фр. пер. Матиаса Повера в 5 томах: Paris: Stock, 1994-2001. Фрагменты: Ma vie secrete. Servantes et filles de ferme. Op. cit. Произведение было тщательно проанализировано Стивенем Маркусом: Marcus S. The Other Victorians. Op. cit. Он считает, что в книге представлена подлинная история жизни; с ним согласны многие, кроме Питера Гея, который счита-ет, что в ней изображены фантазии викторианца, но не представт для этого достаточно доказательств: Gay P. Jouigt Lrience. T. I. Education of the Senses. Op. cit. P. 468. и My Secret Life. Op. cit. T. I. Предисловие. P. 7. "Ibid. T. I. Pp. XVI-XVII. Предисловие издателя. См. также: Marcus S. The Other Victorians. Op. cit. Pp. 82-83, 111-114.
- * Marcus S. The Other Victorians. Op. cit. P. 115; Rosenman E. R Unauthorized Pleasures. Op. cit. Pp. 168-169.
- I" См. выше, примечание 67. n Marcus S. The Other Victorians. Op. cit, P. 120; Rosenman E. B. uthorized Pleasures. Op. cit. P. 171.

Ий My Secret Life. Op. cit. Т. II. P. 2193. Здесь подробно описан эпизод подобного рода, т Marcus S. The Other Victorians. Op. cit. Pp. 150,155, 158-159,164,172,176; Rosenman E.B. Unauthorized Pleasures. Op. cit. pp. 1/5,183, 186-188. Полностью рассказ о гомосексуальном опыте приводится в: My Secret Life. Op. cit. Т. II. Pp. 1533-1548. 81 My Secret Life. Op. cit. Т. I. Pp. 243, 943. 82 Ibid. Т. II. P. 1544. "Ibid. Т. II. Pp.1504-1505 (подчеркнуто Уолтером); bsenman E.B. Unauthorized Pleasures. Op. cit. Pp. 194-196. Ibid. Т. I. P. XXXV. Цитируется по Введению Дж. Лег-№ Marcus S. The Other Victorians. Op. cit. Pp. 182-185. 86 Sigel L. Z. Covering Pleasures. Pornography and Social Change in England, 1815-1914. New Brunswick (New Jersey): Rutgers University Press, 2002. Я 87 Porter R, Hall L. The Facts of Life. Op. cit. Pp. 152-153. 88 Pearsall R The Worm in the Bud. Op. cit. Pp. 364-365,415; Marcus S. The Other Victorians. Op. cit. Pp. 34-35, 163. См. также: Gay P. The Bourgeois Experience. Т. I. Education of the Senses. Op. cit. Pp. 358-359.

8» Marcus S. The Other Victorians. Op. cit. Pp. 272-273, 283-284 34 3g _ примечание 4; StoraLamarreA. L'Enfer aelaIIIРbHq.Op.ci, Pp.14-1 -нгазм. или Любовные утехы на Западс -пне, глава 3. I рР. а'1атаП€ А' L'Enfer de la 111 R6publi. Щ 93 Ibid. Pp. 36-37. 94 Ibid. Pp. 24, 39. I 95 Ibid. Pp. 70-71, 132-133,158-159. I 96 Ibid. Pp. 192-193, 204-205, 211. 97 Pearsall R The Worm in the Bud. Op. cit. P. 289. 98 Sohn A.-M. Du premier baiser a Talcove. Op. cit. P. 78. 99 Ibid. Pp. 30, 38, 40-41, 102-103; Pearsall R. The Worm in the Bud. Op. cit. Pp. 238, 520; Aron J.-P, KempfR La Bourgeoisie, le Sexe et THonneur. Op. cit. Pp. 62-63. 100 См. выше, главы 1 и 4. I 101 Sohn A.M. Du premier baiser a Talcove. Op. cit. Pp. 41-41; Aron J.-R, Kempf R La Bourgeoisie, le Sexe et THonneur. Op. dt 1 Pp. 84-85. I 102 Pearsall R The Worm in the Bud. Op. cit. P. 448. 103 См. ниже, глава 6. I 104 Pearsall R The Worm in the Bud. Op. cit. Pp. 448-451. О Хевелокe Эллисе см.: Porter R, HallL. The Facts of Life. Op. cit Pp. 160-161. 105 Pearsall R The Worm in the Bud. Op. cit. Pp. 458-459. 106 Anm/-P., KempfR La Bourgeoisie, le Sexe et THonneur. Op. cit. P. 90; Stora-Lamarre A. L'Enfer de la HI Republique. Op. cit. Pp. 35-36; Sohn A.-M. Du premier baiser a l'alcove, Op. cit. 1 Pp. 54-55. 107 Hauser R Kraft-Ebing's psychological understanding of sexual behaviour. Op. cit. Pp. 210-211, 216-219. 108 Pearsall R The Worm in the Bud. Op. cit. Pp. 328-335. О порнографической литературе на эту тему см.: Marcus 5. The Other Victorians. Op. cit. Chap. 6. A child is being beaten. 109 Corbin A. Les Filles de noce. Op. cit. Pp. 184-185. 110 Ma vie secrete. Servantes et filles de ferme. Op. cit. P. 109. 111 Sohn A.-M Du premier baiser a l'alcove. Op. cit. — о франции с 1850 по 1950 год; Barret-Ducrocq F. L'Amour sous Victoria Sexualite et classes populaires a Londres au XГX siecle. Paris: Plon, 1989 "J Vamt-DucrocqF. L'Amoursous Victoria. Op. cit. См. также выше, раздел «О наготe и пушке».)"Ibid.Pp. 86,108,117,130,159. ""Ibid. Pp. 242, 244.»15 Ibid. P. 117. 116 См. выше, глава 3, о сомерсетских крестьянах. 117 Barret-Ducrocq F. L'Amour sous Victoria. Op. cit. Pp. 181, '02. 1,8 Ibid. Pp. 231-232.

1119 Ibid. P. 174. 120 Rosenman KB. *Unauthorized Pleasures*. Op. cit. P. 2. 121 SvflerotE. (ed.) *Le Fait feminin*. Op. cit. См. дискуссию меж-ю Эвелин Сьюеро и Мишель Педро — pp. 440-441.

1122 Sohn АЖ *Du premier baiser a l'alcove*. Op. cit. Pp. 84-85. 123 Ibid. P. 108. 124 Ibid. P. 308. 125 Ibid. Pp. 129, 131-134, 186-187, 224. 126 Ibid. Pp. 308-309. mJordanova LJ. *Sexual Vision*. Op. cit. P. 158. 128 Rosenman KB. *Unauthorized Pleasures*. Op. cit. P. 2.

129 «Человек без звезды». Режиссер Кинг Видор. В ролях: Кирк Дуглас, Жанна Крейн, Клер Тревор. 1955 год.

130 Morris D. *La Clé des gestes*. Paris: Grasset, 1979. P. 221. Приведен график изменения длины юбок в XX веке.

Часть четвертая. Революции? Наследие шестидесятых

1 Rey R *Histoire de la douleur*. Paris: La Decouverte. 1993.

2 MainilJ. *Dans les regies du plaisir...* Op. cit.

3 Gauchet M. *Le Desenchantement du monde. Une histoire religieuse du politique*. Paris: Gallimard, 1985.

4 Kaufmann J.-C. *Ego. Pour une sociologie de l'individu. Une autre vision de l'homme et de la construction du sujet*. Paris: Nathan, 2001.

Merger P.L. (id.). *Thebesecularixadonofths*

WorH i

Примечи»»....

Religion and World Politics. Grand Rapids: W.B. Eerdm Co., 1999; Davie G. *Religion in Britain since 1945: Believingч Belonging*. Oxford: Blackwell, 1994; Davie G., Hewim-LrD: uS *religieuses en Europe*. Paris: La Decouverte, 1996; Davie *Predicting Religion: Christian, Secular, and Alternativefutl* Aldershot: Ashgate Pub., 2003.

6 Данные приведены в: Hervieu-LegerD. *Croyancesreli morales et ethiques dans le processus de la construction europeenj*, Paris: La Documentation frangaise, 2002. P. 11.

7 Hervieu-Leger D. *Le Pelerin et le Converti. La religion ej mouvement*. Paris: Flammarion, 1999.

8Д. Эрвье-Леже разворачивает эти аргументы в своеищ. re «Croyances religieuses». Op. cit. P. 17.

9SinglyF. deetal. *Libres ensemble: Vindividualismedarnhne commune*. Paris: Nathan, 2000.

10 Hunter J.D. *Culture Wars: the Struggle to Define America*. New York: Basic Books, 1991.

11 Krauss C. *Canada's view on social issues is opening rifts mth U.S.* // *The New York Times*. 02.12.2003.

12 Holden S. *An Epicure's 15-course French fest* // *The New York Times*. 12.03.2004.

13 См. об этом в *Заключении*.

Глава 6. Эра удовольствия (от 1960-х до наших дней) Он вышел в Пенсильвании с грифом «Добродетель, Свобода, Независимость». Напомним, что именно эти слова тогда чеканились на обороте монеты в 25 центов, где сейчас помещают символы каждого штата.

2 KinseyA. G, Pomervy W.B., Martin CE. *Sexual Behavior in the Human Male*. Philadelphia: W.B. Saunders Co., 1948; Kinsey AC, Pomeroy W.B., Martin C.E., GebhardP. H. *Sexual Behavior in the Human Female*. Philadelphia: W.B. Saunders Co., 1953. Позже данные были проверены, частично откорректированы и изданы

. MPM, Johnson A. B. *The Kinsey Data: Marginal Tabulations rstfte 1938-1965 Interviews Conducted by the Institute for Sex / Research*. Philadelphia: W.B. Saunders Co., 1979. Институт исследований сексуальных проблем при Университете Индианы располагает 18 тысячами листков с ответами на вопросы, на которых основываются выводы исследователей. Кинси мечтал собрать 100 тысяч таких листков. О Кинси, в прошлом энтомологе, известном исследователе одного из видов ос (орехотворки), см. обширную биографию, написанную Джеймсом Джонсом, где об ученом говорится с почтением и, вместе с тем, дается критика его взглядов: Jones J.H. *Alfred Kinsey. A Public/ Private Life*. New York: W.W. Norton and Company, 1997. См. также фильм Билла Кондона «Кинси» с участием Лаема Ниссона и

Лоры Линней, 2004 год (во французском прокате вышел годом позже под названием «Доктор Кинси»).

*Kinsey A. C., Pomeroy W.B., Martin C.E. Sexual Behavior in the I Human Male. Op. cit. P. 262. "Ibid. Pp. 203-264.

s Kinsey A.C., Pomeroy W.B., Martin C.E., Gebhard P.H. Sexual Behavior in the Human Female. Op. cit. Pp. 285, 324-325. См. выше, глава 3. 7 Kinsey A. C, Pomeroy W.B., Martin C.E. Sexual Behavior in the Human Male. Op. cit. P. 264. О случае с Жослен Илдерс см.: Greenblatt S. Me, myself and I // The New York Review of Books. Vol, 56. № 6. 08.04.2004 (статья посвящена книге Laqueur T. Solitary Sex. Op. cit.).

8 Jacobs A. Student sex case in Georgia stirs claims of Old South justice // The New York Times. 22.01.2004. Благодаря деятельности комитетов, организованных в защиту Маркуса Диксона, он был освобожден через 18 месяцев.

9 Kinsey A. C, Pomeroy W.B., Martin C.E. Sexual Behavior in the Human Male. Op. cit. P. 296.

10 Ibid. Pp. 639, 656. Шкала Кинси лежит в основе обширной научной литературы. Другие принципы оценки сексуально поведения предложены Бемом, Клейном, Коулменом, Шиверли, Де Чекко. Обсуждению вопроса посвящены многие сайты в Интернете, в частности [сайт](http://www.kinseyinstitute.org/resource/akhhscale.html) Института исследований сексуальных проблем при Университете Индианы [http:// www.kinseyinstitute.org./resource/akhhscale.html](http://www.kinseyinstitute.org/resource/akhhscale.html). предлагает шкалу Кинси с обширной библиографией по этому вопросу,

11 Kinsey A. C, Pomeroy W.B., Martin C. E., Gebhard P. H, Sexual Behavior in the Human Female. Op. cit. Pp. 650-651.

12 Ibid. P. 483.

13 Kinsey A.C., Pomeroy W.B., Martin C.E. Sexual Behavior in the Human Male. Op. cit. Pp. 313, 499.

14 См. выше, глава 5.

15 Greenblatt S. Me, myself and I. Op. cit.

16 Kinsey J. C., Pomeroy W.B., Martin C.E., Gebhard P. H. Sexual Behavior in the Human Female. Op. cit. Pp. 142, 174, 371.

17 Ibid. Pp. 392-393.

и в Kinsey A.C., Pomeroy J.O., Martin C.E. Sexual Behavior in the Human Male. Op. cit. P. 366.

19 Фильмы со сценами явного насилия, недостойного поведения, употребления наркотиков и алкоголя, а также с сексуальными намеками получают литеру R. Так, например, «Дог* виль» Ларса фон Триера получил в 2004 году литеру R за сцены насилия и сексуальное содержание, а «Убить Билла-2» Квентина Тарантино — за сцены насилия, недостойного поведения и употребления наркотиков. Иногда к литературе добавляются уточнения так, фильмы с легкими сексуальными намеками, фривольными эпитетами и грубым юмором получают литеры PG (в 2004 год их удостоилась «Заколдованная Элла» по роману Гейл Карсон Ливайн. Вариация на тему Золушки снискала такую оценку за грубый юмор и фривольные эпитеты). Литерами и цифрами PG-13 наделяются предназначенные для взрослых фильмы с грубым сексуальным юмором, сценами недостойного поведения, наготой, открытыми сценами секса, употребления наркотиков и алкоголя (как, например, «Соседка» с Эмилем Хиршек или «Доброго пути» с Жераром Депардье).

*Вид J. C, Pomeroy W.B., Martin C.E. Sexual Behavior in the Human Male. Op. cit. Pp. 367-369. «См. выше, глава 3.

*Kinsey A. C, Pomeroy W.B., Martin C.E., Gebhard P. H. Sexual Behavior in the Human Female. Op. cit. Pp. 262-263, в частности notes 32-34.

* Kinsey A.C., Pomeroy W.B., Martin C.E. Sexual Behavior in the Human Male. Op. cit. P. 577.

и Rubin L.B. Erotic Wars: What Happened to the Sexual Revolution? New York: Farrar, Straus, and Giroux, 1990. Pp. 120-121. / 25 Kinsey A. C, Pomeroy W.B., Martin C.E. Sexual Behavior in the I Human Male. Op. cit. Pp. 559, 599. I 36 Ibid. Pp. 598-599, 602-603.

I 27 Trumbach K Sex and the Gender Revolution. T. I. Op. cit. / См. также выше, глава 1.

- 28 Kasl CD. *Women, Sex and Addiction: a Search for Love and Power*. New York: Ticknor and Fields, 1989. P. 208.
- * Kinsey A.C.t Pomeroy W.B., Martin C.E. *Sexual Behavior in the Human Male*. Op. cit. P. 263.
- 30 Masters W. H. tJonson V.E. *Human Sexual Response*. Boston: Little, Brown, 1966.
- См. выше, глава 5, об Уолтере-викторианце и его книге «Моя тайная жизнь». Сегодня специалисты считают, что во время особо сильного оргазма у некоторых женщин может выделяться влага, но это не моча, а секреция скениевых желез (MorrisD. *La femme nue*. Paris: Calmann-Levy, 2005. Pp. 247-252).
- 32 Masters W. H. tJonson V.E. *Human Sexual Response*. Op. cit. Pp. 136-137.
- 33 Laqueur T. *Solitary Sex*. Op. cit. Pp. 74-77. 54 Rubin L.B. *Erotic Wars*. Op. cit. P. 101. 35 Ibid. Pp. 187-189.
- ав Morris D. *The Human Sexes; a Natural tistory of Man and Woman*. London: Network Boob, 1997. Pp. 226-227. з? Ibid. P. 227.
- * Laqueur T. *Solitary Sex*. Op. cit. P. 78.
- 39 Rubin L.B. *Erotic Wars*. Op. cit. Pp. 20-21. I
- 40 Morris D. *Intimate Behavior*. New York: Random н 1971. Pp. 208-209. H(4
- 41 Morris D. *The Human Sexes*. Op. cit. Pp. 122-123. щ
- 42 Pateman C. *The Sexual Contract*. Cambridge: Polity p 1988. 4
- 45 Luhman N. *Love as Passion: the Codification OF МЩАП*. Пер. с нем. Oxford: Polity Press, 1986. Pp. 4, 20.
- 44 Ibid. Pp. 43, 45. I
- 45 Ibid. Pp. 5, 43, 45. i
- 46 Ibid. Pp. 13, 21. I
- 47 Более подробно об Уолтере см. выше, глава 5.
- 48 С 1994 года весь мир следил за приключениями шестерки «Друзей» из культового американского сериала. (Эн-би-эс окончательно завершила сериал 6 мая 2004 года, и это было превращено в самостоятельное шоу, которое в США смотрели 50 миллионов зрителей.)
- 49 Rubin L.B. *Erotic Wars*. Op. cit. Pp. 187, 199. См. также: Weeks J. *Sexuality and the Discontents*. Op. cit.
- 50 Morris D. *Intimate Behavior*. Op. cit. Pp. 84-87.
- 51 Morris D. *The Human Sexes*. Op. cit. Pp. 90-91 (с фотогр* фией автомата для развода — quick-court divorce-dispensing machua).
- 52 Ibid. Pp. 100-101.
- 5S Colata G. *The heart's desire* // *The New York Times*, 11.05.2004. |1
- 54 В последней серии «Друзей» у Чендлера и Моника по- 1 являются дети — мальчик и девочка, выношенные другой женщиной. Американское телевидение очень четко реагирует на запросы зрителей, так что можно считать, что затронутая проблема действительно является насущной для общества. В серии нет никаких нарушений морали: Чендлер и Моника женаты.
- 55 Morris D. *The Human Sexes*. Op. cit. Pp. 116-117.
- 56 Легитимные акты Карла Пятого и документы о служанках священников Франш-Конте находятся в серии А Северных архивов Лилля (имеется обширный каталог документов). Is? Morris D. *The Human Sexes*. Op. cit. Pp. 120-12L i я Существует весьма обширная литература по этому во-су. О том, как решалась проблема через несколько лет после гидесятых, см.: White E. *States of Desire: Travels in Gay America*. York: Dutton, 1980.
- *SetyeK. Q., Elder J. *Strong support is found for ban on gay, ". iage//The New York Times*. 21.12.2003.
- 60 Partnership rights for gays // *The New York Times*. I J3.01.2004.
- 61 Belluck P. *Massachusetts gives new push to gay marriage in strong ruling* // *The New York Times*. 05.02.2004; Liptak A. *Bans on interracial unions offer perspectives on gay ones* // *The New York Times*. 17.03.2004.

- 68 Kipriis L. Should this marriage be saved? // The New York Times. 25.01.2004.
- 65 Waal F. de. Bonobo: the Forgotten Ape. Berkeley: University of California Press. 1997 (фр. пер.: Bonobos: le bonheur d'etre singe. Paris: Fayard, 1999).
- 64 Bagemihl B. Biological Exuberance: Animal Homosexuality and Natural Diversity. New York: Saint Martin's Press, 1999.
- 65 Smith D. Love that dare not squeak its name // The New York Times. 07.02.2004.
- 60 Ibid. См. также: Zuk M. Sexual Selections: What We Can and Can't Learn about Sex from Animals. Berkeley: University of California Press, 2002.
- 67 Kristof N.D. Lovers under the skin // The New York Times. 03.12.2003.
- 68 Marshall C. More than 50 gay couples are married in San Francisco // The New York Times. 13.02.2004; Murphy D.E. and Marshall C Gay weddings continue in San Francisco as lawyers argue // The New York Times. 18.02.2004; Murphy D.E. San Francisco judge rules gay marriages can continue // The New York Times. 21.02.2004.
- 69 Murphy D.E. California Supreme Court rules gay union have AJ, // The New York Times. 13.08.2004. no standing//
_ - — «couplegaisemarietiu/етеш,
// presSe (Montreal; , 02.04.2004. b
- Эта гипотеза высказана в: Morris D. The Human ь, cit. P. 121.
- 72 См. выше, главы 3 и 5. Об особенностях
ВИКТОРИАНСЦ
века — My Secret Life. Op. cit. (эротическая автобвдт тера).
- 75 Morris D. The Human Sexes. Op. cit. Pp. 124-125, Z 224. См. также: он же. Bodywatching: a Field Guide to the Ни Species. New York: Crown, 1985-о проблемах тела в целом.
- 74 BarretDucrocq F. L'Amour sous Victoria. Op. cit
- 75 Mosse G.L. The Image of Man: the Creation of Modem Masculinity. Oxford: Oxford University Press, 1996.
- 76 Morris D. The Human Sexes. Op. cit. Pp. 224-226.
- 77 Шир Хайт недавно приняла немецкое гражданство,
- 78 Hite S. The Hite Report of the Family: Growing UP UNDER Patriarchy. New York: Grove Press, 1995 (1е изд. -ВЮотЪщ 1994).
- 79 Ibid. Pp. 14-15, 52.
- 80 Strom M., GellesR, SteinmetzS. Behind Closed DOORS; VIOLENCE in the American Family. New York: Simon and Schuster, 1980.
- 81 Hite S. The Hite Report of the Family. Op. cit. Pp. 23III
- 82 Ibid. Pp. 59, 97, 274, 351.
- 83 Hite S. Women as Revolutionary Agents of Change: the Hits I Report and Beyond. Madison: The University of Wisconsin Press, I 1994. См. также: она же. Women and Love: a Cultural Revolution 1 in Progress. New York: Knopf, 1987.
- 84 Rubin L.B. Erotic Wars. Op. cit. Pp. 195, 198.
- 85 Morris D. Intimate Behavior. Op. cit. P. 243.
- 86 Morris D. The Human Sexes. Op. cit. P. 241.
- Заклучение. Нарциссическое общество
- 1 Huntington S.P. Who Are We? The Challenges to America's National Identity. New York: Simon and Schuster, 2004. В работе
говорнтся о влиянии англо-протестантского наследия на американец культуру вплоть до наших дней.
- 'Речь вдет о Тридентском соборе (1545-1563), политика \ которого была направлена на то, чтобы восстановить в католической церкви нормы и ценности, поставленные под сомнение протестантами. Вслед за Тридентским собором начался век опустошительных религиозных войн во Франции, Нидерландах, Германии!

- 3 Lahire B. et al. Portraits Sociologiques. Dispositions et variations individuelles. Paris: Nathan, 2002.
- 4 Lipovetsky G. L'ère du Vide. Essais sur l'individualisme contemporain. Paris: Gallimard, 1983.
Lipovetsky G., Charles S. Les temps hypermodernes. Paris: Grasset, 2004.
- 6 Vincent C. Ados à fleur de peau // Le Monde. 09.07.2003. См. также: Anzieu D. Le Moi-peau. Paris: Dunod, 1985.
- Результаты опроса проанализированы в специальном номере журнала «Futuribles»: Les Valeurs des Européens. Les tendances de long terme. № 227. Июль-август 2002 года. Исследование проведено под руководством Пьера Брешона и Жан-Франсуа Черня. О Франции см. также: Brichon P. (ed.). Les Valeurs des Français. Evolutions de 1980 à 2000. Paris: A. Colin, 2000; GaUand O., Roudet B. (ed.). Les Valeurs des jeunes. Tendances en France depuis vingt ans. Paris: L'Harmattan, 2001.
- Brichon P. Les inégalités dans les sociétés européennes fragilisent la démocratie // Le Monde. 14.10.2002.
- 9 Futuribles. Op. cit.
- 10 Выражение использовано в: Davie G. Religion in Britain since 1945: Believing without Belonging. Op. cit.
- 11 Lambert Y. Religion: L'Europe a un tournant // Futuribles. Op. cit. Pp. 129-160.
- 12 Temisien X. En une décennie, les croyances ont reculé en France // Le Monde. 17.04.2003.
13 Tamberly Y. Un certain retour de la morale, en particulier chez les jeunes // Le Monde. 17.04.2003.
- "Личностно-поведенческие аспекты культуры на Западе"
- ГГ GaUand O. Les dimensions de la confiance // Рим, Op. cit. Pp. 15-40. mbl*
- 15 Galland O. L'individualisation progresse mais les différences culturelles restent fortes // Le Monde. Цит. (автор различает индивидуализацию нравов и индивидуализацию, как синоним эгоизма).
- 16 Vincent C. La tyrannie du plaisir // Le Monde. 23. 11. 2002.
- 17 Эту статью прокомментировал Филипп Лоне: Рождество Cupidon, moteur de la relance économique // Le Monde 30.01.2002.
- 18 Kohut H. The Analysis of the Self. Op. cit.; The Search for the Self: Selected Writings of Heinz Kohut, 1950-1978. Edited with an Introduction by Paul H. Ornstein. New York: International Universities Press, 1978; Self Psychology and the Humanities: I Reflections on a New Psychoanalytic Approach. Edited with an Introduction by Charles B. Strozier. New York: W.W. Norton, 1977.
- 19 Kohut H. The Analysis of the Self. Op. cit. P. 23.
- 20 Ibid. Pp. 26-29.
- 21 Lash C. The Culture of Narcissism. Op. cit. См. также более ранние работы Дэвида Рисмана: Riesman D. Individualism Reconsidered, and Other Essays. Glencoe: Free Press, 1954.
- 22 Описание издержек нарциссизма во второй половине жизни опирается на: Kernberg O.F. Borderline Conditions and Pathological Narcissism. New York: J. Aronson, 1975.
- 23 Lash C. The Culture of Narcissism. Op. cit. Pp. 38-41.
- 24 Ibid. Pp. 65, 69.
- 25 Ibid. Pp. 73, 174-175.
- 26 См. выше, глава 6.
- 27 Lash C. The Culture of Narcissism. Op. cit. P. 193.
- 28 Ibid. Pp. 204-205, 210-211.
- 29 Среди необозримого количества работ на эту тему отметим следующие самые интересные: Sanford N. Self and Society; Social Change and Individual Development. New York: Atherton Press, 1966; Popper K.R. and Eccles J. C. The Self and its Brain. London-Routledge and Kegan

Paul, 1977; Taylor C. Sources on the Self: the Making of Modern Identity. Cambridge (Mass.): Harvard University Press

библиография

И ф (фр. пер. — Paris: Ed. du Seuil, 1998); Sulloway A. G. Jane I glisten and the Province of Womanhood. Philadelphia: University Pennsylvania Press, 1989; Fireman G.D., McVay T. E., Flanagan O.J. III Narrative and Consciousness: Literature, Psychology, and the grain. Oxford: Oxford University Press, 2003.

30 Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in (he Late Modern Age. Cambridge: Polity Press, 1991. Pp. 3, 7.

31 Ibid. P. 33.

й Таково мнение Лэша {Lash C. The Culture of Narcissism. Op. cit.) и Сеннетта (Sennett R. Les Tyrannies de l'indmte. Op. cit. i и ом же. Autorite. Op. cit.).

33 Giddens A. Modernity and Self-Identity. Op. cit. Pp. 65-67, 169,172-173.

34 Giddens A. The Transformation of intimacy. Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies. Cambridge: Polity Press, 1992. P. 158.

35 Ibid. P. 77.

36 Ibid. P. 33. Цитируется работа: WeeksJ. Sexuality and its Discontents. Op. cit.

37 Luhman N. Love as Passion. Op. cit. 58 Giddens A. The Transformation of Intimacy. Op. cit. Pp. 2,

9-10, 27. Эти темы были затронуты и в его предшествующей работе: Giddens A. Modernity and Self-Identity. Op. cit. Pp. 162, 164, 206, 219. О поколениях женщин в США см.: Rubin L.V. Erotic Wars. Op. cit.

39 Giddens A. The Transformation of Intimacy. Op. cit. P. 206.

40 См выше, глава 6, и Morris D. The Human Sexes. Op. cit.

41 Такое положение выдвигает и защищает Гидденс: Giddens A. The Transformation of Intimacy. Op. cit. P. 203.

БИБЛИОГРАФИЯ

AddyJ. Sin and Society in the Seventeenth Century. London

Aers D. {id). Culture and History, 1350-1600: Essays on English Communities, Identities and Writing. New York: Harvester Wheatsheaf, 1992.

Aers D. A whisper in the ear of early modernists; or reflections on literary crides writing the «history of the subject* // Aers D. (ed.). Culture and History, 1350-1600: Essays on English Communities, Identities and Writing. New York: Harvester Wheatsheaf, 1992. Pp. 177-201. I

Anzieu D. Le Moi-peau. Paris: Dunod, 1985. B

Aries P. L'enfant et la Vie familiale sous Галциен Regime. Paris: Plon, 1960. Reed.: Ed. du Seuil, 1973.

Aries P. et Duby G. (ed.). Histoire de la vie privee. 5 vol. Paris: Ed. du Seuil, 1985-1987. T. I. De Г Empire romain au Pan mil T. II. De l'Europec feodale a la Renaissance. T. III. De la Renaissance aux Lumieres. T.W.Dc la Revolution a la Grande Guerre. T. V. De la Premiere Guerre mondiak a nos jours. I

ArmJ.-P. et KempfR Le Penis et la Demoralisation de l'Ocddent Paris; Grasset, 1978. Reed, sous le titre La Bourgeoisie, le Sexe et ГНошкиг. Bruxelles: Complexe, 1984.

Vagemihl B. Biological Exuberance: Animal Homosexuality and Natural Diversity. New York: Saint Martin's Press, 1999.

BakhtineM. L'CEuvre de Francois Rabelais et la Culture populaireau Moyen Age et sous la Renaissance. Paris: Gallimard, 1970.

Bardet J.-P. et DupaquierJ. (ed.). Histoire des populations de PEuropec. 3 vol. Paris: Fayard, 1997.

Barret-Ducrocq F. L'Amour sous Victoria. Sexualite et classes populaires a Londres au XIX siecle. Paris: Plon, 1989.

Bastien P. *Le Spectacle penal a Paris au XVII siecle*. These soutenue sous la direction de Robert Muchembled et de Claire Dolan. Universite de Paris-Nord et Universite Laval. Quebec, 2002. L'auteur prepare un livre sur le supplice pour les Editions du Seuil.

Beuuck R Massachusetts gives new push to gay marriage in stron* ruling // The New York Times. 05.02.2004. 8

A*10

to C *The Subject of Tragedy** London; New York: Methuen, 1985. BmbmEM *La Prostitution et la/Police des mœurs au XVIIIe siecle*. Pnfface de Pierre Goubert. Paris: Perrin, 1987.

Bene Y. *M Fete et revolte. Des mentalites populaires du XVI au XVETI* IsifecIcParisHachette, 1976. BergerPL. {id.}. *The Deserialization of the World: Resurgent Religion and World Politics*. Grand Rapids: W.B. Eerdmans Pub. Co., 1999. BerriotSalvadore E. *Un corps, un destin: la femme dans la medecine de la Renaissance*. Paris: Champion, 1993.

BoaistuauP. *Le Theatre du Monde (1558)*. Ed. crit. Michel Simonin. Geneve: Droz, 1981.

BougardRR *Erotisme et amour physique dans la litterature francaise duXVH siecle*. Paris: Gaston Lachurie, 1986. BourcierE. *Les Journaux prives en Angleterre (1600-1660)*. Paris: Publications de la Sorbonne, 1976. Bourdieu P. *La Distinction. Critique sociale du jugement*. Paris: Ed. leMinuit, 1979. Bmntome [Pierre de Bourdeille, seigneur de]. *Vies des dames galantes. jerte etabli sur Ped. originale par Jacques Haumont*. Paris: J. De Bonnot,

BraudelF. *Histoire et sciences sociales. La longue duree // Annales £S.C. Vol. 13. 1958. Pp. 725-753*.

Он же. *Ecrits sur l'histoire*. Paris: Flammarion, 1969.

Он же. *Civilisation materielle, eЧюпотie et capitalisme (XVe-XVTHe siecle); 3 vol*. Paris: A. Colin, 1979.

Brechon P. (id.). *Les Valeurs des Francais. Evolutions de 1980 a 2000*. Paris: A. Colin, 2000.

Он же. *Les inegatites dans les societes europeennes fragilisent Ia democratic // Le Monde*. 14.10.2002.

Brewer J. *The Pleasures of the Imagination: English Culture in the Eighteenth Century*. London: Harper Collins, 1997.

Briot F. *Usage du monde, usage de soi. Enquete sur les memorialistes d'Ancien Regime*. Paris: Ed. du Seuil, 1994.

Bullough V.L. *The development of sexology in the USA in the early twentieth century // Porter R. et Teich M. (ed.). Sexual Knowledge, Sexual Science. The History of the Attitudes to Sexuality*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

rkkardil *La Civilisation de la Renaissance en Italie*. 3 vol. Trad, fr d H&hmitt Revue et corrigee par R. Klein. Paris: Le Livre de Poche, SB?" ire ed. all. 1860.

Burguiere A. *De Malthus a Max Weber: le manage tariff ei Vesmi d'entreprise // Annates E.S.C.* Vol. 27.1972. Pp. 1128-1138.

Burke P. *Viewpoint. The invention of leisure in early modem bam // Past and Present*. Vol. 146. Fevrier 1995. Pp. 136-150.

Ok же. *Representations of the self from Petrarch to Descartes // Porter R. (ed.). Rewriting the Self: Histories from the Renaissance тойц Present*. London: Routledge, 1997. Pp. 17-28.

Bynum C. W. *Jesus as Mother. Studies in the Spirituality of the Hiñ Middle Ages*. Berkeley: University of California Press, 1982.

Cameron D. K *London's Pleasures: from Restoration to Regency*. Stroud: Sutton, 2001.

Castigfone B. *Le Livre du courtisan*. Paris: Flammarion, coll. «0F», 1991.

Ce plaisir qu'on dit charnel [Carnal Knowledge]. UnfflmdeMike Nichols, avec Jack Nicholson, Arthur Garfunkel, Ann Margret, Candice Bergen. 1971.

Claus H. *Le Chagrin des Beiges*. Paris: julh'ard, 1985 Ire ed. flamande: Het verdriet van Belgie. 1983.

Claverie E. et Lamaison P. *LTmpossible Manage. Violence et parente en Geevaudan, XVIIe, XVIIIe, et XIXe siecles*. Paris: Hachette, 1982.

Clifford A. The Lady Anne Clifford Walk: http://www.pikedaw.freeseive.co.uk/walks/ladyanne_clifford_walk.htm

Condon B. Voir Docteur Kinsey.

Corbin A. Les Filles de noce: misere sexuelle et prostitution, XIXtt XX siecles. Paris: Aubier, 1978.

Он же. Commercial sexuality in nineteenth-century France: a system of images and regulations // Gallagher C. et Laqueur T. (ed.). The Making of the Modern Body: Sexuality and Society in the Nineteenth Century. Berkeley: University of California Press, 1987. Pp. 209-219.

Corbin A., Courtine J. J. et Vigarello G. (eds). Histoire du corps, 3 vol. Paris: Ed. du Seuil, 2005.

Crawford P. et Gowing L. (eds). Women's World in Seventeenth-Century England. London: Routledge, 2000.

Cresy D. Literacy in context: meaning and measurement in early modern England // Brewer L.J. et Porter R. (eds). Consumption and the World of Goods. London; New York: Routledge, 1993.

Croyances religieuses, morales et ethiques dans le processus de construction europèenne. Paris: La Documentation française, 2002

Danmn a On the Origin of Species by Means of Natural Selection, tendon: John Murray, 1859. ¥

Daumas M. Le Mariage amoureux. Histoire du hen conjugal sous Il'Ancien Regime. Paris: A. Colin, 2004.

Davidoff L. et Hall C. Family Fortunes: Men and Women of the English Middle Class, 1780-1850. London: Hutchinson, 1987.

Davie G. Religion in Britain since 1945: Believing without Belonging. I' Oxford: Blackwell, 1994.

Она же (ëa\). Predicting Religion: Christian, Secular, and Alternative Futures. Aldershot: Ashgate Pub., 2003.

Davie G. et Hervieu-Leger D. Identites religieuses en Europe. Paris: iDecouverte, 1996.

Davis N.Z. Boundaries and the sense of self in sixteenth-century trance // Heller T.C., Sosna M. et Wellerby D.E. (ed.) Reconstructing Individualism: Autonomy, Individuality, and the Self in Western Thought. Stanford: Stanford University Press, 1986. Pp. 53-63.

Dean C.J. The Frail Social Body: Pornography, Homosexuality, and Other Fantasies in Interwar France. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 2000.

Deregnacourt G. et Poton D. La Vie religieuse en France au XVIe-XVIIe siecles. Paris: Ophrys, 1994.

Diedlerf-C. Demons et sorcieres en Lorraine. Le bien et le mal dans Jes communautes rurales de 1550 a 1660. Paris: Ed. Messene, 1996.

Doctor Kinsey. Un film de Bill Condon, avec Liam Nesson et Laura Linney. 2004. Titre original americain: Kinsey.

Dragstm K, Ottway S. et Wilcox H. (ed.). Betraying our Selves: Forms of Self-Representation in Early Modern English Texts. New York, Saint Martin's Press, 2000.

Dubost J.-P. L'Academie des dames ou la Philosophic dans le boudoir du Grand Siecle. Aries: Ed. Philippe Picquier, 1999.

Duerr H.-P. Nudite et pudeur. Le mythe du processus de civilisation. Paris: Maison des sciences de l'homme, 1998. Ire ed. all. 1988.

Dufourmaniele A. Blind Date. Sexe et philosophic Paris: Calmann-Levy, 2003.

Dumont L. Essais sur Pmcuividualisme: une perspective anthropologique sur l'ideologie moderne. Paris: Ed. du Seuil, 1983.

Dupaquier J. (ea\), coll Jean-Pierre Bardet et at Histoire de la population française. Paris: PUF, 1988.

Ecole des Giles [L*]t ouvrage anonyme publieen J655 (ed.). Libertins du XVII siecle. T. I. Paris: Gallimard, 199*/^ editee integrelement Pp. 1099-1202). f %>

EUasN. La Civilisation des mœurs. Paris: Штрапп-Lew jo*

Библиография

Fogel M. Marie de Goumay, Paris: Fayard, 2004.

FmmUM. Histoire de la folie a l'age classique. Pans; Plon, 1961,

Он же. Surveiller et punir. Naissance de la prison. Paris; Gallimard,

- Он же. La Societe de com. Paris: Calmann-Levy, 1974, Он же. La Dynamique de l'Occident Paris: Calmann-Levy 1974. Он же. La Societe des individus. Paris: Fayard, 1991.
- Etlin R. The Architecture of Death: the Transformation of Cemetery in Eighteenth-Century Paris. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1984.
- Eustache J. Voir Marat et la Putain [La], Follmer L. B. Turned to Account. The Forms and Functions of the Biography in Late Seventeenth- and Early Eighteenth-Century England. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
- Он же. Crime and Defoe. A New Kind of Writing. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
- Farhe A. Vivre dans la rue à Paris au XVIIIe siècle. Paris: Gallimard. Julliard, 1979.
- Febvre L. Amour sacré, amour profane. Autour de l'Heptameron Paris: Gallimard, 1971. Ire ed. 1944.
- Fillon A. Les Trois Bagues au doigt: amours villageoises au XVIIIe siècle. Paris: R. Laffont, 1989.
- Fireman G.D., McVay T. E. et Flanagan O J. (ed.). Narrative and Consciousness: Literature, Psychology, and the Brain. Oxford: Oxford University Press, 2003.
- Flandrin L. L'Eglise et le Contrôle des naissances. Paris: Flammarion, 1970.
- Он же (ed.). Les Amours paysannes: amour et sexualité dans les campagnes de l'ancienne France (XVI-XIX siècle). Paris: Gallimard-Julliard, 1975.
- Он же. Le Sexe et l'Occident: Evolution des attitudes et des comportements Paris: Ed. du Seuil, 1981.
- Он же. Un temps pour embrasser: aux origines de la morale sexuelle occidentale (VI-XI siècle). Paris: Ed. du Seuil, 1983.
- Fletcher A. Gender, Sex, and Subordination in England, 1500-1800. New Haven: Yale University Press, 1995.
- Ffynn C.H. The Body in Swift and Defoe. Cambridge: Cambridge University Press 1990.
- Он же. Histoire de la sexualité. T. I. La Volonté de savoir. Paris: Gallimard, 1976. T. II. L'Usage des plaisirs. T. III. Le Souci de soi, paru en 1984 chez le même éditeur.
- Fox J. The Red Lamp of Incest: an Enquiry into the Origins of Mind and Society. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1980.
- Foxon D. Libertine Literature in England. New Hyde Park (New York): University Books, 1965.
- Froese A. The Weaker Vessel. New York: Alfred Knopf, 1984. Freud S. Trois essais sur la théorie de la sexualité. Paris: Gallimard, 1962. Ire ed. 1905.
- Он же. Au-delà du principe de plaisir [1920] // Essais de psychanalyse. Paris: Payot, réed. 2001. Pp. 47-128.
- Он же. Psychologie des foules et analyse du Moi [1921] // Essais de psychanalyse. Paris: Payot, réed. 2001. Pp. 129-242.
- Он же. Le Moi et le Ça [1923] // Essais de psychanalyse. Paris: Payot, réed. 2001. Pp. 243-305.
- Он же. Essais de psychanalyse. Paris: Payot, 1981. Réed. 2001. Futuribles. Les valeurs des Européens. Les tendances de long terme. Sous la direction de Pierre Brechon et de Jean-François Tchernia. No. 277. Juillet-août 2002.
- Gallagher C. et Laqueur T. (ed.). The Making of the Modern Body: Sexuality and Society in the Nineteenth Century. Berkeley: University of California Press, 1987.
- Galtand O. Les dimensions de la confiance // Futuribles. No. 277: Juillet-août 2002. Pp. 15-40.
- Он же. L'individualisation progresse partout, les différences culturelles restent fortes // Le Monde. 14.10.2002.
- Galland O. et Roudet B. (ed.). Les Valeurs des jeunes. Tendances en France depuis vingt ans. Paris: L'Harmattan, 2001.
- Gauchet M. Le Désenchantement du monde. Une histoire religieuse du politique. Paris: Gallimard, 1985.

Gay P The Bourgeois Experience: Victoria to Freud. 5 vol. T. I. duration of the Senses. T. II. The Tender Passion. T. III. The Cultivation in red T IV The Naked Heart. T.V. Pleasure Wars. New York: Oxford University Press, 1984-1998.

482

483

« — «и. или Любовные утехы на Западе

the 1Q*«fT the 1938-1963 Interviews Conducted by the Institute for Sex Research Philadelphia: W.B. Saunders Co., 1979.

Gent L. et Llewellyn N. (ed.). Renaissance Bodies: the Human Figure in English Culture c. 1540-1660. London: Reaktion, 1990.

Giddens A. Modernity and Self-Identity; Self and Society in the late Modern Age. Cambridge: Polity Press, 1991. К

Он же. The Transformation of Intimacy. Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies. Cambridge: Polity Press, 1992. К

Gilman S.L. Sexuality: an Illustrated History, Representing the Sexual in Medicine and Culture from the Middle Ages to the Age of AIDS, New York: Wiley, 1989. К

Goubert P. La Vie quotidienne des paysans au XVIIe siecle. Paris: Hachette, 1982. I

Goulemot J.-M. Ces livres qu'on ne lit que d'une main. Lecture et lecteurs de livres pornographiques au XVIIIe siecle. Aix-en-Provence: Alinea, 1991.

Gowing L. Domestic Dangers: Women, Words and Sex in Early Modern London. Oxford: Clarendon Press, 1996.

Она же. Common Bodies. Women, Touch and Power in Seventeenth-Century England. New Haven: Yale University Press, 2003.

Graham E. et al (ed.). Her Own Life: Autobiographical Writings by Seventeenth-Century Englishwomen. London: Routledge, 1989.

Greenblatt S. Renaissance Self-Fashioning: from More to Shakespeare. Chicago: University of Chicago Press, 1980.

Он же. Shakespearean Negotiations: the Circulation of Social Energy in Renaissance England. Berkeley: California University Press, 1988.

Он же. Fiction and friction // Heller T.C., Sosna M. et Wellerby D! (ed.). Reconstructing Individualism: Autonomy, Individuality, and the Self in Western Thought. Stanford: Stanford University Press, 1986. Pp. 30-52.

Он же. Me, myself and I // The New York Review of Books. Vol. 56. No. 6.08.04.2004 (a propos du livre de Thomas Laqueur. Solitary Sex-a Cultural History of Masturbation. New York: Zone Books, 2003). Grimaldi N. Le Desir et le Temps. Paris: Vrin, 1971. Он acc Traite des solitudes. Paris: PUF, 2003, Hanley S. Engendering the state: family formation and state building in early modern France // French Historical Studies Vol 10 1989. Pp. 4-27. °

Hanson E. Discovering the Subject in Renaissance England. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

Hauser R. Kraft-Ebing's psychological understanding of sexual behaviour // Porter R. et Teich M. (ed.). Sexual Knowledge, Sexual crepence. The History of the Attitudes to Sexuality. Cambridge: Cambridge

I. Heale E. Autobiography and Authorship in Renaissance Verse. Chronicles of the Self. New York: Palgrave Macmillan, 2003. Heber T.C. et Sosna M. et Wellerby D.E. (ed.). Reconstructing Individualism: Autonomy, Individuality, and the Self in Western Thought Stanford: Stanford University Press, 1986.

Heritier F. Masculin-feminin. T. I. La Pensee de la difference. T. II. L'essoufflement de la hierarchie. Paris: O. Jacob, 1996 et 2002.

Hewieu-Leger D. Le Pelerin et le Converti. La religion en mouvement. I Paris: Flammarion, 1999.

Hite S. Women and Love: a Cultural Revolution in Progress. New York: Knopf, 1987.

- Она же. *Women as Revolutionary Agents of Change: the Hite Report and Beyond*. Madison: The University of Wisconsin Press, 1994.
- Она же. *The Hite Report on the Family: Growing up under Patriarchy*. New York: Grove Press, 1995. Ed. originate angl. Bloomsbury, 1994.
- Holden S. An Epicure's 15-course French feast // *The New York Times*. 12.03.2004.
- Holland E. On narcissism from Baudelaire to Sartre: egopsychology and literary history // Layton L. et Schapiro B A (eU). *Narcissism and the Text: Studies in Literature and the Psychology of the Self*. New York: New York University Press, 1986.
- Homme qui n'a pas d'etoile [L']. Un film de King Vidor, avec Kirk Douglas, Jeanne Grain, Claire Trevor. 1955.
- Hume D. *A Treatise of Human Nature*. Reprinted from the original edition in three volumes and edited, with an analytical index, by Selby-Bigge LA. Oxford: Clarendon Press, 1896 (paru en 1729).
- i MmtL. (id). *The Invention of Pornography: Obscenity and the Origins of Modernity, 1500-1800*. New York: Zone Books, 1993.
- I' Oka ara?. *Pornography and the French Revolution* // Hunt L. (eU). *The Invention of Pornography: Obscenity and the Origins of Modernity, 1500-1800*. New York: Zone Books, 1993.
- I; Hunter J.D. *Culture Wars: the Struggle to Define America*. New York: Basic Books, 1991.
- Huntington S.P. *Who Are We? The Challenges to America'sNarin, Identity*. New York: Simon and Schuster, 2004.
- HuysmansJ-K. *En manage*. Paris: O. Charpentier, 1880.
- Ingram M Church Courts. *Sex, and Marriage in England, 1570-1640* Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
- Jacob M. C. *The materialist world of pornography* // Hunt L. (ed) *The Invention of Pornography: Obscenity and the Origins of Modernity 1500-1800*. New York: Zone Books, 1993.
- Jacobs A. *Student sex case in Georgia stirs claims of Old South justice* // *The New York Times*. 22.01.2004. \
- JardineL. *Still Harping on Daughters: Women and Drama in the Age of Shakespeare*. Sussex: Harvester Press, 1983. \
- Jeanneret M. *Eros rebelle, literature et dissidence a l'ère classique*. Paris: Ed. du Seuil, 2003.
- Jones J.H., Kinsey A. *A Public/Private Life*. New York: W.W. Norton and Company, 1997.
- Jordanova LJ. *Sexual Visions: Images of Gender in Science and Medicine between Eighteenth and Twentieth Centuries*. Madison: University of Wisconsin Press, 1993.
- Jouanna A. *Le Devoir de revoke. La noblesse franchise et la gestation de l'Etat moderne, 1559-1661*. Paris: Fayard, 1989.
- Kasl CD. *Women, Sex, and Addiction: a Search for Love and Power*. New York: Ticknor and Fields, 1989.
- Kaufmann J.-C. *Ego. Pour une sociologie de l'individu. Une autre vision de l'homme et de la construction du sujet*. Paris: Nathan, 2001,
- Kernberg O.F. *Borderline Conditions and Pathological Narcissism*, New York: J, Aronson, 1975.
- Kinsey A. C, Pomeroy W.B. et Martin C.E. *Sexual Behavior in the Human Male*. Philadelphia: W.B. Saunders Co., 1948.
- Kinsey A.C., Pomeroy W. B., Martin C.E. et GebhardP. H. *Sexual Behavior in the Human Female*. Philadelphia: W.B. Saunders Co., 1953.
- Kinsey Institute for Research in Sex, Gender, and Reproduction [The], University of Indiana: <http://www.WnseyinstitUte.org/resburces/ ak-hhscale.html>.
- Kipnis L. *Should this marriage be saved?* // *The New York Times* 25.01.2004.
- Kohut H. *The Analysis of the Self. A Systematic Approach to the Psychoanalytic Treatment of Narcissic Personality Disorders*. New York-International Universities Press, 1971.
- Он же. *The Restoration of the Self*. New York: International Universities Press, 1977.

Он же. *The Search for the Self: Selected Writings of Heinz Eohut, 1950-1978*. Edited with an Introduction by Paul H. Ornstein. New York: International Universities Press 1978. Он же. *Self Psychology and the Humanities: Reflections on a New psychoanalytic Approach*. Edited with an Introduction by Charles B. Oтешет. New York: W.W. Norton, 1985. Kolata G. The heart's desire // *The New York Times*. 11.05.2004. KraflEbingR von. *Psychopathia Sexualis: a Medico-Forensic Study*. New York: Putnam, 1965. Ire ed all. 1886. Kramer S. R et Bynum C. W. *Revisiting the nvelftli IReligiosentum*. Dresden: Lit, 2002. Pp. 57-85. Kmuss C. Canada's view on social issues is opening rifts with the U.S. 4 *The New York Times*. 02.12.2003. Kris E. *Psychoanalytic Explorations in Art*. New York: Schocken Books, 1952. Kristo/N.D. *Lovers under the skin* // *The New York Times*. 03.12.2003. Kuperiy-TsurN. *Se dire a la Renaissance. Les Memoires du XVT siecle*. Paris: Vrin, 1997. Lachevre F. *Le Libertinage devant le Parlement de Paris. Le Proces du poete Theophile de Viau (11 juillet 1623-ler septembre 1625)*. 2 vol. Paris: H. Champion, 1909. Reprint. Geneve: Slatkine, 1968. Он же. *Le Libertinage au XVIIe siecle. Une seconde revision des ceuvres du poete Theophile de Viau*. Paris: H. Champion, 1911. Reprint Geneve: Slatkine, 1968. Он же. *Le Libertinage au XVIIe siecle. T. II. Disciples et successeurs de Theophile de Viau. I. La Vie et les Poesies libertines inedites de Des Barreaux (1599-1673), Saint-Pavin (1595-1670)*. Paris: H, Champion. 1911. Он же. *Le Libertinage au XVIIe siecle. T. V. Disciples et successeurs de Theophile de Viau. Les CEuvres libertines de Claude Le Petit, Parisien brule* le 1er septembre 1662. Prece*dees d'une notice biographique*. Paris: E. Capiomont et Cie, 1918. Он же. *Le Libertinage au XVUe siecle. T. VI. Disciples et successeurs, rheoDhilcde Viau. III. Les Chansons libertines de Claude de Chouvigny, Башп de BioM'Eglise (1605-1655)*. s.I. (Paris), 1919. — --->.с. *Оргазм, или Любовные утехы на Западе* Он же. *Le Libertinage au XУПе siecle. T. VII. Melanges Pari*. H. Champion, 1920. Reprint. Geneve: Slatkine, 1968. Latere B. et al. *Portraits sociologiques. Dispositions et variations individuelles*. Paris: Nathan, 2002. Lambert K *Religion: ГЕигоре a un tournant //Futuribles*. No. 277 JuiUet-aout2002. Pp. 129-160. Он же. *Un certain retour de la morale, en pardcuUer chez lesjeunes // Le Monde*. 17.04.2003. I Laqueur T. W. *Making Sex: Body and Gender from the Greeks to Freud*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1990. Trad.fr, *La Fabrique du sexe. Essai sur le corps et le genre en Occident Park GalkMard*, 1992. Ок же. *Orgasm, generation, and the politics of reproductive biology// Shoemaker R. et Vincent M. (ed.). Gender and History in Western Europe*. New York: Arnold, 1998. Он же. *Compte rendu du livre de Randolph Trumbach. Sex and the Gender Revolution // The American Historical Review*. Vol. 106. No. 04.10.2001. Pp. 1456-1457. Он же. *Solitary Sex: a Cultural History of Masturbation*. New York Zone Books, 2003. Trad. fr. *Le Sexe en solitaire. Contribution a Thistoire culturelle de la sexualite*. Paris: Gallimard, 2005. Lash C. *The Culture of Narcissism: American Life in an Age of Diminishing Expectations*. New York: W.W. Norton, 1978. LaskaP. *Un monde que nous avons perdu. Famille, communauteet structure sociale dans PAngleterre preindustrielle*. Paris: Flammarion, 1969. Он же. *Family Life and Illicit Love in Earlier Generations*. Cambridge; Cambridge University Press, 1977. Он же. *The World We Have Lost: Further Explored*. 3 ed. London, Methuen, 1983. Layton L. et Shapiro B.A. (ed.). *Narcissism and the Text: Studies in Literature and the Psychology of the Self*. New York: New York University Press, 1986.

Leduc L. Un premier couple gai se marie civilement au palais de justice // La Presse (Montreal). 02.04.2004.

Lejeune P. V Autobiographic en France. Paris: A. Colin, 1971. Ок лег. Le Pacte autobiographique. Paris; Ed. du Seuil! 1975. Lemnius L. (Levin Lemne J. Les Occultes Merveilles et Secrets de nature. Paris: Galot du Pre, 1574. 213 ff. avec des tables defcuhees. Ire ed.

1559 Trad, fc 1660 (quatre autres jusqu'en 1570). Ire trad. fr. Les Secrets Miracles de nature... Lyon: Jean D'Ogerolles, 1566; Paris, 1567 (trois rtfmpr. jusqu'en 1575). Trad. all. Leipzig, 1569 (trois autres jusqu'en 1580 ctcinq de cette date a 1605). Plus tard sont notamment signalees une Шой latine (Amsterdam, 1650-1651) et une anglaise (Londres, 1658).

Lipovetsky G. L'Ere du vide. Essais sur l'individualisme contemporain. Paris: Gallimard; 1983. Он же (avec Sebaslien Charles). Les Temps hypermodernes. Paris: Grasset, 2004.

Upfac A. Bans on interracial unions offer perspectives on gay ones // The New York Times. 17.03.2004.

Locke J. Essay Concerning Human Understanding. Ed. R. Woolhouse. London: Penguin Books, 1997. Ire ed. 1690.

Luhviann N. Love as Passion: the Codification of Intimacy. Trad, de l'all. Oxford: Polity Press, 1986.

Lyons J. O. The Invention of the Self: the Hinge of Consciousness in the Eighteenth Century. Carbondale: Southern Illinois University Press, 1978.

Ma vie secrete. Trad. fr. integrate de Mathias Pauvert. 5 vol. Paris: Stock, 1994-2001. Extraits: Ma Trad. Life. vie secrete. Servantes et filles de ferme. fr. de Mathias Pauvert. Paris: La Musardine, 1994. Voir My Secret

Macfarlane A. The Origins of English Individualism: the Family, 1799' S°CiaI Transition* Cambridge: Cambridge University Press,

Mainil J. Dans les regies du plaisir... Theorie de la difference dans le discours obscene romanesque et medical de l'Ancien Regime. Paris: Ed. Kime, 1996.

Maman et la Putain [La]. Un film de Jean Eustache, avec Bernadette Lafont, Jean-Pierre Leaud et Francoise Lebrun. 1983.

Mandevill B. de. La Fable des abeilles, ou les Fripons devenus bonnetes gens, avec le commentaire ou Гоп trouve que les vices des particuliers tendent a l'avantage du public. Traduit de l'anglais sur la sixieme edition. Londres: J. Nourse, 1750.

Он же. La Fable des abeilles. 2 vol. Carrive P. et L. (ed.). Paris: Vrin. T. I. 1974. Reed. 1998. T. II. 1991.

Marcus S. The Other Victorians: a Study of Sexuality and Pornography in Mid-Nineteenth-Century England. New York; Basic Books, 1966.

оргазм, или Любовные утехы на Западе _-arsha U C More than 50 gay couples are married in San Francisco /1 The New York Times; 13.02.2004. "

I Mascuck M. Origins of the Individualist Self: Autobiography and Self-Identity in England, 1591-1791. Cambridge: Polity Press, 1997.

Mason M. The Making of Victorian Sexuality. Oxford: Oxford University Press, 1994. H Masters W.H. et Johnson V.E. Human Sexual Response. Boston: little, Brown, 1966. III Mathieu-Castellani G. La Scene judiciaire de l'autobiographic Pans: PUF, 1996. I Matthews-Grieco S.P. Ange ou diablesse? La representation de la femme au XVIe siecle. Paris: Flammarion, 1991.

Mari Я L'idee de bonheur dans la litterature et la pensee francaises du XVIII siecle. Paris: A. Colin, 1960. 2e ed. 1965.

Melville G. et Schurer M. (ed.). Das Eigene und das Ganze. Zum Individuellen im mittelalterlichen Religiosentum. Dresden: Lit, 2002.

Meyer J. W. Myths of socialization and of personality // Hetier T. C, Sosna M. et Wellerby RE. (ed.). *Reconstructing Individualism: Autonomy, Individuality, and the Self in Western Thought*. Stanford: Stanford University Press, 1986. Pp. 208-221.

Meyers N. *Voir Something's Gotta Give*.

Moliere. *L'Ecole des femmes* // *Theatre complet*. Notes de Maurice Rat. Paris: Le Livre de Poche, 1963. T. II. Pp. 5-82.

Monluc B. de. *Commentaires, 1521-1576*. Preface de Jean Giono. Paris: Gallimard, coll. «Bibliothèque de la Pléiade», 1964.

Morris C. *The Discovery of the Individual, 1050-1200*. New York: Harper and Row, 1972.

Morris D. *Le Singe nu*. Paris: Grasset, 1968. Ire ed. angl. 1967.

Он же. *Intimate Behaviour*. New York: Random House, 1971.

Он же. *Manwatching: a Field Guide to Human Behavior*. New York: H.N. Abrams, 1977.

Он же. *La Cle des gestes*. Paris: Grasset, 1979.

Он же. *Bodywatching: a Field Guide to the Human Species*. New York: Crown, 1985.

Он же. *The Human Sexes: a Natural History of Man and Woman*. London: Network Books, 1997.

Он же. *La Femme nue*. Paris: Calmann-Levy, 2005. Ire ED and 2004 Masse G.L. *The Image of Man: the Creation of Modern Masculimtv'* Oxford: Oxford University Press, 1996. masculinity.

MuchembtedR. *La Sorciere au village (XV-XVIII siecle)*. Paris: Callimard-Julliard, coll. «Archives», 1979. Reed. Gallimard, coll. «FoIio IHistoire*», 1991. — f 3

Он же. *Les Derniers Buchers. Un village de Flandre et ses sorcieres sous Louis XIV*. Paris: Ramsay, 1981. Он же, *L'Invention de l'homme moderne. Culture et sensibilites en France du XV au XVII siecle*. Paris: Fayard, 1988. Reed. Hachette, coll. «PIигieI», 1994.

Юн же. *La Violence au village (XVI—XVIIIe siecle). Com port ements populaires et mentalities en Artois*. Turnhout: Brepols, 1989. Он же. *Le Temps des supplices. De Pobeissance sous les rois absolus, (Ve-XVUe siecle)*. Paris; A. Colin, 1992. Он же. *La Societe policee. Politique et politesse en France du XVI и XX siecle*. Paris; Ed. du Seuil, 1998. Он же. *Une histoire du diable (XIIe-XXe siecle)*. Paris: Ed. du Seuil,

Он же. *Passions de femmes au temps de la reine Margot, 1553-1615*. Paris: Ed. du Seuil, 2003.

Murphy D.E. *San Francisco mayor exults in move on gay marriages* // *The New York Times*. 19.02.2004.

Он же. *San Francisco judge rules gay marriages can continue* // *The New York Times*. 21.02.2004.

Он же. *California Supreme Court rules gay union have no standing* // *The New York Times*. 13.08.2004.

Murphy D.E. et Marshall C. *Gay weddings continue in San Francisco as lawyers argue* // *The New York Times*. 18.02.2004.

My Secret Life. 2 vol. New York: Grove Press, 1966 (LXHI-2359 p.). Trad. fr. integrate de Mathias Pauvert. *Ma vie secrete*. 5 vol. Paris: Stock, 1994-2001. Extraits: *Ma vie secrete. Servantes et filles de ferme*. Trad. fr. de Mathias Pauvert. Paris: La Musardine, 1994.

NardoA. K. *The Ludic Self in Seventeenth-Century English Literature*. New York: State University of New York Press, 1991. Nichols M. *Voir Ce plaisir qu'on dit chamel*. Noonan J.T. *Contraception et mariage*. Paris: Cerf, 1969. Ire ed. americaine 1966.

NorbergK. *The libertine whore: prostitution in French pornography from Mareot to Juliette* // Hunt L. (ed.). *The Invention of Pornography; ObSenity and the Origins of Modernity, 1500-1800*. New York: Zone Books, 1993.

Norton R. *Mother Clap's Molly House: the Gay SubcuW England, 1700-1830*. London: GMP, 1992. culture III

Nylan M. On the politics of pleasure // *Asia Major* (Academia Sinica, Taiwan). 3serie. Vol. XIV. Partie 1. 2001. Pp. 73-124.

Ceuvres anonymes du XVIIIe siècle. T. I. Histoire de Dom Bougre, portier des chartreux. Mémoires de Suzon, sœur de Dom Bougre, portier des chartreux. Histoire de Marguerite, fille de Suzon, nièce de Dom Bougre. La Cauchoise. Preface de Hubert Juin, Michel Camus, Jean-Pierre Dubost. Paris: Fayard, 1985. K

Partnership rights for gays // *The New York Times*. 13.01.2004.

Paster G.K. *The Body Embarrassed: Drama and the Discipline of Shame in Early Modern England*. Ithaca: Cornell University Press, 1993.

Pateman C. *The Sexual Contract*. Cambridge; Polity Press, 1988.

Paulson R *Representations of Revolution, 1789-1820*. New Haven: Yale University Press, 1983.

Pearsall R *The Worm in the Bud: the World of Victorian Sexuality*. London: Weidenfeld and Nicolson, 1969.

Pintard R *Le Libertinage erudit dans la première moitié du XVIIIe siècle*. Paris: Boivin, 1943. Nouvelle ed. augmentée: Genève: Slatkine, 1983.

Pitt-Rivers J. *Anthropologie de l'honneur. La mésaventure de Sichem*. Trad. fr. de Jacqueline Mer. Paris: Le Sycomore. 1983. Ire ed. angl. 1977.

Ploux F. *Guerres paysannes en Quercy. Violences, conciliations et répression pénale dans les campagnes du Lot (1810-1860)*. Paris: Bibliothèque de l'Histoire, 2002.

Pollock L.A. *Living on the stage of the world: the concept of privacy among the elite of early modern England* // Wilson A. (ed.). *Rethinking Social History: English Society, 1570-1920*. Manchester: Manchester University Press, 1993.

Pons P. Cupidon, moteur de la relance économique // *Le Monde*. 30.01.2002.

Popper K. R et Eccles J.C. *The Self and its Brain*. London: Routledge and Kegan Paul, 1977.

Porter R *Enlightenment and pleasure* // Porter R et Roberts M.M. (ed.). *Pleasure in the Eighteenth Century*. Basingstoke (Hampshire): Macmillan, 1996. Pp. 1-18.

OH же. *Material pleasures in the consumer society* // Porter R et Roberts M.M. (ed.). *Pleasure in the Eighteenth Century*. Basingstoke (Hampshire): Macmillan, 1996. Pp. 19-35.

OH же (ed). *Rewriting the Self: Histories from the Middle Ages to the Present*. London: Routledge, 1997. gesiotne

Иршия etfalli L *The Facts of Life: the Creation of Sexual Knowledge Britain 1650-1950*. New Haven: Yale University Press, 1995. Porter R et Roberts M.M. (ed.). *Pleasure in the Eighteenth Century*. Basingstoke (Hampshire): Macmillan, 1996. Porter R et Teich M. (id.). *Sexual Knowledge, Sexual Science. The History of the Attitudes to Sexuality*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. Puston J.M.A. *The Created Self: the Reader's Role in Eighteenth-Century Fiction*. London: Heinemann, 1970. Prevot J. (id.). *Libertins du XVIIIe siècle*. T. I Paris: Gallimard, 1998. Putham H. *Reason, Truth and History*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. Quaike G. R *Wanton Wenches and Wayward Wives. Peasants and Jdt Sex in Early Seventeenth-Century England*. London: Croom Helm,

IRowlings P. *Drunks, Whores and Idle Apprentices. Criminal biographies of the Eighteenth Century*. London: Routledge, 1992. Rey M. *Police et sodomie à Paris au XVIIIe siècle: du peche au (fsordre* // *Revue d'histoire moderne et contemporaine*. Vol. 29.1982.

Rey R *Histoire de la douleur*. Paris: La Decouverte, 1993. Riesman D. *Individualism Reconsidered, and Other Essays*. Glencoe: Free Press, 1954.

Roecke M. *Forbidden Friendships: Homosexuality and Male Culture in Renaissance Florence*. Oxford: Oxford University Press, 1996.

Roper L *Oedipus and the Devil. Witchcraft, Sexuality and Religion in Early Modern Europe*. London: Routledge, 1994.

Rose N. *Assembling the modern self* // Porter R. (ed.). *Rewriting the Self: Histories from the Middle Ages to the Present*. London: Routledge, 1997.

Rosenman EB. *Unauthorized Pleasures: Accounts of Victorian Erotic Experience*. Ithaca: Cornell University Press, 2003.

- Rossiaud J. *La Prostitution medievale*. Paris: Flammarion, 1988.
- Rubin L.B. *Erotic Wars: What Happened to the Sexual Revolution?* New York: Farrar, Straus, and Giroux, 1990.
- Sanford N. *Self and Society; Social Change and Individuality* New York: Atherton Press, 1966.
- A. Ees saisis a Paris entre 1678 et 1701. I* Haye: Marom* Nijhoff, 1722-
- Sawday J. *The Body Emblazoned: Dissection and the Human Both in Renaissance Culture*. London: Routledge, 1995.
- Он же. *Self and selfhood in seventeenth century* // Porter R. (ed) *Rewriting the Self: Histories from the Renaissance to the Present* London; Routledge, 1997. Pp. 29-48.
- Secrets de l'amour et de Venus [Les]*. Paris: Cercle du livre pieux 1959. \
- Seiye K. Q. et Elder J. *Strong support is found for ban on gay marriage* // *The New York Times*. 21.12.2003. III
- Sennett R. *Les Tyrannies de l'intimite*. Paris: Ed. du Seuil, 1979. Ire ed. americaine 1977.
- Он же. *Autorite*. Paris: Fayard, 1981. Ire ed. americaine 1980. Shoemaker R. *Gender in English Society, 1650-1850: the Emergence of Separate Spheres*. London; New York: Longman, 1998.
- Shoemaker R et Vincent M. (ed.). *Gender and History in Western Europe*. New York: Arnold, 1998.
- Shorter E. *The Making of the Modern Family*. New York: Basic Books, 1975.
- Sigel L.Z. *Governing Pleasures. Pornography and Social Change in England, 1815-1914*. New Brunswick (New Jersey): Rutgers University Press, 2002.
- Silverman L. *Tortured Subjects. Pain, Truth, and the Body in Early Modern France*. Chicago: The University of Chicago Press, 2001.
- Singly F. de et al. *Libres ensemble: l'individualisme dans la vie commune*. Paris: Nathan, 2000.
- Smith D. *Love that dare not squeak its name* // *The New York Times*. 07.02.2004.
- Sohn A.-M. *Du premier baiser a l'alcove; la sexualite des Frangais au quotidien, 1850-1950*. Paris: Aubier, 1996.
- Something's Gotta Give*. Un film dirige par Nancy Meyers, avec Jack Nicholson et Diane Keaton. 2003. Sorti en France en 2004 sous le titre *Tout peut arriver*.
- Sorbier F. du. *Retits de gueuserie et biographies criminelles de Head a Defoe (these soutenue a l'Universite de Paris VTJ en 1977)*. Lille: Atelier national de reproduction de theses, Universite de Lille III; Paris' Didier Erudition, 1984.
- Он же. *De la potence a la biographie, ou les avatars du criminel et de son image en Angleterre (1680-1740) // Etudes anriaises Vol V* 1979. Pp. 257-271. ÷ vol 1*bL
- Stance RT. *Lady Anne, Clifford, Countess of Pembroke, Dorset and Montgomery, 1590-1676*. Woodbridge: Sutton Publishing, 1997,
- Stail A.-L.-G. de. *De l'influence des passions sur le bonheur des individus et des nations*, Lausanne: J. Mourer, 1796.
- Staffe (baronne). *Usages du monde. Regies du savoir-vivre dans la mçDIO moderne*. Paris: Flammarion, ed. revue, corrigee et augmentee, 1899.
- Steinberg S. *La Confusion des sexes. Le travestissement de la Renaissance a la Revolution*. Paris: Fayard, 2001.
- Stengers J. et Van Neck A. *Histoire d'une grande peur, la masturbation*. Bruxelles: ULB, 1984.
- Reed. *Le Plessis-Robinson: Institut Synthelabo pour le progres de la connaissance*, 1998.
- Sterne L. *La Vie et les Opinions de Tristram Shandy, gentilhomme*. Trad. fr. integrate de Guy Jouvet. Auch: Ed. Tristram, 2004.
- Stevenson RL. *Strange Case of Dr. Jekyll and Mr. Hyde*. London: Longmans, Greene, and Co., 1886.
- Stone L. *The Family, Sex and Marriage in England 1500-1800*. New York: Harper and Row, 1977.

Siora-Lamarre A. L'Enfer de la IIIe Republique: censeurs et pornoeraphes (1881-1914). Paris: Imago, 1989.

Straus M., Gelles R et Steinmetz S. Behind Closed Doors: Violence in the American Family. New York: Simon and Schuster, 1980.

Sullerot E. (ed.), coll. Odette Thibault. Le Fait feminin. Qu'est-ce qu'une femme? Preface d'Andre Lwoff. Paris: Fayard, 1978.

Она же. Le changement demographique et le cycle de vie des femmes // Sullerot E. (ed.). Le Fait feminin. Qu'est-ce qu'une femme? Paris: Fayard, 1978. Pp. 467-478.

Sulloway A.G. Jane Austen and the Province of Womanhood. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1989.

Taszylo T. Sexe et liberte au siecle des Lumieres. Paris; Presses de la Renaissance, 1983.

Taylor C. Sources of the Self: the Making of Modern Identity. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1989. Trad. fr. Les Sources de moi. La formation de l'identite moderne. Paris: Ed. du Seuil, 1998.

Ternisien X. En une decennie, les croyances ont recule en France // Le Monde. 17.04.2003.

13 Going on 30. Un film de Gary Wimck, avec Jennifer Garner. 2004. * и л" ттгяпге la meme anneesous le titre 30 ans sinon rien. 80 "SPpSSSt of Pleasure. Boston: Little, Brown. 1992.

Утехи
<ввд 1971.
аа за
ліаде
riMof5.-A.-aLnajiisme;oudissertatmn i produites par la masturbation. Nouvelle eoi nouvelles observations par les docteurs Gottlf V°, aШМПІее d W Marchands de nouveautes, 1836.
V°gIer'etc' *** cff

30 ans sinon rien. Voir 13 Going on 30 Гшя&гсЛ A Sex and the Gender Revolution T T H" and the Third Gender in Enlightenment London. Chicago Chicago Press, 1998. ag0" Universityof

Он же. Erotic fantasy and male libertinism in Enlght. n England // Hunt L. (ed.). The Invention of Pornograph the Origins of Modernity, 1500-1800. New York: Zone Books 1993

Turner DM. Fashioning Adultery: Gender, Sex, and Civiluy", England, 1660-1740. Cambridge: Cambridge University Press, 2002

Underwood D. Etherege and the Seventeenth-Century Comedy of Manners. New Haven: Yale University Press, 1957.

Valeurs des Europeens [Les]. Voir Futuribles.

Van Ussel J. Histoire de la repression sexuelle. Trad. fr. de Catherine Chevalot. Paris: R. Laffont, 1972.

Vtala A. Naissance de Fecrivain. Sociologie de la litterature a Page classique. Paris: Ed. de Minuit, 1985.

VidorK. Voir Homme qui n'a pas d'etoile [L].

Vincent C. La tyrannie du plaisir // Le Monde. 21.05.2003.

Он же. Ados a fleur de peau // Le Monde. 09.07.2003.

Waal F. de. Bonobo: the Forgotten Ape. Berkeley: University of California Press, 1997. Trad. fr. de Jean-Paul Murlon: Bonobos: le bonheur d'etre singe. Paris: Fayard, 1999.

Wagner P. Eros Revived: Erotica of the Enlightenment in England and America. London: Seeker and Warburg, 1988.

Walkowitz J. Prostitution and Victorian Society: Women, Class, and the State. Cambridge: Cambridge University Press, 1980.

Она же. City of Dreadful Delight: Narratives of Sexual Danger in Late Victorian London. Chicago: University of Chicago Press, 1992.

Webber J. The Eloquent «I»; Style and Self in Seventeenth-Century Prose. Madison: University of Wisconsin Press, 1968.

Weber M. L'Ethique protestante et PEspirit du capitalisme. Paris: Plon, 1964. Ire ed. all. 1904-1905.